Боспорские исследования

Вып. XLII

BOSPOROS STUDIES

Vol. XLII

Керчь Симферополь
Kerch Simferopol
2021

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3(0)32
Б85

Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 1 от 25.01.2021 г.)

Редакция:
Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор
Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:
Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Казанский М.М., д.и.н., Национальный центр научных исследований (Париж, Франция)
Молев Е.А., д.и.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)
Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Цецхладзе Г.Р., PhD, профессор, главный редактор «Ancient West and East» (Левен, Бельгия)
Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 4 от 30.11.2020 г.)

Боспорские исследования. Вып. XLII / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2021.– 320 с.
ISBN 978-5-6046127-0-5

В XLII выпуск «Боспорских исследований» вошли статьи и публикации российских и зарубежных исследователей по результатам исследований и проблемным вопросам античных и средневековых памятников Боспора и Северного Причерноморья.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией юга России.

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3(0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-1938
ISBN 978-5-6046127-0-5

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021
© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2021
© Авторы, текст, 2021

С Т А Т Ь И

В.Г. ЛАЗАРЕНКО
V.G. LAZARENKO

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ТОРЕВТИКЕ И ГЛИПТИКЕ АНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ, СВЯЗЫВАЕМЫЕ С ОБРАЗОМ АХИЛЛА

A SYMBOLIC IMAGE ON THE TOREUTICS AND GLYPTICS ANCIENT NORTHERN BLACK SEA REGION, CONNECT WITH THE IMAGE OF ACHILLES

Если интерпретация ряда реалистичных сюжетов в плане их связи с мифологией Ахилла на артефактах античного Северного Причерноморья[1] сегодня практически не вызывает вопросов, то проблема толкования символических изображений, которые могли быть связанными с образом Ахилла, еще далека от разрешения. Причина этого – в естественных сложностях интерпретации артефактов символического характера, которые нередко и сами достаточно сложно построены. Особого внимания заслуживают, в частности, изображения морских монстров, которые встречаются довольно часто в греко-скифском искусстве. Характерно, что в Греции морские монстры, судя по памятникам искусства, хотя и нередко изображались (для символического обозначения моря или в сюжетных композициях), однако не имели какого-либо серьезного мифологического значения.[2] Это подчеркивается тем, что в отличие, например, от Пегаса гиппокамп не имел личного имени, т. е. не был персонифицированным мифологическим образом. Гиппокампы в Греции не имели самостоятельного значения, они, как и дельфины, считались просто ездовыми животными Посейдона и его свиты, его символами. Отсутствие весомого мифологического значения образа гиппокампа ранее утверждалось и в отношении Боспора. Так, Л.В. Копейкина не сомневалась: «Образ дракона, как и ряда других фантастических существ греческой мифологии, например гиппокампа, не нашел ассоциаций в скифской мифологии» [Копейкина, 1986, с. 48], а М.В. Скржинская утверждала, что хотя жители Боспорского царства знали популярные во всем греческом мире мифы о фантастических морских обитателях, «но они не играли существенной роли в религиозных представлениях боспо-

---

[1]Этой теме посвящена наша предыдущая работа (Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной верификации сюжетов, связываемых с образом Ахилла на античных артефактах Северного Причерноморья и истоках почитания Ахилла в скифской среде// Боспорские исследования. 2020. Вып. XLI. С. 16 – 62).

[2]Очевидно, это было связано с утратой историческими греками памяти о своих индоевропейских корнях, что было ускорено «культурной революцией», начатой Гомером, когда в процессе утверждения олимпийского пантеона образы старых богов (в том числе имеющих змеиные черты) утратили свой первоначальный смысл и стали второстепенными.

рян» [Скржинская, 2010, с. 305]. Только исследования И.Ю. Шауба показали, что это далеко не так – морские монстры имели значительную смысловую нагрузку в античном Северном Причерноморье. В результате обстоятельного рассмотрения целого ряда памятников, происходящих с территории как Боспора, так и Скифии, исследователь констатировал: «Насколько можно судить по приведённым выше памятникам, разница в бытовании изображений морских монстров в Скифии и на Боспоре оказывается, по сути, незначительной. Она заключается лишь в большем количестве и более ярко выраженной монструозности в изображении морских чудищ в Скифии, а также в непопулярности здесь сюжета с нереидами. Если для боспорян можно найти причины своеобразного развития у них семантики, как образов морских монстров, так и нереид в греческой архаике или её рудиментах, то в чём причина популярности изображения морских чудовищ у сухопутных варваров? Самое простое объяснение – что диковинное обличье этих монстров в греческом искусстве полностью соответствовало характерным особенностям искусства скифов с его пристрастием к композитным образам. Изображения греческих морских чудовищ получили у скифов семантическую нагрузку, очень близкую к той, которая, как мы попытались показать, была характерна и для Боспора. Тот факт, что и на Боспоре, и в Скифии греческие иконографические образы морских монстров получили схожую и нехарактерную для классической Греции семантику, является, на наш взгляд, ещё одним красноречивым свидетельством греко-варварских взаимовлияний в религиозной сфере» [Шауб, 2011].

Но даже такое обоснованное и важное заключение не приближает нас к пониманию семантики образов морских монстров, и это, к сожалению, до настоящего времени остается недостаточно исследованным. И хотя, например, С.С. Бессонова указывает, что образы водных существ восходят к глубинным пластам духовной культуры индоевропейцев, она по существу не рассматривает последнее [Бессонова, 2004, с. 25]. Если же всесторонне анализировать смысловую нагрузку образа гиппокампа, его полисемантику, то оказывается необходимым обратиться к основным индоевропейским представлениям, причем древнейшим, восходящим едва ли не к временам индоевропейской общности. К этим представлениям, как известно, относится концепция трех уровней устройства мира – небесного, земного и подземного. И в данном контексте особый интерес представляет многокомпонентность образа гиппокампов, которая будет рассмотрена нами ниже. Возможность же обращения к ранним индоевропейским истокам, и даже обязательность этого, обусловлена тем, что давно подчеркнула Е.Е. Кузьмина[3]: «Поскольку скифы принадлежали к индоевропейцам, у них должны были сохраниться общеиндоевропейские представления, что подтверждается при анализе археологических и изобразительных материалов <…> Идеологические представления ираноязычных кочевников могут реконстру-

[3]Эти важнейшие установки Е.Е. Кузьминой впервые опубликованы в Тезисах докладов конференции «Идеологические представления древнейших обществ» (М., 1980).

ироваться на нескольких уровнях… (в том числе) на индоевропейском, поскольку скифы принадлежали к индоевропейской семье народов и должны были унаследовать общие индоевропейские представления» [Кузьмина, 2002, с. 107, 117]. Но, прежде чем приступить к обсуждению глубинного значения образа гиппокампа, следует остановиться на вариантах его изображений.

Классическими считаются изображения, имеющиеся на следующих изделиях торевтики: лопасти ножен меча и золотых бляшках из кургана Куль-Оба[4] (рис. 1 и 2), золотых подвесках к головному убору из Большой Близницы[5] (рис. 3), концах золотого браслета из кургана Карагодеуашх[6] (рис. 4), анапском саркофаге № 21 [Кобылина, 1984, с. 224, табл. CXXVI, 3-4; CXXVII, 4] (рис. 5). Первые четыре изделия датируют второй половиной IV в. до н. э., анапский саркофаг – началом – первой половиной III в. до н. э. Среди персонажей изобразительного искусства Северного Причерноморья, которые можно соотнести с кругом владыки вод (в сферу его владычества входили как моря, так и пресноводные источники), как считает С.С. Бессонова, можно выделить несколько основных групп. Первая – протома крылатого коня с большими крыльями и «плавниковым воротником». Вторая – «крылатое существо (обычно его называют гиппокампом)», иконографию которого исследовательница определяет следующим образом: «Это любопытное изображение, в котором соединены признаки различных существ (конских нет вообще). У него голова морского конька, крылья водного существа, змееподобное туловище с гребнем (встречаются у некоторых земноводных и рыб), серповидный хвост (напоминает хвост морских млекопитающих отряда сирен или дельфинов), большие рыбьи плавники. От наземного существа – лишь уши, а также ряд птичьих перьев в основании крыла. Третья – более характерен для античного искусства несколько иной образ гиппокампа: с протомой реального коня (с передними ногами) и туловищем морского существа или земноводного, без крыльев» [Бессонова, 2004, с. 26]. А.С. Островерхов указывает, что гиппокапмы изображались не только на произведениях торевтики, но и глиптики: из Пантикапея происходит реплика (ГЭ, Ж-500) с изображением мужчины (в котором следует видеть Посейдона) на гиппокампе, а на другом скарабеоиде из Пантикапея же изображен гиппокамп (ГЭ, Pan. 1867/33) [Островерхов, 2006, с. 144].

В целом выявляются серии из трех образов, объединяемых наличием в своей основе природной темы рыбы рода *Hippocampus* – морского конька (гиппокампа), контаминированной с иными образами. Эти образы формируются на границе с образом орлиноголового грифона и под очевидным влиянием греческого (а также в ряде случаев греко-фракийского) искусства, в котором тема гиппокампа, связанная прежде всего с Посейдоном, была хорошо разработана. Среди этих серий изобра-

---

[4] Куль-Оба – скифский царский курган, расположенный рядом с Керчью.

[5] Большая Близница – курган на Таманском полуострове, близ станицы Вышестеблиевской.

[6] Курган Карагодеуашх располагался на левом берегу реки Кубань, близ современного города Крымск (Краснодарский край).

жений гиппокампов выделяются грифоногиппокампы, которые найдены, в частности, в некоторых курганах IV в. до н. э. (Краснокутский, Александропольский и др.). Данный образ, являющийся комбинацией грифона позднегреческого канона и гиппокампа, по А.Р. Канторовичу [2015, с. 179–181, рис. 22] представлен в свою очередь двумя типами. Тип 1 «Краснокутско-тилигульский» объединяет изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья и оформляющие бронзовые навершия из Краснокутского кургана[7] [Мелюкова, 1981, с. 36–37, рис. 9] (рис. 6) и из коллекции Одесского археологического музея (происхождение которых, к сожалению, неизвестно[8]) [Островерхов, Охотников, 1989, с. 64–66, рис. 4, 4] (рис. 7), а также золотую пластину из «Никопольских курганов»[9] [Ханенко, Ханенко, 1907, табл. V, 562] (рис. 8). Здесь представлено некое существо, наделенное головой и передними ногами хищника кошачьей породы, гребнем грифона, крыльями, без задних ног, со змеевидной задней частью туловища и хвостом, которые очень похожи на туловище и хвост гиппокампов в греческом искусстве. Их змеиная часть туловища однократно закручена и переходит в хвост, задранный вверх и на конце загнутый вперед. Окончание хвоста таких грифоногиппокампов в некоторых случаях зооморфно трансформировано – превращено в голову хищной птицы или в развернутую подошву копыта. Тип 2 «Акимовско-елизаветовский» [Канторович, 2015, с. 181–182, рис. 23] объединяет изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья, Нижнего Подонья и Прикубанья. Они оформляют, соответственно золотые обивки деревянной чаши из центральной могилы (№ 3) кургана 11 из группы неподалеку от райцентра Акимовка Запорожской области Украины [Болтрик, Фиалко, 2010, с. 106–107, рис. 5, 1-2], украшают основную лопасть золотой обкладки ножен меча из кургана 1 (1910 г.) Елизаветовского могильника в дельте Дона [Артамонов, 1966, табл. 325] (рис. 9) и золотую обкладку ритона из кургана 4 группы Семибратних курганов на Кубани [Borovka, 1928,pl. XX-A; Артамонов, 1966, табл. 121] (рис. 10). На всех них представлено некое существо, состоящее из грифоньей передней части и рыбовидной или змеевидной задней части. В итоге своих обширных исследований А.Р. Канторович делает следующее заключение: «На базе природной темы рыбы – морского конька (гиппокампа), под сильным греческим (а также в ряде случаев греко-фракийским влиянием) … формируются и реализуются в предельных рамках 3-й четверти V – IV вв. до н. э. следующие образы: гиппокампа-лошади – в Прикубанье,

---

[7]Краснокутский курган расположен близ станции Краснокутской Днепропетровской области Украины.

[8]В каталоге Э.Р. Штерна указано, что они приобретены Н.Н. Мурзакевичем, а найдены в районе Тилигульского лимана (на границе Одесской и Николаевской областей Украины). Обратим внимание, что Тилигульский лиман находится недалеко от Березани (где найдено немало свидетельств культа Ахилла) и Березанского лимана, на высоком мысу которого – Бейкуше было расположено знаменитое святилище Ахилла архаического времени.

[9]Предметы в коллекцию Б.И. и В.Н. Ханенко поступили в 1900-е гг. с рынка древностей как «происходящие из курганов близ города Никополя» на юге Днепропетровской области Украины, на правом берегу Днепра.

на бронзовых псалиях (тип 1 Уляпский 1-й пол. IV в. до н.э.); грифоногиппокампа – в Нижнем Поднепровье, Нижнем Подонье и Прикубанье, на бронзовых навершиях (тип 1 Краснокутско-тилигульский, 350 – 320 гг. до н.э.) и на золотых пластинах сосудов и ножен мечей (тип 2 Акимовско-елизаветовский, 3-й четв. V – 1-й четв. IV в. до н. э.); популярный образ «петушка-гиппокампа» – в Нижнем и Среднем Поднепровье, в Среднем Подонье и в Прикубанье, на бронзовых уздечных бляхах, в одном случае на золотых обивках ритона (тип 1 Мордвиновско-уляпский, 2-й четв. – кон. IV в. до н. э.)» [Канторович, 2015, с. 206]. Прекрасные образцы изображений гиппокампов представлены на предметах торевтики из Александропольского кургана[10], найденных как при ранних его исследованиях [МАР, 1866, 15, табл. XII, 6] (рис. 11 и 12), так и относительно недавно, когда в центральной гробнице данного кургана при повторном (после раскопок 1852–1856 гг.) исследовании в 2009 году найдена золотая нашивная бляшка с изображением «дракона» [Полин, 2016, рис. 4, 2].

Изображения гиппокампов на торевтике порой имеют и другие, кроме перечисленных выше, элементы. Так, Б.Н. Мозолевский сообщает, что в конской могиле № 2 кургана Толстая Могила (на окраине города Орджоникидзе Днепропетровской области Украины) среди других элементов конской упряжи были обнаружены золотые артефакты, обозначенные как «левый и правый нащечники уздечного набора № 2» и «левый и правый нащечники уздечного набора № 3» (№ 79-80, 81-82). На каждом из них изображен гиппокамп, точнее птица-гиппокамп – голова голубя, от зоба переходящая в «закрученное петлей тело гиппокампа с топорообразно расширенным хвостовым плавником» [Мозолевський, 1979, с.43 – 45, рис. 26, 1-4]. К этому добавим (не отмеченное Б.Н. Мозолевским), что весь хвост данных гиппокампов увенчан гребнем в виде мелких треугольников; у № 79-80 все тело существа, кроме лицевой части, покрыто чеканенными кружками, имитирующими чешую, у № 81-82 «чешуя» начинается несколько ниже – от конца шеи, а «гребень» прослеживается лишь на некоторых участках хвоста. И.Ю. Шауб делает существенное дополнение: «Образ гиппокампа или (грифо)гиппокампа, соединил в себе черты копытного (и таким образом, жертвы) и хищника, рыбы и птицы, а также растения» [Шауб, 2017, с. 28]. Иногда изображения гиппокампов чрезвычайно стилизованы, как, например, на происходящих из погребальной камеры центрального погребения кургана Толстая Могила двух подтреугольных и вытянутых оковках ритона – золотых пластинках (№ 98) [Мозолевський, 1979, с. 58-59, рис. 39]. Такими же являются и «три стилизованные чудовища» на серебряных нащечниках из Хоминой Могилы[11] [Мозолевский, 1973, с. 216, рис. 27] (рис. 13).

Однако нельзя не заметить, что все эти данные касаются, по сути, лишь искус-

---

[10] Александропольский курган (Луговая Могила) находится у села Петриковка Солонянского района Днепропетровской области Украины.

[11] Хомина Могила – курган № 13 могильника у села Нагорное близ г. Орджоникидзе Днепропетровской области Украины. Указанные серебряные нащечники (бляхи № 4) входили в состав инвентаря, обнаруженного в конском погребении № 1 данного кургана

ствоведческих аспектов изображений гиппокампа. Мы же подчеркнем, что в любом их варианте практически всегда присутствуют три компонента образа: «птичья» составляющая, часть какого-то сухопутного животного и змеиный (драконий) элемент. Иногда этих компонентов больше, но это не меняет дела, поскольку они все равно могут быть представителем одного из трех перечисленных компонентов. Таким образом, очевидна связь образа гиппокампа с древнейшими индоевропейскими представлениями о трех уровнях устройства мира – небесном, земном и подземном (подводном), а сам гиппокамп предстает олицетворением единства, неразрывности всего сущего. Другими словами, он приобретает космический масштаб и соответствующее значение. Конечно, прав, например, А.С. Островерхов, когда утверждает по поводу гиппокампа: «Очевидно, (это) животное выступало в роли медиатора, при помощи которого души мертвых преодолевали водную преграду [Островерхов, 2006, с. 144]. Но совершенно очевидно, что это всего лишь один из его аспектов, поскольку функции гиппокампа оказываются гораздо более обширными и глубокими. Даже на примере заключения А.С. Островерхова в этой связи достаточно уточнить, что «водная преграда» представлялась древними границей между мирами – земным (живым) и загробным (подземным). Так что гиппокамп здесь не просто «перевозчик душ», но действительно медиатор (т. е. посредник), соединяющий оба этих мира.

С.С. Бессонова констатирует важный момент: «Большинство изображений волшебных коней, выполненных в греческой традиции, найдены в погребениях, территориально тяготевших к Боспору. Все три разновидности волшебных коней (крылатый конь, классический гиппокамп и гиппокамп-морской конек) представлены на золотых изделиях из Куль-Обы (рис. 1 и 2), где были захоронены эллинизованные представители династии скифских царей, что подтверждает сказанное выше об усилении роли культа скифского Посейдона в IV в. до н. э. прежде всего в их среде. При этом исследовательница напоминает, что, по свидетельству Геродота (IV, 59, 100), скифы царские, владения которых доходили до Таврики и Меотиды, почитали Посейдона – Тагимасада, обладающего в культе водной и конской сущностью [Бессонова, 2004, с. 27]. Особо следует отметить, что, поскольку гиппокамп в греческом искусстве никогда не наделяется функциями грифона, данные изображения, очевидно, следует считать произведениями «местных боспорских мастеров-греков, работавших в традициях греческого искусства и вместе с тем вносивших в сюжет новые, не свойственные грекам черты» [Мелюкова, 1981, с. 43]. Весьма существенным представляется также следующий вывод С.С. Бессоновой: «Не исключено, что образ фантастического существа с чертами морского конька сложился именно в греко-фракийском искусстве, а затем появился в скифской среде (через Боспор?) в период широкого распространения фракийских уздечных наборов и популярности морской символики. Например, в традициях фракийского искусства выполнены нащечники из Гайматовой Могилы». Фракийскими считает исследовательница и конские нащечники из Хоминой Могилы с изображением стилизованных гиппокампов (см. выше – В.Л.) … Не исключено и влияние боспорского официального

культа Посейдона, особенно если учесть мнение о родстве скифской и боспорской (фракийской) царских династий. Отсюда сходные воплощения образов эллинского Посейдона и Тагимасада, главного(?) божества правящей скифской династии 2 пол. IV в. до н. э. и его круга в эллинских центрах и в Скифии» [Бессонова, 2004, с. 25, 28]. В этом, возможно, причина того, на что давно указала Н.А. Онайко: «В V и IV вв. до н. э., в период усилившегося процесса взаимодействия греко-варварской культуры в Северном Причерноморье, здесь появляются уже отдельные локальные варианты подобных изделий. В отличие от Ольвии в художественном творчестве Боспора с его смешанным разноэтничным населением особенно ярко выступают различные тенденции. Используя классические традиции, боспорские торевты создали новую ветвь эллинского искусства, которая пока лучше всего прослеживается на широком круге художественных изделий типа чертомлыцкой вазы» [Онайко, 1976, с. 71]. Но более точно привел причины «боспорского акцента» в отношении изображений греческо-скифского искусства И.Ю. Шауб, подчеркнув, что «исключительный интерес представляет Боспор, где в результате активного взаимодействия греков-переселенцев с местными племенами сложилась оригинальная культура, в которой эллинская основа органически соединилась с целым рядом варварских элементов, причем одной из наиболее своеобразных областей этой греко-варварской культуры была религия» [Шауб, 2008, с. 114–115].

Что же касается обнаруженных при рассмотрении образа гиппокампа признаков фракийского влияния, то это вполне объяснимо как свидетельствами глубокого проникновения фракийцев в Северное Причерноморье еще до его греческой колонизации [Бруяко, 2004] и позднее, так и прежде всего – почитанием образа змея (наиболее часто представленного компонента в изображениях гиппокампа) в культе Фракийского всадника, чей образ, кстати, в своих истоках во многом совпадает с образом Ахилла [Лазаренко, 2017]. Этим же объясняется и связь образа гиппокампа с представлениями об устройстве мира древнейших индоевропейцев, поскольку фракийцы мыслили себя ариями – Стефан Византийский (s.v. Φρᾴκη Holstein) сохранил фрагмент утраченной «Вифиники» Луция Флавия Арриана, в котором было зафиксировано одно из древнейших названий Фракии – Ἀρια. А это означает, что ранние фракийцы были представителями индоевропейской языковой (а, следовательно, и мировоззренческой) общности, которая формировалась, в частности, в Северном Причерноморье. Кроме того, «варвары» этого региона в большей своей части были реликтовыми ариями, т. е. потомками ранних ариев, ушедших (но не полностью) отсюда в III тысячелетии до н. э. [Трубачев, 1999, с. 99–102]. Невозможно не учитывать, что языковые реликты фракийского облика и другие манифестации базовых знаковых систем фракийского происхождения оставлены скифами [Шапошников, 2012. С. 303; Чередниченко, 2012а]. Ономастика Скифии, Таврики и Боспора содержит мощный пласт языковых реликтов фракийского облика; например, большинство городов Восточного Крыма и Восточного Приазовья имеют фрако-дакийские названия; существует мнение об очень ранней миграции фракийцев не только в

эти районы, но и до Черноморского побережья Кавказа [Чередниченко, 2013, с. 12; Яйленко 2016, с. 58, 63]. Очевидно, недаром Страбон (VII, 3, 2) высказал со ссылкой на Гомера мнение об общем происхождении скифских и фракийских племен, а Аполлоний Родосский (Arg. IV, 316) писал: «… скифы – они полукровки фракийцам». Поэтому А.Г. Чередниченко достаточно обоснованно полагает фракийскую Малую Скифию возможной первой промежуточной прародиной скифов, а Великую Скифию в Северном Причерноморье – областью позднейшей колонизации и Боспор Киммерийский – удаленной периферией [Чередниченко, 2012b].

О весьма вероятной связи скифов и более раннего арийского населения Северного Причерноморья свидетельствует то, что недавно при специальном исследовании древних останков скифского могильника у с. Глиное (Слободзейский район Приднестровья) обнаружен носитель гаплогруппы R1a [Krzewińska et al. 2018]. Об этом же говорит и находка гаплогруппы R1a в ископаемой скифской ДНК (датировка 2305±90 лет назад), сделанная в волжских степях Самарской области [Haak et al. 2015]. Поэтому следует подчеркнуть, что скифы, пришедшие в Северное Причерноморье, по сути, вернулись на родину своих далеких предков, ранних носителей гаплогруппы R1a. И это немаловажно в контексте данных о ранних индоевропейских (арийских) истоках культа Ахилла для понимания истоков популярности образа Ахилла среди скифской аристократии. Оставшиеся арии после ухода в III тысячелетии до н. э. из Северного Причерноморья основной массы (точнее, их потомки) образовали в данном регионе достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму. И, как полагает О.Н. Трубачев, «таким реликтовым анклавом могла быть и Старая Скифия, ἀρχαίη Σκύθίη в Северо-Западном Причерноморье. Это был как бы остаток части народа, отделившейся и ушедшей на юго-восток. Название ἀρχαίη Σκύθίη “Старая Скифия” у Геродота (IV, 5) равнозначно морскому побережью Одесского и Каркинитского заливов» [Трубачев, 1999, с. 99–102].

Всё это означает, что скифы, фракийцы и реликтовые арии Северного Причерноморья были в достаточно тесном родстве и, естественно, перенимали базовые духовные представления своих далеких предков. Причем, похоже, в большей степени, чем греки, которые ко времени колонизации практически утратили представление о своих индоевропейских корнях. Вот почему образ, например, гиппокампа не имел для греков значительной смысловой нагрузки в отличие от «варваров». И, конечно же, дело не только в том, как утверждает Н.А. Онайко: «Известно, что греки умело и тонко проникали в идеологию и душевный мир других народов, создавая шедевры в гораздо более развитом искусстве, чем искусство северочерноморских племён… Яркой иллюстрацией этому являются многочисленные произведения боспорской торевтики круга чертомлыцкой, кульобской, воронежской ваз, обивок горитов и ножен мечей типа мелитопольских и т. д. Если бы варвары не понимали этих и подобных им изделий, они бы их не покупали» [Онайко, 1976, с. 71]. Последняя

фраза здесь, безусловно, справедлива, но корни этого более глубоки – это понимание, скорее всего, было едва ли не архетипическим, имея под собой указанные выше базовые духовные представления своих далеких предков. В.Д. Блаватский считал: «Происхождение культа Ахилла Понтарха[12] вряд ли может быть связано с пантеоном кочевых скифов, он, возможно, восходит к киммерийцам. Так или иначе, трудно допустить, чтобы во время существования эллинских городов на Северном Понте это местное божество почиталось бы одними греками. Нужно думать, что его культ был распространён и среди прибрежных варваров, во всяком случае каллипидов в устье Днепра и синдо-меотов на Таманском полуострове. <…> Греки бережно сохраняли заветы, перенесённые из метрополии, но им приходилось жить в чужой стране, находившейся, по их представлениям, в ведении местных божеств, с которыми греки не могли не считаться» [Блаватский, 1964, с. 18–19, 22].

Завершая рассмотрение значения многокомпонентности образа гиппокампа, напомним, что само понятие «гиппокамп» (ἱππόκαμπος) изначально происходит от ἵππος «лошадь» и κάμπος, но обратим внимание на происхождение, а главное – значение второй части названия, что особенно интересно. Эта часть обсуждаемого понятия происходит, скорее всего, от καμπή, что, в принципе, означает любой изгиб, а в случае гиппокампа подчеркивает извилистость одной из частей его тела. Однако не все так просто. Диодор Сицилийский писал (III, 72, 2-3) о Дионисе: «У ливийского города Забирна было убито им земное (рожденное из земли) чудовище по имени Кампе, истреблявшее многих туземцев», а Гесихий со ссылкой на Эпихарма (frg. 194) описывает Κάμπος как κῆτος «гусеницу»; на этом основано толкование κάμπος в словаре И.Х. Дворецкого [1958, с. 871]. Словарь Лиддела-Скотта дает другую трактовку понятия κάμπος – уже как «морское чудовище» [Liddel, Scott, 1901, p. 740]. Но и это далеко не всё, поскольку смысл мифологии Кампе гораздо глубже, чем указано у Диодора Сицилийского, хотя характеристика «рожденное из земли» («порожденное землей») уже указывает на то, что истоки образа этого хтонического существа уходят в глубокую древность. Кампе, по мифологическим источникам, было чудовищем женского пола и охраняло в Тартаре киклопов и гекатонхейров, куда их заключил еще Кронос. Ее, по Аполлодору (I, 2, 1), убил Зевс, которому понадобилась помощь киклопов и гекатонхейров в процессе гигантомахии. Эти сведения говорят, что Кампе – очень древнее божество, обладавшее огромной мощью. Об этом свидетельствует подробное описание облика Кампе перед боем с Зевсом, которое дал Нонн Панополитанский в «Деяниях Диониса» (XVIII, 236-269): «В извилистом теле тысячи ликов собрала… / Извиваясь всей тучей змеиных хребтин… змеестопная… /Вкруг выи зверя теснились / Пятьдесят разноликих глав звериных и чудищ… / Двухприродное чудо в средине девой являлось, / Вместо же кудрей змеи висели, яд источая, / Но от груди и до самых складок паха у бедер / Пурпурной чешуею (как у

[12] Конечно же, не культа Ахилла Понтарха, который появился только в римское время, но культа Ахилла вообще, начиная с архаического времени.

чудищ пучинных) / Плоть покрыта… / Хвост подняв с жалом хладным и острым… / Так вставала на битву многоликая Кампа!». Рассматривая это описание, интересную мысль высказал Дж.Е. Фонтенроуз: Кампе была не только женским двойником Тифона (едва ли не самого могущественного древнейшего, доолимпийского божества – В.Л.), но и «Ехидной под другим именем» [Fontenrose, 1959, p. 243]. Если последнее утверждение действительно, то это приводит нас к геродотовой Ехидне – Змеедеве Северного Причерноморья, важнейшему персонажу одного из вариантов скифского генеалогического предания, которое мы рассмотрим ниже.

В специальной литературе имеется несколько примеров попыток интерпретации символических изображений, в плане их возможной связи с образом Ахилла. Так, А.С. Островерхов и С.Б. Охотников, рассматривая найденные в районе Тилигульского лимана (у Черного моря на границе Одесской и Николаевской областей Украины) четыре редких бронзовых навершия (каталог Э.Р. Штерна, V/1761а и б, 1738, 1739; ОАМ, ом А-43863, 46959, 46960, 46961), сделали вывод, что всё это – изображения грифоногиппокампа (рис. 7). При этом они неверно (как показали в дальнейшем другие ученые) подчеркнули: «Образ фантастического крылатого существа со змеиным телом, закрученным в петлю, не получил широкого распространения в искусстве скифского звериного стиля. Он не встречается в VI–V вв. до н. э.». Но наиболее важным, в контексте уже нашего исследования, является следующее утверждение этих исследователей: «Истоки формирования этого сюжета следует искать не в Скифии, а в античных городах на северных берегах Черного моря. В изображении грифоногиппокампа мы видим одну из анималистических инкарнаций Ахилла – покровителя Ольвийского государства. Связь героя с миром морских пучин, а, следовательно, и с гиппокампом общеизвестна. Не исключено, что в представлениях северопонтийских эллинов гиппокамп являлся одним из культовых животных Ахилла. С другой стороны, общеизвестна связь его со змеями». При этом А.С. Островерхов и С.Б. Охотников со ссылкой на одну из работ А.С. Русяевой [1979, с. 122 –140] заявили: «Изображение героя (Ахилла) в виде змея на территории Ольвийского полиса зафиксировано еще в архаическое время» [Островерхов, Охотников, 1989, с. 64 – 66], что не соответствует цитируемому ими тексту А.С. Русяевой [13]. К этому следует добавить, что, как показано выше, утверждение, что «истоки формирования

[13] Необходимо подчеркнуть, что на самом деле в цитируемом А. С. Островерховым и С. Б. Охотниковым фрагменте А. С. Русяевой, кроме указания, что на некоторых граффити, посвященных Ахиллу, есть изображение змеи, на с. 135 сказано (со ссылкой на Аполлодора, Павсания, Плутарха) лишь следующее: «Змея как атрибут была присуща многим богам и героям (Афина, Асклепий, Деметра, Аполлон, Геракл и др.)», а также приведена цитата из Плутарха (Cleom. 39): «Древние верили, что змея была связана с героями теснее, чем любое другое животное». А о каких-либо «изображениях Ахилла в виде змеи» нет ни слова. Как нет никаких подобных данных в других источниках. Отмечу попутно, что в обозначенном А. С. Русяевой фрагменте Плутарха эта фраза звучит иначе и смысл её несколько иной: «Человеческое же тело, когда гниющие околомозговые жидкости сольются и загустеют, порождает змей. Это замечали еще древние, вот почему из всех животных они чаще всего посвящали героям змею» (Плутарх. Клеомен. LX (XXXIX) / Пер. с др.-гр. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные

этого (с гиппокампом) сюжета следует искать не в Скифии, а в античных городах на северных берегах Черного моря» весьма спорно или даже неверно, учитывая непопулярность данного образа в Греции. Да и не в самой Скифии эти истоки, а в индоевропейской общности на территории Северного Причерноморья, впоследствии занятой скифами.

Относительно же главного для нас предположения А.С. Островерхова и С.Б. Охотникова, что «гиппокамп являлся одним из культовых животных Ахилла», последовала определенная и достаточно мотивированная поддержка И.Ю. Шауба: «Это предположение вполне вероятно, учитывая, с одной стороны, связь Ахилла с водой и, следовательно, с гиппокампом (на подобных монстрах Фетида и нереиды привезли Ахиллу оружие), а с другой – со змеями… Если гипотеза Островерхова и Охотникова верна, то Ахилл мог выступать на бляшке из Большой Близницы и на ажурной платине из Александропольского кургана в обличье гиппокампа» [Шауб, 2007, с. 193–194]. Поддерживая эти суждения, считаем необходимым подчеркнуть, что возможная связь образа Ахилла с образом гиппокампа гораздо более обоснована. Приведенную связь Ахилла с водой И.Ю. Шауб обосновал ссылкой на широко известную работу В.Н. Топорова о древнейших истоках образа Ахилла, но ограничил перечень его аспектов, касающихся темы нашего исследования. Так, упомянутый В.Н. Топоровым Ахилл «всё сокрушающий в водах Ксанфа[14], очень похож на водного дракона», что говорит не только о связи Ахилла с водой, но и о сходстве (если не идентичности) Ахилла с водным драконом, т. е., по сути, с гиппокампом [15]. И этому В.Н. Топоров привел ряд весьма значимых обоснований. Прежде всего, это несомненная и тесная связь Ахилла со змеями – самым частым, напомним, компонентом образа гиппокампа. В целом исследователь, первым блестяще показавший на лингвистическом материале индоевропейское, причём догреческое происхождение образа Ахилла, указал, что «многие его черты могут быть реконструированы как глубокие архаизмы, остатки космогонического “пред-Ахилла”, связанного со змеями, подчеркнув его теснейшую связь с “первостихиями” творения – огнём и водой, а также роль как “посредника между Небом и Землёй”» [Топоров, 1986; 1990, с. 72–80, 91]. Нами выше было показано, что такую же роль, причем не только посредника между частями мира, но и олицетворения объединяющего начала этого мира играл образ гиппокампа. Поэтому следует признать, что образы Ахилла и гиппокампа дей-

---

жизнеописания. В 3 тт. Т. III. М.: Наука, 1964. С. 111), но подобные неточности, в плане цитирования древних авторов, к сожалению, нередки для этой исследовательницы.

[14] См. первую половину Песни XXI «Илиады» Гомера.

[15] Определенное доказательство этому представляет скульптура гиппокампа, обнаруженная в 1962 году в городе Констанце (Румыния) в специальной яме вместе с другими мраморными скульптурами, укрытыми в первые века нашей эры. А.С. Островерхов и С.Б. Охотников указывают, что, по мнению И.Т. Чернякова, этот «клад» был вывезен с острова Левки, где находилось общеэллинское святилище Ахилла с его храмом в период упадка святилища, а сам «змей» ранее стоял в данном храме как анималистическое воплощение Ахилла (Островерхов, Охотников, 1989, с. 66).

ствительно могли ассоциироваться в сознании скифов, фракийцев и реликтовых ариев Северного Причерноморья – потомков ранних ариев, создавших представления о трехчастном устройстве мира и роли в нем змеиного начала. Напомним, змеям в индоевропейском сознании издревле отводилась огромная роль: Змей мыслился аналогом Мирового дерева – оси и центра мироустройства [Топоров, 2010, с. 221 – 224], что подтверждено сравнительными исследованиями индоевропейских языков, где обнаружено, что Змей выступает даже как символ Вселенной и Мирового разума, вообще считаясь творцом Мироздания [Маковский, 1996, с. 175 –179]. Кроме того, Змей выступает в роли Первопредка индоевропейцев [Маковский, 2014, с. 124 –129].

Нами ранее было показано, что в Северном Причерноморье с IV по I тысячелетие до н. э. включительно, а также в первые века нашей эры был распространен, причем непрерывно, культ змей, преимущественно связанный с племенами, носителями гаплогруппы R1a – последовательно это следующие культуры: трипольская, катакомбная, срубная, белозерская [Лазаренко, 2016a; 2018b]. На основе этого культа, очевидно, и сформировался культ Áhi-Змея – Верховного божества и Первопредка ранних индоевропейцев (ариев); он затем послужил фундаментом догреческого генезиса образа пра-Ахилла, в том числе его имени (в частности, сходство имени Ахилла и др.-инд. Áhi-«Змей» отрицать невозможно.), вероятно, еще с катакомбного времени [Лазаренко, 2016b; 2018a, с. 172 –175, 348]. Нами показано также, что культ змей в Северном Причерноморье античного времени был достаточно выражен от Фракии до современной Кубани. Более четко он прослеживается в «варварской» среде – у тавров, скифов и сарматов. Учитывая тесные контакты местного населения с греческими полисами и их хорой, а также традицию культа змей в данном регионе в течение нескольких тысячелетий, трудно отрицать местное идеологическое влияние на греческое население (тем более имеющее пусть далекое, но общее с реликтовыми ариями раннее индоевропейское прошлое), что и проявилось в особенностях культа Ахилла в Северном Причерноморье. Особенно ярко эти особенности выражены в античном Крыму и на Кубани. В данном регионе культ Ахилла, похоже, имел еще более тесные связи со змеями, чем в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье, что подчеркивает его местные древнейшие корни, которые и обусловили скрытый от непосвященных характер данного культа [Лазаренко, 2019, с. 44–46]. Последнее весьма существенно, поскольку может объяснить «зашифрованность» образа Ахилла в ряде изображений.

Вернемся к предположению А.С. Островерхова и С.Б. Охотникова, что «гиппокамп являлся одним из культовых животных Ахилла». И.Ю. Шауб по этому поводу представил еще одно, кроме цитированного нами выше, несколько иное суждение: «О том, что монструозные образы в религиозно-мифологических представлениях скифов могли иметь сложное и многогранное значение, наглядно свидетельствует семантика весьма распространенных в греко-скифском искусстве морских монстров, прежде всего (грифо)гиппокампа... Одни исследователи видят в этих морских чудовищах воплощение скифского Посейдона, другие – скифского бога,

которого греки отождествили со своим Ахиллом. Допуская обе эти возможности, мы полагаем, что морские монстры осмыслялись скифами главным образом в качестве служителей Великой богини[16]» [Шауб, 2017, с. 28]. Но образ Ахилла к античному времени явно вышел за пределы функций паредра Великой богини. Ранее мы предположили, что в мифологии Ахилла убийство им Пентесилеи могло символизировать переход от понимания образа пра-Ахилла лишь как паредра Великой богини к формированию его самостоятельного значения как Верховного божества [Лазаренко, 2020, с. 38]. О наступившем первенстве Ахилла перед Великой богиней, вполне вероятно, свидетельствует фрагментированное граффито на плече родосской амфоры, представляющее собой совместное посвящение Ахиллу Сотеру (Спасителю) и Тарге Сотейре (Спасительнице) – местной богини Тарги (Тарки), совершенно неизвестной из античных источников, пока не было исследовано её святилище в урочище Джангуль на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова, где и было найдено данное граффито [Тохтасьев, 2013, с. 194–195, рис. 1, 1; Сапрыкин, 2014, с. 18–19]. Весьма примечательно, что это святилище имеет не греческое и не скифское происхождение, будучи связанным с коренным таврским населением, и перестало функционировать около середины начала третьей четверти II в. до н. э., то есть после присоединения Западной Таврики к Позднескифскому царству. Как считает С.Ю. Сапрыкин, «в основе почитания Тарги лежал культ Верховной женской богини», а Ахилл предстаёт её паредром [Сапрыкин, 2014, с. 23]. Но, на наш взгляд, указание имени Ахилла в посвящении перед именем Великой богини было бы немыслимо, если бы он был всего лишь ее паредром, хотя и его функция, конечно, весьма значима. Так что, по сути, нет препятствий считать гиппокампа олицетворением Ахилла, точнее пра-Ахилла, верховного Бога-Змея, чей образ стойко запечатлелся в сознании потомков ранних индоевропейцев.

Весьма любопытны сюжеты на миниатюрных горитах персонажей центральной сцены верхнего фриза (яруса) пекторали из Толстой Могилы (рис. 14 вверху и посредине). На этих очень мелких схематичных рисунках ряд исследователей, начиная с автора ее открытия Б.Н. Мозолевского [Мозолевский, 1979, с. 86, рис. 68, 70], увидели поединок человека со змеехвостым чудовищем. С.С. Бессонова оценила эту сцену как иллюстрацию авестийского мифа о победе героя Траэтоны над трехголовым драконом Ажи Дахакой, что символизировало его избрание на царство [Безсонова, 1977, с. 18]. Б.Н. Мозолевский указал в связи с толкованием этого же сюжета, что особого внимания заслуживает костяная пластинка из южной гробницы Гайматовой Могилы, на которой изображен бородатый скиф, который поражает копьём драконоподобное чудовище [Яковенко, Бидзиля, 1979]»[17]. Кроме того, Б.Н. Мозолевский напомнил, что Б. Н. Граков объяснял появление подобных сюжетов в скифском ис-

[16] И.Ю. Шауб детализировал это суждение: «Под именем гомеровского героя здесь выступает могучее местное божество смерти и возрождения, паредр Великой богини» [Шауб, 2011].

[17] Этот сюжет мы рассмотрим ниже.

кусстве утверждением культа героя-предка, необходимого для обоснования и укрепления исконности царской власти в Скифии [Граков, 1950], а также, что миф о борьбе героя или бога с чудовищем в разных вариантах существует у всех индоевропейских народов, а древнейшее чудовище в этих мифах – фантастический змей или дракон [Bënoeniste, Renou, 1934, p. 180]. В итоге, на основании того, что в Восточном Иране в день Нового года устраивалось священное представление – борьба героя Траэтоны, которого изображал сам царь, с драконом, а победа над чудовищем символизировала избрание на царство, Б.Н. Мозолевский заключил: «Нет сомнений, что изображение на горитах пекторали такой символичной сцены должно было подчеркивать ранг их владельцев, а не просто заполнять пустоту» [Мозолевский, 1979, с. 220]. В настоящее время Г.В. Вертиенко также полагает, со ссылкой на некоторые фрагменты «Авесты» (Ясна 9, 8; Яшт 5, 34; 14, 40; 17, 34; 19, 36), что «наиболее вероятным выглядит толкование этой сцены как иллюстрации общеиранского мифа про гибель первого умершего (Йимы) в противостоянии с хтоническим существом (Ажи Дахакой) и мести за него героя-змееборца (Траэтоны) [Вертієнко, 2015, с. 31].

Можно продолжать ряд подобных интерпретаций сюжетов на миниатюрных горитах пекторали из Толстой Могилы, но, поскольку их подробное обсуждение выходит за рамки темы нашей статьи, укажем лишь на ряд существенных моментов. Во-первых, привлекая мифы Древнего Ирана к интерпретации скифских изображений, безусловно, следует учитывать и то, что в них говорится не об одном злобном змее – Ажи Дахаке, а о различных трех. Так, в «Авесте» упоминается (Видевдат, 2) о «змее рыжеватом» или «красном (речном?) драконе», которого «состряпал Анхра-Манью (Ахриман)» [Авеста, с. 70, 73], а также о рогатом змее Сэрваре, «коней пожиравшем, мужей пожиравшем». История последнего, кроме того, свидетельствует (во-вторых), что существовал не только герой-змееборец Траэтона, но и Кэрсаспа – убийца рогатого змея Сэрвары (Яшт 19, 39–40) [Авеста, с. 386–387, 405, 407], который был настолько огромен, что «целых полдня бежал Кэрсаспа по спине дэвовского змея – от хвоста к рычащей голове… {только под вечер добежал, схватил Сэрвару за шею и снёс мерзостную башку ударом палицы}» [Рак, 1998, с. 218]. В-третьих, примечательно также, что хотя Ажи Дахака был отнюдь не бессмертен, он «был из плоти и крови и его можно было убить», герой Траэтона, поклявшись отомстить за смерть своего прародителя Йимы, по одной из версий, вовсе не убил Змея. Некоторые зороастрийские тексты[18] так повествуют об итоге их битвы (причем Траэтона сражался не в одиночку, а вместе с двумя своими старшими братьями): «Но, пленив трёхпастное исчадие, связав его, Траэтона убить его не смог и впоследствии приковал его [цепями] к скале Демавенд [19].

---

[18] Напротив, авестийская традиция гласит: «Траэтона убил чудовище Дахаку, [имевшего] три пасти, три головы, шесть глаз, [обладавшего] тысячью сил, всесильного дэва Друджи…», как сказано в Яшт 14, 40 и Яшт 19, 37 [Авеста, с. 350, 386, 407).

[19] Демавенд (от перс. dæmɒ:vænd«слушать») – спящий стратовулкан в горном хребте Эльбрус (Альборз), на севере Ирана, в южной части остана (провинции) Мазендеран. Достигает 5610 метров над уровнем моря и имеет диаметр около 20 километров. Один из главных символов Ирана.

Там, в огнедышащем вулканическом жерле, злодей томится и сейчас, грызёт цепи, мечется в бессильной ярости… Когда мировая история завершится и настанет Судный день, Дахака вырвется из оков и снова набросится на творение Ахуры – и будет убит, уйдёт из мира уже навсегда, безвозвратно» [Рак, 1998, с. 186, 189, 194]. И, наконец, что весьма любопытно, – окончательным победителем Ажи Дахаки, по одной из версий, считается не Траэтона, а Кэрсаспа. Он после победы над Сэрварой совершил тяжкий грех – оскорбил священный Огонь Ахура Мазды, за что его душа томится в аду, пока не будет прощена для великого деяния: «По сей день спит крепким сном мужественный Кэрсаспа, палиценосец, герой. И Хварна[20] небесная стоит над ним, дабы, когда Ажи Дахака [в конце времен] освободится от оков, он, Кэрсаспа, восстал и уничтожил трёхглавого друджевского змея – теперь уже навсегда, на веки вечные» [Рак, 1998, с. 225]. Всё это еще и еще раз показывает, насколько зыбкими могут быть интерпретации, основанные на древнем эпосе, поскольку нельзя пренебрегать различными версиями древних преданий, отдавая явное предпочтение лишь одной из них. Остановимся на этом, хотя бережное отношение к древним источникам, безусловно, важно и абсолютно необходимо.

Дело здесь в другом – все приведенные выше трактовки изображений на горитах пекторали из Толстой Могилы неверны из-за ошибочной (видимо, из-за слишком мелких изображений) идентификации обсуждаемой сцены «борьбы героя и чудовища». Как констатировал Л.И. Бабенко, сделав детальную прорисовку микрофотографий этих изображений (рис. 14 внизу): «Атрибуции собственно персонажей не полностью согласуются с их иконографией. Так, длинный, закрученный в кольцо извилистый хвост имеет антропоморфный персонаж сцены, а не его противник, который имеет не змееподобный образ, а напоминает изображенного в профиль вправо хищника кошачьей породы с круглой головой, который припал на передние лапы, с выгнутой спиной и поднятым вверх хвостом. Поэтому, согласно сюжету и морфологии обоих персонажей, сцена поединка на горитах пекторали из Толстой Могилы находит ближайшее соответствие с рядом … изделий, украшенных сценами борьбы хищника кошачьей породы и змееподобного чудовища [21]. Это позволяет сделать предположение, что на горитах пекторали мы наблюдаем своеобразную трансформацию местной анималистической версии одного из сюжетов из жизни Ахилла» [Бабенко, 2018, с. 105, рис. 2, *3*] (перевод наш – В.Л.). Мы согласны с общим содержанием трактовки исследователя, поскольку в контексте наших рассуждений антропоморфный змееподобный персонаж более чем подходит под образ индоевропейского пра-

---

[20] Хварна – понятие, уже с раннеахеменидской эпохи (VI в. до н. э.) означавшее абстрактную божественную сущность, харизму, сакральную силу, связанную с Огнем и олицетворяющую высшее неземное начало. Это и есть «Хварна небесная». В зависимости от контекста словом «Хварна» могут также передаваться понятия «счастье», «добрая судьба», «величие», «слава», «божье благословение и поддержка».

[21] К ним относятся, в частности, многие изделия торевтики, рассмотренные нами выше в связи с образом гиппокампа.

Ахилла, хотя в мифологии античного Ахилла (в отличие, например, от мифологии Геракла) нет упоминаний о его борьбе (поединке) с каким-либо «хищником кошачьей породы», как нет этого в сохранившихся фрагментах древнейшей мифологии Змея как Верховного божества или Первопредка. Но если такие свидетельства еще не найдены, то это совершенно не значит, что их нет вовсе. Напомним, что до открытия посвящений Ахиллу совместно с изображениями змей на Бейкуше никто даже подумать не мог, насколько тесной, но главное – доказательной окажется принципиальнейшая связь образа Ахилла со змеями, буквально перевернувшая представления о нём, оказавшемся не просто героем, пусть и великим, но богом.

Что касается костяной пластинки (фрагмента гребня) из южной гробницы Гайматовой Могилы [22], на которой изображен бородатый скиф, поражающий копьём драконоподобное чудовище (рис. 15), которое рядом исследователей идентифицируется как гиппокамп (несмотря на то, что его изображение очень фрагментарно), то этот сюжет невозможно связать с Ахиллом. Причина в том, что ни в одном древнем источнике Ахилл (имеющий к тому же древние змеиные истоки) не выступает как змееборец, более того – он был убит змееборцем Аполлоном. Да и сам мотив змееборчества появился у индоевропейцев сравнительно поздно. Это было связано с завоеванием чужих территорий, поскольку драконы и змеи в традиции почти повсеместно считаются «хозяевами мест», «исконными обитателями», с которыми надо сражаться новоприбывшим, «завоевателям», тем, кто должен «обустраивать» захваченные земли [Autran, 1946, pp. 66 – 67; Элиаде, 1998, с. 82, примеч. 53]. Итак, змееборчество совершенно не находит отражения в мифологии Ахилла и не может служить обоснованием для трактовки образа Ахилла, особенно – в раннем индоевропейском аспекте. Тем более что такой мотив прямо противоречит достаточно обоснованному предположению, рассмотренному выше, о том, что Ахилл представлялся древними в образе гиппокампа, у которого явно выражены змеиные черты. Попутно отметим, что при рассмотрении образа Ахилла к привлечению данных «Авесты», где очень распространен мотив змееборчества, не следует прибегать, очевидно, с той же мотивацией, что и относительно невозможности привлечения к этому ведического предания о змее Вритре в части его убийства Индрой. Сцену же противоборства на гребне из Гайматовой Могилы большинство исследователей соотносит с другими персонажами. Так, С.С. Бессонова вслед за Э.В. Яковенко [1979] интерпретировала изображение на гайматовском гребне как сцену из скифского героического эпоса и указала, что вероятной параллелью является сюжет из иранской мифологии, согласно которому авестийский герой Траэтаона отомстил дракону Ажи Дахаке за смерть Йимы [Безсонова 1977, с. 18–19]. А.В. Вертиенко поддержала ключевые моменты в трактовке изображения, предложенной С.С. Бессоновой, но предложила свой вариант соотнесения персонажей: «При сопоставлении скифа, который погибает, с

[22] Гайманова Могила, один из больших скифских курганов IV в. до н. э., находится возле села Балки Васильевского района Запорожской области Украины.

Йимой, а “чудовища” – с Ажи Дахакой оказывается, что скиф с копьем будет никто иной как Траэтаона, которому, как доказывал Д.С. Раевский, в скифской мифологии соответствует Таргитай» (перевод Ю. Б. Полидовича) [Вертієнко, 2015, с. 31]. Тем самым исследовательница ввела в скифское мифологическое повествование образ Йимы, а изображение на гребне интерпретировала как одну из иллюстраций общеиранского мифа о гибели первого умершего (Йимы) [Вертієнко, 2015, с. 26–27; 31, 32, 39–40, 165]. И, хотя Ю.Б. Полидович верно отметил, что «к сожалению, нам не известен собственно скифский миф о змееборчестве», он заключил, что предположение о соотнесении иранского мифа о победе над Ажи Дахакой и изображения на гайматовском гребне вполне обосновано. Оно в первую очередь основано на соответствии сюжетной канвы: гибель первого героя, торжество чудовища, месть и победа над чудовищем второго героя [Полидович, 2019, с. 486]. О «слабых местах» подобных трактовок мы говорили выше, поэтому сюжет на фрагменте гребня из Гайматовой Могилы нуждается в дальнейшем исследовании.

Рассмотрим еще два изображения, возможно, связанных с образом Ахилла. Во-первых, в кургане № 1 возле с. Волковцы в Сумской области Украины (Посулье, лесостепное Поднепровье) еще в 1897 г. в богатом мужском захоронении IV в. до н. э. был найден комплект декора конской узды, состоявший из большого пластинчатого налобника и двух нащёчников. Среднюю и нижнюю части налобника занимает профильное правостороннее изображение двухголового чудовища. Существо имеет две собачьи (волчьи) головы, две когтистые лапы и длинное туловище, которое к концу сужается и покрыто узором в виде сетки из неправильной формы ромбических ячеек (как правило, так изображали рыбью чешую). Оно заканчивается хвостом, на котором размещена голова ещё одного существа с остроносой мордой, большим глазом, от которого вниз отходит завиток, а назад – длинное остроконечное ухо. Как считает Ю.Б. Полидович, это изображение чудовища уникальное и не имеет аналогов ни в скифской, ни в античной изобразительности, хотя в целом соответствует кругу фантастических драконоподобных существ, изображения которых были характерны для скифского искусства IV в. до н. э. Кроме чудовища, воспроизведено лицо антропоморфного персонажа анфас (рис. 16). Проведя ряд аналогий, исследователь пришел к выводу, что на конском налобнике из Волковцев совмещены два совершенно разных образа – вероятно, Геракла и двухголового чудовища. Композиция размещения их изображений, по всей видимости, говорит о противопоставлении данных образов. Вместе с тем данная позиция не обязательно предполагает поединок. Ведь в скифской традиции поединки между героем и его антагонистом воспроизводились достаточно однозначно. Далее Ю.Б. Полидович, привлекая к рассмотрению женские изображения на скифской торевтике (Медузы, «змееногой богини», Скиллы), осторожно заключает: «Можно также предположить, что и на волковецком налобнике представлена подобная сопряжённость двух образов, но в данном случае хтонический персонаж представлен зооморфным фантастическим существом. Конечно, было бы заманчиво сопоставить данное существо с кругом женских персонажей,

особенно учитывая, что “змееногая богиня”, воспроизведённая на налобниках из Толстой Могилы и Большой Цимбалки, соединена как единое целое из женской фигуры и фантастических существ, имеющих длинные змеиные шеи и головы бородатых змей, грифона и рогатого хищника. Однако подобное сопоставление всё же преждевременно и требует дальнейшего исследования» [Полидович, 2017, с. 179–182, рис. к статье].

На наш взгляд, данное суждение излишне осторожно, ведь хорошо известно предание о Геракле и Змеедеве (которую полнее может символизировать «змеиный» персонаж изображения на скифском конском налобнике из кургана № 1 возле с. Волковцы), как один из вариантов скифского же генеалогического мифа (Herod. IV, 8–10). А в обсуждаемом сюжете отсутствует даже намек на какое-либо противостояние персонажей и, тем более, на их противоборство. Кроме рассказа Геродота, в античных источниках трудно, если не невозможно найти предание, где змееподобное существо и антропоморфный субъект (судя по его размерам, как минимум равный змееподобному персонажу) относительно мирно сосуществовали. В определенной степени это драконоподобное изображение напоминает образ Кампе (см. выше). Напомним, что приведено выше, какую интересную мысль высказал Дж. Е. Фонтенроуз – Кампе была не только женским двойником Тифона (едва ли не самого могущественного древнейшего, доолимпийского божества – В.Л.), но и «Ехидной под другим именем» [Fontenrose, 1959, p. 243]. Для нас же важно, что Ехидна, напомним, по Геродоту (IV, 8-10) – Змеедева Северного Причерноморья, важнейший персонаж скифского генеалогического предания. Уместно также напомнить, что и сама Ехидна была не просто Змеедевой, но древнейшей богиней. К тому же, если рассматривать «скифское» происхождение Ахилла с учётом известного рассказа Геродота (IV, 9-10) о похождениях Геракла в Гилее, то нельзя не учитывать, что есть различные толкования легенды о происхождении скифов от сочетания гилейской полудевы-полузмеи с Гераклом (их младший сын Скиф стал родоначальником всех скифских царей), где вместо последнего фигурирует Ахилл. Например, В.В. Лапин предложил, основываясь на анализе некоторых граффити Бейкуша, свою концепцию: «Судя по остраконам, не Геракл, а именно Ахилл является героем этой легенды (на остраконах представлена сцена преследования змеи Ахиллом). Те же остраконы дают возможность полагать, что Геродот с большими искажениями и с недостаточной полнотой передал в легенде содержание культа Ахилла, присущего архаическим грекам Нижнего Побужья [Лапин, 1978, с. 238]. Это мнение, на наш взгляд, достаточно обосновано, если учитывать, что не так далеко от Гилеи было несколько мест поклонения Ахиллу, чего совершенно нельзя сказать о почитании здесь Геракла. Чрезвычайно важно, что Ахилл, как и Геракл – паредры Великой богини [Шауб, 2007, с. 197, 212], то есть их роли в древнем сознании вполне могли взаимно заменяться в некоторых аспектах. И если на обсуждаемом изображении антропоморфный субъект символизирует собой Ахилла, то он, очевидно, предстает здесь в качестве бога и прародителя скифов.

Следующее изображение, возможно связанное с Ахиллом, находится на найденном Г.Л. Скадовским на Березани стеклянном скарабеоиде, где на одной из сторон изображена, по мнению А.С. Островерхова, «фигурка крылатого антропоморфного существа в окружении змей» (рис. 17), обсуждая которую, исследователь приходит к заключению: «В божестве со змеями мы усматриваем Геракла или Ахилла, паредров змееногой богини в Нижнеднепровской Гилее» [Островерхов, 2006, с. 144, рис. 6, 6]. Сразу же позволим себе усомниться, что у «антропоморфного существа» имеются крылья – по крайней мере, на приведенном А.С. Островерховым изображении они совершенно не выражены. Скорее, это мощные руки, какие и должны быть у знакового персонажа мифологии, полубога или бога. Кроме того, надо учитывать, что крылья, присущие Гераклу или Ахиллу, невозможно отыскать в мифологических сюжетах! Примечательно другое – обсуждаемое изображение в определенной степени похоже на некоторые сюжеты на керамических вотивах из святилища Ахилла на Бейкуше (рис. 18), хотя они и более примитивны. Последнему есть объяснение, поскольку бейкушские сюжеты относятся к архаическому времени и безыскусно даже не прочерчивались, а выцарапывались на керамике [Русяева, 1971], в отличие от более позднего (и более искусного) производства стеклянных скарабеоидов.

О том, что Ахилл был не просто популярен в скифской среде, но и сам в античное время представлялся скифом и даже предводителем скифского народа, недвусмысленно говорит ряд древних источников. Прежде всего, это известный фрагмент Алкея (Alceus. Fr. 48B): Ἀχιλλεὺς ὃς τᾶς Σκυθικᾶς μεδέεις – «О Ахиллес, владыка земли скифской» или «Ахилл, ты, который властвует над Скифской землей» [Латышев, 1890, с. 195]. Нельзя также обойти вниманием сообщение Евстафия Фессалоникийского, который в комментариях к «Землеописанию» Дионисия указывает (Eustath. 306 Müllerus), говоря об Ахилловом Дроме, что в отличие от гомеровского героя был «другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался здесь во время её преследования, от чего это место и названо Ахилловым. Те, которые это говорят, ссылаются на слова Алкея: “Ахилл, ты, который владычествуешь над Скифской землей”». Лев Диакон также говорит (Hist. IX, 6) о скифском происхождении Ахилла: «Ведь Арриан в своем “Перипле”, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион, лежащего у Меотидского озера. Изгнанный скифами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покрой его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза». Вряд ли все эти сообщения были лишены каких-либо оснований. Отметим также, что Березань не отмечена культом Геракла, но является не только одним из центров поклонения Ахиллу, но и местом, где его культ был самым продолжительным – от времен первых колонистов до культа Ахилла Понтарха в римское время. Учитывая всё это, мы видим в антропоморфном персонаже со змеями на скарабеоиде с Березани Ахилла, причем не столько как «паредра змееногой богини в Нижнеднепровской Гилее», сколько бо-

га-Первопредка «варваров», в том числе скифов Северного Причерноморья. Один из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец» [Латышев, 1904, с. 3], недвусмысленно намекает на такую возможность.

Нельзя обойти вниманием важное замечание С.С. Бессоновой о гиппокампе: «Можно также предположить, вслед за В.И. Абаевым и Ж. Дюмезилем [1976, с. 220–221], что в какой-то период это было и божество конкретной местности – Керченского пролива, где сходились морские интересы Боспора, скифских царей, а также синдо-меотских племен [Бессонова, 2004, с. 28]. Наши данные приводят к тому, что это совершенно не исключено, и этим божеством являлся Ахилл. Такая возможность усиливается еще и тем, что именно в районе Керченского пролива Страбон (XI, 2, 6) и Псевдо-Арриан в «Перипле» (68-69) располагали селение Ахиллея со святилищем Ахилла. Здесь же (в районе Динского залива) находится значительных размеров коса Чушка, которую, видимо, имел в виду Присциан (Perieg. 297-299), располагая Ахиллов Дром «вблизи устья Меотиды», то есть Керченского пролива. Именно на косе Чушка, у южного ее основания, обнаружены и исследованы поселения Батарейка-I, Батарейка-II, Каменная Батарейка, одно из которых, возможно, и было страбоновой Ахиллеей. Этот Ахиллов Дром (как и остальные – в устье Дуная и в Нижнем Побужье, даже без каких-либо культовых объектов на них, возможно, были объектами почитания, напоминая Змея-Ахилла – Верховного бога, обладая главными его характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью [Лазаренко, 2018с]. Об этом свидетельствует эпитет Ахилла в Эпире – Аспет, поскольку Ἄσπετος и означает «несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле − несказанно великий, невыразимо большой; реже – бесконечный, бесчисленный» [Liddel, Scott, 1901, p. 233]. Символический характер почитания Ахилла, о чем свидетельствует едва ли не микроскопический размер изображения возможного образа Ахилла – змеечеловека на горитах пекторали из Толстой Могилы, был обусловлен скрытым от непосвященных характером культа Ахилла, отмеченный нами на Боспоре. Он проявлялся, на наш взгляд, в том числе и едва заметными изображениями муравья, символизирующего Ахилла – предводителя мирмидонян, на самых малых монетных номиналах – тетартемориях Пантикапея, Феодосии и, что выявлено в последнее время – Синдики [Лазаренко, 2019, с. 44–46].

При сопоставлении символических образов на древних артефактах с образом Ахилла следует учитывать не только особенности его мифологии, но и глубинные причины почитания Ахилла варварами Северного Причерноморья, для которых он в известной степени был воплощением древнейшего верховного божества индоевропейцев – Áhi-Змея. Причина этого не только в созвучии имени Ахилла и др.-инд. áhi- «змей». При разностороннем исследовании древних литературных свидетельств о скифском происхождении Ахилла и скифских генеалогических легенд, где фигурируют образы змей, Ахилл предстаёт не просто «скифом» и даже не только «Владыкой Скифии», но прародителем целого народа «Старой Скифии». Образ Ахилла, имеющий весьма архаичные черты, заложенные еще в период индоевропейской общно-

сти, очевидно, напоминал собой в варварской среде Северного Причерноморья вечно живого Первопредка, а, возможно, и Верховного бога. Это, видимо, послужило причиной его заметной популярности в скифской среде, что отражено, в частности, на рассмотренных в данной работе изделиях торевтики и глиптики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Авеста в русских переводах (1961–1996). СПб.: Журнал «Нева»; РХГИ, 1997. 480 с.

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа. 2012. 272 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Прага: Артия; Ленинград: Советский художник, 1966. 120 с. + 92 л. ил.

Безсонова С. С. Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи // Археологія. 1977. 23. С. 11–24.

Бессонова С.С. Крылатый конь – гиппокамп – морской конек и скифский Посейдон // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XI. Запоріжжя, 2004. С. 25–30.

Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (VII–IV вв. до н.э.) // СА. 1964. № 2. С. 13–26.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Скифский курган с ранней уздой из Северо-Западного Приазовья // БИ. Вып. XXIII. / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2010. С. 104–132.

Бруяко И.В. Формирование фракийской «диаспоры» в Нижнем Побужье в архаическую эпоху // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. 2004. Часть 2. СПб. С. 217–221.

Буйских С.Б. К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2002. С. 21–32.

Вертієнко Г. В. Іконографія скіфської есхатології. Київ: Вид. Олег Філюк, 2015. 224 с.

Граков Б. М. Скифский Геракл // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1950. Вып. 34. С. 7–18.

Дворецкий И.Х. (сост.). Древнегреческо-русский словарь. В 2 тт. Т.1 (А–Λ). М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 1044 с.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / Пер. с фр. М.: Наука, 1976. 277 с.

Канторович А.Р. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования. 2015. №3. С. 113–218. Электронное издание www.historystudies.msu.ru

Кобылина М.М. Саркофаги и надгробия // Античные государства Северного Причерноморья / Серия: Археология СССР. Т. 9. М.: 1984. С. 224–225.

Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика / Науч. ред. Н.Л. Грач. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. С. 28–63.

Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М.: Российский институт культурологии, 2002. 288 с.

Лазаренко В.Г. Ахилл – бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018а. 416 с.

Лазаренко В.Г. Культ Ахилла в Северном Причерноморье и Фракийский всадник // Новый

Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. IX / Отв. ред. И.Ю. Шауб. Санкт-Петербург, 2017. С. 97–152.

Лазаренко В.Г. К вопросу об адекватной верификации сюжетов, связываемых с образом Ахилла на античных артефактах Северного Причерноморья и истоках почитания Ахилла в скифской среде// БИ. Вып. XLI / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2020. С. 16–62.

Лазаренко В.Г. Культ змей и ранние индоевропейские миграции // Вісник Національного історико-археологичного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. III. Запоріжжя: Дике Поле, 2018b. С. 115–128.

Лазаренко В.Г. Культ змей в Северном Причерноморье IV–I тысячелетий до н.э. // Вісник Національного історико-археологичного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. I / Відп. ред. Я.Б. Михайлов. Запоріжжя: Дике Поле, 2016a. С. 37–48.

Лазаренко В.Г. Особенности культа Ахилла в Крыму и на Азиатском Боспоре // БИ. Вып. XXXIX / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2019. С. 20–57.

Лазаренко В.Г. Ранний период архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VIII / Глав. ред. А.Б. Егоров. Санкт-Петербург, 2016b. С. 13–60.

Лазаренко В.Г. Феномен Ахиллова Дрома // БИ. Вып. XXXVII / Отв. ред. В.Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография, 2018c. С. 28-55.

Лапин В.В. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // Архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Фонд 24. 1978.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов) // Известия Императорской археологической комиссии. 1904. Вып. 10. СПб. С. 1–91.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. М.: Владос, 1996. 416 с.

Маковский М.М. Семиотика языческих культов. В кн. Маковский М.М. Язык как феномен. М.: Ленанд, 2014. С. 124–168.

МАР – Александропольский курган // Материалы по археологии России. Вып. I: Древности Геродотовой Скифии. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1866. С. 1–25, ил.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 112 с.

Мозолевский Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 187–234.

Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 250 с.

Онайко Н. А. Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова и М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 66–73.

Островерхов А.С. Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VII–II вв. до н. э.) // ВДИ. 2006. № 2, 2006. С. 131–154.

Островерхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. 1989. № 2. С. 50–68.

Полидович Ю.Б. Гребень из Гаймановой Могилы и скифский миф о змееборчестве // Археологія і давняя історія України. 2019. Вип. 2 (31). С. 483–492.

Полидович Ю.Б. Изображение противостояния героя с чудовищем на налобнике из Волков-

цев и некоторые особенности декора конской узды скифского времени // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. III / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса: Ирбис, 2017. С. 179–183.

Полин С.В. Александропольский дракон // Археологія та етнологія півдня Східної Європи / З.П. Маріна (ред.). Дніпро: Ліра, 2016. С. 278–287.

Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.; М.: Журнал «Нева»; «Летний сад», 1998. 560 с.

Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев: Наукова думка, 1979. 172 с.

Русяєва А.С. Культові предмети из поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. № 2. С. 22–29.

Сапрыкин С.Ю. Памятники «малой» эпиграфики из Северо-Западного Крыма античной эпохи // История и археология Северо-Западного Крыма / Под ред. В.А. Кутайсова и Т.Н. Смекаловой. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. С. 7–31 (МАКК. Вып. XIV).

Скржинская М.В. Фантастические обитатели морских глубин в мифологии жителей Боспорского царства // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 21–23 июня 2010 г. Ч. II. СПб., 2010. С. 305–313.

Топоров В.Н. К реконструкции «прото-Ахилла» // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры. М.: Наука, 1986. С. 25–37.

Топоров В.Н. Об архаическом слое в образе Ахилла // Образ-смысл в античной культуре. М: Изд-во ГМИИ, 1990. С. 64–95.

Топоров В.Н. «Мировое дерево». Опыт семиотической интерпретации // Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. В 2 тт. Т 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 210–262.

Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XXI. TRAKANA // ВДИ. 2013. № 1. С. 193–196.

Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Чередниченко А.Г. Заметки о древнейших названиях Фракии // Древности 2012. Харьковский историко-археологический ежегодник. Том 11. Харьков: ООО «НТМТ», 2012a. С. 8–13.

Чередниченко А.Г. Северное Причерноморье, «курганная культура» и вектор миграций индоевропейцев в III–II тыс. до н. э. // Материалы Международной конференции «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры». VII Чтения памяти академика О. Н. Трубачева. Феодосия (10 –15 сентября 2012 г.). Феодосия: [б.и.], 2012b. С. 197–211.

Чередниченко А.Г. К проблеме полиэтнического состава Древней Фракии // Древности 2013. Харьковский историко-археологический ежегодник. Том 12. № 12. Харьков: ООО «НТМТ», 2013. С. 8–18.

Шапошников А.К. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология / Ж.Ж. Варбот (отв. ред.). М.: Наука, 2012. С. 252–308.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.

Шауб И.Ю. Монстры в культуре скифов // Новое прошлое. 2017. № 4. С. 24–47.

Шауб И.Ю. Морские монстры в загробных представлениях боспорян и скифов // БФ: Население, языки, контакты. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 131–137.

Шауб И.Ю. О греко-варварских контактах в религиозной сфере в Северном Причерноморье (VII – начало III в. до н. э.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. С. 113–120.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 1998. 249 с.

Яйленко В.П. Три историко-ономастических фракийско-скифских очерка: алазоны, амазонки, Эксампей // БИ. Вып. XXXIII / Отв. ред. В.Н. Зинько, Керчь: Керченская городская типография, 2016. С. 30–94.

Яковенко Э.В., Бидзиля В.И. Гравированные костяные пластины из «Гайматовой могилы» // Проблемы античной истории и культуры / Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене». Т. II. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979. С. 457–466.

Autran C. L'épopée hindoue: étude del'arrière-fonds ethnographique et religieux. Paris, Denoël, 1946. Pp. 408.

Bënoeniste E., Renou A. Vṛitra et Vṛθragua. Paris: Imprimerie Nationale, 1934. Pp. 152.

Borovka G. Scythian Art. London, Ernest Benn, 1928. Pp. 185.

Fontenrose J. E. Python: A Study of Delphic Myth and Its Origins. Berkeley and Los Angeles, University of California Press (London: Cambridge U. P.), 1959. Pp. xviii + 616.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. Nature. 2015. 522. Pp. 207–211.

Krzewińska M., Kilinç G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M. et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. Science Advances. 03 Oct 2018: Vol. 4, no. 10, eaat4457.

Liddel H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinati, American book company, 1901. Pp. 1776.

REFERENCES

Avesta v russkikh perevodakh (1961-1996). Sankt-Peterburg, Neva magasin, 1997, pp. 480.

Alekseev A.Iū. Zoloto skifskikh t͡sareĭ iz sobraniia͡ Ėrmitazha. Sankt-Peterburg, Ėrmitazh Publ., 2012, pp. 272.

Artamonov M.I. Sokrovishcha skifskikh kurganov. Praga, Artiia͡, Leningrad, Sovetskiĭ khudozhnik Publ., 1966, pp. 120.

Bezsonova S. S. Obraz sobako-ptakha u mistet͡stvi Pivnichnogo Prichornomor'ia͡ skifs′koĭ epokhi. Arkheologiia͡, 1977, 23, pp. 11–24.

Bessonova S.S. Krylatyĭ kon′ – gippokamp – morskoĭ konek i skifskiĭ Poseĭdon. Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ia͡ i Krimu. Vol. XI, Zaporizhzhia͡, 2004, pp. 25–30.

Blavatskiĭ V.D. Vozdeĭstvie antichnoĭ kul′tury na strany Severnogo Prichernomor′ia͡ (VII–IV vv. do n.ė.). Soviet archeology, 1964, No 2, pp. 13–26.

Boltrik Iū.V., Fialko E.E. Skifskiĭ kurgan s ranneĭ uzdoĭ iz Severo-Zapadnogo Priazov′ia͡ // Bosporskie issledovaniia͡. Issue XXIII. Ed. V.N. Zin′ko. Kerch′, 2010, pp. 104–132.

Bruia͡ko I.V. Formirovanie frakiĭskoĭ «diaspory» v Nizhnem Pobuzh′e v arkhaicheskuiū ėpokhu/ Bosporskiĭ fenomen: Problemy khronologii i datirovki pamia͡tnikov,. 2004, part 2, Sankt-Peterburg, pp. 217–221.

Buĭskikh S.B. K istorii otkrytiia͡ Beĭkushskogo svia͡tilishcha. In: Severnoe Prichernomor′e v antichnoe vremia͡. Kiev: Institut arkheologii NAN Ukrainy, 2002, pp. 21–32.

Vertiєnko G. V. Ikonografiia͡ skifs′koï eskhatologiï. Kiïv, Oleg Filiu͡k Publ., 2015, pp. 224.
Grakov B. M. Skifskiĭ Gerakl. Kratkie soobshcheniia͡ Instituta istorii material′noĭ kul′tury. 1950, issue 34, pp. 7–18.
Dvorets͡kiĭ I.X. Drevnegrechesko-russkiĭ slovar′. Vol. 1 (A–Λ). Moscow, 1958, pp. 1044.
Diu͡mezil′ Zh. Osetinskiĭ ėpos i mifologiia͡. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 277.
Kantorovich A.R. Obrazy sinkreticheskikh sushchestv v vostochnoevropeĭskom skifskom zverinom stile: klassifikats͡iia͡, tipologiia͡, khronologiia͡, ikonograficheskaia͡ dinamika. Istoricheskie issledovaniia͡, 2015, No 3, pp. 113–218.
Kobylina M.M. Sarkofagi i nadgrobiia͡. In: Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor′ia͡. Moscow, 1984, pp. 224–225.
Kopeĭkina L.V. Zolotye bli͡ashki iz kurgana Kul′-Oba. In: Antichnaia͡ torevtika. Ed. N.L. Grach. Leningrad, Ėrmitazh Publ., 1986, pp. 28–63.
Kuz′mina E.E. Mifologiia͡ i iskusstvo skifov i baktriĭts͡ev. Moscow, 2002, pp. 288.
Lazarenko V.G. Akhill – bog Severnogo Prichernomor′ia͡. Izhevsk, Shelest Publ., 2018a, pp. 416.
Lazarenko V.G. Kul′t Akhilla v Severnom Prichernomor′e i Frakiĭskiĭ vsadnik. Novyĭ Germes. Vestnik antichnoĭ istorii, arkheologii i klassicheskoĭ filologii. Issue IX. Ed. I.Iu͡. Shaub, Sankt-Peterburg, 2017, pp. 97–152.
Lazarenko V.G. K voprosu ob adekvatnoĭ verifikats͡ii siu͡zhetov, svi͡azyvaemykh s obrazom Akhilla na antichnykh artefaktakh Severnogo Prichernomor′ia͡ i istokakh pochitaniia͡ Akhilla v skifskoĭ srede// Bosporskie issledovaniia͡. Issue XLI. Ed. V.N. Zin′ko. Kerch′, 2020, pp. 16–62.
Lazarenko V.G. Kul′t zmeĭ i rannie indoevropeĭskie migrats͡ii. *Visnik Nats͡ional′nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika* “Kam’i͡ana Mogila”. Issue III. Zaporizhzhia͡, Dike Pole Publ., 2018b, pp. 115–128.
Lazarenko V.G. Kul′t zmeĭ v Severnom Prichernomor′e IV–I tysi͡acheletiĭ do n.ė. *Visnik Nats͡ional′nogo istoriko-arkheologichnogo zapovidnika “Kam’i͡ana Mogila”.* Issue I. Ed. I͡a.B. Mikhaĭlov, Zaporizhzhia͡. Dike Pole Publ., 2016a, pp. 37–48.
Lazarenko V.G. Osobennosti kul′ta Akhilla v Krymu i na Aziatskom Bospore. *Bosporskie issledovaniia͡.* Issue XXXIX. Ed. V.N. Zin′ko. Kerch′, 2019, pp. 20–57.
Lazarenko V.G. Ranniĭ period arkhaicheskogo kul′ta Akhilla v Severnom Prichernomor′e. *Novyĭ Germes.* Vestnik antichnoĭ istorii, arkheologii i klassicheskoĭ filologii. Issue VIII. Ed. A.B. Egorov, Sankt-Peterburg, 2016b, pp. 13–60.
Lazarenko V.G. Fenomen Akhillova Droma. *Bosporskie issledovaniia͡.* Issue XXXVII. Ed. V.N. Zin′ko. Kerch, 2018c, pp. 28 – 55.
Lapin V.V. Berezan′ i problemy genezisa antichnoĭ severoprichernomorskoĭ ts͡ivilizats͡ii. *Arkhiv Instituta arkheologii Nats͡ional′noĭ akademii nauk Ukrainy.* Found 24, 1978.
Latyshev V.V. Ėpigraficheskie novosti iz iu͡zhnoĭ Rossii (nakhodki 1901–1903 godov). *Izvestiia͡ Imperatorskoĭ arkheologicheskoĭ komissii.* 1904. Issue 10. Sankt-Peterburg, pp. 1–91.
Makovskiĭ M.M. Sravnitel′nyĭ slovar′ mifologicheskoĭ simvoliki v indoevropeĭskikh i͡azykakh: Obraz mira i mir obrazov. Moscow, Vlados Publ., 1996, pp. 416.
Makovskiĭ M.M. Semiotika i͡azycheskikh kul′tov. In: Makovskiĭ M.M. *I͡azyk kak fenomen.* Moscow, Lenand Publ., 2014, pp. 124–168.
MAR – Aleksandropol′skiĭ kurgan. *Materialy po arkheologii Rossii.* Issue I. Drevnosti Gerodotovoĭ Skifii. Sankt-Peterburg, 1866, pp. 1–25.
Meliu͡kova A.I. *Krasnokutskiĭ kurgan.* Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 112.
Mozolevskiĭ B.N. Skifskie pogrebeniia͡ u s. Nagornoe bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine.

In: *Skifskie drevnosti.* Ed. A.I. Terenozhkin. Kiev: Naukova dumka Publ., 1973, pp. 187–234.

Mozolevs′kiĭ B.M. *Tovsta Mogila.* Kiïv, Naukova dumka Publ., 1979, pp. 250 s.

Onaĭko N. A. Zverinyĭ stil′ i antichnyĭ mir Severnogo Prichernomor′ia͡ v VII–IV vv. do n. ė. In: *Skifo-sibirskiĭ zverinyĭ stil′ v iskusstve narodov Evrazii.* Ed. A.I. Meliu͡kova and M.G. Moshkova. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 66–73.

Ostroverkhov A.S. Antichnaia͡ stekliannaia͡ gliptika na iu͡ge Vostochnoĭ Evropy (VII–II vv. do n. ė.). *Vestnik drevneĭ istorii,* 2006, No 2, 2006, pp. 131–154.

Ostroverkhov A.S., Okhotnikov S.B. O nekotoryx motivakh zverinogo stilia͡ na pamia͡tnikakh iz sobrania͡ Odesskogo arkheologicheskogo muzeia͡. *Vestnik drevneĭ istorii,* 1989, No 2, pp. 50–68.

Polidovich Iu͡.B. Greben′ iz Gaĭmanovoĭ Mogily i skifskiĭ mif o zmeeborchestve. *Arkheologiia͡ i davnia͡ia͡ istoriia͡ Ukraïni.* 2019. Issue 2 (31) pp. 483–492.

Polidovich Iu͡.B. Izobrazhenie protivostoia͡nia͡ geroia͡ s chudovishchem na nalobnike iz Volkovts͡ev i nekotorye osobennosti dekora konskoĭ uzdy skifskogo vremeni. *Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arkheologicheskogo muzeia͡.* Issue III. Ed. I.V. Bruia͡ko, Odessa, Irbis Publ., 2017, pp. 179–183.

Polin S.V. Aleksandropol′skiĭ drakon. In: *Arkheologiia͡ ta etnologiia͡ pivdnia͡ Skhidnoï Єvropi.* Ed. Z.P. Marina, Dnipro, Lira Publ., 2016, pp. 278–287.

Rak I. V. *Mify Drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm).* Sankt-Peterburg, Moscow, 1998, pp. 560.

Rusia͡eva A.S. *Zemledel'checkie kul'ty v Ol'vii dogetskogo vremeni.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, pp. 172.

Rusia͡eva A.S. Kul′tovi predmeti iz poselennia͡ Beĭkush poblizu o-va Berezan′. *Arkheologiia͡,* 1971, No 2, pp. 22–29.

Saprykin S.Iu͡. Pamia͡tniki "maloĭ" ėpigrafiki iz Severo-Zapadnogo Kryma antichnoĭ ėpokhi. In: *Istoriia͡ i arkheologiia͡ Severo-Zapadnogo Kryma.* Ed. V.A. Kutaĭsova and T.N. Smekalovoĭ. Simferopol′, 2014, pp. 7–31/

Skrzhinskaia͡ M.V. Fantasticheskie obitateli morskikh glubin vmifologii zhiteleĭ Bosporskogo ts͡arstva. *Indoevropeĭskoe ia͡zykoznanie i klassicheskaia͡ filologiia͡ – XIV.* Materialy chteniĭ, posvia͡shchennykh pamia͡ti professora Iosifa Moiseevicha Tronskogo. 21–23 iiu͡nia͡ 2010 g. Part II. Sankt-Peterburg, 2010, pp. 305–313.

Toporov V.N. K rekonstrukts͡ii "proto-Akhilla". In: *Balkany v kontekste Sredizemnomor′ia͡: Problemy rekonstrukts͡ii ia͡zyka i kul'tury.* Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 25–37.

Toporov V.N. Ob arkhaicheskom sloe v obraze Akhilla. In: Obraz-smysl v antichnoĭ kul′ture. Moscow, GMII Publ., 1990, pp. 64–95.

Toporov V.N. "Mirovoe derevo". Opyt semioticheskoĭ interpretats͡ii. In: Toporov V.N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye kompleksy.* Vol. 1. Mosow, Rukopisnye pamia͡tniki Drevneĭ Rusi Publ., 2010, pp. 210–262.

Tokhtas′ev S.R. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor′ia͡. XXI. TRAKANA. *Vestnik drevneĭ istorii,* 2013, No 1, pp. 193–196.

Trubachev O.N. *Indoarica v Severnom Prichernomor′e.* Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 320.

Cherednichenko A.G. Zametki o drevneĭshikh nazvania͡kh Frakii. Drevnosti 2012. Xar′kovskiĭ istoriko-arkheologicheskiĭ ezhegodnik. Tom 11. Xar′kov, 2012a, pp. 8–13.

Cherednichenko A.G. Severnoe Prichernomor′e, "kurgannaia͡ kul′tura" i vektor migrats͡iĭ indoevropeĭts͡ev v III–II tys. do n. ė. *Proceding of Mezhdunarodnoĭ konferents͡ii "Severnoe*

Prichernomor'e: k istokam slaviānskoĭ kul'tury". VII Chteniia pamiāti akademika O. N. Trubacheva. Feodosiia (Sent10-15 2012). Feodosiia, 2012b, pp. 197–211.

Cherednichenko A.G. K probleme poliètnicheskogo sostava *Drevneĭ Frakii*. Drevnosti 2013. Xar'kovskiĭ istoriko-arkheologicheskiĭ ezhegodnik. Tom 12. No 12. Xar'kov, 2013, pp. 8–18.

Shaposhnikov A.K. Iāzykovye relikty frakiĭskogo oblika v Severnom Prichernomor'e. *Ėtimologiia* / Ed. Zh.Zh. Varbot. Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 252–308.

Shaub I.Iū. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n. ė.).* Sankt-Peterburg, 2007, pp. 484.

Shaub I.Iū. Monstry v kul'ture skifov. *Novoe proshloe.* 2017, No 4, pp. 24–47.

Shaub I.Iū. Morskie monstry v zagrobnykh predstavleniiākh bosporiān i skifov. *Bosporskiĭ fenomen:* Naselenie, iāzyki, kontakty. Sankt-Peterburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 131–137.

Shaub I.Iū. O greko-varvarskikh kontaktakh v religioznoĭ sfere v Severnom Prichernomor'e (VII – nachalo III v. do n. ė.). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* Seriia 2. Istoriia. Issue 1. Sankt-Peterburg, 2008, pp. 113–120.

Ėliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii: Arkhetipy i povtoriāemost'.* Sankt-Peterburg, Aleteĭia Publ., 1998, pp. 249.

Iāĭlenko V.P. Tri istoriko-onomasticheskikh frakiĭsko-skifskikh ocherka: alazony, amazonki, Ėksampeĭ. *Bosporskie issledovaniia.* Issue XXXIII. Ed. V.N. Zin'ko, Kerch', 2016, pp. 30–94.

Iākovenko Ė.V., Bidziliā V.I. Gravirovannye kostiānye plastiny iz «Gaĭmanovoĭ mogily». In: *Problemy antichnoĭ istorii i kul'tury.* Doklady XIV Mezhdunarodnoĭ konferentsii antichnikov sotsialisticheskikh stran «Ėĭrene». Vol. II. Erevan, 1979, pp. 457–466.

Autran S. *L'épopée hindoue: étude del'arrière-fonds ethnographique et religieux.* Paris, Denoël, 1946. Pp. 408.

Bënoeniste E., Renou A. *Vṛitra et Vṛθragua.* Paris: Imprimerie Nationale, 1934. Rr. 152.

Borovka G. *Scythian Art.* London, Ernest Benn, 1928. Pp. 185.

Fontenrose J. E. *Python: A Study of Delphic Myth and Its Origins.* Berkeley and Los Angeles, University of California Press (London: Cambridge U. P.), 1959. Pp. xviii 616.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*. 2015. 522. Pr. 207–211.

Krzewińska M., Kilinç G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M. et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. *Science Advances.* 03 Oct 2018: Vol. 4, no. 10, eaat 4457.

Liddel H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon.* Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinati, American book company, 1901. Rr. 1776.

Резюме

Рассмотрены символические изображения, которые могли быть отнесены к образу Ахилла, на изделиях торевтики и глиптики античного Северного Причерноморья. Многие из них, особенно имеющие змеиные черты, могут быть признаны относящимися к культу Ахилла. Большинство таких изображений находятся на изделиях торевтики, изготовленных на Боспоре. Символические изображения Ахилла могут быть свидетельством его скрытого почитания в данном регионе. Варвары Северного Причерноморья, вероятно, видели в Ахилле отражение образа их Первопредка и Верховного бога.

Ключевые слова: культ Ахилла, Северное Причерноморье, Боспор, торевтика, глиптика.

Summary

Symbolic images that could be associated with the image of Achilles on the products of toreutics and glyptics of the ancient Northern Black Sea region are considered. Many of them, especially those with serpentine features, can be recognized as belonging to the cult of Achilles. Most of these images are found on toreutics products made on the Bosporus. The symbolic depictions of Achilles may be evidence of his latent veneration in the region. The barbarians of the Northern Black Sea region probably saw in Achilles a reflection of the image of their First Ancestor and Supreme God.

Key words: the cult of Achilles, the Northern Black Sea region, the Bosporus, the toreutics, the glyptics.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор.
Федеральное бюджетное государственное
образовательное учреждение высшего
образования (ФБГОУ ВО) «Ижевский государственный
технический университет
имени М.Т. Калашникова».
426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.
lazvgr@yandex.ru.
+7 (912)-853-0667.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Lazarenko Vladimir G., Professor.
Federal state-financed educational institution
of higher education “Izhevsk’ state technical
University named after M. T. Kalashnikov”.
426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.
lazvgr@yandex.ru.
+ 7 (912)-853-0667.

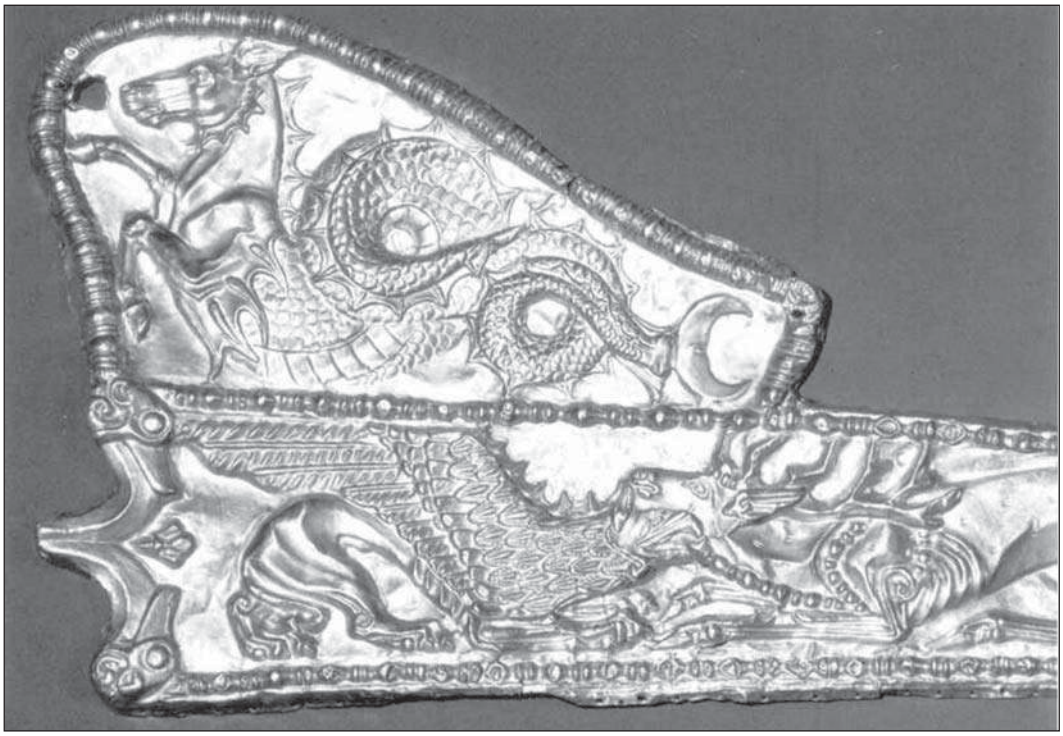


Рис. 1. Боковая лопасть накладки на ножны из кургана Куль-Оба с изображением гиппокампа [Алексеев, 2012, с. 179].

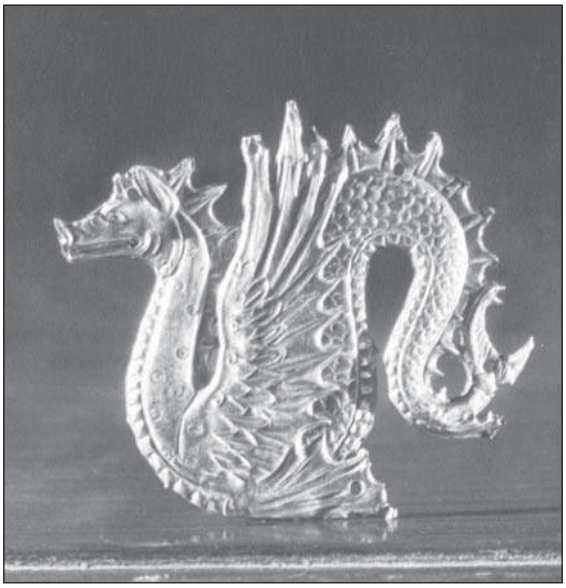


Рис. 2. Золотая бляшка в виде рельефной профильной фигуры гиппокампа из кургана Куль-Оба [Артамонов, 1966, табл. 256].

Рис. 3. Деталь золотой подвески к головному убору с изображением нереиды на гиппокампе из Большой Близницы [Артамонов, 1966, табл. 300].

Рис. 4. Браслет с изображениями гиппокампа из кургана Карагодеуашх (Государственный Эрмитаж).

Рис. 5. Детали Анапского саркофага № 21 с изображениями нереид на гиппокампах [Кобылина, 1984, табл. CXXVI, 3-*4*; CXXVII, *4*].

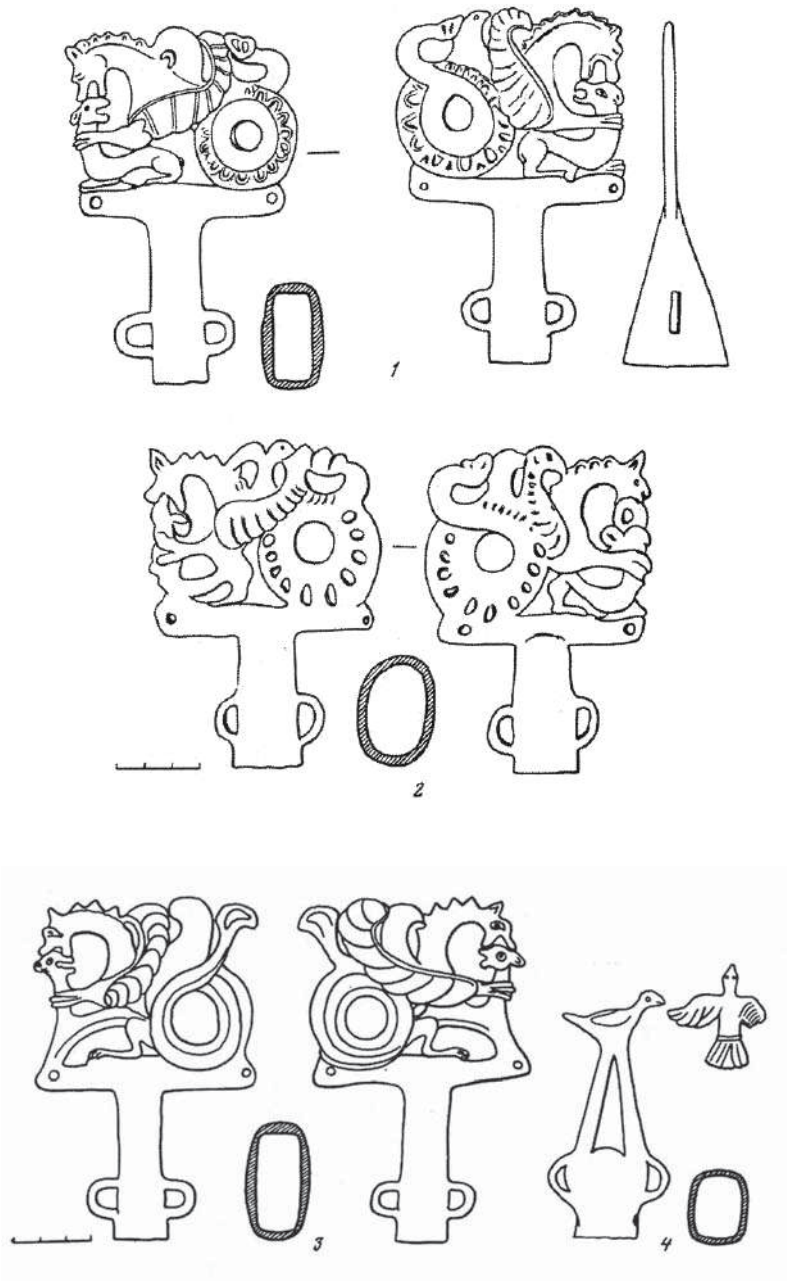


Рис. 6. Изображения терзания хищника грифогиппокампом на бронзовых навершиях из насыпи Краснокутского кургана [Мелюкова, 1981, рис. 9].

Рис. 7. Бронзовые навершия с изображением грифогиппокампа, терзающего хищника, из коллекции Одесского археологического музея [Охотников, Островерхов, 1989, рис. 4, *4*].

Рис. 8. Золотая пластина (ДМ-6021) с изображением гиппокампа из коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко (фото Д. В. Клочко).

Рис. 9. Пластина на ножны меча с изображением гиппокампа из кургана 1 (1910 г.) Елизаветинского могильника [Артамонов, 1966, табл. 325].

Рис. 10. Золотая обивка сосуда с изображением гиппокампа из кургана 4 группы Семибратних курганов [Артамонов, 1966, табл. 121].

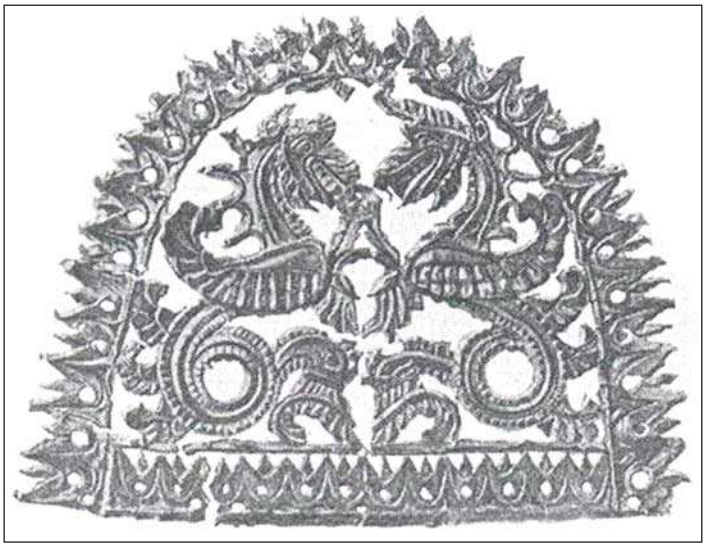


Рис. 11. Изображения гиппокампов на ажурной золотой пластине из Александропольского кургана [МАР, 1866].

Рис. 12. Ажурная пластина из Александропольского кургана со «сценой терзания гиппокампом-грифоном хищника» (Государственный Эрмитаж).

Рис. 13. Элементы уздечного набора с изображениями гиппокампов из Хоминой Могилы [Мозолевский, 1973, рис. 27].

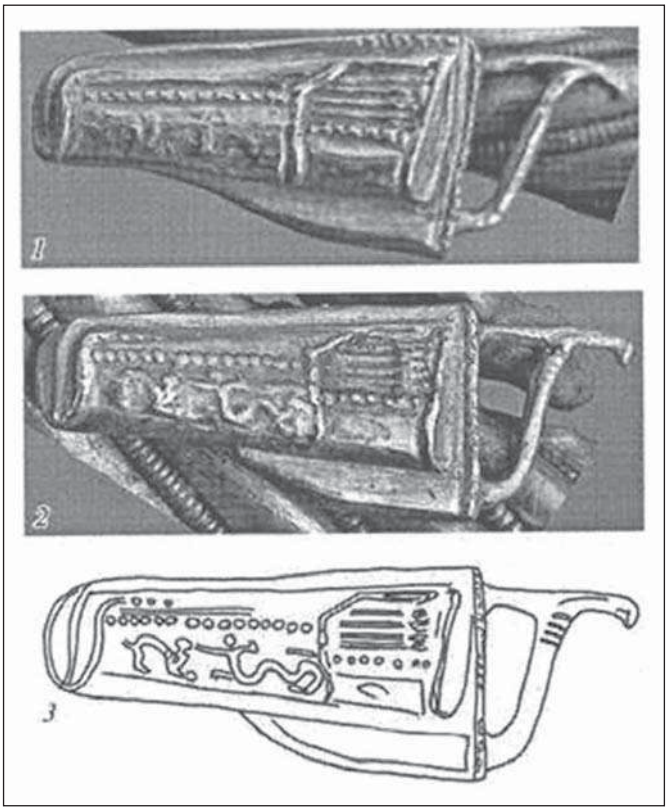


Рис. 14. Сцена борьбы змееподобного антропоморфного персонажа и кошачьего хищника на горитах верхнего яруса пекторали из Толстой Могилы [Бабенко, 2018, рис. 2, *3*].

Рис. 15. Сцена поединка скифа и дракона на фрагменте гребня из Гаймановой Могилы [Бессонова, 1977, рис. 7].

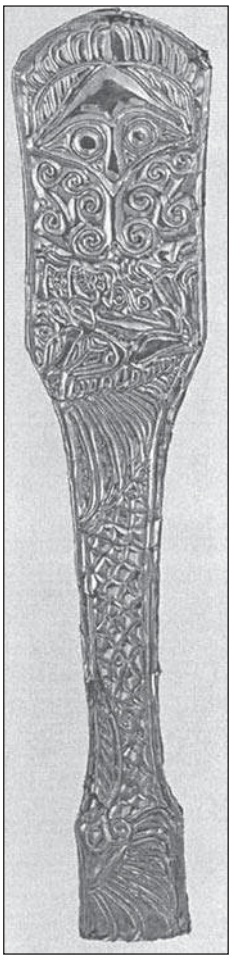


Рис. 16. Изображение на конском налобнике из Волковцев [Полидович, 2017, с. 179–182, рис. к статье].

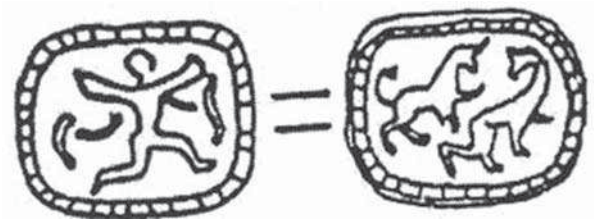


Рис. 17. Изображения на стеклянном скарабеоиде
[Островерхов, 2006, рис. 9].

Рис. 18. Граффити из святилища Ахилла на Бейкуше
[1-2 – Русяева, 1971; 3 – Буйских, 2002, рис. 9].

В. В. ВАХОНЕЕВ
V. V. VAKHONEEV

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БОСПОРСКОГО ГОРОДА АКРА

DEFENSES OF THE BOSPORAN CITY OF AKRA

Боспорский город Акра надежно локализован у п. Набережное Заветненского сельского поселения Ленинского района Республики Крым на песчаной пересыпи, отделяющей соленое озеро Яныш от Керченского пролива, а также на прилегающей акватории. Песчаная пересыпь, у которой располагаются остатки античного городища, является абразионным останцом древнего мыса. Здесь на суше, а также под водой в начале 1980-х гг. и были обнаружены остатки Акры, упоминаемой Страбоном (Strabo, XI, II, 8), Плинием Старшим (Plin. NH, IV, 86), Клавдием Птолемеем (Ptol., VI, VIII, 5, а также «Периплом Понта Эвксинского» (Ps. Arr., PPE, 76(50)).

Вопросы локализации многих греческих поселений по обоим берегам Керченского пролива имеют длинную историю, берущую свое начало с конца XVIII в. В разное время Акру располагали на мысе Такиль (П. С. Паллас, Ю. Ю. Марти, В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич), на месте городища Китей (А. Б. Ашик) или еще западнее (П. А. Дюбрюкс). При этом находки археологического материала эллинистического периода на пересыпи у п. Набережное активно фиксировались с 1950-х гг. Впоследствии И. Т. Кругликовой на данном участке было отмечено поселение Заветное-II [Кругликова, 1975, с. 267]. К проблеме локализации Акры вернулись в начале 1980-х гг., когда на данной пересыпи было найдено скопление античных монет и выявлен ряд стен, уходящих в сторону моря [Куликов, 2018; Шамрай, 2012, с. 447 – 453]. В 1982 г. сотрудник Керченского музея В. Н. Холодков провёл раскопки на пересыпи и на холме к югу от озера, выявил мощный культурный слой без строительных остатков и предположил, что поселение затоплено водами Керченского пролива. В 1982 г. Керченский музей обратился к руководителю подводного отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР К. К. Шилику с предложением о проведении подводной разведки на выявленном археологическом памятнике в прибрежной акватории.

Собственно, первое обследование оборонительных сооружений Акры и принадлежит экспедиции К. К. Шилика [Шилик, 1984а, с. 19; Шилик, 1984б, с. 108 –111; Шилик, 1987, с. 11 – 12; Шилик, 1988, с. 226 – 228]. Ею в 1982–1985 гг. в ходе подводного обследования были выявлены, как считал автор исследований, несколько оборонительных стен с башнями. В 1984 г. в 25 м от уреза воды на глубине 1,3 м аквалангистами была обнаружена нижняя часть кладки прямоугольной оборонительной башни. Западная стена выявленной башни имела длину 6,6 м, боковые – 7,7 м.

Толщина кладки составляла 1,1 – 1,3 м. Стены сохранились в высоту на два ряда кладки, сложенных из крупных известняковых плит длиной до 1,0 – 1,2 м при толщине 0,2 – 0,35 м. В ходе дальнейших работ было установлено, что восточной стеной башни является двухпанцирная с забутовкой в середине городская оборонительная стена толщиной 2,2 м. Кладка стены, так же как и кладка башни, возвышалась над дном не более чем на 0,3–0,4 м [Шилик, 1986, с. 493].

В 1985 г. оборонительную стену удалось проследить под водой и на пляже пересыпи на протяжении 110 метров, следующие 70 м она продолжалась в виде развала крупных камней. В том же году в 150 м от этой стены была выявлена вторая оборонительная стена длиной около 10 м, к которой примыкает башня размерами 6,5 × 7 м, сложенная из рваных известняковых блоков длиной до 1,5 м. По описанию исследователей, данная стена перпендикулярна первой и сохранилась не по всей длине [Шилик, 1987б, с. 632].

В 1994–1997, 2001 гг. Акру исследовала экспедиция Керченского государственного историко-культурного заповедника под руководством А. В. Куликова [Грабовецкий, Куликов, 1998]. В рамках этих работ выполнено повторное обследование трапециевидной башни 1984 г., сложенной из известняковых квадров, уточнены ее размеры (7,6 × 6,9 и 7,3 × 6,4 м). Башня расположена в 40 м от берега, сохранившаяся высота кладки 1–2 ряда. В 15–30 м мористее были отмечены развалы стен различных размеров и степени сохранности. Значительное внимание было уделено исследованиям прибрежной полосы, выявившим жилую застройку римского времени.

С 2011 г. в Акре работает совместная экспедиция Государственного Эрмитажа, Института истории материальной культуры РАН и Черноморского центра подводных исследований под общим руководством С. Л. Соловьева[1]. К сожалению, к началу работ новой экспедиции ни в одном научном отчете исследователей Акры не сохранился топографический план памятника с нанесением всех выявленных экспедициями объектов. В связи с этим основной задачей возобновившихся работ стало создание актуального плана городища с фиксацией как новых объектов, так и поисков и фиксации уже открытых ранее, довольствуясь лишь схематичными рисунками и достаточно скудным описанием (рис. 1). Это в первую очередь относится к одному из самых знаковых объектов городища – юго-западной городской оборонительной стене, исследования которой в той или иной мере проходили в 2011 – 2019 гг., а также примыкавшей к ней оборонительной башне.

К настоящему времени оборонительная стена зафиксирована в длину 153,7 м (рис. 2-3). Начало кладки располагается на расстоянии примерно 94-98 м от уреза воды (в разные годы линия уреза воды изменяет свое положение) на глубине 3,60 м по Балтийской системе (далее – БС). Оно представлено фундаментом кладки оборонительной стены, от которого сохранилось три выставленных по ширине кладки

---

[1] Автор благодарит начальника Античной комплексной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа С.Л. Соловьева за разрешение использовать материалы экспедиции для публикации.

массивных каменных блока (рис. 4). Стена возведена на ровном глинистом грунте. По всей видимости, в древности край стены заходил в воду и маркировал начало оборонительных сооружений Акры, которые отсекали невысокий мыс с расположившимся на нём поселением. Стена шла в северо-западном направлении. Крупные каменные блоки защищали стену от размыва волнами и штормами.

Ранее предполагалось, что на краю стены со стороны моря могла располагаться башня или даже маяк. К. К. Шилик отмечал, что на дальнем конце стены сохранился небольшой кусок регулярной кладки, перпендикулярной стене, но направленной в сторону берега, которая, возможно, являлась остатком угловой башни [Шилик, 2013, с. 47, рис. 6.1]. А.В. Куликов в свою очередь отмечал, что огромная масса известняковых блоков у окончания стены на глубине 3,5 м указывает на расположение в древности на данном участке башни-маяка [Kulikov, 2007, p. 1034]. Тем не менее современные исследования не подтвердили это предположение. Как было указано, край стены не имеет никаких расширений, за исключением использования более массивных каменных блоков.

Кроме того, определенные неточности в исследованиях 1980-х и 1990-х гг. содержатся и в указаниях длины стены. К.К. Шилик отмечал то, что под водой остатки стены визуально прослежены и нанесены на план на протяжении 200 м, из которых нижние ряды кладки сохранились in situ на 110 м [Шилик, 2013, с. 47]. А.В. Куликов считает, что общая длина стены достигала 180 – 200 м, окончание стены под водой располагается в 120 м от уреза воды [Kulikov, 2007, p. 1034].

На 52-м м от края на глубине 2,50 м БС в кладке выполнен Г-образный уступ. Кладка на протяжении 3,65 м расширяется, а затем снова сужается до 1,85 м после уступа. Точно такой же уступ располагается на 122-м м кладки. Можно предположить, что при строительстве длинной и высокой оборонительной стены открытые уступы могли иметь двойное назначение: 1) для повышения устойчивости всего сооружения и 2) для устройства лестниц для подъема на высокую оборонительную стену [Kulikov, 2007, p. 1033].

Таким образом, всю трассу оборонительной стены можно условно разделить как минимум на три участка, разделенных между собой Г-образными уступами. Первый участок, южный, имеет протяженность 52 м, второй, центральный, – 69 м, наконец, третий, северный, расположенный как в воде, так и на берегу, на сегодняшний день исследован лишь частично, на длину 34 м. Остальная часть стены скрыта культурными напластованиями непосредственно на берегу. Если учитывать топографию прибрежной части памятника и продлить трассу стены до уреза воды в северной части мыса, можно предположить наличие четвертого участка стены, поскольку на берегу остается еще около 100 м оборонительной стены. Таким образом, общая длина городской оборонительной стены Акры может составлять около 240 – 250 м.

В 2019 г. на расстоянии 60 м от берега с восточной стороны от кладки оборонительной стены в месте первого Г-образного уступа был заложен раскоп «2019» с целью изучения культурных напластований в данной части памятника (рис. 5:1-2).

Раскоп 2019 г. является уже вторым участком у восточного фаса оборонительной стены. После расчистки участка было начато изучение культурных напластований с помощью стационарного водолазного поста, гидроэжектора, садовых и саперных лопат по уровням (до 0,15 м) с фиксацией напластований (рис. 6-7). Стратиграфическая колонка выглядит следующим образом. Верхний слой – слой серой глины с прослойками золы (отметки согласно нивелировке от -2,58 до -2,75 м БС). Находки амфорной тары представлены следующими центрами производства: Хиос (колпачковый тип), Гераклея, Фасос, Колхида, круг Фасоса, Менде, Синопа, Лесбос. Индивидуальные находки представлены тремя фрагментами амфор с клеймами (определение клейм выполнено А. А. Еремеевой): ручкой фасосской амфоры с клеймом «…μνηα / … θασ…» 390–380 гг. до н.э. (Gr. C по Y. Garlan), фрагментом горла фасосской амфоры с квадратным клеймом (эмблема: лучник на колене(?), по периметру надпись θασιω) 370-е гг. до н.э. (Gr. C по Y. Garlan), ручкой синопской амфоры с клеймом «επια… / λοδ…» 374 г. до н.э. (IB по Y. Garlan).

В юго-западной части раскопа ситуация отличалась. В месте Г-образного уступа был зафиксирован такой же ширины навал плохо обработанных камней средних размеров, уложенных на слой плотно утрамбованной серой глины без археологических находок (рис. 8). Можно предположить, что первоначально городская оборонительная стена была прямой и не имела уступов. Возможно, данное наблюдение подтверждает предположение А.В. Куликова о том, что первые обитатели Акры ограничились низкой глинобитной стеной, поставленной на каменный фундамент [Kulikov, 2007, p. 1033]. К сожалению, другие аргументы в пользу данного предположения на данный момент отсутствуют.

Ниже по всей площади раскопа залегал слой морского песка без находок, мощностью 0,3 м, который подстилал слой материковой серой глины. В северо-восточной части участка был выполнен контрольный прокоп материкового слоя на глубину 0,5 м. Судя по археологическому материалу в слое над материком, возведение стены можно датировать рубежом первой и второй четвертей IV в. до н.э. При этом следует отметить, что А.В. Куликов относил возведение стены к 340 – 330 гг. до н.э. [Kulikov, 2007, p. 1033].

Восточный фас оборонительной стены также изучался на участке «Шурф № 1/2011», а западный – на участке «Береговой». Шурф 1/2011, размерами 2 х 1 м, был заложен в 2011 г. с восточной стороны от кладки оборонительной стены Акры на расстоянии 30 м от уреза воды для проверки мощности культурных наслоений. В 2011 г. глубина шурфа составила 0,8–0,9 м. Основной слой – плотный серый суглинок с большим количеством фрагментов неокатанной керамики. В 2012 г. шурф был углублен в границах предыдущего года. Его глубина была доведена до 1,3–1,4 м и работы были остановлены только при выходе на мощные крупные камни. Стена на данном участке сохранилась на высоту семь рядов кладки, на 1,50 м (рис. 9). В 2015 г. площадь шурфа была увеличена за счет прирезки площадью 2 кв. м в восточном направлении. В 2017 г. участок был увеличен

за счет еще одной прирезки до 8 кв. м. Наконец, в 2018 г. площадь участка была увеличена до 16 кв. м, где были вскрыты культурные напластования второй половины IV в. до н.э. мощностью 1,1 м.

По итогам работ установлено, что какие-либо строительные остатки, которые примыкали бы к кладке оборонительной стены как минимум в пределах 6 м от нее, на данном участке отсутствуют.

Участок «Береговой» был заложен в 2016 г. на песчаной пересыпи у уреза воды. За два года исследований методом отсечной дамбы (кессона) тут было расчищено семь рядов внешнего фаса оборонительной стены на высоту до 1,70 м (рис. 10). При этом нижние пять рядов кладки от уровня -2,49 м до 1,50 м БС выполнены из сравнительно хорошо обработанных блоков с соблюдением рядности и принадлежат к раннему строительному периоду, который датирован первой половиной IV в. до н.э. К этому же периоду относится часть стены, открытая в шурфе № 1/2011. Верхняя часть стены от уровня -1,50 до уровня -1,03 м БС относится ко второму строительному периоду и сложена из хорошо подогнанных, но грубо обработанных камней без соблюдения рядности. Более того, кладка этого строительного периода отступает от ранней кладки стены на 0,15 м. Проведенные археологические исследования дают основания датировать второй строительный период последней четвертью IV – первой половиной III в. до н.э.

Примечательно, что в стратиграфических разрезах юго-восточного и северо-западного бортов участка в местах прилегания к кладке оборонительной стены, а также непосредственно при раскопках вдоль фаса стены был зафиксирован слой стерильного коричневого суглинка практически по всей высоте кладки, образовавшийся в результате природного вымывания глиняного раствора, на который была положена кладка стены.

Городская оборонительная стена при ширине 2 м вряд ли могла достигать высоты 10 м, о чем отмечал А.В. Куликов [Kulikov, 2007, p. 1033]. Скорее всего, она не превышала 7-8 м высоты, обычной для боспорской фортификации этого времени [Чистов, 2009, с. 10].

Оборонительная башня расположена на 84 м от края стены, посередине ее центрального участка, на глубине 2,4 м БС (рис. 11-12). Хотя она была впервые обследована в 1984 г., повторно – экспедицией Керченского заповедника в 1990-х гг., тем не менее подводные раскопки проведены в то время не были. В 2011–2012 гг. башня была полностью занесена песчаными отложениями. Весенние штормы 2013 г. открыли объект, в связи с чем было решено провести его раскопки, графическую и фотофиксации. Башня была пристроена с внешней стороны к оборонительной стене, фланкируя южные подступы к городу. В сезоне 2014 г. были проведены работы по расчистке внутреннего заполнения башни до уровня её основания – деревянных балок. Средняя мощность напластований составила 0,4 м.

Все стены башни опирались на большие деревянные дубовые балки, сложенные в конструкции в виде клетей (рис. 13-14). Толщина стен составляла 1,0–1,1 м, а их

длина колебалась от 6,7 до 8,0 м. Стены сохранились на высоту от 0,3 до 1,1 м и были сложены по двухлицевой одно-двухслойной постелисто-орфостатной системе кладки. В некоторых местах стыков блоков имеются пироны. Над деревянной основой первый ряд кладки был выложен из отесанных по месту прямоугольных и подквадратных известняковых блоков средних размеров. Над ними второй ряд был выложен из рустованных прямоугольных блоков, длина которых достигала 1 м (рис. 15-16). Третий ряд сложен из плоских прямоугольных плит, часть которых также имела русты. Такой способ кладки характерен как для внешних фасов, так и для внутренних.

Исследованная башня была пристроена к оборонительной стене с внешней стороны во второй половине IV в. до н.э. Примечательно, что башня была не просто пристроена тремя стенами к существующей оборонительной стене, но также была возведена и четвёртая стена, замкнувшая башню и сделавшая её отдельным оборонительным сооружением. Деревянные клети основания могли быть уложены в качестве фундамента для борьбы с подступившими на момент возведения башни ближе к концу IV в. до н.э. грунтовыми или даже морскими водами. Если это действительно так, то данный случай может служить доказательством окончания фанагорийской регрессии и начала постепенного подъёма воды. Факт подтопления города, правда уже в I в. до н.э., подтверждается случайной находкой свинцового письма из Акры. В нем упоминается «начальник города» Ботрис, который просит обезопасить городские святилища от подтопления [Сапрыкин, Федосеев, 2008, с. 72-79]. Тем не менее наличию деревянного основания можно найти и другое объяснение. Башня была возведена на достаточно рыхлых культурных напластованиях первой половины – середины IV в. до н.э., и устройство в ее основании деревянных клетей добавляло ей большей устойчивости.

При раскопках культурных напластований ниже основания башни установлено, что она была сооружена на мощном слое со следами сильного пожара. Можно предположить, что в конце первого строительного периода оборонительной стены она была частично уничтожена, а сама Акра подверглась разрушениям с пожарами. После этого стена была восстановлена в срочном порядке и более небрежно, к ней также была пристроена оборонительная башня из рустованных блоков разобранного городского общественного сооружения. Оборонительная стена просуществовала до рубежа эр. Раскопки прибрежного участка «Береговой» в 2016 г., а также шурфовка, выполненная в 1985 г., показали, что стена перекрыта строительными остатками I-III вв. н.э. [Соловьев, 2017, с. 29; Шилик, 1987, с. 632]

Исследование трассы оборонительной стены затрагивают еще одну важную проблему, активно дискутируемую в научных кругах достаточно длительное время. Эта проблема касается уровня Черного моря в период расселения древних греков. Уже первые исследователи боспорских городов отмечали, что их прибрежные части частично находятся под водой, а значит – в первые несколько столетий жизни греческих колонистов уровень моря был значительно ниже современного. Однако в отечествен-

ной историографии нет единого мнения относительно конкретных цифр: уровень моря держится в рамках от минус 2–3 м до минус 13–15 м ниже современного.

Важное место в данном вопросе отводится побережью Керченского пролива. Комплексное геолого-археологическое обследование района еще предстоит сделать в будущем, однако основным доказательством, иллюстрирующим изменения уровня моря, являются подводные исследования ряда античных городищ: Фанагории, Патрея и Акры. Причем археологические исследования Акры в последние годы принесли важные результаты, позволяющие внести определенные уточнения в реконструкцию палеогеоморфологии южного участка Керченского пролива со стороны Керченского полуострова.

Поскольку исходным уровнем моря является Балтийская система, все уровни воды указаны относительно нее. Для южного участка Керченского пролива средний уровень Чёрного моря равен -0,19 м БС (письмо от Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды от 16.09.2011 г. № 550). Таким образом, на данный момент самым глубоким объектом на Акре является край оборонительной стены, выявленный на глубине -3,60 м БС. Сложно представить, что стена оканчивалась непосредственно на суше, оставляя проход по пляжу. Логичнее предположить, что она доходила до уреза воды или небольшим участком заходила в море. В таком случае уровень моря в IV в. до н.э. в месте нахождения Акры следует считать близким к -3,60 м БС. Однако данное предположение может быть верным лишь в том случае, если не будет доказан факт прогибания участка суши в данном месте за последние 2,5 тысячи лет. Последнее должно быть проверено лишь комплексными геологическими исследованиями. Однако уже сейчас, анализируя тот факт, что согласно изученной планиграфии оборонительная стена города по всей своей трассе не имеет видимых следов деформаций (она достаточно ровная, без преломлений, прогибов и т.п.), можно прийти к выводу, что прогибание суши на данном прибрежном участке если и имело место за последние 2,3 тысячи лет, то было незначительным.

Помимо описанной оборонительной стены, получившей наименование юго-западной, следует отдельное внимание уделить еще одной мощной кладке под порядковым номером 24. Кладка № 24 является самым северным археологическим объектом на городище. Она была обследована в 2012 г. и по совокупности наблюдений вслед за К. К. Шиликом названа «северной оборонительной стеной». Поскольку в 2012 г. план объекта вычерчивался вручную, в сезоне 2018 г. была проведена расчистка кладки от морской растительности и выполнена его фотограмметрия и аэрофотосъемка (рис. 17-18). По итогам общий план кладки был уточнен: видимая длина кладки составляет 15,0 м, ширина – 2,1-2,3 м. Кладка ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Кладка имеет 2 фаса, состоит из трех слоев и возвышается над грунтом на 1 ряд камней. Фасы сложены из камней средних и крупных размеров. Внутренняя забутовка состоит из мелких и средних бутовых камней. Кладка лежит на песчаном грунте в 1 ряд. Кладка такой толщины, безусловно, должна была выполнять оборонительные функции. Однако на данный момент информация, которая могла бы

помочь в интерпретации данного объекта и о времени его сооружения, отсутствует.

К. К. Шилик считал, что Акра была ограждена оборонительными стенами со всех четырех сторон и в качестве подтверждений приводил обнаружение четырех кладок оборонительных стен [Шилик, 2012, с. 44, рис. 42]. Современные данные позволяют откорректировать данное предположение. Низкий и глубоко вдающийся в море мыс, на краю которого была основана Акра, на рубеже первой и второй четвертей IV в. до н.э. был защищен мощной оборонительной стеной. Данная стена, по-видимому, проходила от кромки до кромки воды. Ворота в город находились на территории современной рыболовной артели, и их еще предстоит изучить в будущем. Не исключено, что в эллинистическое время в северной части города была воздвигнута еще одна оборонительная стена, представленная пока еще слабо изученной кладкой № 24. В римское же время Акра, как, к примеру, и Мирмекий, уже не имела городских оборонительных сооружений. Предыдущая стена позднеклассического времени была частично разобрана, а жилые и хозяйственные строения римского времени вышли за границу эллинистического города, возможно, по причине регулярных подтоплений низинных участков побережья.

Подводя итог, следует отметить, что подводные исследования боспорского городка Акра, систематически проводимые на памятнике последние 10 лет, вносят коррективы в изучение планиграфии города и его материальной культуры. Касаясь темы оборонительных сооружений города, следует отметить огромный вклад всех исследователей городища, в первую очередь К. К. Шилика и А. В. Куликова. При этом современные средства фиксации археологических объектов под водой позволили внести серьезные уточнения в их наработки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Грабовецкий С. В., Куликов А. В. Обследования античного поселения в районе озера Яныш (Восточный Крым) // Изучение памятников морской археологии. Вып.3. СПб., 1998. С. 80 – 83.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: «Наука», 1975. 300 с.

Куликов А.В. Проблемы сохранения и археологического изучения античного городища Акра: негативное воздействие природной среды и стратегия поиска [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. № 2 (32). 2018. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/440.html&j_id=35 (дата обращения 24.01.2021).

Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 2008. № 3 (266). С. 64 – 80.

Соловьев С.Л. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологические раскопки на выявленном объекте археологического наследия «Античное городище Акра» на восточной окраине пос. Заветное в Ленинском районе Республики Крым в 2016 г. СПб., 2017. 244 с.

Чистов Д.Е. Мирмекий классического и раннеэллинистического времени (середина V в. до н.э. –

начало III в. до н.э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2009. 26 с.

Шамрай А.Н. Следы античных построек на берегу пролива у села Набережное (к истории открытия Акры) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Проблемы урбанизации. Керчь, 2012. С. 447 – 453.

Шилик К. К. О локализации Акры // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь. 1984. С. 19;

Шилик К. К. Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времён до наших дней. Тезисы докладов. Москва, 1984. С. 108 – 111;

Шилик К.К. Работы Боспорского отряда // Археологические открытия 1984 года. М.: «Наука», 1986 . С. 493

Шилик К. К. Обнаружение античной Акры // Проблемы охраны и исследования подводных археологических памятников Запорожья. Тезисы докладов. Запорожье, 1987а. С. 11-12;

Шилик К.К. Исследование античной Акры // Археологические открытия 1985 года. М.: «Наука», 1987б. С. 632.

Шилик К. К. Подводно-археологические разведки у берегов Керченского полуострова // Проблемы античной культуры. Ч.3. Тезисы докладов. Симферополь, 1988. С. 226 – 228.

Шилик К.К. Античные города на дне Керченского пролива (история поисков и открытий) // Изучение памятников морской археологии. Вып. 7. СПб., 2013. С. 29 – 82.

Kulikov A.V. Akra and its Chora // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. 2. Oxford, 2007. P. 1023 – 1056.

REFERENCES

Graboveckij S. V., Kulikov A. V. Obsledovanija antichnogo poselenija v rajone ozera Janysh (Vostochnyj Krym) // Izuchenie pamjatnikov morskoj arheologii. Vyp.3. SPb., 1998. S. 80 – 83.

Kruglikova I.T. Sel'skoe hozjajstvo Bospora. M.: «Nauka», 1975. 300 s.

Kulikov A.V. Problemy sohranenija i arheologicheskogo izuchenija antichnogo gorodishha Akra: negativnoe vozdejstvie prirodnoj sredy i strategija poiska [Jelektronnyj resurs] // Kul'turologicheskij zhurnal. № 2 (32). 2018. URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/440.html&j_id=35 (data obrashhenija 24.01.2021).

Saprykin S.Ju., Fedoseev N.F. Novye svincovye plastiny s nadpisjami iz Vostochnogo Kryma // VDI. 2008. № 3 (266). S. 64 – 80.

Solov'ev S.L. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote. Arheologicheskie raskopki na vyjavlennom ob#ekte arheologicheskogo nasledija «Antichnoe gorodishhe Akra» na vostochnoj okraine pos. Zavetnoe v Leninskom rajone Respubliki Krym v 2016 g. SPb., 2017. 244 s.

Chistov D.E. Mirmekij klassicheskogo i rannejellinisticheskogo vremeni (seredina V v. do n.je. – nachalo III v. do n.je.). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk. SPb., 2009. 26 s.

Shamraj A.N. Sledy antichnyh postroek na beregu proliva u sela Naberezhnoe (k istorii otkrytija Akry) // XIII Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Problemy urbanizacii. Kerch', 2012. S. 447 – 453.

Shilik K. K. O lokalizacii Akry // Problemy istorii i arheologii Vostochnogo Kryma. Kerch'. 1984. S. 19;

Shilik K. K. Lokalizacija antichnoj Akry kak primer kompleksnogo analiza v istoriko-geograficheskih issledovanijah // Kompleksnye metody v izuchenii istorii s drevnejshih vremjon do nashih dnej. Tezisy dokladov. Moskva, 1984. S. 108 – 111;

Shilik K.K. Raboty Bosporskogo otrjada // Arheologicheskie otkrytija 1984 goda. M.: «Nauka», 1986 . S. 493

Shilik K. K. Obnaruzhenie antichnoj Akry // Problemy ohrany i issledovanija podvodnyh arheologicheskih pamjatnikov Zaporozh'ja. Tezisy dokladov. Zaporozh'e, 1987a. S. 11-12;

Shilik K.K. Issledovanie antichnoj Akry // Arheologicheskie otkrytija 1985 goda. M.: «Nauka», 1987b. S. 632.

Shilik K. K. Podvodno-arheologicheskie razvedki u beregov Kerchenskogo poluostrova // Problemy antichnoj kul'tury. Ch.3. Tezisy dokladov. Simferopol', 1988. S. 226 – 228.

Shilik K.K. Antichnye goroda na dne Kerchenskogo proliva (istorija poiskov i otkrytij) // Izuchenie pamjatnikov morskoj arheologii. Vyp. 7. SPb., 2013. S. 29 – 82.

Kulikov A.V. Akra and its Chora // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. 2. Oxford, 2007. P. 1023 – 1056.

Резюме

Публикация посвящена археологическому изучению оборонительных сооружений боспорского города Акра в Восточном Крыму. В ходе исследований ряда экспедиций, работавших на памятнике, были открыты остатки городской юго-западной оборонительной стены и башни. Опираясь на результаты современных археологических работ, автор делает вывод о том, что низкий и глубоко вдающийся в море мыс, на краю которого была основана Акра, на рубеже первой и второй четвертей IV в. до н.э. был защищен мощной оборонительной стеной шириной более 2 м. Данная стена, по-видимому, проходила от кромки до кромки воды. Не исключено, что в эллинистическое время в северной части города была воздвигнута еще одна оборонительная стена, представленная пока еще слабо изученной кладкой № 24. В римское же время Акра уже не имела общих оборонительных сооружений. Предыдущая стена позднеклассического времени была частично разобрана, а жилые и хозяйственные строения римского времени вышли за границу эллинистического города, возможно, по причине регулярных подтоплений низинных участков побережья. Кроме того, в статье на основе исследований в районе древнего уреза береговой линии, в том месте, где оборонительная стена города брала свое начало, выдвигается предположение об уровне моря в первой половине IV в. до н.э. в данной части Керченского пролива на отметке минус 3,6 м БС.

Ключевые слова: Акра, оборонительная стена, башня, уровень моря, подводная археология.

Summary

The publication is devoted to the archaeological study of the fortifications of the Bosporan city of Akra in the Eastern Crimea. The remains of the city's south-western defensive wall and tower were discovered during the research of a number of expeditions working on the monument. Based on

the results of modern archaeological work, the author concludes that the low and deep promontory, on the edge of which Akra was founded, at the turn of the first and second quarters of the IV century BC was protected by a powerful defensive wall, more than 2 m wide. This wall, apparently, ran from edge to edge of the water. It is possible that in Hellenistic times another defensive wall was builded in the northern part of the city, represented by the still poorly studied masonry № 24. In Roman times Akra no longer had a common defensive structure. The previous wall of the late Classical period was partially dismantled, and the residential and economic buildings of the Roman period went beyond the border of the Hellenistic city, possibly due to regular flooding of low-lying areas of the coast. In addition, the article suggests the sea level in the first half of the IV century BC in this part of the Kerch Strait at about 3.6 m according Baltic sysrem, based on research in the area of the ancient shoreline, at the place where the defensive wall of the city begins.

Key words: Akra, defensive wall, tower, sea level, underwater archaeology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Вахонеев Виктор Васильевич, к.и.н.,
доцент кафедры «История»,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»,
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33,
директор научно-образовательного центра
«Археологические исследования».
vvvkerch@mail.ru
+79787958858

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Vakhoneev Viktor,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Chair «History»,
Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Sevastopol State University"
299053, Sevastopol, Universitetskaya str., 33,
Director of the Scientific and Educational Center
«Archaeological Research».
vvvkerch@mail.ru
+79787958858

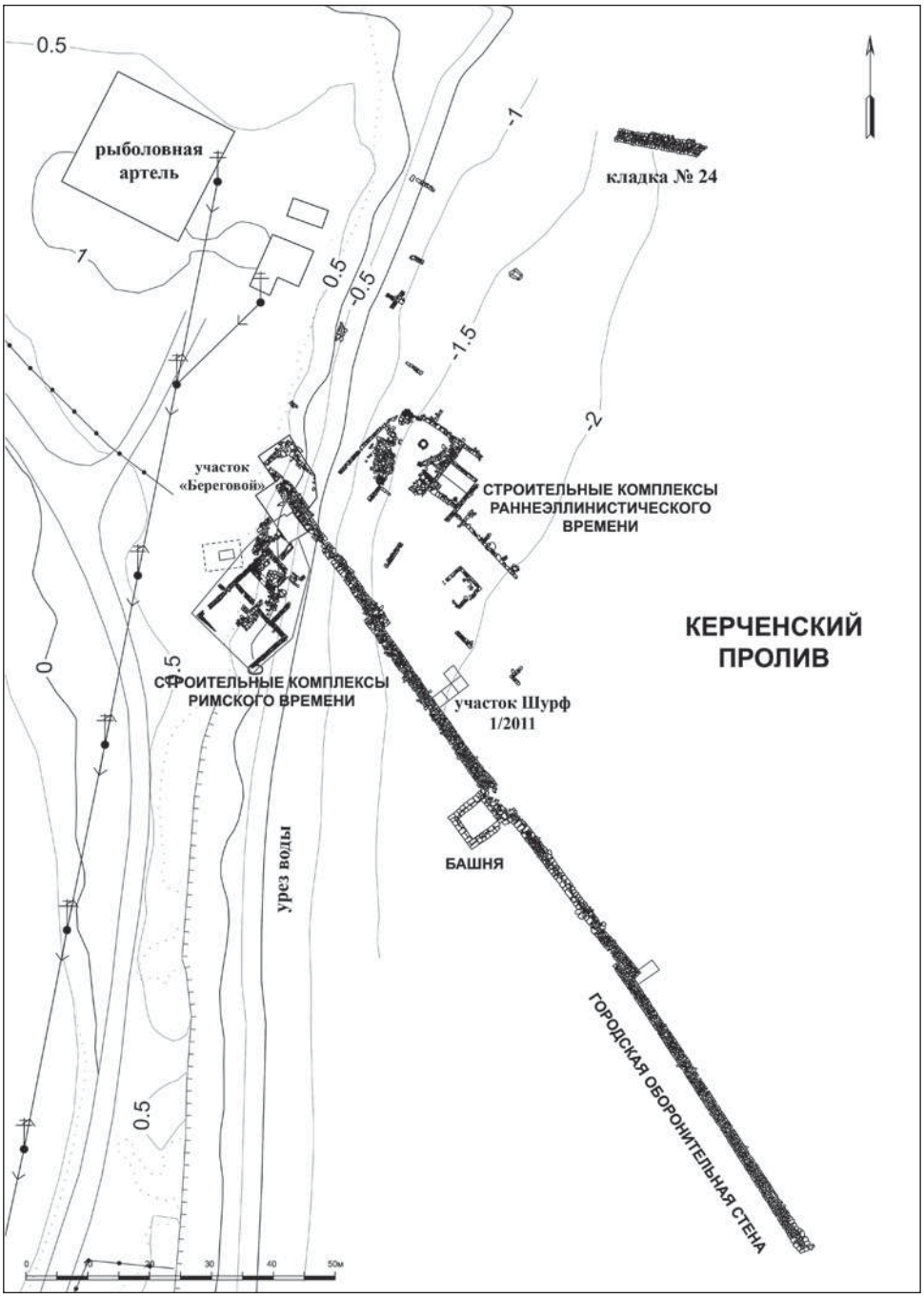


Рис. 1. План Акры по результатам исследований 2011– 2019 гг.

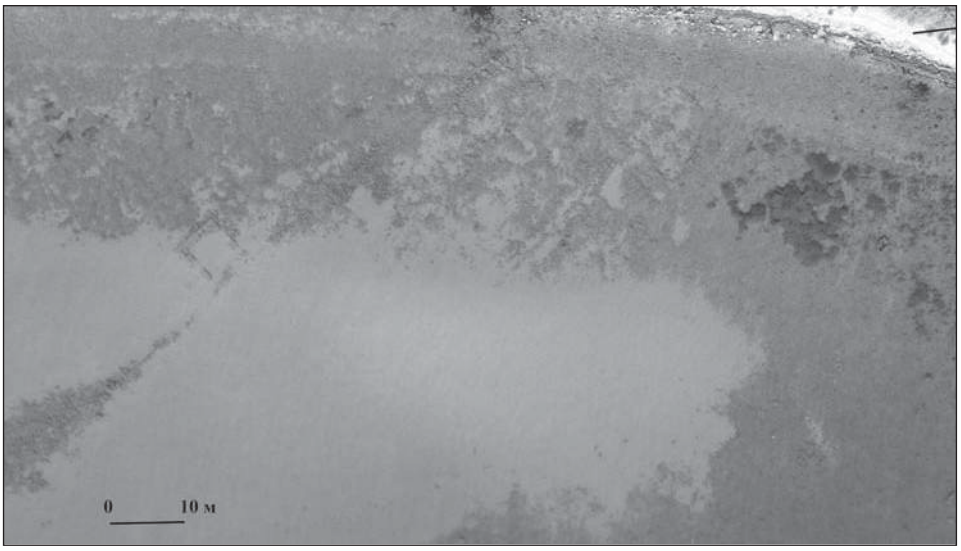


Рис. 2. Аэрофотосъемка затопленной части Акры.

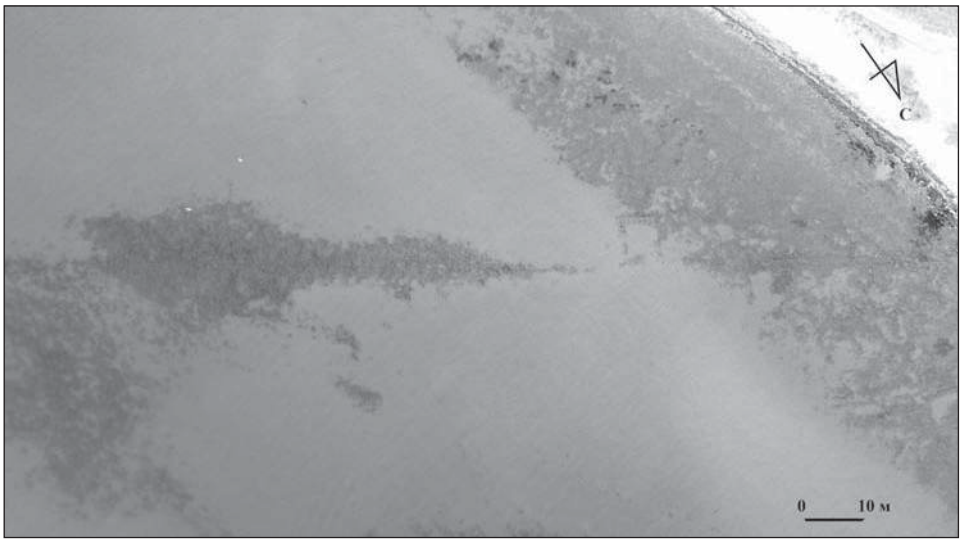


Рис. 3. Аэрофотосъёмка подводного участка городской оборонительной стены.

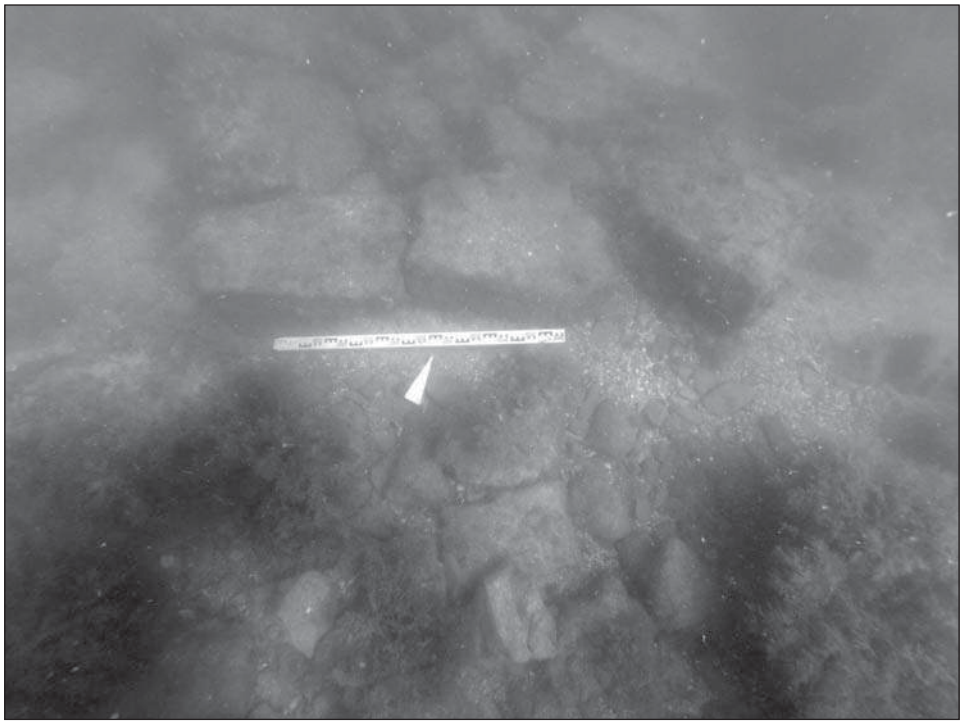


Рис. 4. Юго-восточный край городской оборонительной стены. Вид с юго-востока.

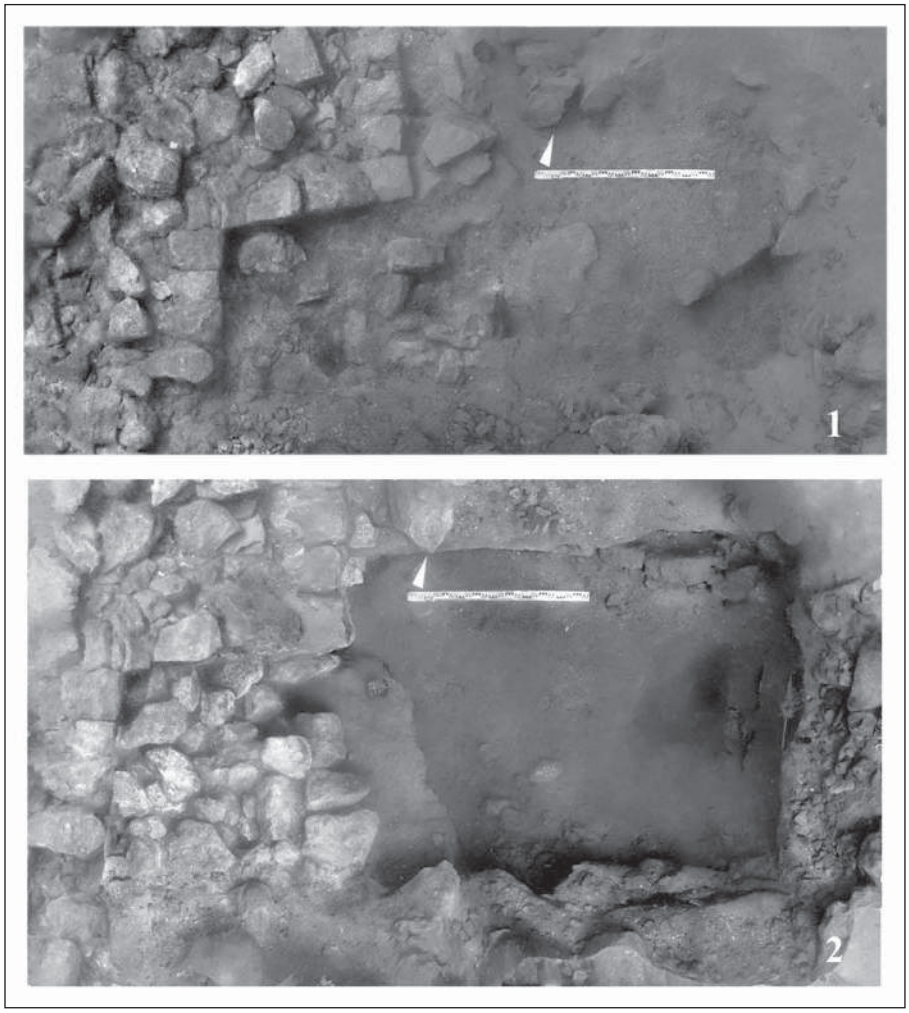


Рис. 5. Участок «2019»: 1. До начала работ; 2. По окончании работ.

Рис. 6. Аэрофотосъемка рабочего момента по расчистке оборонительной стены. Водолазный пост с лодкой расположен на месте работ на участке «2019».

Рис. 7. Аэрофотосъемка организации водолазного поста при исследованиях участка «2019».

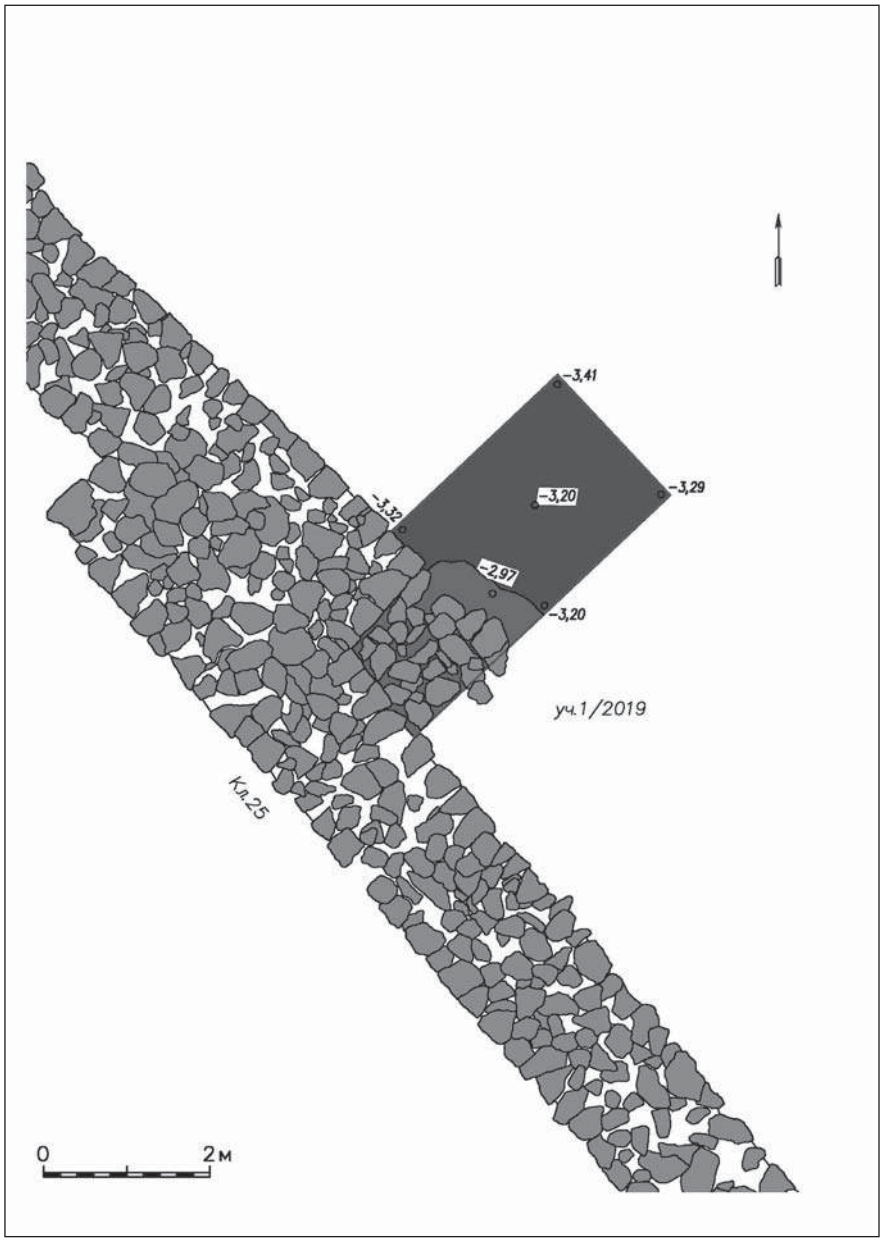


Рис. 8. План участка «2019» и примыкающий участок городской оборонительной стены.

Рис. 9. Восточный фас оборонительной стены в пределах участка «Шурф №1/2011».

Рис. 10. Западный фас оборонительной стены города в пределах участка «Береговой».

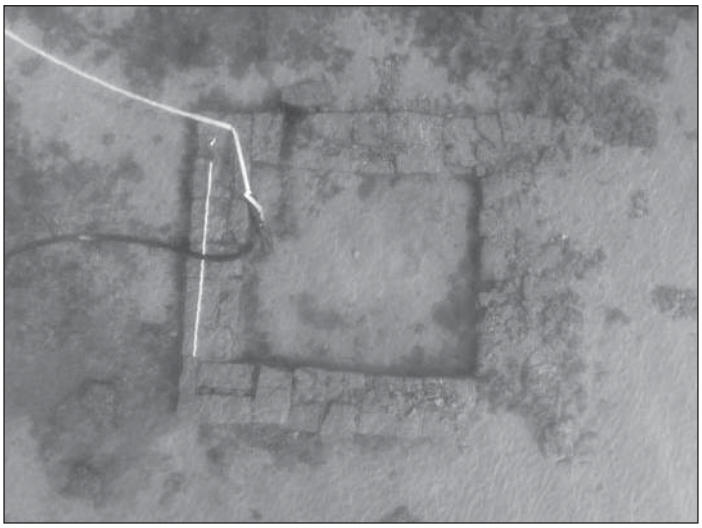


Рис. 11. Аэрофотосъемка оборонительной башни.

Рис. 12. Ортофотоплан оборонительной башни методом фотограмметрии.

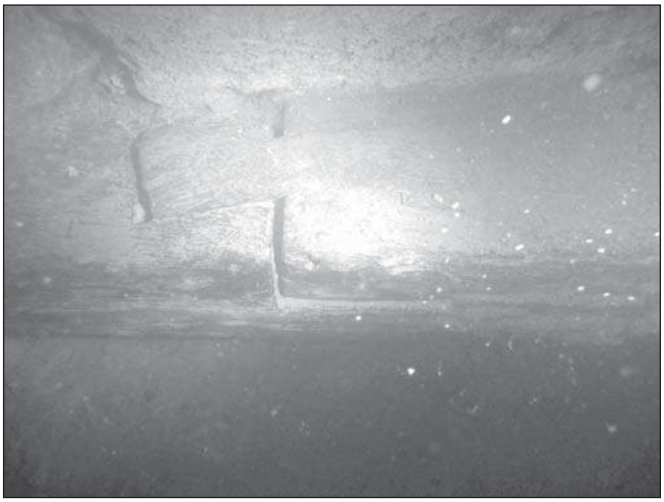


Рис. 13. Стыки дубовых балок основания башни.

Рис. 14. Продольные и поперечные дубовые балки основания башни.

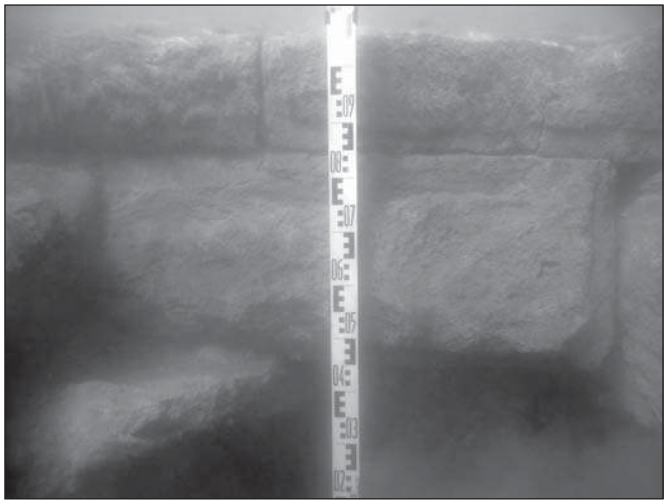


Рис. 15. Рустованные блоки внутреннего фаса северо-западной стены башни.

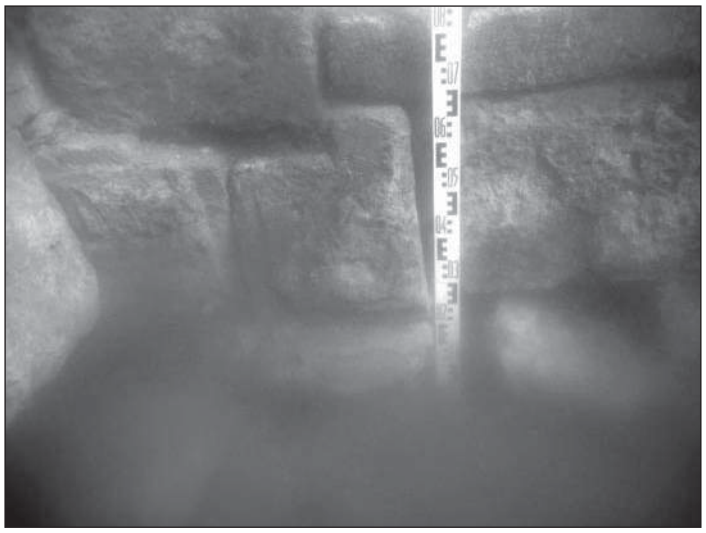


Рис. 16. Внутренний фас кладки северо-восточной стены башни.

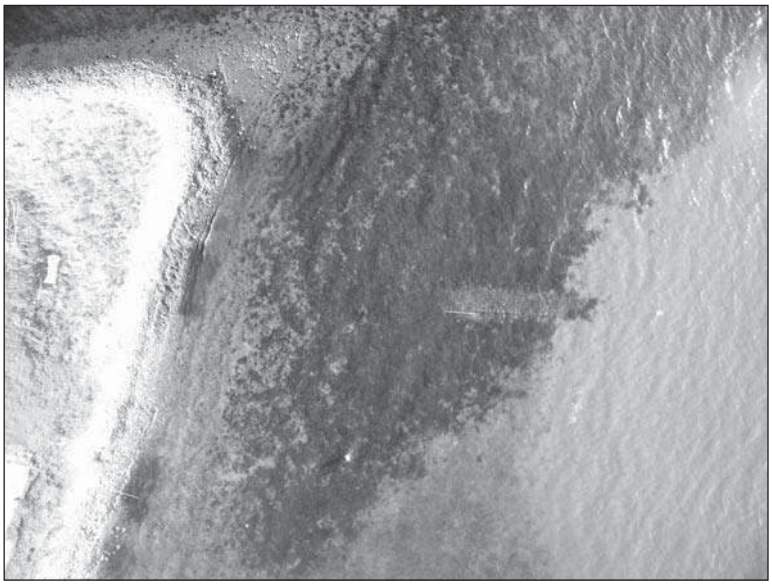


Рис. 17. Аэрофотосъемка кладки № 24 после расчистки относительно береговой линии.

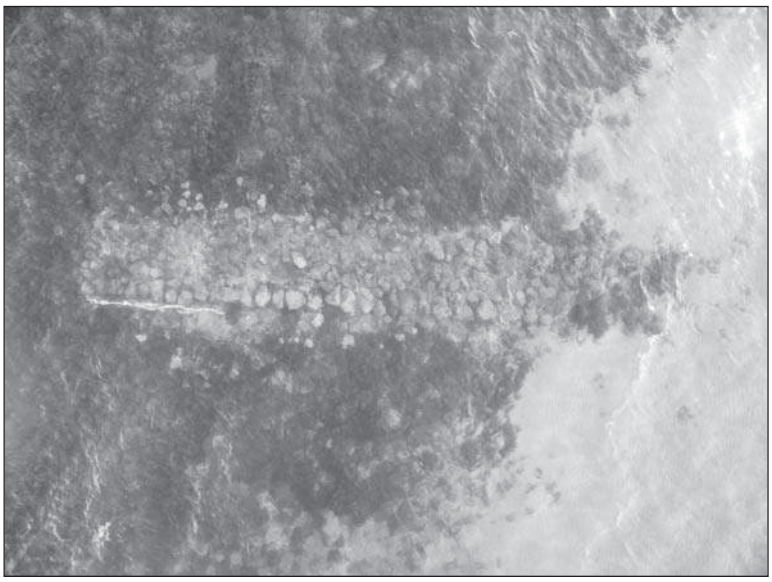


Рис. 18. Аэрофотосъемка кладки № 24.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
IU.A. VINOGRADOV

РАСПИСНОЙ САРКОФАГ 1900 г. ИЗ КЕРЧИ[1]

PAINTED SARCOPHAGUS OF 1900 g. FROM KERCH

Расписной саркофаг, найденный в 1900 г. в Керчи [ОАК за 1900 г., с. 27; Думберг, 1902, с. 40; Марти, 1926, с. 38; Виноградов, 2012, с. 227], является одним из самых известных, можно даже сказать, знаменитых памятников художественной культуры Боспора первых веков н.э. Перед ним непременно останавливается каждый посетитель Боспорского зала Государственного Эрмитажа (рис. 1). Казалось бы, за 120 лет, прошедших с момента открытия этого памятника, он уже изучен досконально, и исследователи знают даже состав красок, использованных при его росписи. Однако это далеко не так – памятник скрывает немало загадок, в особенности это относится к пониманию смысла композиций, изображенных на его стенках. Имеются и другие неясные вопросы, в частности, касающиеся обстоятельств обнаружения саркофага.

О времени и месте ценной находки

3 февраля 1900 г. директор Керченского музея К.Е. Думберг направил председателю Императорской археологической комиссии А.А. Бобринскому телеграмму следующего содержания [РО НА ИИМК РАН, ф. 1. 1900 г., оп. 1, д. 5, л. 4а]: «Вчера найден саркофаг из известняка весом 120 пудов, внутри украшенный многими интересными фресками. Уникум заслуживает Эрмитажа. Если исходатайствуете даровой провоз прямым сообщением Керчь – Петербург, привезу. Во всяком случае прошу убедительно написать об оказании содействия начальникам Феодосийской станции и <в> Москве Курского и Николаевского вокзалов. Выеду двенадцатого». Указав вес саркофага (почти 2 тонны), Карл Евгеньевич, очевидно, обращал внимание руководства ИАК на сложность транспортировки саркофага в Петербург. Естественно, у него не возникло сомнений в том, что столь замечательный памятник должен храниться именно в Императорском Эрмитаже. А.А. Бобринской ответил немедленно: «Распоряжение <относительно> перевозки будет сделано. Предварительно упаковки необходимо снять точные рисунки, если возможно, красками и фотографически» [там же, л. 7].

О транспортировке саркофага в столицу империи и связанных с этим мероприятием стоит сказать специально (см. ниже). Сейчас же следует отметить, что в Архиве ИИМК РАН имеется документ, непосредственно связанный с находкой этого памят-

[1] Исследование проведено в рамках программы фундаментальных научных исследований Российской академии наук по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

ника, – это рапорт К.Е. Думберга о передаче керченских древностей в ИАК, датированный 23 мая 1900 г. [там же, л. 34]. В нём сказано, что саркофаг был обнаружен «счастливчиками» 31 декабря 1899 г. на Карантинной улице в г. Керчи. По словам этих «счастливчиков», в нём было найдено несколько предметов [там же, л. 35 об.]:

1. Золотой перстень с резным камнем (стоящий возле гермы мужчина). Он, по всей видимости, попал в Эрмитаж.
2. Три круглые золотые пластинки диаметром 5 см.
3. Три пластинки листового золота.
4. Остатки золотых листьев apium.

Сразу возникает вопрос: так когда же саркофаг был найден? 2 февраля 1900 г., как это следует из телеграммы К.Е. Думберга, или 31 декабря 1899 г., как сказано в рапорте?

Дело окончательно запутывает информация, содержащаяся в Отчёте о деятельности Керченского музея в 1900 г. В этом документе все мероприятия К.Е. Думберг расписал по дням: «Январь 31. На площади между бойней и тюрьмой был найден каменный саркофаг с крышкою, внутри украшенный фресками» [там же, л. 185]. Можно полагать, однако, что этот Отчёт был составлен сравнительно поздно, – в частности, в нём кратко воспроизведены сведения из рапорта от 23 мая.

Чтобы попытаться выйти из столь запутанной ситуации, следует обратить внимание на одно важнейшее обстоятельство – оба эти документа (рапорт и отчёт) относятся ко времени, когда К.Е. Думберг принял твёрдое решение оставить пост директора музея, подав заявление об отставке 12 апреля 1900 г. [Виноградов, 2012, с. 218]. Болезненно переживая обрушившиеся на него обиды и невзгоды, Карл Евгеньевич, по всей видимости, не обращал особого внимания на точность дат и прочие сюжеты, которые теперь ему казались незначительными. По этой причине будет правильнее считать, что «счастливчики» нашли саркофаг 2 февраля 1900 г., о чём К.Е. Думберг информировал петербургское начальство в приведённой выше телеграмме от 3 февраля.

О месте находки саркофага в приведённых выше документах сказано очень кратко: на Карантинной улице в г. Керчи или на площади между бойней и тюрьмой. В общем, в этих указаниях противоречия нет, поскольку бойня находилась на Карантинной улице, которая вела к Новому карантину (городищу Мирмекий). Более основательную справку по этому вопросу, конечно, смогут дать только керченские краеведы.

О транспортировке саркофага в Петербург

Получив информацию из Керчи, председатель ИАК обратился к князю М.И. Хилкову, возглавлявшему Министерство путей сообщения, с письмом, в котором говорилось: «Ввиду ограниченности средств Археологической Комиссии, позволю себе беспокоить Ваше Сиятельство просьбою, не признаете ли возможным разрешить даровой провоз помянутого саркофага из г. Керчи в Санкт-Петербург. Такое разрешение дало бы возможность члену Комиссии, заведывающе-

му раскопками в Керчи, лично привезти саркофаг в Петербург, где этот предмет послужит украшением предстоящей выставки древностей, ежегодно устраиваемой Археологической Комиссией для Высочайшего Государя Императора обозрения» [там же, л. 9]. М.И. Хилков сделал об этом доклад самому монарху, и тот не отказал в «даровом провозе» [там же, л. 10]. 19 февраля в ИАК было направлено письмо, в котором сообщалось, что «Управление железных дорог имеет честь уведомить, что соответственное по означенному предмету распоряжение одновременно сделано начальникам Курско-Харьково-Севастопольской, Московско-Курской и Николаевской железных дорог» [там же, л. 16].

К.Е. Думберг доставил саркофаг в Петербург 28 февраля 1900 г., и произошло это почти без осложнений. Чтобы перевезти столь громоздкий предмет от Николаевского вокзала до Императорской комиссии, понадобилось пять ломовых лошадей [там же, л. 22]. Естественно, директор Керченского музея обратился к руководству Комиссии с просьбой о возмещении ему путевых издержек. А.А. Бобринской был готов выдать 150 руб., при этом в резолюции специально отмечалось, чтобы «не обидеть» [там же, л. 27]. ДАТА! Но обида, причину которой мы в полной мере понять не можем, уже была нанесена ранее, и К.Е. Думберг подал рапорт об отставке, который поначалу был оставлен без внимания.

Архивные материалы, к сожалению, не дают информации о деталях этого важного для боспорской археологии события. Решение об ассигновании К.Е. Думбергу 150 руб. было принято 10 мая, и ему был направлен специальный талон [там же, л. 30, 31]. В ответ на это 19 мая тот ответил А.А. Бобринскому гневным письмом [там же, л. 32]: «Возвращая при сём выданный мне талон на получение 150 рублей, назначенных мне Вашим Сиятельством на возмещение расходов по командировке меня в Петербург <…>, я имею честь донести, что я не просил Вас о выдаче мне пособия, а об уплате причитающихся мне по Высочайше утверждённой табели суточных и прогонных денег. Если моя поездка в Петербург не будет признана командировкою, подходящей под условия Высочайше утверждённой табели, и если, следовательно, моя просьба окажется неправильною, то я отказываюсь от получения какого-то бы ни было пособия и принимаю все понесённые мною расходы на свой собственный счёт».

Талон на выдачу денег пришлось уничтожить [там же, л. 33]. В финансовом отчёте ИАК за 1900 г., однако, имеются документы о том, что преподавателю Керченской женской гимназии Сергею Украинцеву «за 5 акварельных рисунков (в натуральную величину), снятых с фресковой живописи, украшающей стены каменного саркофага» выплачено 35 руб. [там же, л. 44 об. – 45]. Фотограф Матвей Рубанчик «за снятие 4 негативов 18 × 24 с каменного саркофага (с 7 отпечатками)» получил 10 руб. [там же, л. 93 об.]. Как видим, просьба А.А. Бобринского о снятии точных копий рисунков росписей саркофага и их фотографировании, выраженная в процитированном выше письме, была выполнена. Вот только с К.Е. Думбергом восстановить нормальные отношения так и не получалось…

В Императорский Эрмитаж керченский саркофаг был передан 18 июля 1900 г. [там же, л. 41].

Описание саркофага

Наилучшим образом керченский саркофаг был описан М.И. Ростовцевым в его фундаментальном исследовании «Античная декоративная живопись на юге России» [Ростовцев, 1913-14, с. 376–389]. Он был изготовлен из глыбы известняка, и снаружи его поверхность была обработана очень грубо. В этой глыбе была выдолблена погребальная камера, покрытая внутри тонким слоем штукатурки и расписанная поверх него. Длина саркофага составляла 2,15 м, ширина – 0,92-0,88 м, высота без крышки – 0,81 м, ширина стенок – 0,18 м, глубина саркофага – 0,57 м. Крышка сделана из отдельного куска камня и сверху также не отёсана. Изнутри она выдолблена таким образом, что образует типичное покрытие склепов, вырубленных в скале.

Главный интерес каменного саркофага, конечно, связан с его росписью. Она относится к так называемому «цветочному» стилю, столь характерному для боспорских расписных склепов первых веков н.э., – стенки покрыты изображениями растительных побегов, листьев и лепестков цветов. Исследователи обычно относят этот саркофаг к концу I в. н.э. [Ростовцев, 1913-14, с. 389; Ернштедт, 1955, с. 270; Блаватский, 1964, с. 173; Соколов, 1973, с. 109; Trofimova, 2007, p. 33] или к концу I в. – началу II в. [Novicka, 1998, p. 66], лишь П. Бургундер датирует его не ранее второй половины II в. н.э. [Burgunder, 2010, p. 689, 693].

Пространство каждой из длинных стен разделено изображениями коринфских колонн на три поля (интерколюмния); ещё два поля представляют короткие стены. Таким образом, общее их число составляет восемь; поля имеют различную ширину, и представленные в них изображения ни разу не повторяются. Все они давно стали хрестоматийно известными, поэтому вряд ли следует их описывать ещё один раз. Гораздо важней обратить внимание на порядок следования этих полей на стенках саркофага.

Чередование орнаментальных композиций

М.И. Ростовцев предложил рассматривать росписи в следующей последовательности [Ростовцев, 1913-14, с. 377–384]:

1. На одной из коротких стен изображена гирлянда.
2. На примыкающем к углу поле длинной стены представлена сцена трапезы.
3. Мастерская художника.
4. Юноша с лошадью.
5. На второй короткой стороне изображены гротескные танцующие фигуры, которые обычно именуют пигмеями.

На этом М.И. Ростовцев возвращается назад, к короткой стене с гирляндой, и отсюда продолжает осмотр[2] .

---

[2] Эта особенность изложения материала у М.И. Ростовцева привела к одной ошибке в моей первой публикации, посвящённой саркофагу [Виноградов, 2020]. Посчитав, что описание изобразительных по-

6. На второй длинной стороне сначала представлена сидящая женщина.

7. Два всадника, стоящие один перед другим.

8. Три музыканта.

Никакого связного рассказа в этих композициях при таком порядке их рассмотрения получить невозможно, да М.И. Ростовцев и не ставил перед собой такой задачи, очевидно, считая её бессмысленной.

Ту же самую схему, в общем, повторила Е.В. Ернштедт, основное внимание уделяя изображениям на длинных стенах [Ернштедт, 1955, с. 269–270]:

1. Юноша с лошадью.

2. Мастерская художника.

3. Сцена трапезы.

4. Два всадника

5. Группа из трёх музыкантов.

6. Женщина с ребёнком на коленях.

Стоит обратить внимание на то, что Е.В. Ернштедт после композиции № 3 возвращается назад, но здесь допускает одну ошибку, поставив всадников (№ 4) перед музыкантами (№ 5). На самом деле три музыканта представлены на второй длинной стене первыми, примыкая к углу саркофага.

Другие специалисты не придают никакого значения месту расположения каждого изобразительного поля на стенках саркофага, перечисляя их в произвольном порядке [Гайдукевич, 1949: 398; Иванова, 1953, с. 153–154; Gajdukevič, 1971. S. 431–432; Novicka, 1998; Trofimova, 2007, p. 33]. Более того, многие исследователи, обращающиеся к этому памятнику, ограничиваются лишь более или менее подробным описанием изображения художника [Блаватский, 1964, с. 173–174; Воронов, Михайлов, 1983, с. 62–63; Jijina, 2007, p. 72], что, конечно, можно понять, учитывая уникальность этого изображения в античном искусстве.

Теперь зададимся принципиально важным вопросом – составляют ли эти изображения систему или, иными словами, следует ли вообще обращать внимание на место их расположения на стенках саркофага?

К методике исследования росписей

На первый взгляд, все эти композиции на стенках саркофага представлены абсолютно произвольно и никак не связаны друг с другом. Исследователи видят здесь как сцены, связанные с представлениями боспорян о загробном мире (пляшущие пигмеи, загробная трапеза), так и сцены повседневной жизни (всадники, мастерская художника и пр.) [Гайдукевич, 1949, p. 398; Trofimova, 2007, p. 33]. Однако определённая система в этих изображениях всё-таки имеется. На одной длинной стене во всех трёх сценах главным персонажем (или одним из таковых) является мужчина,

---

лей у него идёт, так сказать, по кругу, я сделал поле с сидящей женщиной первым к пигмеям, а поле с музыкантами – последним. На самом деле всё обстоит наоборот, что стало причиной ошибки в интерпретации семантики изображений. В данном издании эта ошибка исправлена.

который в двух случаях изображён безбородым и один раз (в сцене трапезы) – с курчавой бородой. Рискну высказать предположение, что в этих композициях представлен один и тот же мужчина, а именно тот, погребение которого было совершено в саркофаге.

На противоположной стене такого нет. Здесь представлены композиции другого рода – музыканты, прогулка всадников, женщина в кресле. Логично ожидать, что действия, запечатлённые в этих изображениях, имеют отношение к главному герою, но в двух случаях (сцены с музыкантами и сидящей женщиной) он в них непосредственно не участвует. Изображение главного героя, как представляется, можно видеть на центральной композиции этой стены саркофага, а именно – в образе безбородого всадника с курчавой головой.

Допущение, что художник, расписывавший саркофаг, мог поменять «картинки» местами, вряд ли уместно. Сугубо умозрительно, конечно, это сделать вполне возможно и, скажем, поместить танцующих пигмеев в центре одной из длинных сторон. По моему глубочайшему убеждению, такие замены невозможны, и все изобразительные композиции представлены на своих, строго определённых местах [Виноградов, 2020, с. 65]. В живописи, связанной с погребальной сферой, ничего случайного вообще быть не может. Основная её задача – создать образ мира, в который попадает человек, закончивший свой земной путь. Надо признать, что произведения изобразительного искусства, полученные при раскопках курганов Боспора Киммерийского, дают великолепный материал для изучения представлений боспорян о загробном царстве [Шауб, 2014; 2020].

Цветочный стиль росписи боспорских склепов с изображением на их стенах сплошного покрова из растительных побегов, листьев и лепестков создаёт образ некоей фантастической страны, наполненной яркими красками и благоуханием [Виноградов, 2017а, с. 49]. На саркофаге к тому же представлена композиция с изображением музыкантов, которую можно понимать как указание на то, что эта страна наполнена гармоничной музыкой.

Крышка саркофага, как уже было сказано, по форме имитирует типичный свод боспорских склепов. Как и они, она семантически соответствует образу сакрального неба. Покрывающая её голубая краска, разбросанные растительные побеги и лепестки цветов, а также изображения двух птиц не позволяют предложить иной трактовки. Но что же происходит под этими небесами?

Ещё раз отмечу, что если последовательно рассматривать изображения сначала на одной стене саркофага, а потом на другой, то никакой связной картины нарисовать не удастся. Иными словами, методика «музейного осмотра», когда зрители знакомятся с картинами, вывешенными сначала на одной стене, потом на другой и т.д., здесь не уместна. В данном случае необходимо применить другую методику анализа, а именно – рассматривать «картины» не по одной, а парами, находящимися напротив друг друга. Таким образом, зритель будет как бы погружаться в сакральное пространство, которое эти изображения по-своему моделируют. Начинать такое погружение, есте-

ственно, следует от входа и заканчивать самым главным, основным, центральным пунктом. Условно такую систему анализа можно уподобить не «музейному осмотру», а взгляду из вагона движущегося поезда – в каждый конкретный момент из его окон с обеих сторон мы видим пейзажи, характерные для данного места, потом они сменяются другими, и так будет до тех пор, пока поезд не прибудет на конечную станцию [Виноградов, 2020, с. 66]. Конечно, картины, открывающиеся по сторонам поезда, не идентичны (в одном окне мы можем видеть деревеньку, а в другом – лес), но в каждый конкретный момент они характеризуют данный пункт пространства. В погребальной живописи это пространство следует считать сугубо сакральным.

Подобную перспективу сакрального пространства можно видеть в сложной орнаментальной композиции большого лекифа Ксенофанта, изготовленного в начале IV в. до н.э [Виноградов, 2006, с. 151–153; 2007, с. 43–45]. Центральной фигурой здесь является мчащийся на колеснице персидский сатрап Аброком. Такое его положение не случайно, поскольку он совсем недавно ушёл из жизни и, соответственно, вступил в мир бессмертных героев. Поблизости от него расположены фигуры персидских царей – Кира и Дария, чуть дальше – героев, павших в битве при Саламине. На периферии композиции изображены мифологические персонажи, а завершается она великолепно исполненным растительным орнаментом, явно символизирующим «волшебный сад», в котором пребывают все великие герои, ушедшие из жизни ранее представленных на сосуде. Иными словами, Ксенофант в своей композиции сумел выразить представление о пространственно-временном континууме мира усопших героев.

Очень схожая идея заложена в некоторых фигурных композициях, представленных на произведениях греко-скифской торевтики. Особенно наглядно она выражена в орнаментальной композиции серебряной амфоры из кургана Чертомлык [Балонов, 1991].

Немного отвлекаясь от главной темы, следует отметить, что на одном из лучших памятников боспорского погребального искусства, мраморном саркофаге из Мирмекия, изображения, связанные с циклом преданий об Ахилле, сгруппированы по нескольким семантическим группам – рождение героя, его сакральная смерть, возрождение к новой жизни [Бутягин, Виноградов, 2016, с. 26]. Нечто подобное, но гораздо более скромными средствами, представлено на расписном саркофаге 1900 г. Имеющиеся здесь изображения можно объединить в 4 семантические пары, каждая из которых по-своему значима.

Семантические группы изображений

Для более адекватного понимания смысла общей орнаментальной композиции её характеристику следует начинать с коротких сторон. М.И. Ростовцев приступил к описанию саркофага со стенки, украшенной гирляндой, но правильнее это делать с противоположной, где изображены пигмеи. На первый взгляд, пары для этой композиции нет, на самом же деле таковой является именно стена с гирляндой. Эта пара, на мой взгляд, и составляет первую семантическую группу.

1. Покойный, скорее всего, был обращён ногами к стенке с пигмеями (рис. 2, 1а), и она семантически связана с идеей смерти. Изображение пляшущих пигмеев с двумя булавами в каждой руке (именно так понимают эти предметы) имеют очень важную смысловую нагрузку. Обычно их трактуют как апотропеи, призванные защитить гробницу от нежелательных вторжений, но этого, на мой взгляд, далеко не достаточно. Пигмеи, как представляется, служат символом того мира, наполненного многочисленными зловредными демонами, сквозь который душе усопшего пришлось пройти на пути в «райские кущи». Этот мир, безусловно, следует считать очень опасным, грозящим душе многими бедами. Не удивительно, что фигуры подобных безобразных существ изображены на периферии орнаментальной композиции склепа Сорака [Виноградов, 2017а, с. 50–51]. Подчеркну, что именно на периферии! Правда, в росписи саркофага они помещены рядом со столом, заставленным кушаньями и бокалами с напитками. Это может означать, что пигмеи не столь враждебны для душ усопших, или же они просто не могут пересекать предела, обозначенного этим столом. Вполне возможно, что, как это представлялось боспорянам, область их обитания была расположена рядом с входом в царство мёртвых.

На второй торцовой стене, к которой погребённый был обращён головой, представлена гирлянда, а точнее – погребальный венок (рис. 2, 1б). Этот предмет не был простым украшением, его значение гораздо глубже, недаром подобные венки можно видеть на стенах почти всех расписных боспорских склепов первых веков н.э. На стенах склепа Сорака, к примеру, можно насчитать целую дюжину таких изображений [Виноградов, 2017б, с. 193–199, табл. 150(1)–150(7)]. По существу, это мешок или чехол с тесёмками для завязывания на обоих концах, который набивался растительными побегами, скорее всего, колючими – местами побеги прорывают ткань мешка. М.И. Ростовцев убедительно показал, что мешки-гирлянды были важным атрибутом погребальной церемонии, символизировавшим возрождение усопшего к новой, блаженной жизни [Ростовцев, 1913-14, с. 217, 230–231, 229–300, 377 и др.].

Таким образом, изображения на торцовых стенках саркофага, несмотря на их лаконичность, выражают два важнейших момента посмертной судьбы человека. Первый – это достижение царства мёртвых, а второй – обретение в нём вечного, безмятежного существования. Все остальные изображения, по существу, лишь конкретизируют обозначенные моменты.

2. Вторую семантическую группу образуют изображения, примыкающие к торцовой стенке с изображением пигмеев. В ней можно видеть выражение двух идей – смерти и входа в царство усопших. Слева представлена фигура молодого мужчины в позе печали, опирающегося локтем левой руки на невысокую колонну (рис. 2, 2а). Слева от него стоит неосёдланный конь, а справа свешивается лук в горите.

Изображения человеческих фигур, опирающихся на колонну, встречаются на боспорских надгробных рельефах [Kieseritzky, Watzinger, 1909, Taf. XXXII, 453; XXXIII, 455; XXXV, 494; XXXVI, 514, 529; XXXVII, 536; КБН-альбом, 2004, илл. 81, 88, 422, 541, 575, 593, 647], и вообще вся эта композиция во многом перекликается

с ними. Изображение колонны на боспорских погребальных рельефах может иметь самостоятельное значение, обозначая космическую вертикаль, т.е. являясь заменителем древа жизни [Зинько, 1999, с. 190–191; Ломтадзе, 2000, с. 65].

Конь без седла – очевидный символ безвременной смерти его владельца. Такие изображения имеются на надгробных рельефах [КБН-альбом, 2004, ил. 279, 383, 659]. Пару коней возле дерева можно видеть в росписи склепа Анфестерия [Ростовцев, 1913-14, табл. LI, 1].

Горит с луком, подвешенный справа от основного персонажа, чрезвычайно значим, его тоже можно видеть на погребальных рельефах [Kieseritzky, Watzinger, 1909, Taf. LII, 718]. В общем, здесь вполне очевидна аллюзия на один из атрибутов Геракла – смертного человека, ставшего героем и достигшего статуса олимпийского божества. По мнению Е.А. Савостиной, лук демонстрирует семантическую связь «герой – бог – героизированный человек» [Савостина, 1983, с. 55]. Е.А. Зинько тоже считает, что этот атрибут был связан с культом героев и «обозначал то состояние, в которое переходил умерший» [Зинько, 1999, с. 191]. Л.М. Ломтадзе высказал догадку, что лук может быть связан также с возрастной группой усопшего [Ломтадзе, 2000, с. 66]. Всё это, вероятно, так и было, но здесь следует обратить внимание на другое, более важное обстоятельство – в боспорском погребальном искусстве и на произведениях более ранней греко-скифской торевтики этот предмет является своего рода указанием на самую близкую связь героизированного с богиней [Мачинский, 1991, с. 143–144]. Правда, в рассматриваемой композиции нет даже намёка на наличие женского персонажа, но данное обстоятельство, на мой взгляд, означает лишь одно – эта связь станет реальностью в будущем.

На правой стороне саркофага первой к сцене с пигмеями является композиция с тремя музыкантами (рис. 2, 2б). Средний играет на ручном органе, а стоящие по бокам от него – на флейтах. Дж. Фрэзер верно заметил, что «музыка, самое проникновенное и волнующее из всех искусств, сыграла значительную роль в деле формирования и выражения религиозных эмоций» [Фрэзер, 1980, с. 373]. В Древней Греции и Риме религиозные церемонии не обходились без музыкального сопровождения [Герцман, 1995, с. 141–144; Kubatzi, 2018, p. 110–111; Bernaedini, 2018, p. 126–129], это в полной мере относится и к греческим колониям Северного Причерноморья [Вдовченко, 2004]. Праздничная музыка, конечно, вполне уместна в обители богов и героев [Вертиенко, 2010]. Миф об Орфее и Эвридике, демонстрирующий связь между музыкой и сверхъестественным, в этом отношении очень показателен [Leven, 2018, p. 179]. В данном случае композиция с изображением музыкантов, на мой взгляд, означает именно торжественность, праздничность вступления усопшего в мир блаженных героев.

3. Третью семантическую группу составляют две очень важные композиции. Справа изображены фигуры двух всадников, обращённых друг к другу (рис. 3, 3б); левый безоружен и молод, а правый, представленный с луком у пояса, в руке держит кнут. Изображения фигур всадников можно видеть на стенах многих боспор-

ских склепов, они здесь вполне типичны [Ростовцев, 1913-14, табл. LI, 6; LXXIII, 4 и др.], но они гораздо более многочисленны на погребальных стелах [Давыдова, 1990, кат. 43–54; Kieseritzky, Watzinger, 1909, Taf. XXXIX–XLIX], где нередки и композиции из двух всадников [Kieseritzky, Watzinger, 1909, Taf. XLV, 633, 635a, 639, 647; XLVI, 650; XLIX, 683]. Такие выезды ни в коем случае нельзя рассматривать как простые увеселительные прогулки. Всадники явно устремляются к далёким пределам загробного мира, где их ожидает встреча с богиней. Сцена такого выезда есть обозначение пути погребённого в вечность, метафора его перехода к бессмертию [Савостина, 1992, с. 361; Ломтадзе, 2000, с. 65]. Любопытно при этом, что на боспорских надгробных рельефах чаще встречаются изображения всадников, следующих друг за другом, но имеются и композиции, подобные рассматриваемой [КБН-альбом, 2004, ил. 408, 653, 685, 963]. На мой взгляд, они демонстрируют один ключевой момент для понимания смысла всего выезда – встречу героя с неким важным персонажем (богом или другим героем?), который укажет ему путь к богине.

Напротив композиции с всадниками представлена мастерская художника (рис. 3, 3а). Она заслуженно вызывает огромный интерес у всех исследователей. На первый взгляд, это изображение не имеет никакого отношения к тому миру, в котором оказывались герои после смерти. Их жизнь занимали пиры, охота на диковинных зверей, поединки с подобными им героями, конные выезды, путешествия в поисках богини, встречи с ней и т.п. Казалось бы, с этим миром художник никак не связан. Не удивительно, что все исследователи всегда видели и до сих пор видят здесь реальную мастерскую реального художника, даже считается, что он был мастером в области изготовления погребальных портретов [Иванова, 1955, с. 293; Novitska, 1998; Burgunder, 2010, p. 689, 692]. Тем не менее сопоставленность этого изображения с другим, на котором представлен выезд всадников, отправившихся на поиск богини, представляется совсем не случайной. Можно допустить, что сам акт художественного творчества не рассматривался на Боспоре как простое, презренное ремесло, а считался сродни проявлению божественного. Вспомним, что Орфей вошёл в царство мёртвых и вышел из него только благодаря своим феноменальным музыкальным способностям [Герцман, 1995, с. 78–88; Leven, 2018].

Такое понимание, разумеется, совсем не исключает того, что в саркофаге 1900 г. был погребён один из боспорских художников. В самом деле, разве можно было лишить его в загробном мире возможности продемонстрировать свои творческие, вдохновлённые божеством способности?

4. Эта семантическая группа является самой главной во всей орнаментальной композиции саркофага. Она представляет мир Великой богини, удостоившей героя чести встретиться с ней. И.Ю. Шауб абсолютно правильно указывает, что приобщение к Великой богини было кульминацией загробных упований боспорской элиты [Шауб, 2013; 2020, с. 110–115].

Слева мы видим сцену так называемого загробного пира (рис. 3, 4 а), хотя правильнее было бы назвать его священным. О.М. Фрейденберг ещё в прошлом веке

верно отметила, что изображение трапезы есть гарантия воскресения [Фрейденберг, 1936, с. 66]. Подобные изображения имеются в расписных склепах [Ростовцев, 1913-14, табл. LV, 1; LXV, 4; LXXV, 4; LXXXVIII, 2] и во множестве представлены на боспорских надгробных рельефах [Давыдова, 1990, кат. 39–41; Kieseritzky, Watzinger, 1909, Taf. XLIX, 688; L–LIV; КБН-атлас, 2004, ил. 134, 343, 365, 400 и др.].

Наш герой изображён покоящимся на ложе. В правой руке он держит гроздь винограда, в левой – канфар. У изголовья ложа стоит мальчик-слуга. Перед ложем находится столик на трёх изогнутых ножках, но никаких яств и посуды на нём нет, очевидно, трапеза уже закончилась. Любопытно, что мужчина изображён бородатым. Если считать, что все изображения на стенках саркофага связаны с загробным существованием одного человека, то приходится признать, что ожидание встречи с богиней или поиск такой встречи занял немало времени. Богиня сидит у ног нашего героя на низком кресле с четырьмя точёными ножками. Рядом с нею, почти у самой колонны, стоит девушка-прислужница, которая обеими руками держит, как это считал М.И. Ростовцев, большую пиксиду с конической крышкой [Ростовцев, 1913-14, с. 378].

На правой стене изображена женщина, сидящая на троне (рис. 3, 4б), под ногами у нее скамейка. На коленях она держит ребёнка, в левой руке которого представлена кисть винограда. За троном стоит служанка. Перед сидящей женщиной изображён пустой столик на трёх ножках. К столу приближается девушка, которая в обеих руках держит блюдо с тремя или четырьмя сосудами на нём. Вполне можно признать, что на сей раз трапеза будет впереди.

Заканчивая рассмотрение этой семантической пары, можно предположить, что, если первая её композиция определена выше как священный пир, за которым, надо полагать, следовал священный брак, то вторая композиция, по всей видимости, является намёком на этот самый брак. Стоит обратить внимание, что в первой из них с гроздью винограда изображён мужчина, а во второй – ребёнок. Это родство, на мой взгляд, не случайно. Вероятно, таковой была простая логика авторов росписей саркофага 1900 г. (или её заказчиков).

Два лика смерти в Древней Греции

В представлениях древних греков не было чёткой идеи о том, что ожидает их за порогом смерти, в какой мир они после этого попадают. Тем не менее принято считать, что никаких радужных надежд они при этом не питали. Мысль о существовании в мрачном царстве Аиде в виде бесплотных теней, каким оно рисуется в «Одиссее» Гомера (Hom. Od. 15–635), у живых могло вызвать разве что уныние. Овидий в «Метаморфозах», описывая спуск Орфея в мир теней в поисках Эвридики, тоже называет его «безрадостным царством» (Ovid. Metam. X. 1–75). Не всё, однако, столь однозначно.

По образному выражению Ж.-П. Вернана, смерть в Древней Греции имела как бы два противоположных лица. Первое, как уже было сказано, воплощало в себе страх невозвратности, заявляло о себе как о диком ужасе, оно как раз и связывалось

с царством Аида, где души умерших влачили ничтожное существование в виде жалких теней. Но существовало и другое лицо смерти, возвеличенное славой и сияющее идеалом, которому истинные герои посвящали всю свою жизнь [Vernant, 1981, p. 281]. Эти истинные герои, прославившиеся подвигами на поле брани, по представлениям эллинов, после ухода из жизни обретали бессмертное и счастливое существование где-то на островах блаженных, или Елисейских полях, принимали участие в пирах богов и были заступниками перед ними за своих земляков [см.: Farnell, 1970; Диатроптов, 2001]. Со временем возник обычай героизации усопших, т.е. обычай уподобления их великим героям, что должно было обеспечить даже людям далёким от воинских подвигов блаженное существование после кончины. На Боспоре такой обычай получил очень широкое распространение. В качестве примера можно привести расписной склеп Сорака, принадлежавший «исполнителю судебных решений», т.е. человеку совсем не героическому, но в имеющейся там надписи эта гробница названа герооном (КБН. 732), т.е. святилищем на могиле героя [Виноградов, 2017а, с. 44, 49–52].

К боспорскому художнику, как не трудно понять, смерть повернулась этим вторым лицом, хотя надо признать, что в его образе, представленном в росписях, нет почти ничего героического. Идея о том, что в царстве мёртвых не всё так ужасно, а даже напротив – некоторые пребывают в нём в полном счастье и довольстве, хорошо выражена Вергилием в поэме «Энеида». Имеется в виду то её место, где Эней спускается в подземный мир в поисках своего отца Анхиза. Прежде чем приступить к описанию этого спуска, хочется обратить внимание на то, что перед осуществлением столь рискованного мероприятия Севилла предупредила Энея, что исполнить задуманное станет возможным лишь тогда, когда он в роще Юноны (Артемиды) сорвёт с дерева золотую ветвь – это дар для Прозерпины (Персефоны), без которого «в потаённые недра земные» проникнуть невозможно (Vergil. Aen. VI. 133–148).

Впечатляющий образ золотой ветви, как известно, по-своему вдохновил Дж. Фрэзера на написание его знаменитой книги [Фрэзер, 1980, с. 778–793]. Исследователь посчитал при этом, что этот образ в сознании древних людей восходит к переосмыслению обычной веточки омелы, т.е. растения, паразитирующего на стволе дуба. Может быть, всё действительно было так, но в реалиях боспорской археологии имеются настоящие золотые ветви. Правда, обе не похожи на омелу; одна из них, найденная в Зеленском кургане, является дубовой [Уильямс, Огден, 1995, с. 179, кат. 113], а вторая, происходящая из гробницы № 47 Шестого кургана Юз-Обы, имитирует оливковую [Виноградов, Зинько, Смеалова, 2012, с. 189, рис. 46, 2]. Складывается впечатление, что обычай преподносить владычице подземного мира дар в виде золотой ветви проявился на Боспоре задолго до Вергилия, во всяком случае, не он его придумал.

Загробный мир в описании Вергилия

Рассказ Вергилия, описывающий загробное путешествие Энея (Vergil. Aen. VI. 133–750), среди российских археологов-антиковедов не привлекает особого внима-

ния, а он, на мой взгляд, в высшей степени любопытен. Как известно, Эней стремился встретиться со своим отцом Анхизом. По совету Севиллы ему удалось сорвать золотую ветвь, без которой, как уже было сказано, вход в царство мёртвых был невозможен. Несмотря на такое приобретение, путь к цели всё равно оказался трудным и опасным. Переправившись через Ахерон, Севилла и Эней выходят на перекрёсток дорог, правая из которых ведёт в Элизий, а по левой нечестивцы спускаются в Тартар. За порогом Элизия Эней видит радостный мир, где «солнце сияет своё и свои загораются звёзды» (Vergil. Aen. VI. 637–665). Его обитатели предаются спортивным состязаниям, танцуют и поют, руководимые «фракийским пророком» (Орфеем). Тут же пребывает «славных героев сонм», герои пируют. Эней видит копья, воткнутые в землю, пустые колесницы и коней, которые «вольно пасутся в полях».

Если кто при жизни оружье
И колесницы любил, если кто с особым пристрастьем
Резвых коней разводил, – получает всё то же за гробом.
(Op. cit. 653–655, перевод С.А. Ошерова).

Эта поэтическая фраза, на мой взгляд, позволяет лучше понять некоторые военные сцены, изображённые на стенах боспорских склепов, но Вергилий на этом не останавливается и далее говорит следующее:

Здесь мужам, что погибли от ран в боях за отчизну,
Или жрецам, что всегда чистоту хранили при жизни,
Тем из пророков, что рёк только то, что Феба достойно,
Тем, кто украсил жизнь, создав искусство для смертных,
Кто средь живых о себе по заслугам память оставил, –
Всем здесь венчают чело белоснежной повязкой священной.
(Op. cit. 660–665, перевод С.А. Ошерова).

Как видим, среди славных воинов, беспорочных жрецов и пророков нашлось место и для тех, «кто украсил жизнь, создав искусство для смертных», т.е. для художников в широком понимании этого слова. В общем, в повествовании великого поэта и росписи боспорского саркофага имеются некоторые переклички, как будто позволяющие приблизиться к лучшему пониманию сюжетов, изображённых на его стенках.

Между росписями саркофага и текстом Вергилия, естественно, имеются и расхождения. К примеру, в «Энеиде» не говорится о встрече с богиней, а в росписи саркофага именно эта сцена является основной, и это понятно, ведь Эней искал встречи с отцом, а Персефона лишь не препятствовала этому.

Трудно сказать, насколько стихотворное повествование о загробном царстве могло повлиять на творчество боспорского художника. Во всяком случае, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что он прочёл «Энеиду». Скорей, поэт выразил некоторые представления, широко бытующие в античном мире. У населения Боспора эсхатологические идеи достигли особой выразительности, по всей видимости, начиная ещё с времени освоения греками берегов Керченского пролива [Виноградов, 2000, с. 119–122].

Заключение

Роспись керченского саркофага 1900 г. нельзя признать набором «картинок», на которых в произвольном порядке представлены сцены как из повседневной, так и загробной жизни. Нет, все они создают образ потустороннего мира – Элизия, каким он представлялся боспорянам в первые века н.э. Четыре обозначенные выше семантические группы, в особенности три последних, по всей видимости, связаны с важнейшими моментами в посмертной судьбе человека – вход в царство мёртвых, счастливое пребывание в нём, встреча с Великой богиней. В первом варианте этой статьи мне представлялось возможным выделить ещё один сюжет – встреча с божеством и возрождение к вечной жизни [Виноградов, 2020, с. 66–67]. На самом деле ничего подобного здесь нет. Ошибка произошла оттого, что, следуя имеющимся описаниям, я поместил композицию с сидящей женщиной, которая держит ребёнка на коленях, в первую семантическую группу, рядом с изображением пигмеев, но она принадлежит третьей, заключительной группе.

Вообще же идея встречи на границе царства мёртвых, как представляется, должна быть одной из фундаментальных в системе представлений о блужданиях души у всех народов. Проявлениями осмысления этой идеи, скорее всего, являются фигуры так называемых палестритов на краснофигурных и акварельных пеликах [Виноградов, 2017б, с. 285]. Момент такой встречи запечатлён в росписях некоторых склепов. В гробнице Сорака имела место встреча с Гермесом – «проводником душ» [Виноградов, 2017а, с. 51; 2017б, с. 198, табл. 150(6)]. В склепе 1875 г. – с Аполлоном Гиперборейским [Ростовцев, 1913-14, табл. LXXIII, 5]. В склепе Деметры рядом с входом представлены изображения Гермеса и нимфы Калипсо [Ростовцев, 1913, с. 202–203,табл. LVI, 1; Зинько и др., 2009, с. 60–62]. В этом отношении в высшей степени любопытно изображение на одном боспорском надгробии, на которое почти не обращают внимания, – перед сидящей богиней представлена обнажённая фигура мужчины с кадуцеем в левой руке (это явно Гермес), правой рукой он подаёт богине задрапированного мужчину, прижимающего правую руку к груди [КБН-атлас, 2004, ил. 312]. Смысл этого изображения, на мой взгляд, предельно ясен.

Здесь важно обозначить ещё один момент. Не трудно понять, что пределов этой чудесной страны достигали души, т.е., как их обычно понимают, некие бестелесные субстанции, но внутри неё царит вполне телесная жизнь, наполненная пирами и всякого рода забавами. А это означает, что душа усопшего здесь с божественной помощью перерождается или, можно сказать, возрождается к новой жизни «во плоти и крови». Изобразить сцену перерождения/возрождения чрезвычайно сложно, но, как представляется, боспорские художники пытались это сделать, хоть и не очень удачно. На стене Стасовского склепа изображён Эрот-Танатос, или гений смерти; в одной руке он несёт мёртвую птицу, а из другой выпускает уже живую [Ростовцев, 1913-14, табл. LXXVI, 1; LXXVII, 1]. Не исключено, что эта сцена изображает именно возрождение к новой, телесной жизни. В склепе Сорака в руке Гермеса можно рассмотреть мёртвую птицу, висящую вниз головой [Виноградов, 2017а, с. 51], но её

грядущее возрождение в таком контексте представляется вполне очевидным.

В моей первой статье о саркофаге 1900 г. было высказано предположение, что с идеей возрождения здесь связана фигура сидящей женщины с младенцем на руках [Виноградов, 2020, с. 66–67]. На первый взгляд, действительно в этом младенце можно видеть изображение человеческой души, пребывающей в загробном царстве и ожидающей своей очереди вернуться на землю и повторить земное существование в человеческом облике, как об этом писал Вергилий (Vergil. Aen. VI. 713–751). Напомню, что, по его словам, Анхиз смотрел на души своих «внуков грядущих», которым в будущем предстояло пережить возвращение (Vergil. Aen. VI. 679–682). Скорее всего, от этой интерпретации надо отказаться, поскольку изображение женщины относится к четвёртой семантической группе, основной смысл которой, как было сказано выше, заключается совсем в другом.

М.И. Ростовцев более 100 лет назад правильно указывал на бедность Северного Причерноморья памятниками религиозного содержания, которыми так богаты Греция и Малая Азия, т.е. руинами храмов, вотивными рельефами и надписями. Из этого правила, по его мнению, есть исключение – это Керчь, которая богата живописью религиозного содержания, и в этом заключается её исключительная важность для понимания религиозного мировоззрения боспорян в эллинистическую и римскую эпохи [Ростовцев, 1911, с. 119]. Современным исследователям, конечно, не стоит забывать слова великого предшественника. Памятником именно такого рода, вне всякого сомнения, является керченский саркофаг 1900 г. Другое дело, что интерпретация имеющихся на нём росписей в обозначенном выше ключе вряд ли может быть бесспорной. Неоднократно упоминавшийся выше Дж. Фрэзер с пониманием дела заметил, что «наши теории, относящиеся к первобытному человеку и его взглядам, весьма далеки от достоверности, и самое большое, на что мы в таких вопросах можем рассчитывать, – это разумная доля вероятности» [Фрэзер, 1980, с. 789]. Его слова, конечно, в полной мере справедливы не только в отношении первобытных людей, но и в отношении цивилизованных эллинов, а также и всех наших учёных рассуждений по этому в высшей степени деликатному вопросу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРА

Балонов Ф.Р. Чертомлыкская серебряная амфора как модель мифоэпического пространства-времени // *Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев, 1991. С. 375–378.

Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. 228 с.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Мирмекийский саркофаг в собрании Государственного Эрмитажа. СПб, 2016. 47 с.

Вдовченко И.И. О роли музыки в жизни варваров и эллинов Северного Причерноморья // ПИФК. 2004. XIV. С. 124–141.

Вертиенко А.В. «Скифский арфист» (к интерпретации одной из сцен сахновской пластины)

// Изобразительное искусство в археологическом наследии. Донецк, 2010. С. 320–332 (Археологический альманах. № 21).

Виноградов Ю.А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 2000. № 3. С. 98–128.

Виноградов Ю.А. О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. 2006. Вып. 13. С. 143–161.

Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб, 2007. 61 с.

Виноградов Ю.А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). БИ. Вып. XXVII. Симферополь – Керчь, 2012. 364 с.

Виноградов Ю.А. Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб, 2017. С. 40–52 (Труды ИИМК РАН. Т. LI).

Виноградов Ю.А. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). БИ. Supplementum 17. Симферополь; Керчь, 2017. 310 с.

Виноградов Ю.А. Расписной саркофаг 1900 г. из Керчи. К пониманию семантики изображений // Боспорские чтения. XXI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Керчь, 2020. С. 64–71.

Воронов А.А., Михайлов М.В. Боспор Киммерийский. М., 1983. 182 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. 624 с.

Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб, 1995. 328 с.

Давыдова Л.И. Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Каталог выставки. Л., 1990. 67 с.

Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001. 135 с.

Думберг К.Е. Извлечение из отчёта о раскопках гробниц в 1900 г. // ИАК. Вып. 2. 1902. С. 40–60.

Ернштедт Е.В. Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. I. М.; Л., 1955. С. 248–285.

Зинько Е.А. Сакральная скульптура с сельской округи Нимфея // БФ: греческая культура на периферии античного мира. СПб, 1999. С. 188–191.

Зинько Е.А., Буйских А.В., Русяева А.С., Савостина Е.А., Стриленко Ю.Н., Ягги О. Склеп Деметры. Памятники археологии Керченского историко-культурного заповедника. Киев, 2009. 183 с.

Иванова А.П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.

Иванова А.П. О некоторых особенностях боспорской живописи // АГСП. I. М.; Л., 1955. С. 286–296.

КБН-альбом. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб, 2004. 431 с.

Ломтадзе Н.М. К семантике изображений на надгробных рельефах фиасистов боспорских полисов // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000. С. 62–68.

Марти Ю. Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь, 1926.

Матковская Т., Твардецки А., Тохтасьев Т., Бехтер Н. Боспорские надгробия II в. до н.э. – III в. н.э. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. III. Книга 2. Киев, 2009. 496 с.

Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Куль-

тура Востока. Древность и ранее Средневековье. Л., 1978. С. 131–150.

Ростовцев М.И. Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесённых графу А.А. Бобринскому. СПб, 1911. С. 119–154.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1913-14. 537 с.

Савостина Е.А. К символике изображения лука на Боспоре // СА. 1983/ № 4. С. 45–56.

Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 10. М., 1992. С. 357–386.

Соколов Г. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973. 191 с.

Уильямс Д., Огден Д., Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э. СПб, 1995. 272 с.

Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1980. 831 с.

Шауб И.Ю. Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб, 2013. С. 78–82.

Шауб И.Ю. Боспорские курганы и загробные представления боспорян // БИ. Вып. 30. Керчь; Симферополь, 2014. С. 639–694.

Шауб И.Ю. Смерть и возрождение. Загробный мир боспорян. СПб, 2020. 123 с.

Bernaedini Ch. Music in Etruscan and Roman Rituals // Music and Sounds in Ancient Europe. Contributions from the European Music Archaeology Project. Roma, 2018. P. 126–129.

Burgunder P. Dialogue intime avec la mort: le discours funéraire du sarcophage de Kertch // Antike Malerei zwishen Lokalstil und Zeitstil. Akten des XI. Internationalen Kolloquiums der AIPMA (Association Internationale pour la peinture Murale Antique) 13.–17. September 2010 in Ephesos. Wien, 2010. P. 689–694.

Farnell L.R. Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. Oxford, 1970. 434 p.

Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.

Jijina N. C. The Decoration of Bosporan Sarcophagi in the First and Second Century A.D. // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 2007. P. 70–75.

Kubatzi J. Music in Ancient Greek Sacrificial Ceremonies // Music and Sounds in Ancient Europe. Contributions from the European Music Archaeology Project. Roma, 2018. P. 110–111.

Jijina N.C. The Decoration of Bosporan Sarcophagi in the First and Second Century A.D. // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 2007. P. 70–75.

Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909. 148 S.

Leven P. Orpheus // Music and Sounds in Ancient Europe. Contributions from the European Music Archaeology Project. Roma, 2018. P. 179–181.

Novicka M. Le sarcophage de Kerch // Au royaume des ombres. La peinture des funéraire antique. Paris, 1998. P. 66–70.

Trofimova A.A. The Art of the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 2007. P. 18–35.

Vernant J.-P. Death with Two Faces // Mortality and Immortality: the anthropology and archaeology of death. London, New York, Toronto, Sydney, San Francisco, 1981. P. 285–291.

REFERENCES

Balonov F.R. Chertomlykskaya serebryanaya amfora kak model' mifoepicheskogo prostranstva-vremeni // Alekseyev A.Yu., Murzin V.Yu., Rolle R. Chertomlyk. Skifskii tsarskii kurgan IV v. do n.e. Kiyev, 1991. S. 375–378.

Bernaedini Ch. Music in Etruscan and Roman Rituals // Music and Sounds in Ancient Europe. Contributions from the European Music Archaeology Project. Roma, 2018. P. 126–129.

Blavatskiy V.D. Pantikapei. Ocherki istorii stolitsy Bospora. M., 1964. 228 s.

Burgunder P. Dialogue intime avec la mort: le discours funéraire du sarcophage de Kertch // Antike Malerei zwishen Lokalstil und Zeitstil. Akten des XI. Internationalen Kolloquiums der AIPMA (Association Internationale pour la peinture Murale Antique) 13.–17. September 2010 in Ephesos. Wien, 2010. P. 689–694.

Butyagin A.M., Vinogradov Yu.A. Mirmekiyskiy sarkofag v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. SPb, 2016. 47 s.

Davydova L.I. Bosporskiye nadgrobnyye rel'yefy V v. do n.e. – III v. n.e. Katalog vystavki. L., 1990. 67 s. Diatroptov P.D. Kul't geroyev v antichnom Severnom Prichernomor'ye. M., 2001. 135 s.

Dumberg K.E. Izvlecheniye iz otchota o raskopkakh grobnits v 1900 g. // IAK. T. 2. 1902. S. 40–60.

Ernshtedt E.V. Monumental'naya zhivopis' Severnogo Prichernomor'ya (obshchiy obzor pamyatnikov zhivopisi) // AGSP. I. M.; L., 1955. C. 248–285.

Farnell L.R. Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. Oxford, 1970. 434 p.

Freydenberg O. Poetika syuzheta i zhanra. L., 1936.

Frezer Dzh. Zolotaya vetv'. Issledovaniya magii i religii. M., 1980. 831 s.

Gaydukevich V.F. Bosporskoye tsarstvo. M.; L., 1949. 624 s.

Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971. 604 s.

Gertsman E.V. Muzyka Drevney Gretsii i Rima. SPb, 1995. 328 s.

Ivanova A.P. Iskusstvo antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya. L., 1953.

Ivanova A.P. O nekotorykh osobennostyakh bosporskoy zhivopisi // AGSP. I. M.; L., 1955. C. 286–296.

Jijina N. C. The Decoration of Bosporan Sarcophagi in the First and Second Century A.D. // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 2007. P. 70–75.

KBN-al'bom. Korpus bosporskikh nadpisey. Al'bom illyustratsiy. SPb, 2004. 431 s.

Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909. 148 s.

Kubatzi J. Music in Ancient Greek Sacrificial Ceremonies // Music and Sounds in Ancient Europe. Contributions from the European Music Archaeology Project. Roma, 2018. P. 110–111.

Leven P. Orpheus // Music and Sounds in Ancient Europe. Contributions from the European Music Archaeology Project. Roma, 2018. P. 179–181.

Lomtadze N.M. K semantike izobrazheniy na nadgrobnykh rel'yefakh fiasistov bosporskikh polisov // Antichnost': epokha i lyudi. Kazan', 2000. S. 62–68.

Marti Yu. Sto let Kerchenskogo muzeya (istoricheskiy ocherk). Kerch', 1926. 96 s.

Matkovskaya T., Tvardetski A., Tokhtas'yev T., Bekhter N. Bosporskiye nadgrobiya II v. do n.e. – III v. n.e. Iz sobraniya Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. T. III. Kniga 2. Kiyev, 2009. 496 s.

Machinskiy D.A. Pektoral' iz Tolstoy Mogily i velikiye zhenskiye bozhestva Skifii // Kul'tura Vostoka. Drevnost' i rannee srednevekov'e. L., 1978. S. 131–150.

Novicka M. Le sarcophage de Kerch // Au royaume des ombres. La peinture des funéraire antique. Paris, 1998. P. 66–70.

Rostovtsev M.I. Rospis' kerchenskoi grobnitsy, otkrytoi v 1891 g. // PROEDRŌI DŌRON. Sbornik arkheologicheskikh statey, podnesonnykh grafu A.A. Bobrinskomu. SPb, 1911. S. 119–154.

Rostovtsev M.I. Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii. SPb, 1913-14. 537 s.

Savostina E.A. K simvolike izobrazheniya luka na Bospore // SA. 1983. № 4. S. 45–56.

Savostina E.A. Mnogoyarusnye stely Bospora: semantika i struktura // Soobshcheniya GMII im. A.S. Pushkina. T. 10. M., 1992. S. 357–386.

Shaub I.Yu. Priobshcheniye k Velikoy bogine kak kul'minatsiya zagrobnykh upovanii bosporskoi elity: kul'turno-istoricheskiye paralleli // BF: Greki i varvary na Yevraziyskom perekrestke. SPb, 2013. S. 78–82.

Shaub I.Yu. Bosporskiye kurgany i zagrobnyye predstavleniya bosporyan // BI. T. 30. Kerch'; Simferopol', 2014. S. 639–694.

Shaub I.Yu. Smert' i vozrozhdenie. Zagrobnyi mir bosporyan. SPb, 2020. 123 s.

Sokolov G. Antichnoye Prichernomor'ye. Pamyatniki arkhitektury, skul'ptury, zhivopisi i prikladnogo iskusstva. L., 1973. 191 s.

Trofimova A.A. The Art of the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 2007. P. 18–35.

Uil'yams D., Ogden D., Grecheskoye zoloto. Yuvelirnoye iskusstvo klassicheskoy epokhi V–IV vv. do n.e. SPb, 1995. 272 s.

Vdovchenko I.I. O roli muzyki v zhizni varvarov i ellinov Severnogo Prichernomor'ya // PIFK. 2004. XIV. C. 124–141.

Vernant J.-P. Death with Two Faces // Mortality and Immortality: the anthropology and archaeology of death. London, New York, Toronto, Sydney, San Francisco, 1981. P. 285–291.

Vertiyenko A.V. «Skifskiy arfist» (k interpretatsii odnoy iz stsen sakhnovskoy plastiny) // Izobrazitel'noye iskusstvo v arkheologicheskom nasledii. Donetsk, 2010. S. 320–332 (Arkheologicheskiy al'manakh. № 21).

Vinogradov Yu.A. Fenomen Bosporskogo gosudarstva v otechestvennoy literature // Stratum plus. 2000. № 3. S. 98–128.

Vinogradov Yu.A. O smysle izobrazheniy na bol'shom lekife Ksenofanta // BI. 2006. T. XIII. S. 143–161.

Vinogradov Yu.A. Bol'shoy lekif Ksenofanta. SPb, 2007. 61 s.

Vinogradov Yu.A. Stranitsy istorii bosporskoy arkheologii. Epokha Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii (1859–1917). BI. T. XXVII. Simferopol' – Kerch', 2012. 364 s.

Vinogradov Yu.A. Sklep Soraka // Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii. SPb, 2017. S. 40–52 (Trudy IIMK RAN. T. LI).

Vinogradov Yu.A. Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo v risunkakh K.R. Begicheva i F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN). BI. Supplementum 17. Simferopol'; Kerch', 2017. 310 s.

Vinogradov Yu.A. Raspisnoi sarkofag 1900 g. iz Kerchi. K ponimaniyu semantiki izobrazheniy // Bosporskiye chteniya. XXI. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Obyekty iskusstva v arkheologicheskom kontekste. Kerch', 2020. S. 64–71.

Voronov A.A., Mikhaylov M.V. Bospor Kimmeriyskii. M., 1983. 182 s.

Zin'ko E.A. Sakral'naya skul'ptura s sel'skoy okrugi Nimfeya // BF: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira. SPb, 1999. S. 188–191.

Zin'ko E.A., Buyskikh A.V., Rusyayeva A.S., Savostina E.A., Strilenko Yu.N., Yaggi O. Sklep

Demetry. Pamyatniki arkheologii Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. Kiyev, 2009. 183 s.

Резюме

Расписной саркофаг, обнаруженный в Керчи в 1900 г., является одним из хорошо известных памятников боспорского искусства первых веков нашей эры. В композициях, представленных на его внутренних стенках, исследователи видят как сцены, связанные с представлениями боспорян о загробном мире (пляшущие пигмеи, загробная трапеза), так и сцены повседневной жизни (всадники, мастерская художника и пр.). Эти изображения столь различны, что никто не пытался найти идею, объединяющую их, связать все картины в некую единую композицию. Тем не менее такую идею можно найти. В искусстве, связанном с погребальной сферой, она должна выражать представление боспорян о загробном мире. Сцены, представленные на саркофаге, можно разделить на четыре семантические группы. Каждую из них образует пара изображений, находящихся напротив друг друга. Первую семантическую группу создают сцены, представленные на коротких сторонах саркофага. Одна из них обозначает пространство, которое душа усопшего прошла на пути в загробный мир (пляшущие пигмеи – рис. 2, 1а), а вторая является знаком воскрешения героя к новой жизни (венок – рис. 2, 1б). Два изображения, примыкающие к стене с пигмеями, означают вступление усопшего в этот мир (рис. 2, 2а, 2б). За ними следуют композиции, рассказывающие о блаженной жизни главного героя, – художник за работой (рис. 3, 3а), выезд всадников в поиске встречи с Великой богиней (рис. 3, 3б). Встречу с ней представляет четвёртая семантическая группа (рис. 3, 4а, 4б).

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, расписные склепы, загробные представления.

Summary

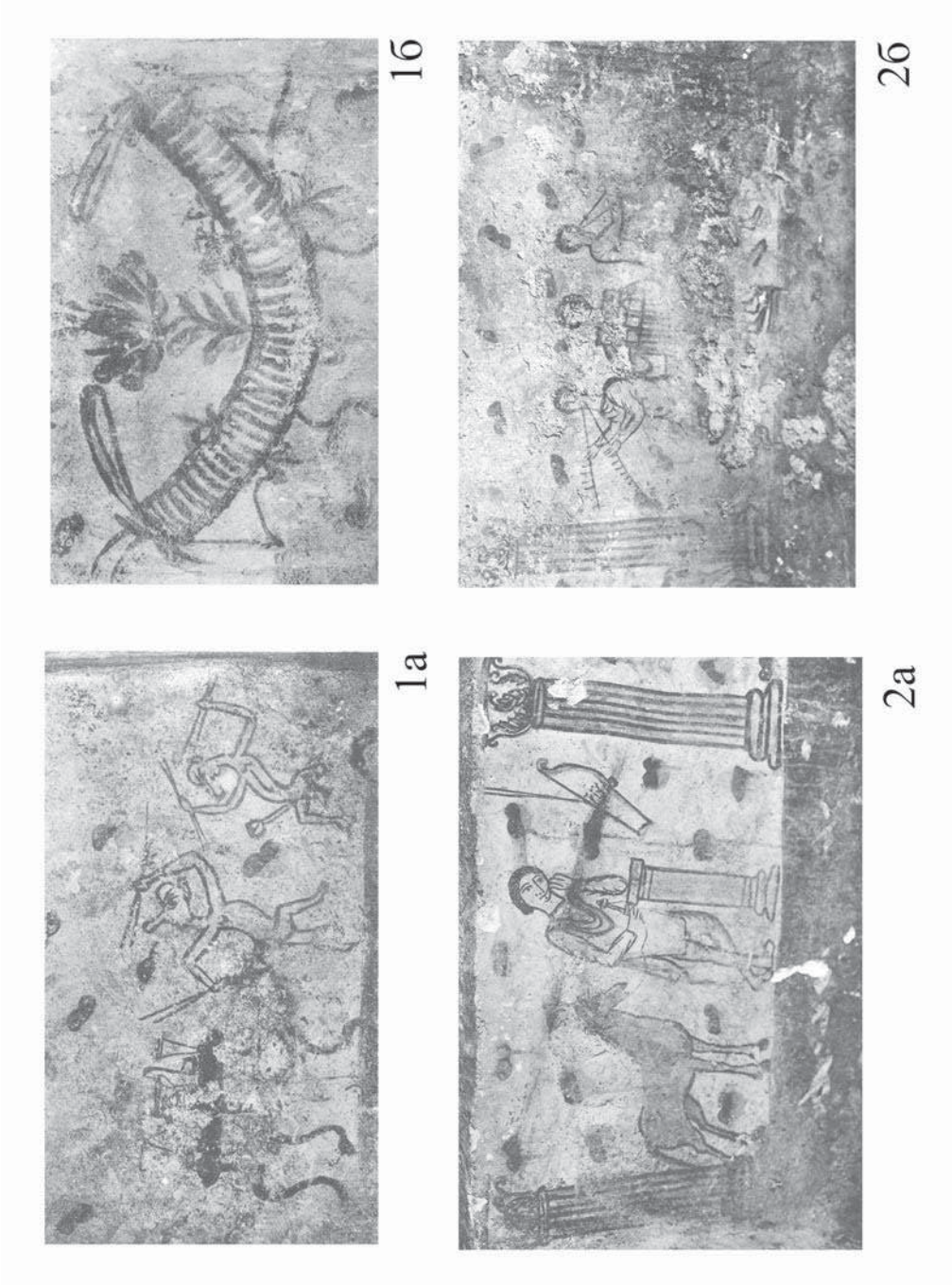
The painted sarcophagus, discovered in Kerch in 1900, is one of the well-known monuments of the Bosporan art of the first centuries AD. In the compositions presented on its inner walls, researchers see both scenes associated with the Bosporan ideas about the afterlife (dancing pygmies, the afterlife meal), and scenes of everyday life (horsemen, artist's workshop, etc.). These images are so different that no one tried to find an idea that unites them, to link all the paintings into some kind of single composition. However, such idea can be found. In art associated with the funerary sphere, it should express the Bosporan idea of the afterlife. The scenes shown on the sarcophagus can be divided into four semantic groups. Each of them is formed by a pair of images located opposite each other. The first semantic group is formed by the scenes depicted on the short sides of the sarcophagus. One of them denotes the space that the soul of the deceased passed on the way to the afterlife (dancing pygmies – fig. 2, 1a), and the second is a sign of the hero's resurrection to a new life (wreath – fig. 2, 1b). Two images, adjacent to the wall with pygmies, signify the entry of the deceased into this world (Fig. 2, 2a, 2b). They are followed by compositions telling about the blissful life of the main hero – the artist at work (Fig. 3, 3a), two riders in search of the Great Goddess (Fig. 3, 3b). The meeting with her is represented by the fourth semantic group (Fig. 3, 4a, 4b).

Key words: Cimmerian Bosporus, painted tombs, afterlife beliefs.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН
(С-Петербург).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

1. Саркофаг 1900 г. в Государственном Эрмитаже (фото автора).



2. Первая (1а – 1б) и вторая (2а – 2б) сакральные пары росписи.

3. Третья (3а – 3б) и четвёртая (4а – 4б) сакральные пары росписи.

В.Г. ЗУБАРЕВ, С.В. ЯРЦЕВ, С.Л. СМЕКАЛОВ
V.G. ZUBAREV, S.V. YARTSEV, S.L. SMEKALOV

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАХОДОК НА ГОРОДИЩЕ БЕЛИНСКОЕ И НЕКРОПОЛЕ ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ

IMAGES OF ANIMALS FROM THE COLLECTION OF FINDS ON THE HILLFORT BELINSKOE AND THE NECROPOLIS OF THE HILLFORT BELINSKOE

Сельские поселения в отличие от крупных городов достаточно редко балуют исследователей произведениями искусства. Чаще всего эта категория находок присутствует среди погребального инвентаря, значительно реже среди археологических предметов, найденных в культурных слоях поселений. Городище Белинское, расположенное в Восточном Крыму в уникальном по своим ландшафтным особенностям урочище Аджиэль, в этом ряду исключением не является. За 25 лет систематических исследований на городище и его некрополе среди многочисленных находок, пополнивших фонды Восточно-Крымского историко-культурного заповедника, предметов искусства немного. Тем не менее они есть, и на одной из категорий этих находок мы и хотели бы остановиться.

Речь пойдёт об изображениях животных (преимущественно домашних) в предметах материальной культуры жителей городища Белинское. Наиболее многочисленную категорию среди них составляют терракотовые и лепные статуэтки. Изображения животных в искусстве рельефа, в изделиях из металла и в резьбе по кости единичны. Неравномерно и их распределение по времени. В самом раннем периоде в истории освоения территории, на которой расположено городище (эпоха камня и бронзы), они пока не найдены. Здесь искусство представлено лишь незамысловатым орнаментом на немногочисленных фрагментах лепной керамики. Античный период в истории городища дал наибольшее количество находок, причём их доля существенно возрастает к концу этого времени. Салтовская археологическая культура на памятнике в этом плане представлена единственной находкой костяного игольника с изображением сцены терзания хищными птицами животного.

К первому периоду в истории античного городища (II – третья четверть III вв. н.э.) можно отнести четыре находки. Это рельефное изображение головы быка из склепа № 10 на некрополе городища Белинское, бронзовая поясная пряжка из могилы № 12, фрагмент краснолакового блюда с изображением Гелиоса на квадриге из склепа № 19 и фрагмент терракотовой статуэтки дельфина с городища.

Оштукатуренный рельеф головы быка в склепе № 10 обнаружен на дальней от дромоса северо-западной стене погребальной камеры, слева от лежанки (рис. 1). Его

размеры – 0,23х0,16м. Склеп № 10 относится к типу вырубных склепов с коротким дромосом. Отличительной особенностью склепа № 10 является тщательная отделка стен и сводов дромоса и погребальной камеры светлой штукатуркой, возможно, с последующей росписью (на стенах погребальной камеры местами сохранились остатки красной краски). Время строительства склепа относится ко II – третьей четверти III в. н.э., вероятнее всего, к концу этого периода [Зубарев, 2019, с. 274 –286].

Рельефные изображения на стенах погребальных камер склепов первых веков н.э. известны на территории Боспора. Примером может служить склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул [Федосеев, 2014, с. 438]. Однако рельефы в виде букрания нам неизвестны. В то же время изображения быка на других объектах встречаются. Так букраний присутствует на солнечных часах I – II вв. н.э. из Китея [Мировое наследие Европейского Боспора, 2016, с. 247, 334], на рельефе вотива фиасотов бога Танаиса (КБН 1259), на ажурной подвеске I в. н.э. из восточного некрополя Фанагории [Сударев, 2010, с. 445, рис. 25]. В.П. Яйленко отмечает, что функция букрания на вотиве фиасов хтоническая, связанная с плодородием [Яйленко, 2010, с. 345]. Также с плодородием соотносится букраний и на солнечных часах [Яйленко, 2010, с. 673]. Н.И. Сударев относит подвеску с букранием к предметам, имеющим символическое значение, подчёркивающее статус погребённого [Сударев, 2010, с. 445]. Символика букрания в погребениях связана с надеждой на возрождение после смерти. Именно так В.П. Яйленко характеризует букрании первых веков н.э. на закладных каменных плитах ниш с костями покойников из Асвана в Южной Аравии [Яйленко, 2010, с. 673]. Такой же смысл, по-видимому, имеет и рельефное изображение головы быка в склепе № 10 некрополя городища Белинское. Кроме того, нельзя исключить и отражение в этом букрании прямой связи с потусторонним миром, которому нужно приносить определённые жертвы. Подтверждением тому служит хорошо обработанная плита ракушечника со следами от огня (алтарь?), которая была вставлена в пол склепа напротив лежанки.

Пряжка бронзовая поясная в виде четырёхугольной рамки с изображением хищного животного (более напоминающего пантеру) (рис.2) найдена в составе погребального инвентаря в могиле с заплечиками № 12 (II – начало III в. н.э.) [Зубарев, 2013, 159 –171]. Аналогичная пряжка хранится в ГИМе (инв. № 78607). Датируется I – II вв. н.э. [На краю ойкумены.., 2002, с.82]. Вообще подобные бронзовые пряжки, выполненные в ажурном прорезном стиле, являются довольно редкими находками для Северного Причерноморья. Не исключено, что они восходят к аналогичным изделиям сарматского мира. Правда, в культуре ранних сарматов II–I вв. до н.э. на таких пряжках, как правило, стремились изобразить лежащих двугорбых верблюдов или сцены терзания [Глебов, 2016, 69 –79]. Однако нельзя сказать, что среди них не встречаются изображения и других животных – представителей «несарматской» фауны. В этой связи исследователями отмечены пряжки с тиграми или пантерами и даже, возможно, с росомахами [Глебов, 2016, 70]. Во II–I вв. до н.э. пряжки с зооморфными изображениями распространились на огромной территории, начиная

от Монголии до Северного Причерноморья. При этом было высказано мнение, что мода на такие изделия сформировалась именно в хуннской среде северных районов Китая [Дэвлет, 1980, 18-19; Скрипкин, 2000, 24-25]. Хотя правдоподобнее все же выглядит версия о распространении прямоугольных зооморфных поясных пряжек из нескольких центров, где было организовано производство изделий по привозным образцам [Глебов, 2016, 70]. Считается, что рамчатые поясные пряжки с зооморфными изображениями характерны для раннесарматской культуры, не выходят за границы начала I в. н.э. [Глебов, 2016, 73]. Тем не менее подобный тип прямоугольных пряжек встречается позже, хотя и в другой культурной традиции. Так, в херсонесском некрополе была найдена пряжка II–III вв. н.э., произведенная в аналогичной фигурной технике с изображением Европы, опирающейся на быка [Зубарь, 1982, 104, рис. 72]. В некрополе «Совхоз № 10» была выявлена пряжка похожего типа со львом, причём изображенным в нашем иконографическом стиле. По датирующему материалу изделие относят к концу II в. н.э. Однако, несмотря на то, что авторы раскопок считают, что лев внутри прямоугольной рамки идет влево, судя по передним лапам животного, царь зверей не столько передвигается, сколько немного припадает к земле, явно готовясь к прыжку [Стржелецкий и др., 2005, 147-148, рис. 25]. В похожей позе, но только больше прижавшись передними лапами к земле, изображена пантера и на пряжке с некрополя городища Белинское. Любопытно, но, судя по датирующему материалу, пряжки с Севастопольского могильника и некрополя городища Белинское хронологически близки, что может свидетельствовать об отнесении их к одному культурному горизонту.

Довольно любопытным также представляется мнение, что щитки бронзовых пряжек, выполненных в ажурном прорезном стиле с изображением, в том числе и животных, возможно, имели непосредственное отношение к римлянам и, следовательно, к стоянкам римских воинских гарнизонов. Однако пока связь такой традиции оформления указанных пряжек предположительно установлена только с позднеримским временем [Костромичёв, 2011, 64]. Это не соответствует нашей датировке. Тем более что утрата части пряжки с некрополя городища Белинское не позволяет определить наличие или отсутствие на щитке шарнирного устройства, характерного для римских изделий.

Заметим также, что пряжка с изображением пантеры, возможно, не случайно оказалась в захоронении на некрополе городища Белинское. Еще в классический период погребения на некрополе Херсонеса иногда сопровождали краснофигурные сосуды с изображением пантер, что, безусловно, имело прямое отношение к загробным представлениям херсонеситов [Шауб, 2007, 283]. С одной стороны, пантера, как яркий представитель животного мира, являлась символом культа плодородия. Это видно хотя бы из изображения полуобнаженной Ио, сидящей в окружении растений и бегущих животных напоминающих пантер на краснофигурной вазе из Неаполя [Шауб, 2007, 307-308, рис. 71]. Однако, с другой стороны, нельзя не учитывать огромную роль, которую играло это животное в древних культурах, особенно в солярном

культе и культе мертвых, являясь проводником душ умерших в потустороннем мире [Кормышева, 2019, 67-79]. Все это может означать, что пряжка с изображением пантеры в погребении на некрополе Белинского городища, возможно, являлась необходимым предметом облачения умершего и важным элементом погребального обряда, отражающим верования местного населения.

Фрагменты дна и венчика блюда с рельефным изображением Гелиоса на квадриге в круглом медальоне относятся к наиболее ранним формам краснолаковой керамики, представленной в погребальном инвентаре склепа № 19 (рис. 3). Конструктивно этот склеп относится к типу прямоугольных вырубных склепов с искусственным сводом. Его сооружение относится ко времени не позднее первой половины – середины III в. н. э. [Зубарев, Пономарёв, Ефимёнок, 2014, с. 248 –269]. Подобные блюда часто встречаются на памятниках первых веков н.э. в Северном Причерноморье и датируются второй половиной II – серединой III в. н.э. [Сон, Шапцев, 2012, с. 90-91].

Фрагмент терракотовой статуэтки (хвост дельфина) найден на городище в слое II – последней четверти III в. н.э. Длина 0,05 м. Поверхность хорошо заглажена. Фигурка цельная, не полая изнутри.

Со вторым периодом в истории городища могут быть соотнесены семь находок: три терракоты и четыре лепные статуэтки.

Терракотовая статуэтка дельфина найдена на некрополе в переотложенном грунте погребальной камеры склепа № 5 (рис. 4). Отсутствуют левый плавник и хвост. Склеп датируется последней четвертью III в. н.э. [Зубарев, Ланцов, 2006]. Длина 0,052 м. Изображение схематично, заглажено. Чётко проработан только рот. Фигурка цельная, не полая изнутри. Глина красная, хорошего качества. Найдена вместе с терракотовой статуэткой Эрота (рис. 5), которая, вероятно, являлась частью общей композиции (Эрот на дельфине). Использование фигурок дельфинов в погребальном обряде населения городища Белинское, видимо, было обусловлено представлениями об этом морском животном как о символе умирающего и воскресающего Диониса или живом знаке Великой богини, владычицы всего сущего. Кроме того, неразрывная связь дельфина с Эротом и Афродитой, безусловно, накладывала свой отпечаток на определение места дельфина в духовной жизни жителей античных городов [Шауб, 2007, 238, 311]. По мнению Н.В. Молевой, дельфины являлись священными животными в эллинской религии, их не ловили, не убивали, не ели [Молева, 2002, 99-100]. Редкие же факты жертвоприношения дельфина можно отнести к варварскому влиянию на обрядовую практику местного населения [Шауб, 2007, 311]. По-видимому, именно широкое использование образа дельфина в верованиях античного населения Северного Причерноморья, и в первую очередь в хтонических культах, стало причиной использования фигурок этого морского животного в погребальном обряде жителей Белинского городища.

Фрагмент терракотовой статуэтки животного найден на городище в грунте заполнения верхнего уровня помещения 7, датируемого третьей четвертью III – первой четвертью IV в. н.э. Фрагмент цельный. Глина красная. Высота 0,039 м.

Ручка сосуда в виде головы лошади (терракота) найдена на городище в слое последней четверти III – первой четверти IV в. н.э. (рис. 6). Высота 0,08 м. Глина красная, хорошего качества. Изображение отличается тщательностью отделки. Цельная.

Лепная статуэтка животного (лошади?) найдена на городище в грунте заполнения помещения № 2, датируемого третьей четвертью III – первой четвертью IV в. н.э. Высота 0, 177 м. Изображение условно. Голова слегка поднята вверх и повёрнута немного влево. На спине имеется скол, возможно, место крепления всадника. Хвост сколот.

Лепная статуэтка животного (лошади?) найдена на городище в засыпи хозяйственной ямы № 32, датируемой последней четвертью III – первой четвертью IV в. н.э. Высота – 0,119 м (рис. 7). Сколоты морда, две ноги и хвост. Передняя нога неестественно повёрнута внутрь под туловище, возможно, для придания статуэтке большей устойчивости.

Фигурки лошадей позднеантичного времени на городище Белинское, скорее всего, являются фрагментами распространенных на Боспоре во II–III вв. н.э. статуэток всадников [Кобылина, 1974, 48; Кругликова, 1970, 100–111]. Вряд ли можно видеть в них исключительно варварскую, точнее сарматскую ипостась конного героя [Крыкин, 1987, 59]. Этому действительно противоречит наличие у некоторых фигурок всадников большого круглого щита, несвойственного сарматам первых веков нашей эры [Медведев, 2009, 257–258]. Некоторые исследователи предполагают, что появление таких статуэток может означать увеличение роли местной боспорской и варварской аристократии, которая и составляла основу кавалерии в армии государства в первых веках нашей эры. При этом было предложено считать данные фигурки не предметами культа, а неким воспитательным элементом, необходимым в условиях войны Боспорского царства с варварами. Другими словами, перед нами игрушки – «солдатики», одной из функций которых было воспитание патриотических чувств у будущих защитников Боспора [Бейлин, Бейлина, 2009, 270–276]. Надо сказать, что с учетом пограничного расположения Белинского городища такое объяснение действительно хорошо подходит для интерпретации наших находок.

Фрагмент лепной статуэтки барана (голова) найден на городище в грунте заполнения верхнего уровня помещения № 7 (рис. 8), датируемого третьей четвертью III – первой четвертью IV в. н.э. Высота 0,075 м.

Фрагмент лепной статуэтки барана (голова) найден на городище в слое последней четверти III – первой четверти IV в. н.э. Размер 0,055 х 0,049 м. Имеются повреждения в области носа, головы и одна сторона сколота. Глина тёмно-серая с коричневыми прожилками и примесью битой ракушки и шамота. От прочих лепных статуэток этот фрагмент отличается значительно лучшей отделкой (рис. 9).

Ранее мы уже говорили, что у сармато-аланов традиционная ассоциация фарна с образом барана в позднеантичное время стала все более трансформироваться в сторону коня, который в иранской традиции также считался воплощением фарна. Видимо, поэтому изделия в виде баранов и другие изображения данного животного

из сармато-аланских захоронений в позднеримское время и становятся относительно редкими [Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015, 332]. В этой связи, учитывая появление сармато-аланского этнического элемента на городище в позднеантичный период, можно предположить, что фигурки лошадей и баранов, обнаруженные здесь, в какой-то степени отражают именно указанный процесс. Хотя, повторим, вполне возможно одновременное использование данных статуэток и с другими, чисто практическими (например, воспитательными) целями.

Третий период в истории античного городища (вторая четверть IV – середина V в. н.э.) представлен пятью находками, среди которых три терракотовых статуэтки, одна лепная статуэтка и зооморфная ручка лепного сосуда.

Фрагмент терракотовой статуэтки сидящей собаки найден на городище в слое второй четверти IV – середины V в. н.э. Фрагмент цельный, не полый изнутри. Глина красная. Поверхность хорошо заглажена. Высота 0,04 м. Аналогии [Кобылина, 1970, табл. 52.10]. Как мы уже говорили ранее, ритуальные захоронения собак на античных поселениях Боспора, в том числе и на Белинском городище, были довольно распространены [Ярцев, Зубарев, Бутовский, 2015, 358]. Образ собаки, несомненно, был связан с хтоническим миром, и поэтому жертвоприношения этого животного, совершаемые под фундаментами оборонительных стен или жилых помещений, явно использовались местными жителями с целью обеспечения сакральной защиты своих домов, а также города или крепости в целом [Молева, 2002. 122-123]. Поэтому не исключено, что и фигурки собак являлись не просто теми же детскими игрушками, а важными предметами в античных культах, с помощью которых люди стремились заручиться поддержкой хтонических божеств.

Фрагмент терракотовой статуэтки животного найден на городище в слое второй четверти IV – середины V в. н.э. Фрагмент цельный, не полый изнутри. Глина красная. Поверхность хорошо заглажена. Возможно, является частью композиционной статуэтки, подобной той, что была найдена в Илурате [Пругло, 1970, табл. 55.6].

Фрагмент терракотовой статуэтки животного найден на городище в слое второй четверти IV – середины V в. н.э. Фрагмент цельный. Глина красная. Изображение схематично. Возможная аналогия [Пругло, 1970, табл. 55.6.].

Фрагмент лепной статуэтки животного (голова) найден на городище в засыпи хозяйственной ямы № 51, датируемой второй четвертью IV – серединой V в. н.э. Высота 0,035 м.

Зооморфная ручка лепного сосуда найдена на городище в слое второй четверти IV – середины V в. н.э. (рис. 10). Длина 0,082 м. Изображение головы животного достаточно чёткое. Поверхность заглажена, имеются остатки белой краски.

Заключительный, салтовский период в истории освоения территории городища представлен единственной находкой с изображением животных – *костяным игольником* (11).

Данная категория костяных находок является хорошо известной в материалах салтовской культуры [Флёрова, 1996, с. 297–299]. В большинстве случаев они

представляют собой полые, тщательно выделанные изнутри цилиндрические предметы, традиционно изготавливаемые из трубчатых костей мелкого рогатого скота. Очевидно, эта категория предметов была многофункциональной. Как справедливо отмечают исследователи, во-первых, трудно провести грань, в частности, между игольниками и костяными рукоятями шильев или ножей, во-вторых, не исключено их использование и в качестве украшений или амулетов [Флёрова, 1996, с. 297]. Эту мысль подчёркивает и один из трёх костяных игольников, найденных во вторичном захоронении салтовского времени в склепе № 23 на некрополе городища Белинское [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 320 –329].

В нижней и верхней частях предмет украшен поясами насечек, обрамляющих композицию. Над нижним поясом расположены украшенные аналогичными насечками три ряда пересекающихся дуг. Центром сюжетной композиции является, вероятно, достаточно реалистичное изображение парнокопытного животного, очевидно, косули, помещенное сразу над дугами. Туловище ее заполнено аккуратными параллельными линиями. Над ней прочерчены чередующиеся в шахматном порядке четыре изображения хищных птиц, которые мастер попытался зафиксировать в полете. Именно так, на наш взгляд, можно объяснить кажущееся перпендикулярным их расположение по отношению к животному. Несмотря на схематичность изображения птиц с распростертыми крыльями и хвостами, их принадлежность к хищникам, исходя из прорисованных клювов, обращенных к земле, не вызывает сомнения. Напомним в этой связи, что в изобразительном мире Хазарии хищные птицы всегда играли особую роль и их изображения, даже предельно схематичные, всегда отличались от водоплавающих птиц [Флёрова, 2001, с. 72]. Туловища птиц заполнены косыми чередующимися черточками, а крылья и хвосты – аккуратными параллельными и расходящимися линиями соответственно. Отметим, что типологически близкая манера изображения орлов отмечена на ручке широко известного кипского ковша, происходящего из некрополя Кип-III лесного Прииртышья, который датируется IX–X вв. [Флёрова, 2001, с. 95, рис. 20, 1].

С большой долей вероятности можно предположить, что дуги обозначают горы, а расположенный над ними сюжет трактовать как сцену терзания хищными птицами, связанными с символикой неба и солнца, парнокопытных животных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бейлин Д.В., Бейлина С.А. Образ всадника в коропластике Боспора во II – III вв. н.э. // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 270 –276.

Глебов В.П. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре нижнего Подонья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии / Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоро-

вича Смирнова: сб. статей / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург. Изд-во ОГПУ, 2016. С. 69 –79.

Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. / Археология СССР: САИ / Под общ ред. акад. Б. А. Рыбакова. Вып. Д4-7. М.: Наука, 1980. 67 с.

Зубарев В.Г. Склеп № 10 из раскопок 2007 года на некрополе городища Белинское // ДБ. Т. 24. 2019. С. 274 –286.

Зубарев В.Г., Ланцов С.Б. Некрополь городища Белинское (предварительные результаты первых раскопок) // ДБ. Т. 10. 2006. С. 316 –339.

Зубарев В.Г., Пономарёв Д.Ю., Ефимёнок В.А. Новый склеп с полуциркульным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища Белинское // БИ. Вып. XXX. 2014. С. 248 –269.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического. I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.

Кобылина М.М. Мастерские пантикапейских коропластов // Терракотовые статуэтки. М.: Наука, 1974. Ч. III. С. 47–53.

Кобылина М.М. Терракоты из Тасуново // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-11. Ч. II.

Кормышева Э.Е. Древнеегипетские корни образа Пантеры в Александрийском «Физиологе» // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2019. Вып. 61. С. 67–79.

Костромичёв Д.А. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I – первой половине V в. (по данным археологии) // STRATUM plus. 2011. №4. С. 15 –164.

Кругликова И.Т. Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1970. С. 100 –110.

Крыкин С.М. Новые терракоты всадников из Фанагории // КСИА. 1987. № 191. С. 57–59.

Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Раннесредневековые материалы городища Белинское в Восточном Крыму // ДБ. Т. 20. 2016. С. 320–329.

Медведев А.П. Новые находки терракот в Восточном некрополе Фанагории // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 254–259.

Мировое наследие Европейского Боспора. Коллекция Восточно-Крымского историко-культурного заповедника. Каталог. Керчь. 2016.

Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2002. 132 с.

На краю ойкумены. Греки и варвары на Северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М. 2002.

Пругло В.А. Терракоты из Тиритаки // Статуэтки с территории Херсонесского и западной части Боспорского государств. САИ. Вып. Г 1-11. Ч. II.

Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вьш. 3. С. 17–40.

Сон Н.А, Шапцев М.С. Краснолаковая керамика из Тиры // Археологія і давняя історія Украіни. Вип. 8. Киев. 2012. С 83 –103.

Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // STRATUM plus (2003-2004). 2005. №4. С. 27–277.

Сударев Н.И. Некрополи и погребальные обряды // Античное наследие Кубани. Т. II. М. 2010.

Федосеев Н.Ф. Склеп Геркулеса на некрополе Кыз-Аул и вопросы датировки уступчатых склепов // ДБ. Т. 18. 2014. С. 431– 451.

Флёрова В.Е. Домашние промыслы в Саркеле-Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры европейских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара. 1996.

Флёрова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М. 2001.

Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 484 с.

Яйленко В.П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора. VI в. до н. э. – V в. н.э. М.: Гриф и К, 2010. 740 с.

Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. Греко-варварский Крым в период поздней Античности (III – IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2015. 544 с.

REFERENCES

Beilin D.V., Beilina S.A. Obraz vsadnika v koroplastike Bospora vo II – III vv. n.e. *Bosporskii fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira.* SPb.: Nestor-Istoriia, 2009. pp. 270 –276.

Glebov V.P. Priazhki s zoomorfnymi izobrazheniiami v rannesarmatskoi kul'ture nizhnego Podon'ia. *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii», posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Konstantina Fedorovicha Smirnova: sb. statei. L. T. Iablonskii, L. A. Kraeva (Ed.).* Orenburg: Izd-vo OGPU, 2016, pp. 69–79.

Devlet M. A. Sibirskie poiasnye azhurnye plastiny P v. do n.e. - I v. n.e. *Arkheologiia SSSR: SAI akad. B. A. Rybakov (Ed).* Vyp. D4-7. M.: Nauka, 1980, 67 p.

Zubarev V.G. Sklep № 10 iz raskopok 2007 goda na nekropole gorodisha «Belinskoe». *Drevnosti Bospora.* 2019, vol. 24, pp. 274–286.

Zubarev V.G., Lantsov S.B. Nekropol' gorodishcha «Belinskoe» (predvaritel'nye rezul'taty pervykh raskopok). *Drevnosti Bospora.* 2006, vol. 10, pp. 316–339.

Zubarev V.G., Ponomarev D.Iu., Efimenok V.A. Novyi sklep s polutsirkul'nym perekrytiem rimskogo vremeni iz raskopok nekropolia gorodishcha «Belinskoe». *Bosporskie issledovaniia*. 2014, iss. XXX, pp. 248–269.

Zubar' V.M. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo. I-IV vv. n.e.* Kiev: Naukova dumka, 1982, 144 p.

Kobylina M.M. Masterskie pantikapeiskikh koroplastov. *Terrakotovye statuetki.* M.: Nauka, 1974, part III, pp. 47–53.

Kobylina M.M. Terrakoty iz Tasunovo.*Terrakoty Severnogo Prichernomor'ia.* SAI, iss. G 1-11, part. II.

Kormysheva E.E. Drevneegipetskie korni obraza Pantery v Aleksandriiskom «Fiziologe». *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.* Seriia III: Filologiia, 2019, iss. 61, pp. 67–79.

Kostromichev D.A. Rimskoe voennoe prisutstvie v Khersonese v nachale I – pervoi polovine V vv. (po dannym arkheologii). *STRATUM plus.* 2011, №4, pp. 15–164.

Kruglikova I.T. Terrakoty iz sel'skikh poselenii evropeiskoi chasti Bosporskogo gosudarstva. *Terrakoty Severnogo Prichernomor'ia.* M.: Nauka, 1970, pp. 100–110.

Krykin S.M. Novye terrakoty vsadnikov iz Fanagorii. *Kratkie soobshcheniia instituta Arkheologii.* 1987, № 191, pp. 57–59.

Maiko V.V., Zubarev V.G., Iartsev S.V. Rannesrednevekovye materialy gorodishcha «Belinskoe» v Vostochnom Krymu. *Drevnosti Bospora.* 2016, vol. 20, pp. 320 –329.

Medvedev A.P. Novye nakhodki terrakot v Vostochnom nekropole Fanagorii. *Bosporskii fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira.* SPb.: Nestor-Istoriia, 2009, pp. 254–259.

Mirovoe nasledie Evropeiskogo Bospora. *Kollektsiia Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika.* Katalog. Kerch'. 2016.

Moleva N.V. *Ocherki sakral'noi zhizni Bospora.* Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2002. 132 s.

Na kraiu oikumeny. Greki i varvary na Severnom beregu Ponta Evksinskogo. Katalog vystavki. M. 2002.

Pruglo V.A. Terrakoty iz Tiritaki. *Statuetki s territorii Khersonesskogo i zapadnoi chasti Bosporskogo gosudarstv.* SAI, iss. G 1-11, part II.

Skripkin A. S. Novye aspekty v izuchenii istorii material'noi kul'tury sarmatov. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik.* 2000, iss. 3, pp. 17–40.

Son N.A, Shaptsev M.S. Krasnolakovaia keramika iz Tiry. *Arkheologiia i davniaia istoriia Ukraini.* Kiev, 2012, iss. 8, pp. 83–103.

Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugi Khersonesa v pervoi polovine I tysiacheletiia novoi ery (po materialam nekropolia «Sovkhoz № 10»). *STRATUM plus* (2003-2004). 2005, №4, pp. 27–277.

Sudarev N.I. Nekropoli i pogrebal'nye obriady. *Antichnoe nasledie Kubani.* M, 2010, vol. II.

Fedoseev N.F. Sklep «Gerkulesa» na nekropole Kyz-Aul i voprosy datirovki ustupchatykh sklepov. *Drevnosti Bospora.* 2018, vol. 18, pp. 431– 451.

Flerova V.E. Domashnie promysly v Sarkele-Beloi Vezhe (po materialam kollektsii kostianykh izdelii). *Kul'tury Evropeiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e.* Samara, 1996.

Flerova V.E. *Obrazy i siuzhety mifologii Khazarii.* Ierusalim, M, 2001.

Shaub I.Iu. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII-IV vv. do n.e.).* SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2007, 484 p.

Iailenko V.P. Tysiacheletnii *Bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora. VI v. do n.e. – V v. n.e.* M.: Grif i K, 2010, 740 p.

Iartsev S.V., Zubarev V.G., Butovskii A.Iu. *Greko-varvarskii Krym a period pozdnei antichnosti (III-IV vv. n.e.: ot morskikh pokhodov do bitvy pri Adrianopole).* Tula: Izd-vo TGPU im. L.N.Tolstogo, 2015, 544 s.

Резюме

В статье анализируется коллекция находок из раскопок городища Белинское и некрополя городища Белинское, связанных с изображениями животных. В большинстве своём это образы домашних животных (лошади, барана, собаки) в виде терракотовых и лепных статуэток и их фрагментов. Из диких животных встречается образ дельфина. Единичны находки рельефа головы быка (букраний) на стенке погребальной камеры склепа, фрагмента бронзовой поясной пряжки с изображением хищного животного (пантеры?) и костяного игольника со сценой терзания парнокопытного животного орлами. По времени все находки относятся к античному периоду в истории городища. Лишь костяной игольник связан с салтовской археологической культурой.

Ключевые слова: Восточный Крым, городище Белинское, некрополь городища Белинское, изображения животных, античный период, салтовский период.

Summary

The article analyzes a collection of finds from the excavations of the hillfort Belinskoe and the necropolis of the hillfort Belinskoe associated with animal images. Most of them are images of domestic animals (horses, sheep, dogs) in the form of terracotta and stucco figurines and their fragments. From wild animals, there is an image of a Dolphin. Isolated finds of a bull's head relief (bucranius) on the wall of the burial chamber of the crypt, a fragment of a bronze belt buckle with the image of a predatory animal (Panther?) and a bone needler with a scene of eagles torturing a cloven-hoofed animal. By time, all the finds belong to the ancient period in the history of the settlement. Only a bone needler is associated with the Saltov archaeological culture.

Key words: Eastern Crimea, hillfort Belinskoe, necropolis of the hillfort Belinskoe, animal images, ancient period, Saltov period.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н., профессор,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
parosta@mail.ru, +79107005455

Ярцев Сергей Владимирович, д.и.н., доцент, профессор,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
s-yartsev@yndex.ru, +79157834326

Смекалов Сергей Львович, к.и.н., старший научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
slsmek@mail.ru, +79110335490

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Zubarev Viktor G., DSc, Professor
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125.
parosta@mail.ru, +79107005455

Yartsev Sergei V., DSc, Docent, Professor,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125.
s-yartsev@yndex.ru, +79157834326

Smekalov Sergei L., PhD, Senior Researcher,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
«Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University »,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125.
slsmek@mail.ru, +79110335490

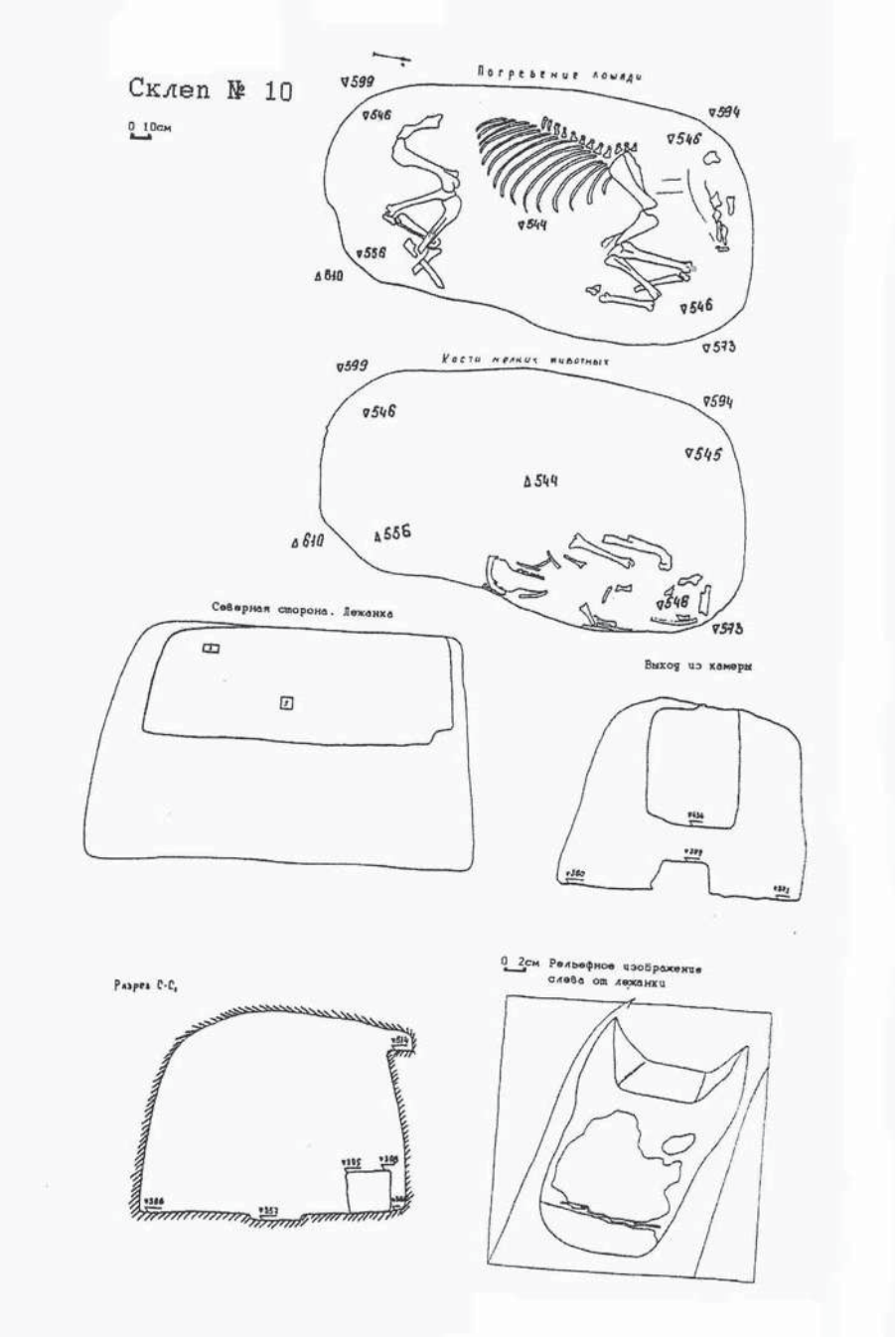


Рис. 1. Оштукатуренный рельеф головы быка.
Некрополь городища Белинское. Склеп № 10.

Рис. 2. Пряжка бронзовая с изображением хищного животного.
Некрополь городища Белинское. Могила № 12.

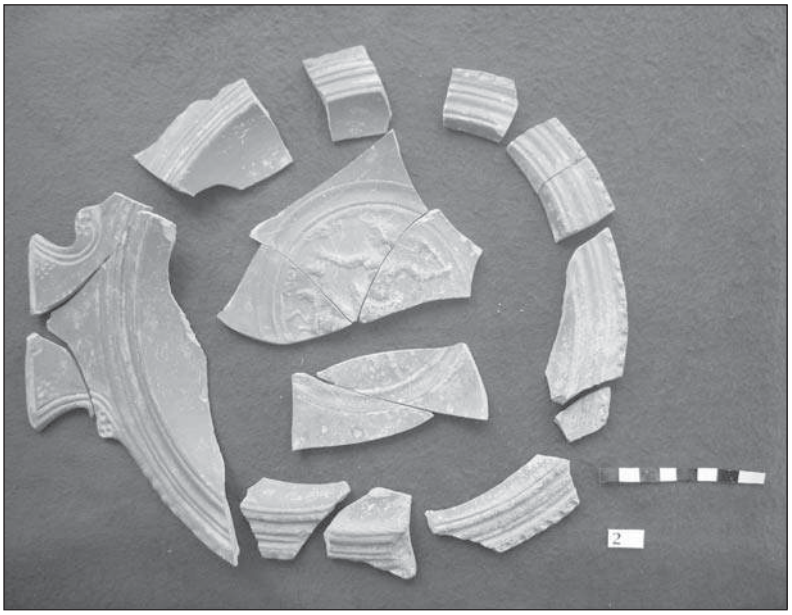


Рис. 3. Фрагменты дна и венчика краснолакового блюда с рельефным изображением Гелиоса на квадриге в круглом медальоне.
Некрополь городища Белинское. Склеп № 19.

Рис. 4. Терракотовая статуэтка дельфина.
Некрополь городища Белинское. Склеп № 5.

Рис. 5. Терракотовая статуэтка Эрота.
Некрополь городища Белинское. Склеп № 5.

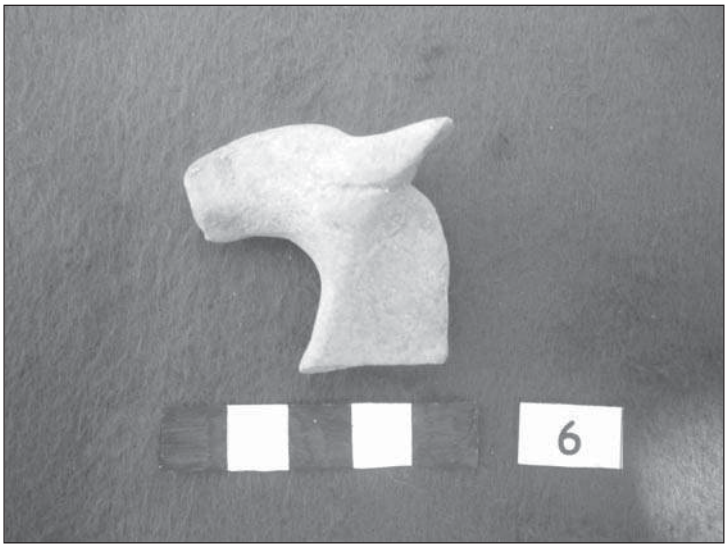


Рис. 6. Ручка сосуда в виде головы лошади (терракота). Городище Белинское. Слой последней четверти III – первой четверти IV в. н.э.

Рис. 7. Лепная статуэтка животного (лошади?). Городище Белинское. Яма № 32.

Рис. 8. Фрагмент лепной статуэтки барана (голова). Городище Белинское. Слой последней четверти III – первой четверти IV в. н.э.

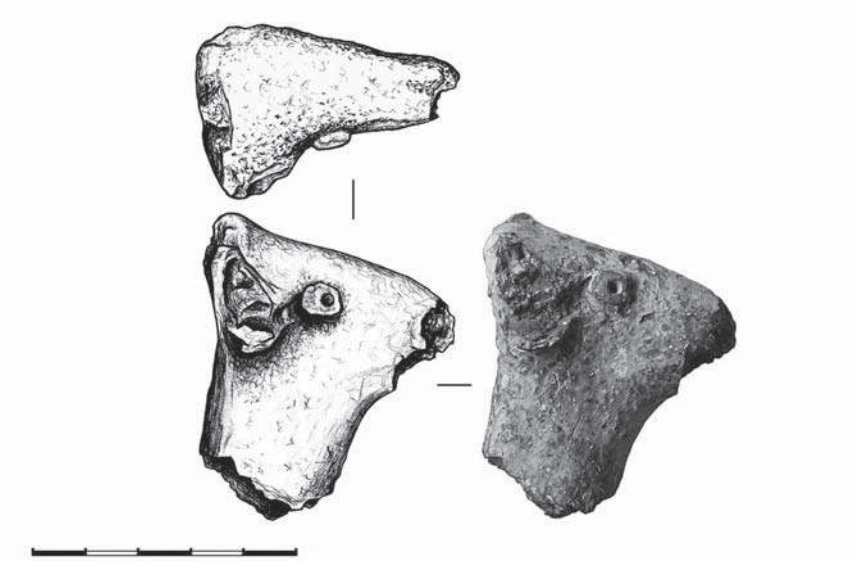


Рис. 9. Фрагмент лепной статуэтки барана (голова). Городище Белинское. Яма № 166.

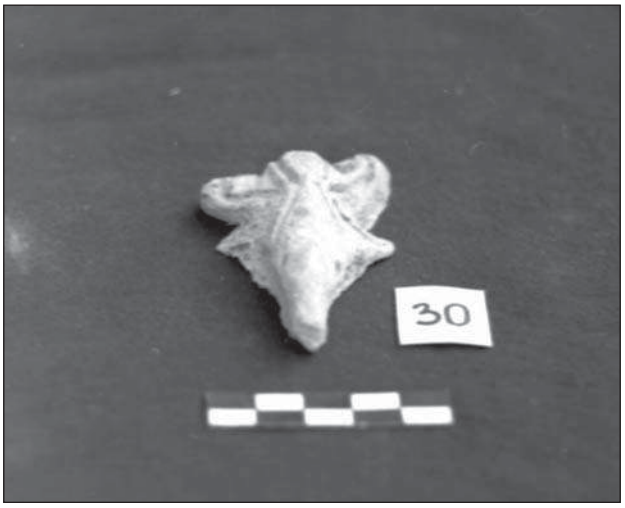


Рис. 10. Зооморфная ручка лепного сосуда. Городище Белинское. Слой второй четверти IV – середины V в. н. э.

Рис. 11. Костяные игольники салтовского времени из склепа № 23. В центре игольник со сценой терзания хищными птицами парнокопытного животного.

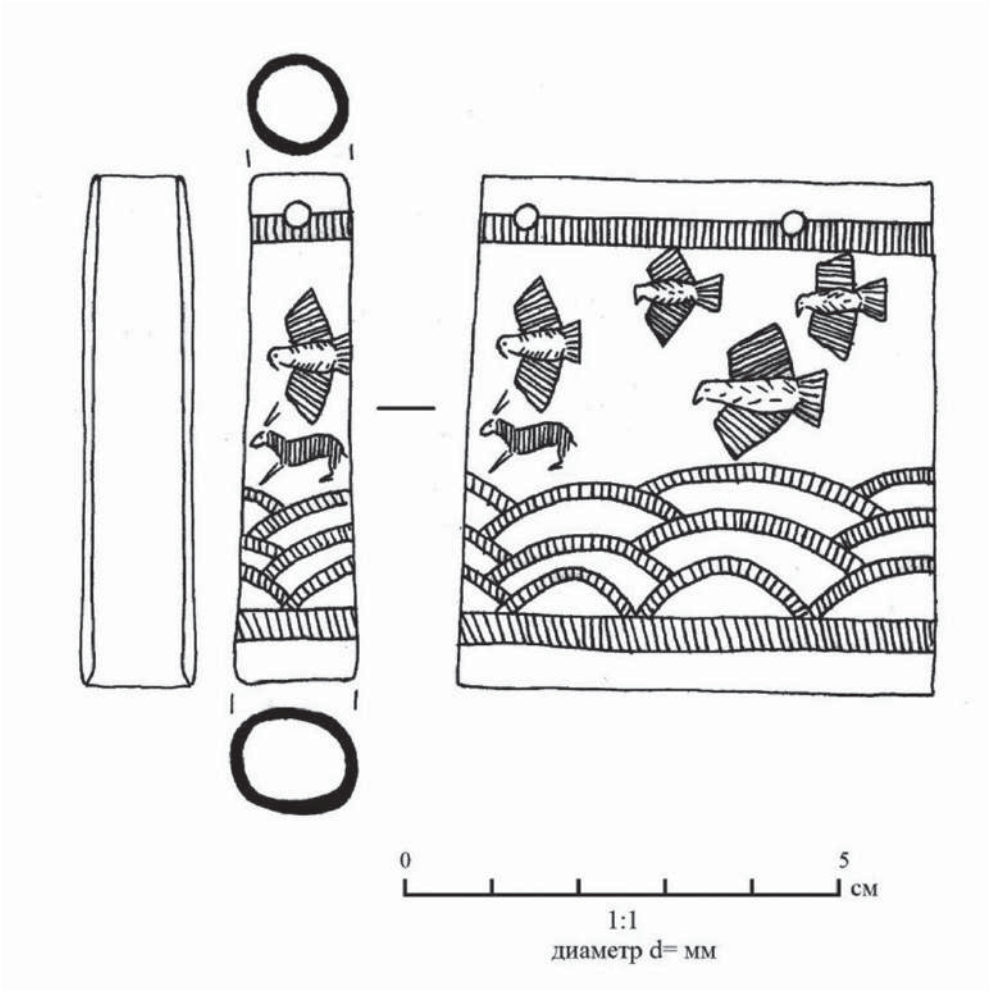


Рис. 12. Костяной игольник со сценой
терзания хищными птицами парнокопытного животного.
Некрополь городища Белинское. Склеп № 23.
Вторичное захоронение салтовского времени.

М.М. КАЗАНСКИЙ
M.M. KAZANSKI

ГУННЫ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ

HUNS ON CIMMERIAN BOSPORUS

История Боспора Киммерийского в гуннское время (последняя треть IV– вторая треть V в.) остается во многом неизвестной, хотя уже не раз была предметом обсуждения. Здесь будет предпринята попытка обобщения тех немногих археологических находок, которые можно связать с прямым присутствием гуннов на Боспоре Киммерийском.

Данные письменных источников

До сих пор неясно, где проходил маршрут миграции гуннов в Северное Причерноморье и насколько Боспор Киммерийский привязан к этому маршруту [см. историографию: Тортика, 2003]. Евнапий (347 – после 414 г.) отмечает, что в его время существовали разные версии появления гуннов в Европе, которые он и изложил в несохранившейся части своей «Истории» [Евнапий, Продолжение истории Дексиппа, фр. 41, цит. по Латышев, 1890, с. 726]. По свидетельству Аммиана Марцеллина (около 330 – после 395 гг.), записанному, скорее всего, в 390-е гг. [Аммиан Марцеллин, Римская история XXXI, 2.12,21], гунны, появившись в восточноевропейских степях, сначала нападают на аланов-танаитов, то есть на население Нижнего Дона, Боспор он не упоминает. В то же время некоторые позднеантичные авторы рассказывают про переход гуннов через Боспор Киммерийский, где первыми под их удар попали «скифы» - готы. Эта версия впервые отмечена у Созомена (около 400 – 450 гг.), согласно которому гунны сначала жили за огромным озером (несомненно, Меотида) и однажды, преследуя потерявшегося быка или лань, за которой они охотились, перешли вброд это озеро, открыли новую для себя страну и напали на живущих там готов [Созомен, Церковная история, VI.37, цит. по Латышев, 1890, с. 763]. Отметим, впрочем, что Боспор Киммерийский в данной легенде прямо не упоминается, Меотиду можно перейти в соответствующее время года и у устья Дона. Однако Зосим в своей «Новой истории», написанной между 450 и 502 гг., указывает, что где-то нашел известие о переходе гуннов через Боспор Киммерийский, занесенный илом «из Танаида»[1]. За переходом Боспора у Зосима следует нападение гуннов на «скифов», живущих у Истра, т.е. на готов [Зосим, Новая история, IV.20.3,4, цит. по Латышев, 1890, с. 800, 801]. Позднее эта версия повторяется историками, живши-

[1] В реальности переход Керченского пролива вброд по причине физико-географических условий вряд ли возможен, подробнее см. Тортика, 2003, с. 67, 68. Зато его вполне можно было пересечь в холодные зимы по льду.

ми в эпоху Юстиниана. Так, у Иордана перечисляются народы, попавшие под удар гуннов после перехода Меотиды: *Alpidzuros, Alcildzuros, Itimaros, Tuncarsos, Boiscos* [Иордан, Getica, 126). Ряд исследователей полагает, что гунны появились на Боспоре только в конце IV в., уже после вторжения в Северное Причерноморье [напр., Гадло, 1979, с. 13, 14; Айбабин, 1999, с. 73].

А.А. Васильев полагал, что рассказ о переходе гуннов через Боспор Киммерийский отражает некую реальность, при этом гуннские орды могли двигаться на Запад одновременно и через Нижний Дон, и через Керченский пролив [Васильев, 1921, с. 315 – 321). По А.А. Васильеву, на рубеже IV –V вв. (а может быть, раньше, начиная с 342/343 г.?: см. подробнее Казанский, 2020а) Боспорское царство находилось под властью готов [Васильев, 1921, с. 312, 313; см. также Вольфрам, 2003, с. 119]. Это предположение вызывает неприятие у многих исследователей, но логичной контр - гипотезы они не предложили. Напомним, что в 404 г. король готов, к которому, по свидетельству Иоанна Златоуста, надо плыть на Боспор Киммерийский, печётся о назначении своим подданным нового епископа [Васильев, 1921, с. 325, 326][2].

Неизвестно, подчинялся ли Боспор Киммерийский в первой половине V в. гуннам, прямых свидетельств об этом нет. Некоторую информацию можно получить из рассказа Приска Панийского об экспедиции «царских» гуннов (у Приска – скифов) Васиха и Курсиха в 420 – 430-е гг. против Ирана. Гунны выступили в поход из степей Скифии, подчинявшихся в это время царям Руе и Аттиле. Они пересекли пустынные земли, затем какое-то озеро (Меотиду, по мнению информаторов Приска, но это могут быть и Сиваш, и заболоченная дельта Дона, и Керченский пролив) и через 15 дней, перейдя горы, видимо Кавказский хребет, вторглись в Иран. Приск подчеркивает, что благодаря этой экспедиции «царские» гунны впервые узнали о возможном пути в Мидию из Скифии. На обратном пути гунны опять прошли горы, но в этот раз отклонились от уже пройденной однажды дороги и вышли к берегу моря, где из подводной скалы выбивается пламя. В этом описании историки узнают газовые и нефтяные месторождения в районе современного Баку [см., напр., Артамонов 1962 с. 54]; видимо, гунны вернулись в степи через Дербентский проход, на западном побережье Каспийского моря [Приск Панийский, Готская история, фр. 8, цит. по Латышев, 1890, с. 830, 831][3]. Отсюда

---

[2] Вряд ли это готы страны Дори, то есть Юго-Западного Крыма, известные по более поздним источникам [о них см. Айбабин, Хайрединова, 2017], с теми проще было бы связываться через Херсонес, а не через Боспор. Тем более это не может быть какая-нибудь дунайская группировка готов, как это иногда предполагается, поскольку последние были арианами, а не православными, а стало быть, и епископа из Константинополя они вряд ли бы дождались, да и добраться к ним можно посуху, не прибегая к плаванию на корабле. Что же касается готов на Боспоре, то, судя по рассказу Прокопия Кесарийского про тетракситов (см. ниже), они были православными и получали епископа именно из Константинополя.

[3] Некоторые исследователи полагают, что маршрут набега Васиха и Курсиха проходил не к западу, а к востоку от Каспийского моря. На мой взгляд, эта гипотеза требует развернутой аргументации, но как бы там ни было, из текста Приска ясно, что гунны в 420 – 430-е гг. не имели информации о путях из Северного Причерноморья в Иран, а стало быть, Боспором Киммерийским не владели.

можно заключить, что к 420 гг. европейские гунны Руи-Аттилы не владели Боспором Киммерийским, да и вообще степями Северо-Восточного Причерноморья, и даже не имели о них достоверной информации [см. подробнее Казанский, Мастыкова, 2009, с. 123, 124]. Ситуация несколько изменилась около 448 г., когда Аттила окончательно подчинил гуннов-акациров, до этого подвластных ему номинально и имевших своих многочисленных вождей. Акациры занимали степи «припонтийской Скифии» [Приск Панийский, Готская история, фр. 8, цит. по Латышев, 1890, с. 829] к востоку от Днепра [подробнее Артамонов, 1962, с. 55, 56; Казанский, Мастыкова, 2009]. Аттила, узнав про контакты акациров с римлянами, устроил карательный поход, уничтожил предателей и назначил сюда в правители своего сына Эллака [Приск Панийский, Готская история, фр. 8, цит. по Латышев, 1890, с. 823; см. Артамонов 1962, с. 55 –57].

По Прокопию Кесарийскому, около середины V в. ситуацию в Восточном Крыму контролировали готы-тетракситы. По крайней мере только они смогли на Керченском проливе остановить гуннов-утигуров, отступающих из Европы[4]. По заключенному с гуннами соглашению готы-тетракситы уходят вместе с ними на Северный Кавказ [Прокопий, Война с готами, IV.5]. В 548 г. посольство тетракситов появляется в Константинополе, с тем чтобы получить себе нового епископа [Прокопий, Война с готами, IV.4.11–13]. Это довольно многочисленный народ, поскольку в 551 г. в войне утигуров против гуннов-кутригуров принимает участие отряд тетракситов из 2000 бойцов [Прокопий, Война с готами, IV. 18, 22], что составляло по тем временам значительную силу. Другой источник, свидетельствующий о пребывании готов на Кавказском побережье, это анонимный Перипл, видимо VI в., т.н. «Псевдо-Арриан», который упоминает народ Eudousianoi, говорящий на готском и таврском языках и проживающий около гавани Пагры [Continuation du Périple anonyme, Codex Londonienses, § 22. Цит. по : Baschmakoff, 1948, p. 139][5].

Археологические находки

Мне уже приходилось отмечать немногочисленность вещей «степной» гуннской традиции, найденных непосредственно на Боспоре [Казанский, 2019б, с. 258; Казанский, 2020б]. При этом в столице Боспорского царства – Керчи-Пантикапее -Боспоросе до сих пор не нашли следов нападения гуннов. Разрушения и пожары позднего IV – первой половины V в. на территории Боспора Киммерийского засви-

---

[4] По Прокопию, в это время вандалы уже утвердились в Северной Африке, т.е. миграции утигуров имели место после 429 г., а скорее, в 450-е гг., в момент развала «империи» Аттилы – на это косвенно указывает время появления готского некрополя Дюрсо, под Новороссийском, единственного известного на сегодняшний день памятника, принадлежность которого тетракситам признается всеми. О его хронологии см. Казанский, 2001.

[5] Об их проживании см., напр., Ἀνονύμου Περίπλους Πόντου Εὐξίνου (Anonymi Periplus Ponti Euxini). §64: «Ἀπὸ οὖν Σινδικοῦ λιμένος ἕως Πάγρας λιμένος πρώην ᾤκουν ἔθνη οἱ λεγόμενοι Κερκέται ἤτοι Τορίται, νῦν δὲ οἰκοῦσιν Εὐδουσιανοὶ λεγόμενοι τῃ Γοτθικῇ καὶ Ταυρικῇ χρώμενοι γλώττῃ». См. перевод А.В. Подосинова: «<The space> from the Sindian harbour as far as the harbour of Pagras was earlier inhabited by the peoples called the Kerketai or the Toritai, but now here live so-called Eudousianoi who are using the Gothic and the Tauric language» : Podossinov, Anonymi (2037).

детельствованы, насколько мне известно, в Фанагории, возможно, в Батарейке-I, Кепах, Генеральском (рис. 1,*2,4,6*) [подробнее Kazanski, 2009, p. 182, 183]. В Кепах и Батарейке-I в слоях разрушений также были найдены характерные «степные» наконечники стрел из кости (о них см. ниже) (рис. 2,*1,2*). К сожалению, значительная часть археологического материала Боспора гуннского времени пока не введена в научный оборот [о памятниках этого времени см. Айбабин, 1999, с. 79, 80; Айбабин, 2003, с.14,15; Kazanski, 2009, p. 181 – 216], поэтому пока трудно говорить о реальности следов гуннского нашествия – пожаров, разрушений и пр. Кстати, захват гуннами Боспора мог произойти и без разрушения населенных пунктов, например, если исход дела был решён в полевых сражениях или дипломатическим путем.

На Боспоре Киммерийском среди находок «гуннских» вещей вне погребального контекста следует в первую очередь остановиться на уже упоминавшихся выше костяных наконечниках стрел. Они сравнительно небольшие, плоские, вытянуто-листовидной формы, с широкой черешковой частью (рис. 2,*1-3*). Такие стрелы найдены, как уже говорилось, в Кепах и в слоях разрушений в Батарейке-I [Сокольский, 1968, 261, рис. 4, 9; Kazanski, 2009, p. 182], а также на таманском городище Ильичевка, где кроме того обнаружен костяной наконечник дротика (рис. 2,4) [Николаева, 1986, 186, 187, рис. 1,8,9; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154, табл. 62, 52, 57]. Их параллели известны в степных древностях Казахстана и Южного Урала [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 129, рис. 18.I,*1-17*, II.*40-44*, 20.I,*1-4*], но пока не обнаружены в восточноевропейских степях, хотя и присутствуют в слоях Танаиса гуннского времени [Шелов, 1963, рис. 10], а также у оседлых соседей гуннской степи [напр., Старостин, 1967, табл. 16]. Тем не менее Аммиан Марцеллин, который имел информацию в первую очередь о «европейских» гуннах, отмечал, что они издали ведут бой стрелами, снабженными наконечниками из кости [Аммиан Марцеллин, Римская история, XXXI. 2.9]. Впрочем, принадлежность всех этих стрел, найденных на Боспоре, именно гуннам конца IV – первой половины V в. нуждается в обосновании. Действительно, костяные наконечники стрел и дротиков в Ильичевке могут принадлежать и постгуннскому времени, поскольку основные слои разрушений на этом памятнике относятся к VI в. [Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154].

Еще сложнее привязать к гуннам трехлопастные, довольно крупные железные наконечники стрел, с наибольшим расширением в средней части (рис. 2,*5-16*). Такие стрелы широко использовались гуннами, они хорошо известны в степных погребениях конца IV – середины V в. [Засецкая, 1994, рис. 4, тип 3б]. Эти наконечники наносили противнику и, что немаловажно, его коням большие открытые раны, вызывающие обильное кровотечение. На Боспоре Киммерийском они найдены как в погребальном контексте, напр., в Керчи [склеп 154.1904 г.: Засецкая, 1993, табл. 47, № 217; склеп 176.1904 г.: Засецкая, 1993, табл. 57, № 330] или в Сиреневой Бухте [склеп 23/11, Масленников ,1997, рис. 53. *8-10*] в контексте середины V в. (см. ниже) (рис. 2,*6-16*), так и в слоях поселений, в той же Ильичевке (рис. 2,5) [Николаева, 1986,186, рис. 1, *3*; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154, табл. 62, *53*], в Таракташе

[Мыц, Лысенко, 2001, рис. 2, *1,2*]. Однако трехлопастные, «степные» по происхождению стрелы очень быстро распространяются в Европе, и начиная с V в. по VIIв. они известны у самых различных народов на огромной территории от Галлии до лесной зоны современной России [Kazanski, 2009, p. 102 ; Казанский, 2019, с. 257 – 261]. Поэтому датировка и культурная принадежность трехлопастных стрел из слоев боспорских поселений не могут быть однозначными. Тем не менее в состав инвентаря захоронений гуннского времени эти стрелы на Боспоре попадают, скорее всего, под влиянием степных погребальных обычаев (многочисленные примеры для гуннов см. Засецкая, 1994), поскольку ранее в боспорских погребениях стрелы отсутствуют.

Обращают на себя внимание костяные накладки на лук т.н. гуннского типа: с расширенными концевыми накладками, хорошо представленные в древностях гуннского времени в Европе [из последних работ о них см.: Моисеев и др., 2015, с. 22, табл.3] (рис. 2,*17-24*). Лук с костяными накладками длиной 120 –150 см являлся основным оружием гуннов [Alföldi, 1932. S. 18 – 26; Засецкая, 1994, с. 35, 36; Bóna, 2002, p. 117 –121 ; Kazanski, 2012, p. 193, 194]. Для эпохи переселения народов список находок луков с костяными накладками составлен Б. Анке [Anke, 1998, Karte 5, Fundliste 4]. Этот список сейчас может быть дополнен, тем не менее по уже имеющимся данным четко выделяются два основных региона их распространения: русско-украинские степи и регион Среднего Дуная. На Боспоре Киммерийском вне погребального контекста эти накладки найдены в уже упоминавшейся крепости Ильичевка (рис. 2.*17,18*), где они, по крайней мере частично, связаны со слоями разрушений постгуннского времени [Николаева, 1986, с. 187, рис. 1, *11*; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154, табл. 62, *54,55*], а также в Тиритаке (рис. 2,21) [Хазанов, 2008, рис. 18,2]. Луки с костяными аппликациями происходят из Азии [Werner, 1956, s. 46 – 50; Хазанов, 2008, с. 78 – 83]. Костяные накладки на лук существовали у народов восточноевропейских степей I – IV вв., в частности у сарматов и аланов и до появления гуннов [Werner, 1956, Taf. 37, 2 ; Karte 4; Хазанов, 2008, с. 84, 85]. Это оружие хорошо известно в «позднесарматскую эпоху» (II – IV вв.) и в степях Южного Урала и Северного Казахстана, т.е. на территориях, куда гунны должны были неминуемо попасть при миграции на запад в IV в. [Хазанов, 2008, с. 73 –75]. На римском Западе известны костяные накладки на лук, датированные III в., что показывает непрерывное существование этого типа оружия в Империи [Хазанов, 2008, с. 84, 85; Kazanski, 1991, p. 135]. При этом некоторые из накладок, найденные в позднеримском контексте, имеют расширенные концы [см., напр., Bishop, Coulston, 1993, fig. 43,*2, 74,1*]. Для III –V вв. присутствие лука с окончаниями «гуннского» типа отмечено и в дунайской крепости *Tropaeum Traiani*[Chiriac, 1997].

Сами по себе эти находки не являются культурно определяющими, для выявления гуннского «следа» гораздо интереснее присутствие таких накладок в погребальном контексте. На Боспоре Киммерийском это находки из Керчи, склеп 154.1904 г., погр.3 [Засецкая, 1993, табл. 49, № 229] и из Старожилова-I, склеп 4/4 [Масленников,

1997, рис. 11, *1-3*] (рис. 2,*19,20,22-24*). Погребения эпохи переселения народов с костяными накладками на лук известны как у степных народов, так и у оседлых варваров, в том числе и в Крыму, в Алмалык-Дере и в Усть-Альме (рис. 3) [Kazanski, 2018, Appendix, n° 9, 13, fig. 4]. Скорее всего, у оседлых варваров обычай помещения луков в захоронение появился под влиянием степных погребальных традиций. Что же касается луков у кочевников, то в погребальных обрядах они наверняка выполняли роль социального маркера. В частности, известно, что луки связаны с символикой власти в гуннской «империи» [Harmatta, 1951; László, 1951][6].

Остановимся на находке скобы с зооморфным декором на конце из погребения Керчь - Глинище 1896 г. [Штерн, 1897, лист 1, рис. 7], которую обычно считают портупейной, от ножен меча (рис. 4,*18*). Однако предложено и её определение как оконечности накладки на лук [Anke, 1998, Taf. 37, *1*; Bóna, 2002, fig. 113] (рис. 4,*18а*). При этом она сопоставлена с находками в «вождеских» погребениях и в коммеморативных комплексах кочевников гуннского времени золотых пластин, интерпретируемых как накладки на лук, в частности, в Якушовице (Jakuszowice), в Новогригорьевке, погр. 8, в Печюцоге (Pécsüszög), в Батасеке (Bátaszek), в Паннохалме (Pannonhalma), в Кубее, Новоивановке [Werner, 1956, s. 49, 50 ; Anke, 1998, s. 62-65 ; Bóna, 2002, p. 131 –133 ; Fodor, 2017, там же библиография находок], а также с пластиной из погр. 1 (8) аланского могильника Березовский-2, на окраине Кисловодска [Савенко, 2014, с. 117 –119]. Впрочем, далеко не во всех случаях предложенные реконструкции и атрибуция данных пластин как обкладок лука являются бесспорными [см. подробнее Комар, 2013, с. 90, 91 ; Савенко, 2014, с. 128]. Керченская находка также вряд ли относится к деталям лука, по крайней мере такая трактовка требует дополнительной аргументации.

К числу элементов, так или иначе связанных с гуннами, могут быть отнесены «персидские» парадные мечи, явно занесенные с востока [о них см. Bóna, 2002, p. 199, Fig. 104; Казанский, 2019а, с. 118 –120]. Это мечи и кинжалы с полусферическим навершием, отделенным от рукояти перехватом, или же рукояти без полусферического навершия, но заканчиваюшиеся перехватом (рис. 5)[7]. Их прототипы известны на Ближнем Востоке, в частности в Пальмире, в 229 г. (рис.5,*7*). На Боспоре они найдены в таких погребениях, как Керчь - Глинище, склеп 1896 г., тайник склепа 145.1904 г., склеп на Тарханской дороге 1914 г., Фанагория, склеп 315.2019 г. [Штерн, 1897, рис. 7; Засецкая, 1993, табл. 17, № 47; 62, № 364; Ворошилов, Ворошилова, 2019, рис. 2, 2] (рис. 4,*6, 5,3-8,11*). Известны они здесь и в качестве депаспортизированных находок [напр., Damm, 1988. № 103]. Помимо Боспора Киммерийского, мечи и кинжалы иранской традиции у оседлого

[6] Император Маркиан в ночь смерти Аттилы видел сон, в котором фигурировал сломанный лук этого великого гуннского вождя [Иордан, Getica, 255], что косвенно свидетельствует о символической роли лука у гуннов.

[7] Позднеримские/ранневизантийские мечи с полусферическим навершием рукояти также хорошо известны [см. Kazanski, 1991, p. 128, fig. 3, 11], но у них нет перехвата под навершием.

населения выявлены в Абхазии, на могильнике Цибилиум, на Северном Кавказе, в могильнике Волчьи Ворота, под Кисловодском и в Ингушетии, а также в Среднем Поднепровье, в погребении Волниковка, у гуннов, в крымском погребении Совхоз Калинина и, наконец, в степных погребениях несколько более раннего времени (середина –вторая половина IV в.), напр., в Муслюмово на Южном Урале (рис. 5,*1,2,4-6*). В Центральную и Западную Европу «персидские» мечи с полусферическим навершием и перехватом, насколько мне известно, не попадают [подробнее Казанский, 2019а, с. 118 –120, там же библиография].

Крестовидные уздечные бляхи полихромного стиля происходят из Керчи, контекст находки неизвестен (рис. 9,*13*) [Damm, 1988, S. 177, 178, Abb. 183,184]. Подобные бляхи уздечного набора из бронзы, обтянутой золотой пластиной со вставками красных камней и стекла, хорошо известны у гуннов: Новогригорьева, погр.IX, Здвиженское (Воздвиженская), Совхоз Калинина, Феодосия – Гора Клементовка (рис. 2,*25*) [Засецкая, 1994, с. 42, 43, табл. 1,*1*, 11,*4*, 22,*6*, 26,*2*], Усть-Альма, погр.95 [Пуздровский, 2010, рис. 10, 5-8]. По мнению И.П. Засецкой, такие накладки помещались на перекрестии боковых ремней с налобным и наносным ремнями конского поголовья [Засецкая, 1994, с. 42, 43]. В Центральной Европе в гуннском контексте полихромные бляхи не известны, но в уже упоминавшемся захоронении Якушовице, в Южной Польше, имеются крестообразные бляхи без полихромного декора [Godlowski, 1995, Abb. 2,*2,3*].

К числу заимствований из степного гуннского мира можно отнести обычай помещения в боспорские погребения седел. В Керчи, в некрополе улицы Госпитальная, для гуннского времени седло было найдено в коллективном «фамильном» склепе 165.1904 г., в погр. 5. Седло здесь деревянное с серебряными украшениями и гвоздиками с позолоченными шляпками, тип не устанавливается [Шкорпил, 1907, с. 49; Засецкая, 1993, с. 97][8].

В гуннское время погребения с жесткими седлами хорошо известны у кочевников [Засецкая, 1994, с. 45 –50], а также в отдельных привилегированных погребениях оседлого населения степной периферии, таких как Концешты (Conceşti) [Фурасьев, Шабалавина, 2019, с. 159 – 162]. Седла в привилегированных погребениях появляются у варваров понто-кавказских степей, видимо, ещё в позднеримское время. Так, в «вождеском» погребении Кишпек, датированном началом IV в., на территории Кабардино-Балкарии были обнаружены остатки плохо сохранившегося деревянного седла. Примыкает по времени к гуннской эпохе катакомба 10 могильника Лермонтовская Скала-2, в Пятигорье. Это аланское коллективное (семейное?) погребение в катакомбе. Здесь были захоронены женщина и молодой че-

[8] В другом керченском склепе, 6.1905 г., был обнаружен смешанный материал [Шкорпил 1909: 3,4], типичный для гуннского [напр., Засецкая, 1993, табл. 3, № 37] и постгуннского времени [напр., Шкорпил, 1909, рис. 1]. Здесь также были найдены остатки седла типа Засецкая 4В2, характерного уже для постгуннского времени [Засецкая, 1994. Приложение 3, № 17, рис. 10, 17]. В данной работе постгуннский материал не рассматривается.

ловек с инвентарем гуннского времени и мужчина с вещами постгуннской эпохи. Седло с другими предметами конского убора, обнаруженные в камере, относятся к одному из мужских погребений, «гуннскому» или «постгуннскому» [Казанский, 2014, с. 324, 325, там же библиография по находкам].

На позднеримском Западе погребения с седлами связаны с военной варваризированной средой. Это погребение воинского предводителя в Мундольсхейм, в Эльзасе, в районе Страсбурга. Здесь были найдены меч и топор (не сохранились), предметы поясной и/или обувной гарнитуры, предметы конского убора. Погребение датируется периодами D2 (380/400 – 440/450 гг.) или D2/3 (430/440 – 460/470 гг.) по хронологии европейского Барбарикума. Исследование его инвентаря позволило предположить северопричерноморское происхождение захороненного здесь офицера, скорее всего, связанного с оседлой понтийской средой. Стоит также упомянуть погребение конца IV в. в Северной Галлии в Сарри (Sarry) (деп. Марна), содержавшее в своем инвентаре, помимо прочего, меч, кольчугу и металлические детали седла. Остатки деревянного седла были обнаружены в погр. 3 нубийского некрополя Баллана (Ballana). Погребение относится ко времени около 450/460 гг. Это камерное аристократическое погребение взрослой женщины, сопровождавшееся, в частности, конскими жертвоприношениями [Казанский, 2014, с. 325, там же библиография по находкам].

Среди «степных» погребальных обрядов, отмеченных на Боспоре Киммерийском, следует, видимо, упомянуть и захоронения с несколькими конями. Одно такое погребение коней засвидетельствовано в некрополе Сиреневая Бухта, в склепе 23/11 (рис. 6), откуда происходят уже упоминавшиеся трехлопастные наконечники стрел. Это большой двухкамерный склеп, одна камера ограблена, во второй неограбленной камере обнаружено не менее 5 ингумаций. К северу от склепа найдено пять конских захоронений в ямах. Лошади захоронены в ямах по оси З-В (одна – С-Ю). Одна лошадь находилась на боку, остальные – спиной вверх. При погребениях лошадей найдены удила, бронзовые пряжки [Масленников, 1997, с. 22 – 25, рис. 50]. Небольшие пряжки с овальными рамкой и щитком (рис. 6,*10,12*), обнаруженные также в склепе, имеют параллели в знаменитой «княжеской» могиле Смолин (Smolin) в Южной Моравии *[L'Or des princes barbares, 2000, n° 22,9]*. Последняя датируется периодом D2/D3, т.е. 430/440 – 460/470 гг. по хронологии европейского Барбарикума [Tejral, 2011, s. 15 – 17, 355], что в некоторой степени и указывает на дату конских захоронений в Сиреневой Бухте. Судя по характеру склепа, он, как и весь некрополь, принадлежит местному эллинизированному населению Боспора Киммерийского. Тем не менее наиболее близкая территориальная параллель – это захоронение постгуннского времени в Малаях, курган 1, погр. 12, в Восточном Приазовье [Лимберис, Марченко 2011, с. 420 – 439]. В целом же захоронения коней и конских шкур хорошо известны в степном гуннском контексте [Kazanski, 2009, p. 99; Казанский, Мастыкова, 2009, с. 116, там же библиография], откуда этот обычай проникает и в Западную Европу [Казанский, Перен, 2005, с. 39].

Наконец, рассмотрим гуннскую диадему из Керчи, которая уже была предметом специального исследования [Казанский, 2020б] (рис. 7). Она принадлежит к числу типичных женских украшений степных кочевников гуннского времени, их сейчас известно более двух десятков [подробно см. Kovrig, 1985; Засецкая, 1994, с. 50 – 58]. Диадема вроде бы была найдена на северном склоне горы Митридат, предположительно в районе улицы Константиновской («rue de Constantinople», сейчас улица 23 Мая 1919 г.), в склепе («Katakombe»), вместе с другими вещами – пряжками, фибулами и пр.[9]

Диадема составлена из трех пластин прямоугольной формы, как и некоторые другие диадемы [Шипово, Канаттас: Засецкая, 1994, с. 52,53] на бронзовой основе, покрыта золотым листом и украшена гранатовыми и стеклянными вставками в изолированных гнездах. Ее длина – 34,2 см. По типологии И. Ковриг, в основе принятой и И.П. Засецкой [Засецкая, 1994, с. 56], керченская диадема принадлежит группе 2б. Это венцы без гранулированного декора, вся поверхность которых покрыта плоскими камнями потреугольной, ромбической и прямоугольной, редко округлой форм, близко посаженными, в несколько прямых рядов [Kovrig. 1985. S.124, 126]. В число диадем этой подгруппы входят находки в Бухэни (Buhăieni), Енджиховице (Höchricht - Jędrzychowice), Будапеште, Дульчанке (Dulceanca), Геразени (Gherăseni), может быть, в совхозе Калинина [Kovrig, 1985, Abb. 7]. Плоские вставки камней имеются также на диадемах из Черны (Csorna) и Шурбанца (группа Ковриг 2с) [Засецкая, 1993, с. 56]. Итак, керченская диадема явно «западная» и связана по происхождению именно с зоной, конролировавшейся Руей и Аттилой, поскольку практически все находки венцов группы Ковриг 2б (за исключением Керчи и совхоза Калинина), и вообще диадемы, украшенные плоскими камнями, локализуются к западу от Днестра [Kovrig, 1985, Abb. 13]. При этом больше всего находок отмечено в бассейне Нижнего Дуная и Днестра (рис. 8). Эта территория, если верить Приску Панийскому, была завоевана Руей (погиб около 434 г.), при этом в его подчинение попали местные варвары – амилзуры, итимары, тоносуры, воиски [Приск Панийский, Готская история, фр. 1. цит. по Латышев, 1890, с. 810][10]. Зато один декоративный элемент керченской диадемы – центральная композиция с двумя птичьими головами – имеет параллели только в восточной части степи – в погребении постгуннского времени (вторая треть V – вторая треть VI в.) в Шипово, на Южном Урале [Kovrig, 1985. Abb. 6; Засецкая, 1994. Табл. 42,1]. Иными словами, сделанная в «западной» гуннской технике диадема в то же

[9] Вещи были куплены в 1907 г. А. Мерль де Массонё и попали в коллекцию И. фон Диергардта. Сейчас диадема находится в Римско-Германском музее в Кёльне [Damm, 1988, s. 85 – 92; Damm, 1996, s. 82 – 84; Eger, 2017].

[10]Эот список народов практически полностью совпадает с перечислением племен, попавших под удар гуннов сразу после перехода Меотиды, перечисленных Иорданом, *Alpidzuros, Alcildzuros, Itimaros, Tuncarsos, Boiscos* [Getica, 126] (см. выше). Есть два возможных объяснения этого совпадения – текст Иордана списан у Приска или же меотийских кочевников около 375 г. отогнали на Нижний Дунай.

время несла символику, понятную «восточным» кочевникам. Представляется, что данная находка отражает ситуацию, сложившуюся к 448 г., когда Аттила подчинил гуннов-акациров (см. выше). Именно в это время Боспор Киммерийский, уже после похода Васиха и Курстха (см. выше), мог войти в орбиту власти Аттилы, что и обусловило попадание сюда гуннских вещей из Подунавья.

В заключение перечислим собственно «гуннские» памятники, т.е. погребения и отдельные характерные предметы, принадлежавшие степным кочевникам гуннского времени, которые размещаются на периферии Боспора Киммерийского. На Европейском Боспоре это хорошо известные погребения – Марфовка (рис. 9,*1-11*) [Айбабин, 1993, с. 206, рис. 2; Засецкая, 1994, с. 177, табл. 24; Айбабин, 1999, с. 71, 73, рис. 19, *21*; Застрожнова, Шаров 2017], Феодосия – Гора Клементовка / Коклюк (рис. 9, *12-18*) [Айбабин, 1993, 206, рис. 3, *15, 16, 25, 26*; Засецкая, 1994, с. 178, табл. 26. *1-5*; Айбабин, 1999, с. 71], а также находка вне контекста в Феодосии (рис. 9,19) [Засецкая, 1994, рис. 11,8; Айбабин, 1999, с. 71]. На востоке, в непосредственной близости от Азиатского Боспора, гуннские находки также немногочисленны. Можно назвать, пожалуй, лишь фрагменты гуннского котла, происходящие из Бужор, под Анапой (рис. 9,*20-22*) [Новичихин, 2014]. Значительно дальше, за Кубанью, находится кочевническое захоронение Калининская, курган 35, погр. 3 [Лимберис, Марченко, 2011, с. 417 – 420, рис. 2]. Показательно, что женские украшения из крымских находок, обильно украшенные зернью (стиль Засецкая, 1) (рис. 9,*1,3,4,9,19*), характерны в первую очередь для восточной, условно «акацирской» зоны распространения степных памятников гуннского времени [подробно Казанский, Мастыкова, 2009, с. 120, 121]. Обломки котла из-под Анапы также более всего соответствуют варианту, распространенному в восточной половине степной зоны, а именно в Поволжье и Приуралье [Новичихин, 2014, с. 168, 169]. Эти находки подтверждают, во-первых, реальное присутствие степняков на подступах к Боспору, а во-вторых, указывают на связь этих кочевников не с «царскими» гуннами династии Аттилы, а скорее, с акацирами или культурно близкими им восточными группами степняков.

* * *

Итак, находки гуннских вещей в Восточном Крыму и на Тамани, а также наличие «степных» обычаев в погребальной практике боспорского населения конца IV – середины V в. немногочисленны и, на мой взгляд, отражают лишь эпизодическое присутствие гуннов на территории Боспора Киммерийского. При этом легко заметить, что эти вещи и погребальные обычаи связаны в первую очередь с «вождеской» и «воинской» цивилизацией того времени и, видимо, не затрагивают основную массу эллинизированного населения. Реально вхождение Боспора в орбиту «гуннской империи», скорее всего, имело место в 440-е годы, когда Аттила подчинил гуннов-акациров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV – VI вв. //Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Т. III. С. 206 – 211.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.

Айбабин А.И. Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV – XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука, 2003. С. 9 – 145.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.

Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae). Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 576 с.

Артамонов М.И. История хазар. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 524 с.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 270.

Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть 1 // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. 1. С. 247 – 326

Вольфрам Х. Готы. Санкт-Петербург: Ювента, 2003. 656 с.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 257. С. 174 – 181.

Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округи. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV – XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука, 2003. С. 152 – 157.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1979. 216 с.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Т. III. С. 23 – 105.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). Санкт-Петербург: Эллипс, 1994. 224 с.

Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. «Марфовский клад» 1925 года: публикация архивных материалов // Stratum plus. 2017. № 4. С. 395 – 410.

Иордан. О происхождении и деяниях готов (Getica) / Текст, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 512 с.

Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Т. IV. С. 238 – 256

Казанский М.М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах Армавирского Краеведческого музея. 2001. Вып. 7. С. 41 – 58.

Казанский М.М. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция. Stratum plus. 2014. № 4. С. 229 – 336.

Казанский М.М. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С.В. Белецкий, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры, 2019а. С. 113 – 124.

Казанский М.М. Начало эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько, Симферополь-Керчь. Крымский федеральный университет. Фонд «Деметра», 2019б. С. 256 – 265.

Казанский М.М. Степные традиции в славянском вооружении и конском снаряжении // Краткие сообщения Института археологии. 2019в. Вып. 254. С. 253 – 269.

Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов // Боспорские исследования. 2020а. Вып. XL. С. 140 – 156.

Казанский М.М. Гуннская диадема с горы Митридат и ее культурно-исторический контекст. // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь. Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра», 2020б. С. 152 – 159.

Казанский М.М., Мастыкова А.В «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А.Г. Фурасьев, Санкт-Петербург: факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114 – 126.

Казанский М.М., Перен П. Могила Хильдерика (481/482 г.) : состояние исследований // Краткие сообщения Института археологии. 2005. Вып. 218. С. 24 – 42.

Комар А.В. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр. / Ред. С. Г. Боталов, Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 88–109.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Греческий текст, перевод и комментарии В.В. Латышева. Санкт-Петербург. 1890, Т. 1. С. 787 – 818.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2011. С. 417 – 442.

Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. Москва: Институт археологии РАН, 1997. 108 с.

Моисеев А.В., Козмирчук И.А., Обломский А.М. Поселение и могильник Ксизово-16 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.) (раннеславянский мир. Вып. 16) / Отв. ред. А.М. Обломский. Москва: ИА РАН, 2015. С. 15 – 29.

Мыц В.Л., Лысенко А.В. Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование оплисов, образование государства. Часть 2 / Отв. ред. М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев. Санкт-Петербург. Издательство Государственного Эрмитажа, 2001. С. 96 – 101.

Николаева Э.Я. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной куль-

туры / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. Москва: Наука, 1986. С. 183 – 188.

Новичихин А.М. Находка фрагментов котла «гуннского типа» у хут. Бужор близ Анапы // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и Средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28– 30 мая 2014 г.) / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 168 – 170.

Савенко С.Н. Ещё одно захоронение аланской социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А.П. Рунича) // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 234. С. 115 – 139.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Издательство АН СССР, 1950. 516 с.

Пуздровский А.Е. Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. 2010. Вып. 22. С. 285 – 310.

Сокольский Н.И., Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philologie des Altertums. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. С. 251 – 261.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры (Свод археологических источников. Д1 - 32). Москва: Наука, 1967. 100 с.

Тортика А.А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 62 – 72.

Фурасьев А.Г., Шаблавина Е.А. Концешти. Княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019. 244 с.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. Санкт-Петербург. Филологический факультет СПбГУ, 2008. 296 с.

Шелов Д.Б. Экономическая жизнь Танаиса //Античный город / Отв. ред. А.И. Болтунова. Москва: Издательство АН СССР, 1963. С. 115 – 131.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // Известия Императорской археологической комиссии. 1907. Вып. 25. С. 1 – 66.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. // Известия Императорской археологической комиссии. 1909. Вып. 30. С. 1 – 50.

Штерн Э. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. 20. С. 1 – 15.

Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Müzeum, 1932. 90 s.

Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier & Beran, 1998. Teil 1. 224 S., Teil 2. 156 s.

Baschmakoff A. La synthèse des périples pontiques. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1948. 186 p.

Bishop M.C., Coulston C.N. Roman Military Equipment. From Punic Wars to the fall of Rome. London: B;T; Batsford Ltd, 1993. 256 p.

Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris : Errance, 2002. 240 p.

Chiriac C. About the Presence of the Composite Bow at Trapaeum Traiani during the Protobyzanitne Period // Etudes byzantines et post-buzantines. 1997. III. P. 43 – 67.

Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlischen Schmarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und

Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65 – 210.

Damm I.G. Goldschmuck des 5. Jahrunderts aus eem pontischen Raum im Römisch-Germanischen Myseum Köln // Reitervölker aus em Osten. Hunnen = Awaren / Hrsg. F. Daim, Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregizerung, 1996. S. 82 – 89.

Eger C. Die Hunnen kommen : die « Krone » aus Kerč // Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit / Hrsg. F. Naumann-Steckner, M. Trier. Köln, München: Römisch-Germanisches Museum der Stadt Köln, Harmer Verlag GmbH., 2017. S. 98, 99.

Fodor I. Uber die hunnischen Goldbögen // Archäologische Studien zum frühen Mittelalter / Hrsg. G. Fusek. Nitra: Archeologický Ústav Slovenskej Akadémie Vied, 2017. S. 27 – 32.

Godlowski K. 1995. Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe sicle / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye : Association française d'archéologie mérovingienne. P. 155 – 180.

Harmatta J. The Golden Bow of the Huns // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae. 1951. P. 107–151.

Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe-Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 1991. N° 4. P.123 – 139.

Kazanski M. Archéologie des peuples barbares. Bucureşti – Brăila: Editura Academiei române, 2009. 492 p.

Kazanski M. Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars // Le cheval dans les sociétés antiques et médiévale // Dir. S. Lazaris. Turnhaut : Brepols, 2012. P. 193 – 199, 287 – 296.

Kazanski M. Bowmen's Graves from the Hunnic Period in Northern Illyricum // « To make a fairy's whistle from a brian rose ». Studies presented to Eszter Istvánovits on her sixtieth birthday / Eds M.L. Nagy et alii. Nyíregyháza: Jósa András Múzeum, 2018. P. 407 – 418.

Kovrig I. Das Diadem von Csorna // Folia Archaeologica. 1985. Tom XXXVI. S. 107 – 145.

László G. The Significance of the Hun Golden Bow. Contribution to the Structure of the Hun Nomad Empire // Acta Archaeologia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1951. P. 91 – 106.

L'Or des princes barbares. Paris : Editions de la Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.

Podossinov. A.V. Anonymi Periplus Ponti Euxini (2037) // Die Fragmente der Griechischen Historiker. Part V. / Eds. H.-J. Gehrke, F. Maier. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1873-5363_jcv_a2037. Дата обращения: 1.10. 2020.

Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno, 2011. 466 s.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademien der Wissenschaften, 1956. 138 s.

Резюме

История Боспора Киммерийского в гуннское время (последняя треть IV – вторая треть Vв.) остается во многом неизвестной, хотя уже не раз была предметом обсуждения. Здесь будет предпринята попытка обобщения тех немногих археологических находок, которые можно связать с прямым присутствием гуннов в этом регионе. Находки гуннских вещей в Восточном Крыму и на Тамани (наконечники стрел, костяные накладки на лук, навершия мечей, диадема), а также присутствие степных обычаев (помещение в погребения сёдел, стрел, найденных в конских захоронениях) в погребальной практике боспорского населения конца IV – середины V в. немногочисленны и отражают лишь эпизодическое присутствие гуннов на территории Боспора Киммерийского. При этом легко заметить , что эти вещи и погребальные обычаи связаны в первую очередь с «вождеской» и «воинской» цивилизацией того времени и, видимо, не затрагивают основную массу эллинизированного населения. Реальное вхождение Боспора в орбиту «гуннской империи», скорее всего, имело место в 440-е годы, когда Аттила подчинил гуннов-акациров.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, гунны, Аттила, вооружение, диадема.

Summary

The history of the Cimmerian Bosporus in the Hunnic time (the last third of the 4th - the second third of the 5th centuries) remains largely unknown, although it has already been the subject of discussion more than once. An attempt will be made here to generalize those few archaeological finds that can be associated with the direct presence of the Huns in this region. Finds of Hunnic things in the Eastern Crimea and Taman (arrowheads, bone lining on the bow, tops of swords, diadem) as well as the presence of steppe customs (placing saddles and arrows, accompanying horse burials in burials) in the burial practice of the Bosporan population of the late IV - mid-V centuries are few and reflect only the episodic presence of the Huns on the territory of the Cimmerian Bosporus. At the same time, it is easy to see that these things and funeral customs are associated primarily with the “chieftain” and “military” civilization of that time and apparently do not affect the bulk of the Hellenized population. In reality, the entry of the Bosporus into the orbit of the «Hunnic empire» most likely took place in the 440s, when Attila subdued the Huns-Akatsiri.

Key words: Cimmerian Bosporus, Hunnic, Attila, weapons, diadem.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Казанский Михаил Михайлович, доктор-хабилитат,
ведущий научный сотрудник (эмеритат),
Национальный центр научных исследований,
Лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье».
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 687 46 74 12

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Kazanski Michel, dr. hab.
Directeur de Recherche (émérite)
CNRS - UMR 8167 «Orient et Méditerranée».
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 687 46 74 12

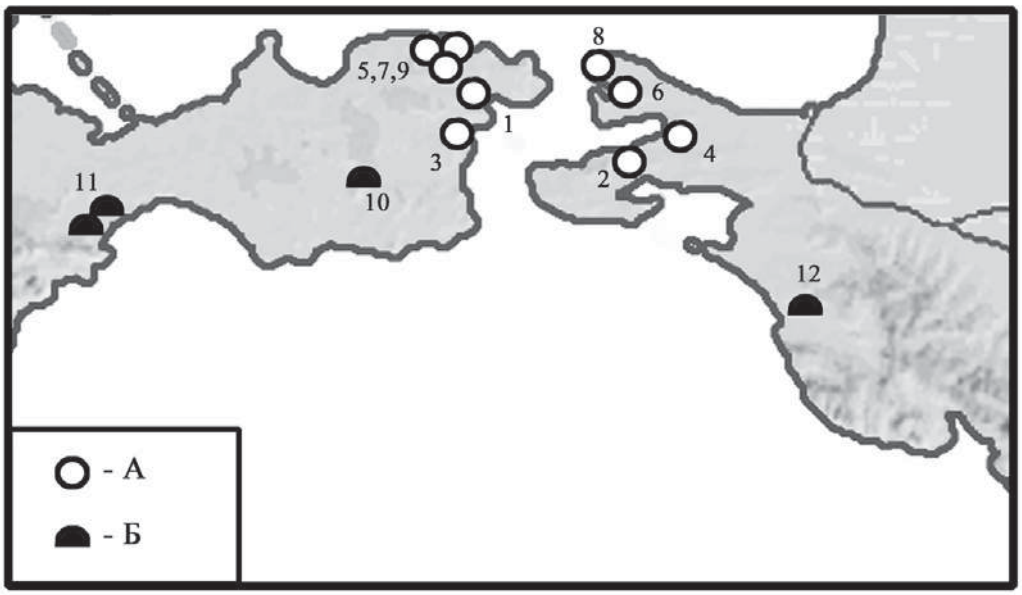


Рис. 1. Карта памятников Боспора Киммерийского гуннского времени, упоминаемых в тексте. А: памятники оседлого населения; Б: памятники кочевников.
1. Керчь-Пантикапей-Боспорос; 2. Фанагория; 3. Тиритака; 4. Кепы; 5. Сиреневая Бухта; 6. Батарейка-I; 7. Генеральское; 8. Ильичевка; 9. Старожилово; 10. Марфовка; 11. Феодосия; 12. Бужор.
Учитывая масштаб карты, локализация памятников приблизительна.

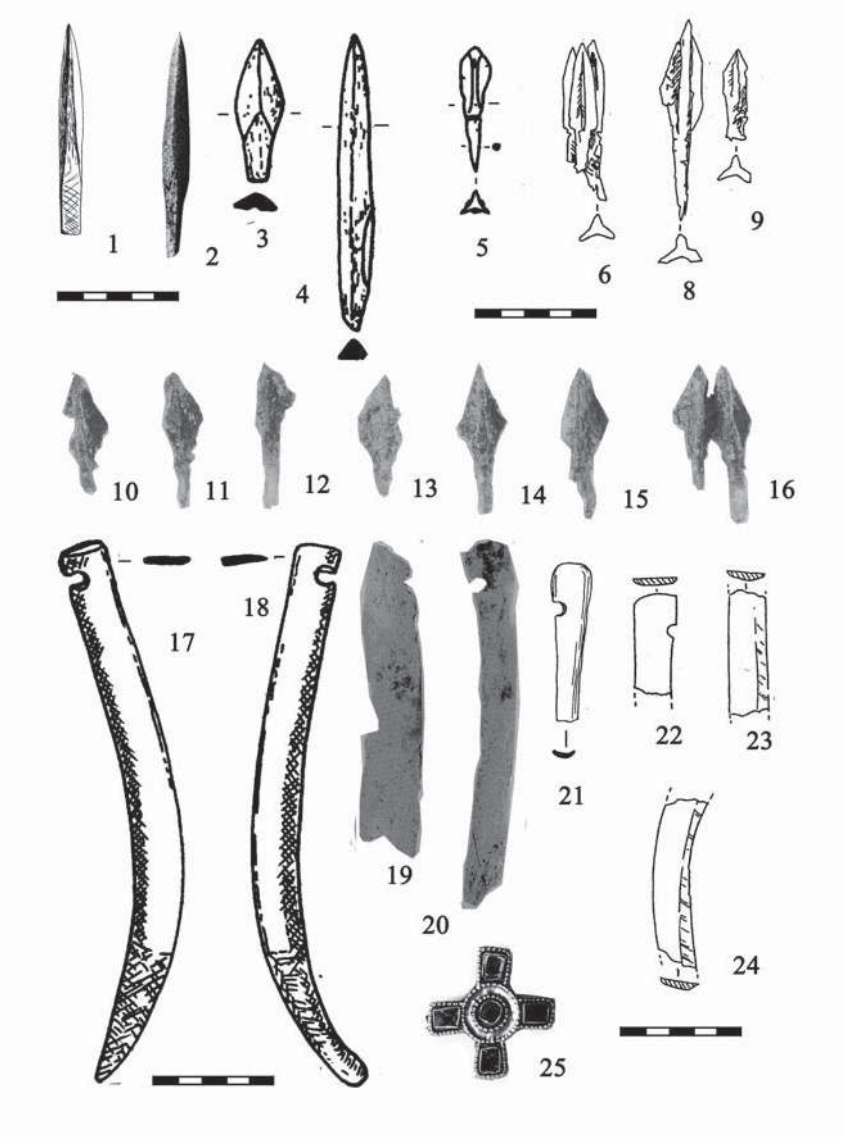


Рис. 2. Предметы вооружения и конского снаряжения гуннской традиции, найденные на Боспоре Киммерийском.

1. Батарейка-I; 2. Кепы; 3 – 5, 17, 18. Ильичевка; 6 – 9. Сиреневая Бухта, склеп 23/11; 10 – 16, 19, 20. Керчь, склеп 154.1904 г.; 21. Тиритака; 22 – 24. Старожилово-I, склеп 4/4; 25. Контекст находки неизвестен.

1. По Сокольский, 1968, рис. 9; 2. По Сокольский, 1968, рис. 4; 3 – 5, 17, 18. По Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 6, 52 – 55, 57; 6 – 9. По Масленников, 1997, рис. 53. 8 – 10; 10 – 16, 19, 20. По Засецкая, 1993, табл. 19, 229, 57, 330; 21. По Хазанов, 2008, рис. 18, 2; 22 – 24. По Масленников, 1997, рис. 11, 1 – 3; 25.По Damm, 1988, Abb. 183.

2, 10 – 16, 19, 20, 25. Без масштаба.

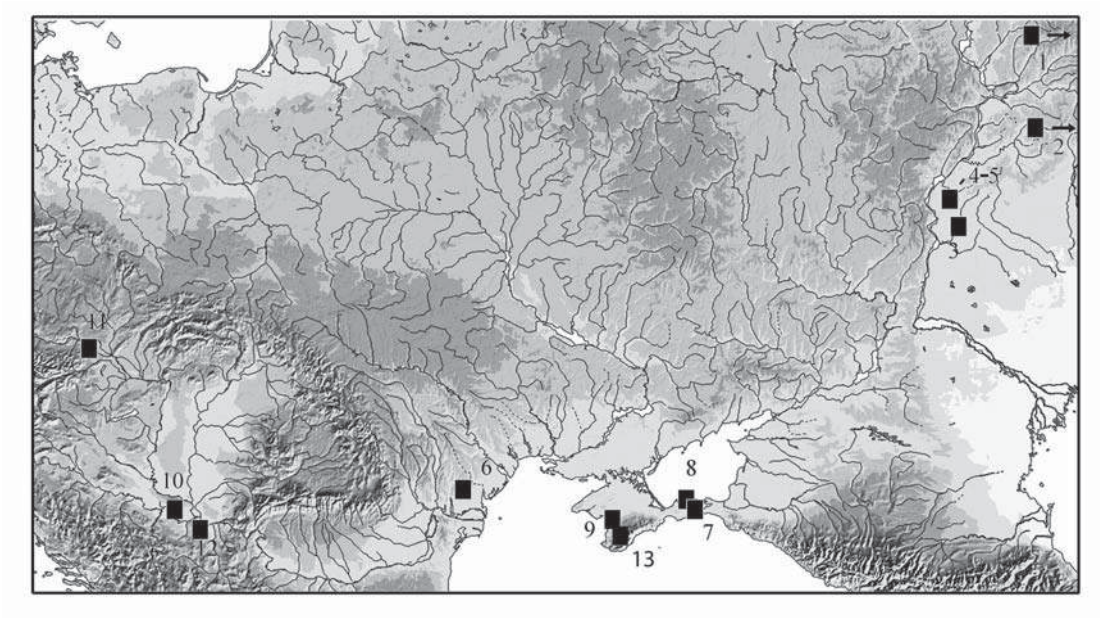


Рис. 3. Погребения гуннского времени с костяными накладками на лук.
1. Солончанка; 2. Кызыл-Адыр; 3. Зеельман-Ровное; 4,5. Энгельс-Покровск; 6. Кубей; 7. Керчь; 8. Старожилово; 9. Усть-Альма; 10. Вранья; 11. Вена-Зиммеринг; 12. Сингидунум; 13. Алмалык-Дере. По Kazanski, 2018, fig. 4.

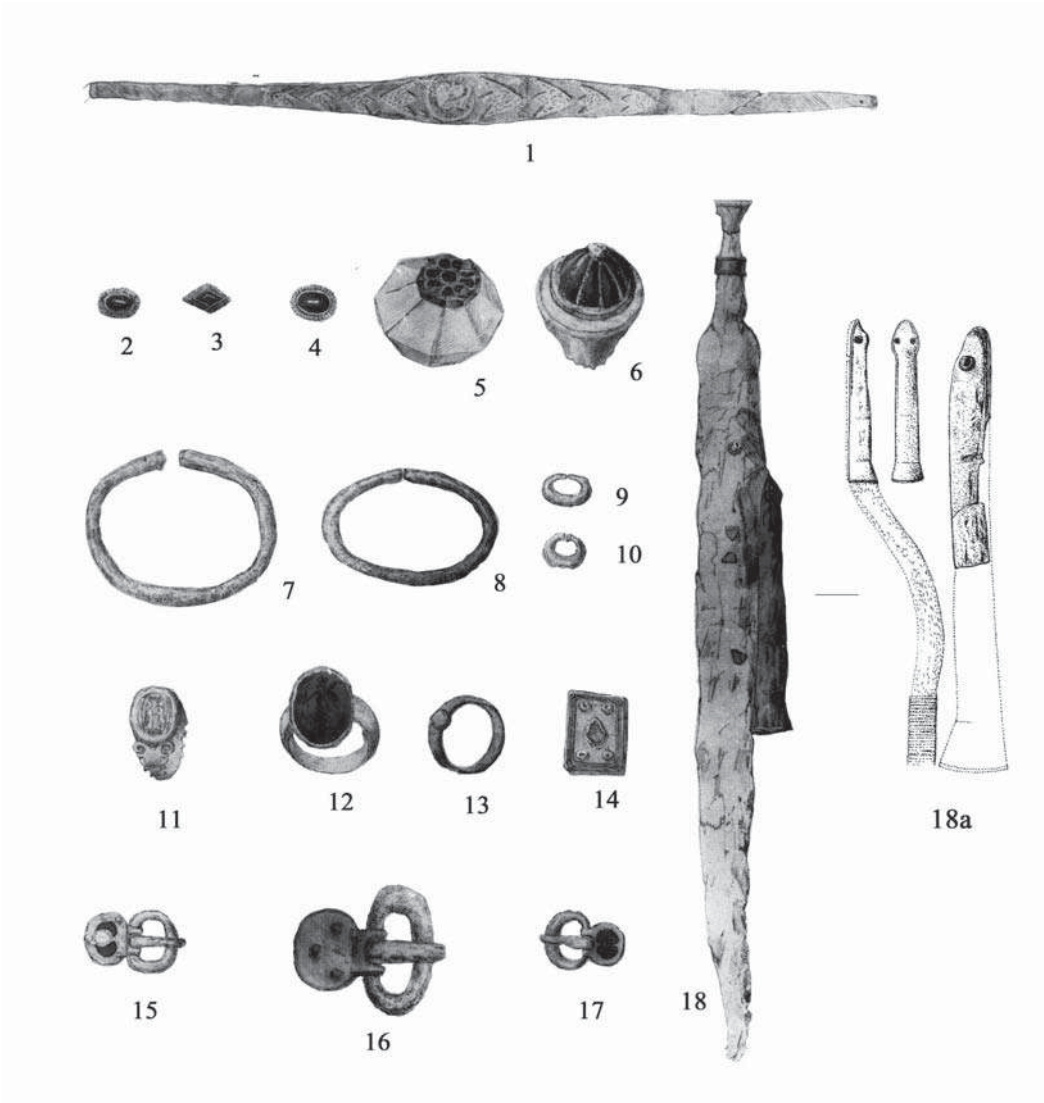


Рис. 4. Вещи из погребения Керчь - Глинище 1896 г. и гипотетическая реконструкция лука (18а). 1 – 18. По Werner 1956, Taf. 15. 18а. По Bóna, 2002, fig. 112.

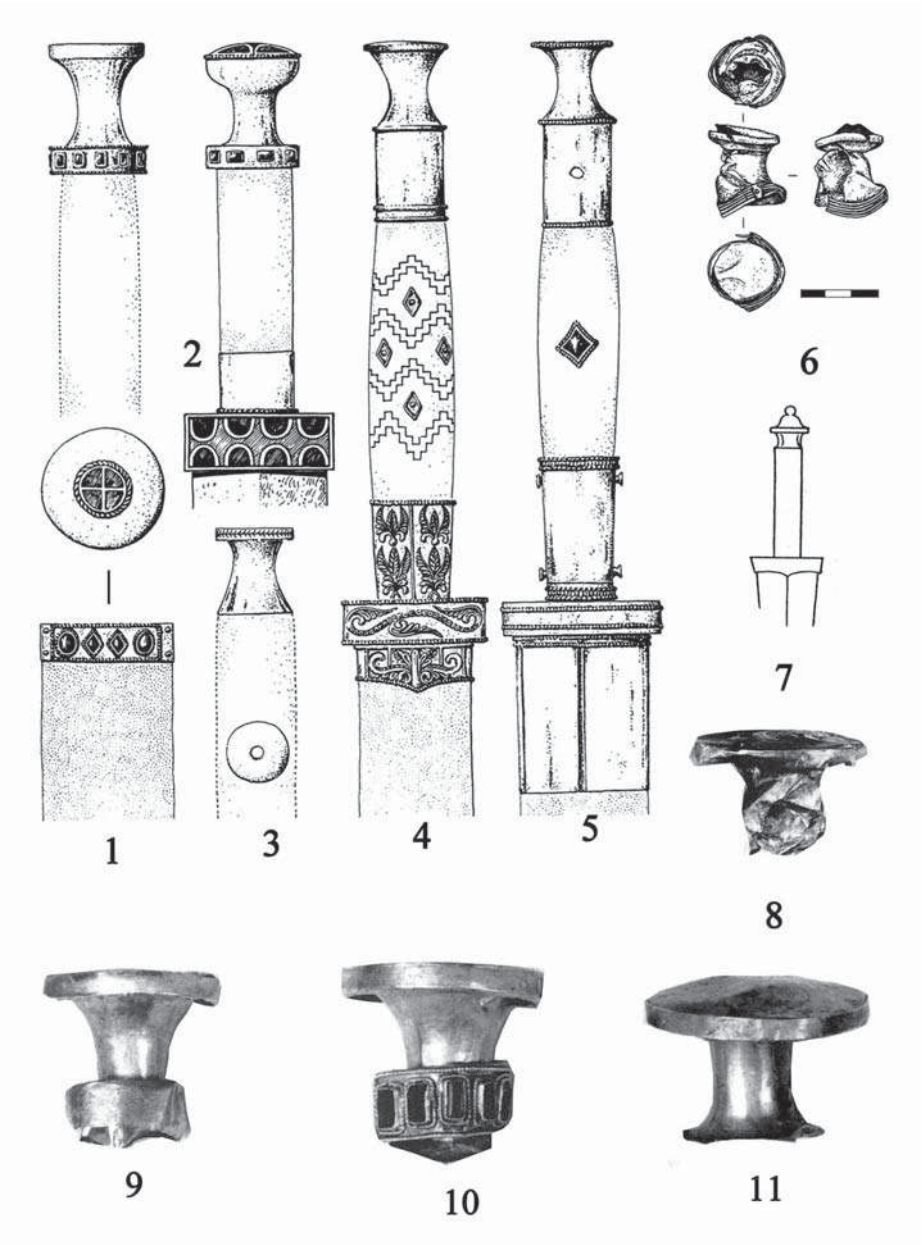


Рис. 5. Мечи «персидской» традиции.

1. Совхоз Калинина (Крым); 2. Цибилиум (Абхазия); 3, 8 – 10. Керчь (Крым), склеп 145.1904 г.; 4. Тураево, курган 5 (Приуралье); 5. Муслюмово (Приуралье); 6. Волчьи Ворота (Северный Кавказ); 7. Пальмира, изображение 229 г. (Сирия); 8. Керчь (Крым), склеп 1914 г. у Тарханской дороги.

1 – 7. По Казанский, 2019, рис. 4; 8 – 10. По Засецкая, 1993, табл. 17, 47а-в; 11. по Засецкая, 1993, табл. 62, 364б.

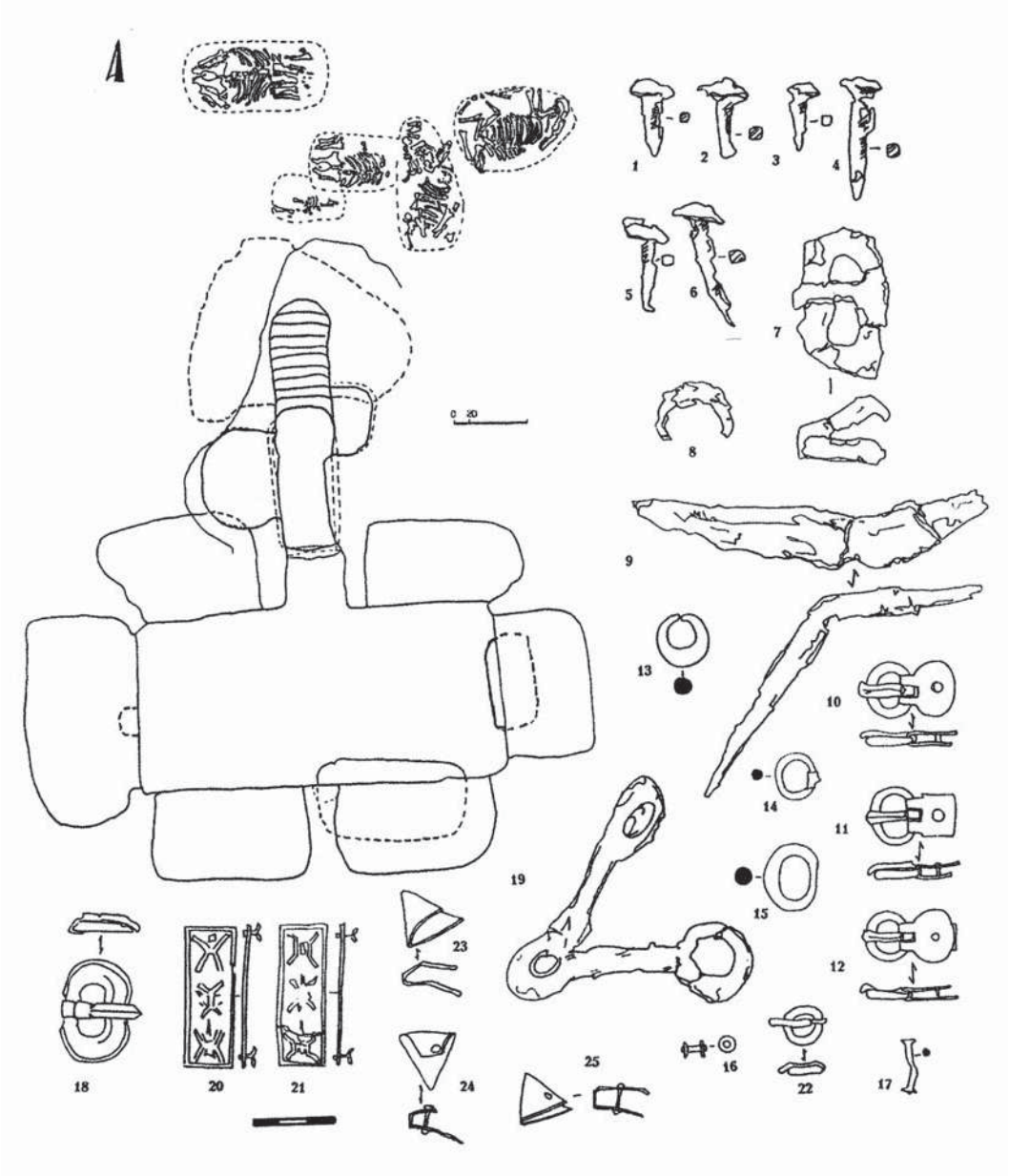


Рис. 6. Склеп 23/11 в некрополе Сиреневая Бухта и вещи из конских захоронений и погребения. По Масленников, 1997, рис. 50, 54.

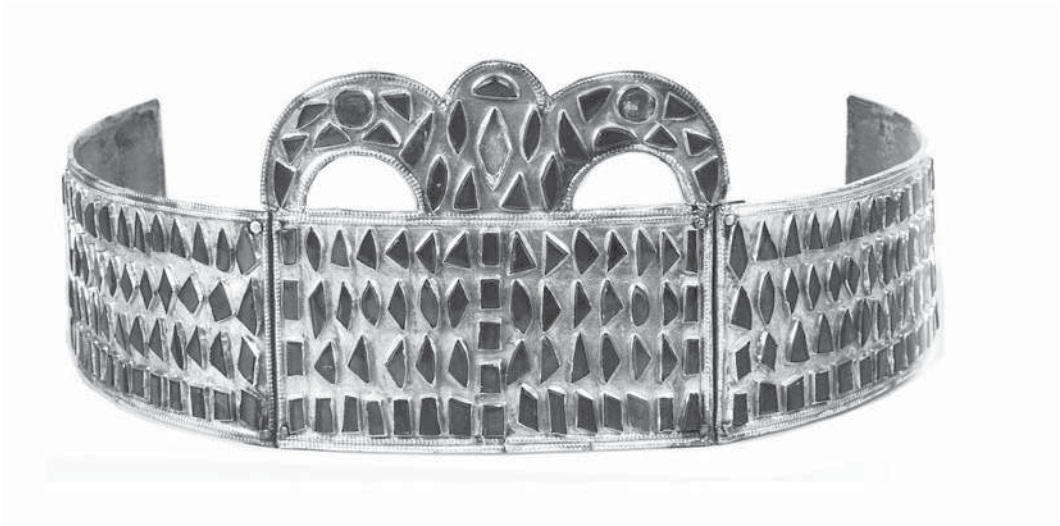


Рис. 7. Диадема из Керчи, склеп 1907 г. на горе Митридат.
По Eger, 2017, № 32.

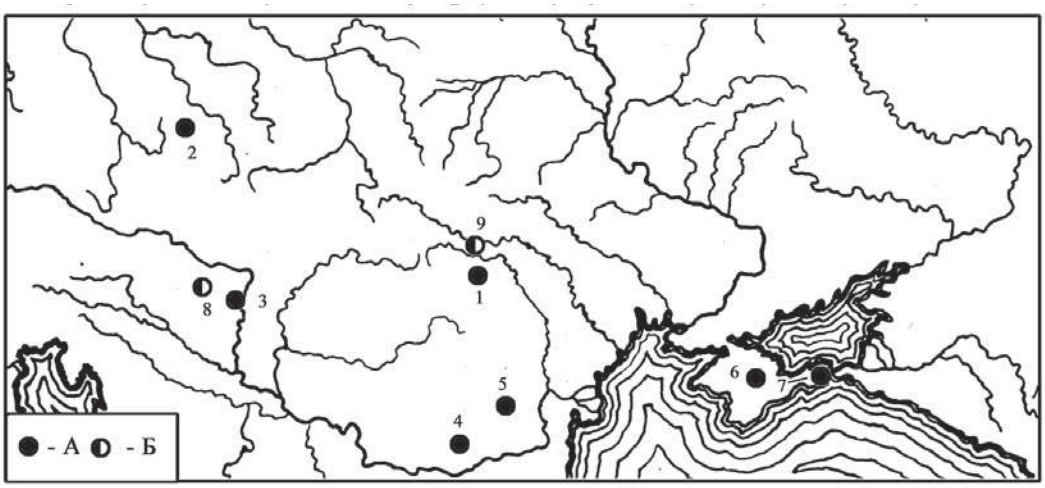


Рис. 8. Распространение гуннских диадем группы Ковриг 2в (А) и близких им диадем, украшенных плоскими камнями (Б).

1. Бухэни; 2. Енджиховице; 3. Будапешт; 4. Дульчанка; 5. Геразени; 6. Совхоз Калинина; 7. Керчь; 8. Черна; 9. Шурбанец.

По Казанский, 2020.

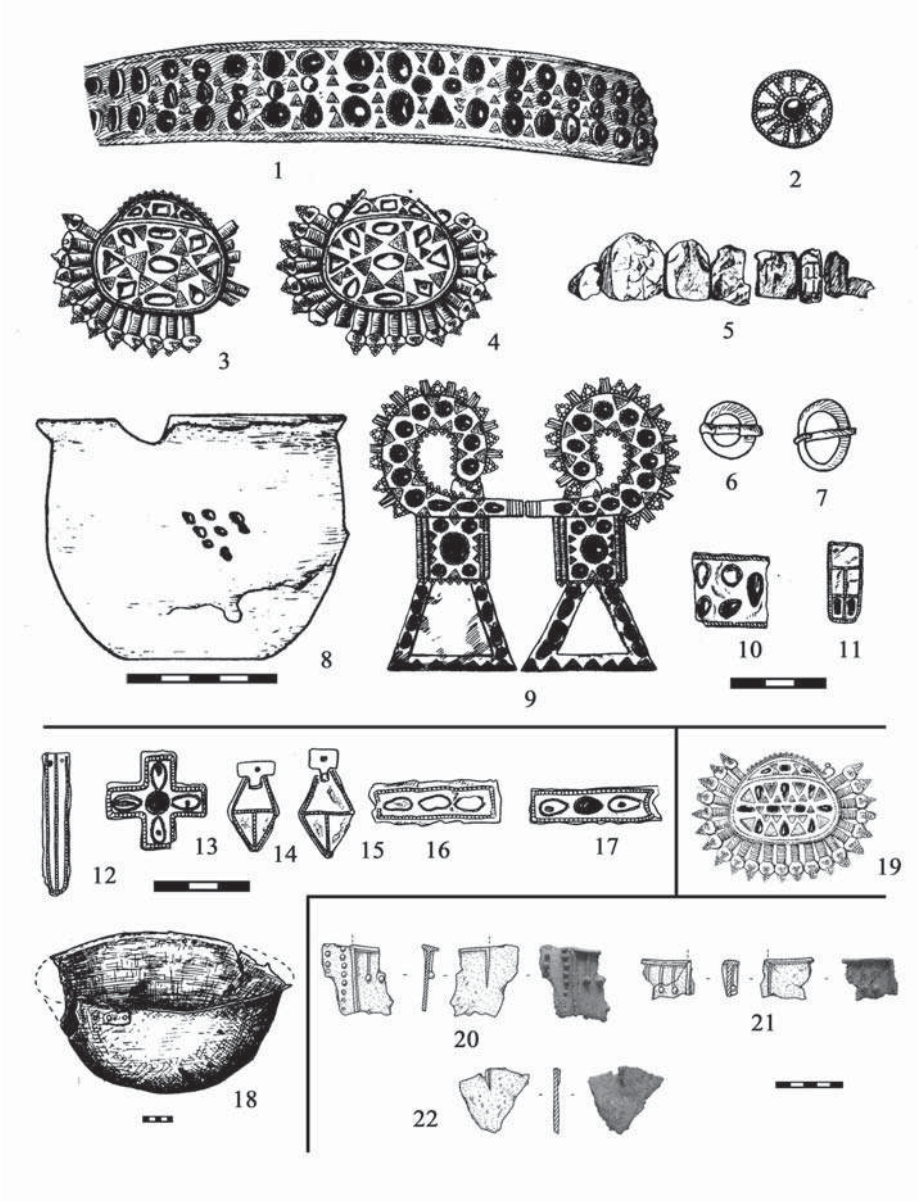


Рис. 9. Находки на границах Боспора, связанные с кочевниками гуннского времени.

1 – 11. Марфовка; 12 – 18. Феодосия, гора Клементовка / Коклюк; 19. Феодосия, контекст неизвестен; 2 – 22. Бужор.

1 – 11. По Засецкая, 1994, табл. 24; 12 – 17. По Засецкая, 1994, табл. 26,1 – 5; 18. По Айбабин, 1993, рис. 3,26; 19. По Засецкая, 1994, рис. 11,8; 2 – 22. По Новичихин, 2014, рис. 1.

1993, рис. 3,26; 19. По Засецкая, 1994, рис. 11,8; 2 – 22. По Новичихин, 2014, рис. 1.

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО
N. A. ALEKSEIENKO

СФРАГИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ВИЗАНТИЙСКОМ ИСКУССТВЕ

SIGILLOGRAPHIC ASPECT OF BYZANTINE ART

Исследователями уже неоднократно отмечалось, что византийские подвесные свинцовые печати-моливдовулы, вводимые в научный оборот как из археологических контекстов, так и с отсутствием таковых, открывают многогранные возможности изучения сфрагистического материала, имеющего огромное значение для истории и культуры не только Византийского государства, но и многих соседствовавших с ним стран и народов, поскольку являются ценнейшими источниками, донесшими до нас беспристрастную правдивую информацию о своих владельцах, их личном благочестии и предпочтениях.

Сохранившиеся в легендах печатей сведения, иконография бытующих на них образов, язык надписей, нередко их стихотворная форма, особенности шрифта и многие другие специфические данные в последнее время всё чаще и чаще привлекают внимание самого широкого круга исследователей – от историков и эпиграфистов до палеографов и искусствоведов. Рассмотрению сфрагистических источников с точки зрения последней категории не раз посвящала свои работы В. С. Шандровская [см. основную библиографию: Византийская сфрагистика, 2019, с. 367–495].

Благодаря разнообразию бытующих на печатях иконографических типов сфрагистика дает ценнейший материал для истории средневековой культуры и изучения истории византийского искусства в целом.

Отметим, что нередко изображения моливдовулов действительно являются шедеврами византийской мелкой пластики, и их можно смело поставить в один ряд со знаменитыми памятниками византийского искусства – иконами, фресками и памятниками декоративно-прикладного искусства. В качестве одного из таких выдающихся примеров можно привести печать из собрания Государственного Эрмитажа императорского протоспафария Ставракия (М-2439), на которой представлен редкий случай высокохудожественного исполнения портрета самого заказчика буллы [Šandrovskaya, 2019, с. 372, Abb. 11].

Зачастую достаточно миниатюрный размер матриц моливдовулов при всем лаконизме художественного воплощения того или иного образа требовал от средневекового резчика-гравера определенной сжатости художественного языка мастера, который зачастую был вынужден проявлять свое мастерство в передаче

необычайно тщательно выполненных деталей. И таковыми действительно предстают образы архангела (архистратига) Михаила на печатях патрикия Василия Контостефана и эконома Великой Церкви Никиты [Campagnolo-Pothitou, Cheynet, 2016, p. 194, 313, nr. 171, 274] или святых воинов Георгия и Феодора на моливдовулах протоспафария Исаака Комнина, катепана Васпуракана и Феодора, хартулярия стратиотиков [Campagnolo-Pothitou, Cheynet, 2016, p. 48, 184, nr. , 30, 162], а также пророка Даниила, св. Пантелеймона и Тарасия на буллах севаста Либероса, протоспафария epi tou Chrysotriklinou, ипата и императорского нотария edikos logos Романа, или частной печати Иосифа [Campagnolo-Pothitou, Cheynet, 2016, p. 85, 244, 437, 438, nr. 67, 215, 386a-b] и многих других византийских функционеров.

Основополагающая роль христианской религии в Византийском государстве в первую очередь проявилась в области идеологии, в том числе и искусстве, где эталонными стали изображения священных образов – Христа, Богоматери и многочисленных православных святых. Эта тенденция получила достаточно широкое развитие и в сфрагистике.

В качестве иллюстрации сегодня у нас есть возможность ввести в научный оборот несколько ранее не издававшихся моливдовулов этой категории.

Как правило, в сфрагистической практике предпочтение отдавалось погрудным изображениям, очевидно, это было продиктовано малым размером матриц для изготовления печатей, хотя нередко можно видеть и фигуры в полный рост, особенно это касается изображения святых воинов. При изучении представленных на печатях образов последних много интересных моментов могут найти не только исследователи-искусствоведы, изучающие развитие византийской иконографии, но и специалисты по воинскому облачению и вооружению. На моливдовулах присутствует широкое разнообразие форм воинской амуниции и оружия соответствующих эпох, что при соотнесении их с конкретными археологическими находками нередко позволяет уточнять время бытования тех или иных типов доспехов или воинского снаряжения. Одним из таких примеров может служить моливдовул Константина Ласкариса-Комнина с высокохудожественным редким типом изображения святого воина Георгия Диасоритиса (Γεώργιος ὁ Διασορτίης) в полном воинском облачении [Campagnolo-Pothitou, Cheynet, 2016, p. 392, nr. 350a-b].

Детально проработанный портрет другого святого воина – Димитрия присутствует и на одном из предлагаемых сегодня к рассмотрению моливдовулов, который в своё время принадлежал Никифору Ватацу (рис. 1).

1. М-622. Частная коллекция (Москва).

D – 30 мм; толщина пластинки – 2,5 мм; вес – 17,15 г.

Происхождение неизвестно [Gorny & Mosch, 2011, s. 241, Nr. 3178].

В научный оборот вводится впервые.

Аверс. В ободке из слившихся в одну линию жемчужин погрудное изображение

святого воина Димитрия, держащего в правой руке копье, а в левой – щит, анфас. В поле имя святого в столбик: слева – – ⊙|Δ|Η; справа – Μ|Ι|Ṭ Ρ – Ὁ (ἅγίος) Δημήτρ(ιος).

Реверс. В ободке из слившихся в одну линию жемчужин семистрочная надпись, украшенная сверху жемчужиной между двух лепестков:

–•–	Ἅγίε
+ΑΓΙΕ	Δημήτρι
ΔΙΜΙΤṚ!	ε βοήθ(ει) Νικ(η)
ΕΡΟΗΘΝΙΚ	φόρ(ῳ) βεστάρ
ΦΟΡΡΕΣΤΑΡ	χῃ (καὶ) στρατ(η)
ΧΗSCṬΡΑΤ	γο το Βα
ΓṢΤΟΡΑ	τάτζῃ
ΤΑΤΗ	

Ἅγίε Δημήτριε βοήθει Νικηφόρῳ βεστάρχῃ καὶ στρατηγῷ τῷ Βατάτζῃ –
Святой Димитрий, помоги Никифору Ватацу, вестарху и стратигу.
1050–1060-е гг.

Аналогичная печать известна в собрании Государственного Эрмитажа (М-6652) [Шандровская, 1980, с. 151, фиг. 1].

Никифор Вотац не известен из нарративных источников, однако его cursus honorum хорошо прослеживается по памятникам сфрагистики [Jordanov, 2006, p. 87–89, nr. 96–98], из которых следует, что в начале своей успешной военной карьеры Никифор занимал пост одного из стратигов фем, затем стал катепаном, дукой всего Запада, дукой Эгейских островов и, наконец, дукой Болгарии, а в 1080-х гг. удостоился высокого титула куропалата.

Не менее популярным было и изображение святого воина Феодора. Его погрудный образ в кольчужном доспехе с копьём и щитом мы можем наблюдать на моливдовуле севаста Константина, являвшегося представителем сразу двух прославленных династий империи – Комнинов и Дук (рис. 2).

2. М-121. Частная коллекция (Москва).

D – 37 мм; толщина пластинки – 3 мм; вес – 28,7 г.

На реверсе трещина по линии канала.

Происхождение не известно.

В научный оборот вводится впервые.

Аверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин погрудное изображение святого воина Феодора в кольчужном доспехе, анфас; в правой руке держит копьё, в левой – щит. Над головой – нимб из зерни. В поле по сторонам фигуры надпись в столбик: слева – Ο|Α|Γ|Ι|Ο; справа – Θ|Ε|Ο|ΔΩ|Ρ|Ο = Ὁ ἅγίος Θεόδωρο(ς).

Реверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин шестистрочная надпись, сверху и снизу украшенная жемчужиной между двух лепестков:

–·–	Κων(σταντῖνον) Κομν
ⲕ̣ⲱⲛ̣ⲕ̣ⲟ̣ⲙ̣ⲛ̣	[η]ν(ο)δουκανῶν
.ⲛ̣ⲇ̣ⲩⲕⲁ̣ⲛ̣ⲱⲛ	τῶν ἐκ γένους
ⲧ̣ⲱⲛⲉⲕⲅⲉⲛⲩⲥ	Μάρτυς σεβα
ⲙ̣ⲁⲣⲧⲩⲥⲥⲉⲣⲁ	στὸν Θεοδώρε
ϯⲟⲛⲑⲉⲟⲇⲱⲣⲉ	με σκέποις
ⲙⲉⲥⲕⲉⲡ̣ⲟⲓⲥ	
–·–	

Κωνσταντῖνον Κομνηνοδουκανῶν τῶν ἐκ γένους Μάρτυς σεβαστὸν Θεοδώρε με σκέποις –

Константина, севаста, Комнина Дуку по рождению, защити меня Феодор.

Рубеж XII/XIII в.

Аналогий не найдено.

Судя по легенде печати, Константин указывает на своё происхождение из двух византийских царствующих домов – Комнинов и Дуков, объединив их в один патроним. В этой связи его, очевидно, следует связывать с правящей династией Эпирского царства, возникшего после IV Крестового похода и просуществовавшего в северо-западной Греции до 1318 г., когда власть в Эпире захватил итальянский род Орсини.

Д. Полемис полагает, что Константин, которого в большей степени называли Дукой и лишь редко Комниным, был сыном небезызвестного севастократора Иоанна Дуки. Впрочем, исследователь не исключает и возможность соотнести его с другим Константином Дукой, который упомянут Никитой Хониатом как соперник Константина Ласкариса при взятии Константинополя в ночь с 12 на 13 апреля 1204г. [Polemis, 1968, p. 91, nr, 44; Choniates, 1835, p. 756]. В то же время он отмечает, что, вероятно, после коронации Феодора Комнина Дуки на эпирский престол (1215 г.) Константин получил титул деспота [Acropolites, 1903, p. 37; Guilland, 1959, p. 75] и его новое назначение было связано с региональной администрацией Навпакта. Очевидно, Константин продолжал активную деятельность и при последующих правителях Эпира Мануиле Комнине Дуке (1230–1231) и Михаиле II Комнине Дуке (1231–1267). Последний раз он встречен в византийских источниках в 1242 году, все ещё сохраняя титул деспота [Acropolites, 1903, p. 65]. Его печати, кроме рассматриваемого экземпляра, неизвестны.

В более поздней истории Византии можно назвать ещё одного Константина, сына успешного правителя Неопатр (Neopatras) до 1289 г. Однако в источниках этот персонаж фигурирует лишь только как Дука и в своей служебной карьере он достиг высокого ранга севастократора [Polemis, 1968, p. 98, nr, 54]. Маловероятно, что представленная нами печать могла принадлежать именно ему.

Рассматривая искусствоведческую составляющую памятников византийской сфрагистики, следует отметить, что собственники печатей использовали священные изображения не как реплики знаменитых произведений византийского искусства или

украшения своих булл, а как образы небесных защитников, тем самым ставя себя под защиту божественных сил. В большинстве случаев об этом так и повествуют легенды самих печатей и не только в традиционном инвокативном обращении: Θεοτόκε (Κύριε) βοήθει … – Богородица (Господи), помоги.., но и нередко в поэтических стихотворных легендах. Такую метрическую надпись демонстрирует следующий моливдовул одного из представителей управления налогового контроля города Ахира (Ахирауса), на лицевой стороне которого представлен высокохудожественный образ Богоматери Епископсис (рис. 3).

3. М-473. Частная коллекция (Москва).

D – 42 мм; толщина пластинки – ок. 3-4 мм; вес – 38,44 г.

Происхождение неизвестно (JJencek / Ancient Coins & Antiquites. TO560).

В научный оборот вводится впервые.

Аверс. В ободке из слившихся в одну линию жемчужин изображение Богоматери Знамение (Епископсис) в рост, анфас. На её груди образ младенца Христа в жемчужном нимбе. Над головой Богородицы также жемчужный нимб. Вверху титлы: слева ΜΡ; справа ΘV – Μή(τη)ρ Θ(εο)ῦ. По сторонам фигуры надпись в столбик: слева – ΗΕ|ΠΙ|C; справа – ΚΕ|ΨΙ|Ν – Ἡ ἐπίσκεψιν.

Реверс. В ободке из слившихся в одну линию жемчужин шестистрочная надпись:

+TWNȩ.IC	Τῶν ε[ξ]ις
ẓTWNTHCAXV	ωτῶν τῆς Ἀχυ
ṛAȣCKOPHKAI	ράους, Κόρη, καὶ
TȣKARANTȣΓP	τοῦ Καράντου πρ
AKTEAΔIEV	ακτέα διευ
ΛVTȣ	λύτου

Τῶν εξισωτῶν τῆς Ἀχυράους, Κόρη, καὶ τοῦ Καράντου πρακτέα διευλύτου –

Святая Дева, доведи дела exisotai (налоговых инспекторов) Ахирауса и особенно Карантина до счастливого конца.

Конец XII – начало XIII в.

Аналогичный экземпляр известен по коллекции М.-Л. Зарниц [Seibt, Zarnitz, 1997, s. 118, 119, nr. 3.1.12].

Рассматриваемый моливдовул вновь показывает яркий пример того, что византийские печати могут стоять в одном ряду с произведениями малых форм византийского искусства. В первую очередь обращают на себя внимание художественные методы передачи сфрагистического типа, вне всякого сомнения заимствованные с некого известного живописного произведения. Руки Богоматери показаны увеличенными – как в большом молитвенном жесте Оранты. Образ младенца Христа практически покоится в складках материнского одеяния. Мофорион Девы Марии глубоко ниспадает на её спину, дополнительно подчёркивая защитную функцию образа Епископсис. В то же время складки хитона и мофориона, несмотря на то, что они чётко проработаны, лишь слегка изогнуты; младенец Христос изображён без рук.

Вне всякого сомнения, резчик матриц печати стремился наиболее точно передать особенности копируемого им образца.

Метрическая легенда моливдовула также имеет достаточно необычную формулу: сначала в ней называется коллегия экзизотов города Ахирауса, а затем выделяется один из них, очевидно, главный по имени Карант (или Карантес).

Экзизоты (exisotai) являлись так же как в средневизантийский период анаграфевсы или в поздневизантийскую эпоху апографевсы представителями налоговых органов, которые определяли подлежащий уплате налог после проверки качества и размера земли, пригодной для использования в сельском хозяйстве, и, возможно, так же выделяли бесплатную землю. Они были особенно востребованы после опустошительных вражеских вторжений или при присоединении к империи определенных территорий [см.: Seibt, Zarnitz, 1997, s. 119].

Город Ахираус был одним из византийских западно-малоазийских центров, находившихся к северо-востоку от Пергама, и входил в провинцию Эллеспонта [Fedalto, 1988, p. 142, nr. 16.4.3].

Образ Богородицы занимает одно из доминирующих мест в византийской сфрагистике и, безусловно, заказчики печатей использовали в качестве сфрагистических типов наиболее известные образы знаменитых византийских икон. Один из иконографических типов Богоматери с воздетыми руками и младенцем Христом в медальоне на груди восходит к высокочтимому и прославленному иконописному образу из Влахернского храма в византийской столице – Богоматери Влахернитиссы, получившей в византийском искусстве несколько названий – Богоматерь «Эпископсис», «Платитера» и «Мегали Панагия». Последнее – на Руси именовалось «Орантой» или «Великой Панагией» (что, собственно, означало буквальный перевод с греческого – «икона Великой Богородицы»).

Ещё один пример – высокохудожественный образ Богоматери Оранты демонстрирует нам печать севаста Никифора Дуки (рис. 4).

4. М-444. Частная коллекция (Москва).

D – 33 мм; толщина пластинки – ок. 2,5 мм; вес – 18,8 г.

Серо-коричневая патина; обе стороны слегка децентрированы в бок.

Происхождение не известно (GERT BOERSEMA).

В научный оборот вводится впервые.

Аверс. В ободке из слившихся в одну линию жемчужин погрудное изображение Богоматери Оранты, анфас. На её груди образ младенца Христа в крещатом нимбе. Над головой Богородицы жемчужный нимб. В поле по сторонам титлы: слева МР; справа ΘV – Μή(τη)ρ Θ(εο)ῦ.

Реверс. В ободке из слившихся в одну линию жемчужин семистрочная надпись, украшенная сверху небольшим крестиком между двух лепестков:

-+-	+
CΦPAΓIÇ	Σφραγὶς
CЄRAƬȣNIKḤ	σεβαστοῦ Νικη

ΦΟΡϒΤϒΔϒΚΑ	φόρου τοῦ Δούκα
ΡΙΖΑΝΓΕΝΟΥϹ	ῥίζαν γένους
ΕΧΟΝΤΟϹΕΚ	ἔχοντος ἐκ
ΒΑϹΙΛΕ	βασιλέ
ΩΝ	ων

Σφραγὶς σεβαστοῦ Νικηφόρου τοῦ Δούκα ῥίζαν γένους ἔχοντος ἐκ βασιλέων –

Печать севаста Никифора Дуки, происходящего из рода Василевсов.

XII в.

Аналогичные экземпляры известны по болгарским находкам [Jordanov, 2006, 144, nr. 204–206]. Печати других пар матриц представлены в собраниях Афинского нумизматического музея [Stavrakos, 2000, p. 145, nr. 77] и Dumbarton Oaks (D.O. 58.106.507; 58.106.1346; 58.106.1347).

В византийской истории известны два одноимённых персонажа. Первый из них – старший сын эпирского правителя Михаила II Комнина Дуки и *василиссы* Феодоры. После смерти отца в ранге деспота он в течение 30 лет (1267–1297) также находился на троне правителя Эпира [Polemis, 1968, p. 94, 95, nr. 49]. Второй являлся сыном Иоанна Дуки, который не был должным образом представителем этого семейства, но был из рода Орсини, чьи представители начали править Эпиром с 1318 г. В 1339г. он получил ранг паниперсеваста и позже (1347) – титул деспота [см. Polemis, p. 99, 100, nr. 57].

Рассматриваемая нами печать в целом может быть датирована лишь в пределах XII в., следовательно, её владельца невозможно отождествить не с одним из указанных выше лиц. Таким образом, предстоит отыскать иного одноимённого представителя семейства Дуков, относящегося к XII столетию и императорской семье. В этой связи отметим, что проф. И. Йорданов обратил внимание ещё на одну давно известную группу печатей с аналогичной по содержанию легендой, но с иным именем владельца – Иоанн [Jordanov, 2006, p. 144, 145]. На них также присутствует формула «происходящий из рода Василевсов» (ῥίζαν γένους ἔχοντος ἐκ βασιλέων) [см. Schlumberger, 1884, p. 428, 429; Laurent, 1933, p. 84, 85, nr. 440; Лихачёв, 1991, с. 200, 201, № 18 (М-8208); Wassiliou, 2016, S. 680, 681, Nr. 2819]. Однако разница состоит также в том, что севаст Иоанн Дука использует и другой сфрагистический тип. Его моливдовулы не несут божественных образов, а представляют билатериальный тип (двухсторонняя надпись). Г. Глюмберже и В. Лоран предполагали видеть во владельце этих печатей будущего никейского императора Иоанна Дуку Ватаца, тогда как Н.П. Лихачёв, основываясь на указании Дюканжа, называет севаста Иоанна двоюродным братом императора Мануила Комнина и относит моливдовул к XII в. Проф. И. Йорданов идентифицирует собственника моливдовула как сына Андроника Дуки и Марии, внучки болгарского царя Иоанна Владислава, племянника императора Константина X Дуки (1059–1067) и зятя императора Алексея I Комнина, который, как отмечает болгарский учёный, «заслуженно написал на своих печатях, что он *происходит из рода Василевсов*». По мнению проф. И. Йорданова, не исключено, что

у этого Иоанна Дуки мог быть брат (севаст Никифор нашей печати, к сожалению, неизвестный по каким-либо другим источникам – Н. А.), который, очевидно, имел такое же положение в придворной иерархии [Jordanov, 2006, p. 145].

Особое место среди памятников сфрагистики, несущих изображение христианских образов, занимают моливдовулы с многофигурными композициями. В большинстве своём это широко известные евангельские сцены – Благовещение, Крещение, Рождество, Сретение, Успение, Распятие, Сошествие в ад и др. Очень редко встречаясь на моливдовулах, они привлекают внимание в основном благодаря их высокому художественному исполнению.

Изучение памятников сфрагистики с изображением популярных библейских сцен знакомит нас с прекрасными произведениями византийской мелкой пластики и представляет нам те редкие случаи, когда мы можем более глубоко проникнуть в специфику творчества византийских художников-гравёров, создателей матриц печатей, о работе которых мало что известно. Анализируя представленные на моливдовулах отдельные образы или сложные композиционные сюжеты и отмечая развитие того или иного изображения, исследователи-искусствоведы нередко отмечают проявления индивидуального мастерства и особого почерка резчика, стремившегося на миниатюрном поле матриц булл передать все великолепие копируемого им эталонного образца.

Наиболее распространена на печатях сцена Благовещения. Как известно, византийские мастера воспроизводили строго регламентированные изображения тех или иных священных образов. Исследования В. С. Шандровской показали: несмотря на то, что памятники сфрагистики далеко не в полной мере располагают всеми необходимыми параметрами для передачи художественных образов, тем не менее резчики матриц с большим мастерством передавали и динамичность изображаемых фигур, и мельчайшую детализацию их убранства, что в отдельных случаях давало прекрасный материал для изучения художественного стиля [Шандровская, 2019, с. 422–426].

Не менее популярной на печатях была сцена Успения Богородицы. В композиции Успения, восходящей к апокрифическому описанию смерти Богоматери, на моливдовулах, как правило, сохраняется основная её схема со множеством действующих лиц. Как показывают сохранившиеся буллы с этим сюжетом, малое пространство матриц печатей совсем не мешало резчику передать композицию наиболее полно: не только изобразить большое число персонажей, но и тщательно прописать отдельные детали. В. С. Шандровская отмечала, что многие из печатей со сценой Успения обращают на себя внимание утонченностью и филигранностью исполнения изображений, свидетельствуя о талантливости и мастерстве резчика, сумевшего не только передать сложную композицию, но и придать ей эмоциональный характер [Шандровская, 2019, с. 438–447].

С конца XI в. среди сфрагистических типов появляется ещё один библейский сюжет – Распятие. Как показывает печать XII в. из собрания Государственного Эрмитажа, в своё время принадлежавшая протоновеллисиму Льву Казану (М-8940),

тщательно проработанные в высоком рельефе изображения фигуры распятого Христа и предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова снабжены массой всевозможных деталей. В. С. Шандровская отмечала, что «общий характер композиции говорит о причастности резчика к высокой художественной традиции, который умело выражает трагическое величие Распятия, используя все средства его передачи» [Шандровская 2019, с. 428, 429, ил. 2].

Следует отметить, что нередко буллы подобно названному выше экземпляру несут многофигурные композиции на обеих сторонах и не сопровождаются пояснительной легендой. К сожалению, в таких случаях они, как правило, считаются анонимными. Имена владельцев таких булл, их социальный статус или какую-либо принадлежность узнать практически невозможно. По осторожному предположению В. С. Шандровской «заказ такого рода печатей мог исходить от церковного клира или монастыря для выполнения своего благочестия» [Шандровская, 2019, с. 434].

В то же время следует отметить, что моливдовулы, несмотря на то, что они придерживаются традиционных иконографических схем в передаче композиций, как правило, имеют некоторые сюжетные отклонения и свои особенности, что в свою очередь нередко помогает искусствоведам выявлять особенности того или иного стиля или уточнять датировки отдельных их этапов, не говоря уже о вопросах бытования и развития многочисленных иконографических типов.

Как показывают печати, их художественные особенности во многом способствуют решению этих и многих других проблем.

В этой связи в завершении обратим внимание на одну из недавних керченских сфрагистических находок (рис. 5), которая относится как раз-таки к группе булл с двойными композициями[1].

На одной из сторон керченской буллы изображена названная выше сцена Распятия Христова. К сожалению, сохранность памятника не позволяет в полной мере представить все детали композиции. Однако она в достаточной мере копирует сюжет, представленный на упомянутой выше печати Льва Казана. Здесь также по сторонам распятого на кресте Христа присутствуют предстоящие (Богородица и Иоанн Богослов). Вызывают интерес два предмета, находящиеся по краям поля матрицы. Возможно, это орудия страстей Господних. Аналогичных деталей в сцене Распятия на других печатях нам обнаружить не удалось. В то же время непонятно, почему на этой стороне печати использована малая матрица с редким изображением лишь в центре, а поле по краям заготовки осталось совершенно свободным. Никаких следов легенды на этой стороне моливдовула не прослеживается.

Ещё одной из редких библейских сцен на памятниках сфрагистики является композиция «Гостеприимство Авраама», или «Троица». В качестве ярких примеров изо-

---

[1] Печать обнаружена в 2019 г. в г. Керчи при реконструкции детской площадки в районе церкви Иоанна Предтечи. Благодарю А. Михайлова за предоставленное фото моливдовула и возможность изучения находки.

бражений этого сюжета можно назвать моливдовул севаста Михаила Триха из коллекции Н. П. Лихачева [Лихачев, 1991, с. 31, 32, № 1, табл. LVIII,1], а также недавно изданную крымскую находку буллы монастыря «Святой Троицы» из Борадиона (окрестности Константинополя) [Алексеенко, 2019, с. 232, 241, № 4, рис. 4].

На второй стороне керченской находки представлена как раз-таки традиционная схема композиции Троицы. Исключительность данного моливдовула состоит в том, что здесь изображение библейской сцены сопровождается расположенной по кругу длинной греческой легендой. К сожалению, сохранность печати не позволяет её сразу же расшифровать, но, возможно, после реставрации надпись проявится лучше и появится возможность её реконструкции. Надеемся, что тогда, возможно, станет понятным, кто являлся заказчиком данной печати, и в научный оборот войдёт новый интересный памятник не только как объект византийского искусства, но как ценный исторический источник.

Но так или иначе новая находка в Крыму византийской печати с редкими композициями, бесспорно, лишний раз подтверждает тезис о ценности моливдовулов и как художественных памятников, благодаря которым (особенно с учётом археологического контекста) появляются дополнительные возможности как для изучения почитаемых образов, игравших одну из первостепенных ролей в жизни византийского общества, так и для определённых исторических построений, непосредственно связанных с развитием византийской Таврики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенко Н.А. Межцерковные связи византийской Таврики: традиции и новации (находки монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе) // БИ. – Керчь, 2019. Вып. XXXVIII. С. 225–241.// Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской / под ред. Е. В. Степановой. – СПб.: ГЭ, 2019. С. 367–374.

Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. // Научное наследство. – М., 1991. Т. 19.

Шандровская В. С. Моливдовулы как исторический источник // Българско средновековие. Българско-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. И. Дуйчев. София, 1980. С. 147–152.

Шандровская В. С. Византийские печати со сценой Благовещения // Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской / под ред. Е. В. Степановой. – СПб.: ГЭ, 2019. С. 422–426.

Шандровская В. С. Византийские печати эрмитажной коллекции со сценами «Распятие» и «Сошествие в ад» // Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской / под ред. Е. В. Степановой. – СПб.: ГЭ, 2019. С. 427–437.

Шандровская В. С. Эрмитажные печати с изображением евангельских сцен «Рождество» и «Успение» // Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской / под ред. Е. В. Степановой. – СПб.: ГЭ, 2019. С. 438–447.

Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection Ceorge Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève. – Genève, 2016.

Fedalto G. Hierarhia Ecclesiastica Orientalis I. Patriarchatus Constantinopolitanus. – Padova, 1988.

Georgii Acropolitae Opera / ed. A. Heisenberg. – Leipzig, 1903.

Gorny & Mosch. Giessener Münzhandlung GmbN. Auktion 200. – München, 2011. 266 S.
Guilland R. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le despote // REB. – Paris, 1959. T. XVII. P. 52–89.
Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. – Sofia, 2006. Vol. 2. Byzantine Seals with Family Names.
Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine // ΕΛΛΕΝΗΚΑ. – Athens, 1933. T. VI. P. 81–102, 205–232.
Nicetae Choniatae Historia / rec. I. Bekker. – Bonn, 1835.
Polemis D. I. The Dukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. – London, 1968.
Stavrakos Chr. Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museum Athen. – Wien, 2000.
Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. – Paris, 1884.
Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. – Wien, 1997.
Šandrovskaja V. Die byzantinischen Bleisiegel als Kunstwerke // Византийская сфрагистика в трудах В. С. Шандровской. – СПб.: ГЭ, 2019. С. 367–374.
Wassiliu-Seibt A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. – Wien, 2016. T. 2.

REFERENCES

Alekseenko N. A. Mezhcerkovnye svjazi vizantijskoj Tavriki: tradicii i novacii (nahodki monastyrskih molivdovulov v Hersone i ego okruge). *Bosporskie Issledovanija*. Kerch', 2019. Vyp. XXXVIII, pp. 225–241.
Vizantijskaja sfragistika v trudah V. S. Shandrovskoj / pod red. E. V. Stepanovoj. St. Petersburg, 2019, pp. 367–374.
Lihachev N. P. Molivdovuly grecheskogo Vostoka. // Nauchnoe nasledstvo. M., 1991. T. 19.
Shandrovskaja V. S. Molivdovuly kak istoricheskij istochnik // Bulgarsko srednovekovie. Bulgarsko-sovetski sbornik v chest na 70-godishninata na prof. I. Dujchev. Sofija, 1980, pp. 147–152.
Shandrovskaja V. S. Vizantijskie pechati so scenoj Blagoveshhenija. *Vizantijskaja sfragistika v trudah V. S. Shandrovskoj* / pod red. E. V. Stepanovoj. St. Petersburg, 2019, pp. 422–426.
Shandrovskaja V. S. Vizantijskie pechati jermitazhnoj kollekcii so scenami «Paspjatie» i «Soshestvie vo ad». *Vizantijskaja sfragistika v trudah V. S. Shandrovskoj* / pod red. E. V. Stepanovoj. St. Petersburg, 2019, pp. 427–437.
Shandrovskaja V. S. Jermitazhnye pechati s izobrazheniem evangel'skih scen Rozhdestvo i Uspenie. *Vizantijskaja sfragistika v trudah V. S. Shandrovskoj* / pod red. E. V. Stepanovoj. St. Petersburg, 2019, pp. 438–447.
Campagnolo-Pothitou M., Cheynet J.-Cl. *Sceaux de la collection Ceorge Zacos au Musée d'art et d'histoire de Genève.* – Genève, 2016.
Fedalto G. *Hierarhia Ecclesiastica Orientalis I. Patriarchatus Constantinopolitanus.* Padova, 1988.
Georgii Acropolitae Opera / ed. A. Heisenberg. Leipzig, 1903.
Gorny & Mosch. Giessener Münzhandlung GmbN. Auktion 200. München, 2011. 266 S.
Guilland R. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le despote // *Revue des Études Byzantines*. Paris, 1959. T. XVII, pp. 52–89.
Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria.* Sofia, 2006. Vol. 2. Byzantine Seals with Family Names.

Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine // *ΕΛΛΕΝΗΚΑ*. Athens, 1933. T. VI, pp. 81–102, 205–232.
Nicetae Choniatae Historia / rec. I. Bekker. Bonn, 1835.
Polemis D. I. *The Dukai. A Contribution to Byzantine Prosopography.* – London, 1968.
Stavrakos Chr. *Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museum Athen.* Wien, 2000.
Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. – Paris, 1884.
Seibt W., Zarnitz M.-L. *Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk.* – Wien, 1997.
Šandrovskaja V. Die byzantinischen Bleisiegel als Kunstwerke. *Vizantijskaja sfragistika v trudah V. S. Shandrovskoj* / pod red. E. V. Stepanovoj. St. Petersburg, 2019, pp. 367–374.
Wassiliu-Seibt A.-K. *Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden.* Wien, 2016. T. 2.

Резюме

Благодаря разнообразию бытующих на печатях иконографических типов сфрагистика дает ценнейший материал для истории средневековой культуры и изучения истории византийского искусства в целом.

Нередко изображения моливдовулов действительно являются шедеврами византийской мелкой пластики, и их можно смело поставить в один ряд со знаменитыми памятниками византийского искусства – иконами, фресками и памятниками декоративно-прикладного искусства.

Вводимые в научный оборот моливдовулы вестарха и стратига Никифора Ватаца (1050–1060-е гг.), севаста Никифора Дуки (XII в.), севаста Константина, являвшегося представителем сразу двух прославленных династий империи – Комнинов и Дук (рубеж XII/XIII вв.), экзизота Каранта, одного из представителей управления налогового контроля города Ахира (конец XII – начало XIII в.), а также новая керченская находка с изображением евангельских сцен «Распятие» и «Троица» (XII–XIII вв.) лишний раз подтверждают тезис о ценности моливдовулов и как художественных памятников, благодаря которым (особенно с учётом археологического контекста) появляются дополнительные возможности как для изучения почитаемых образов, игравших одну из первостепенных ролей в жизни византийского общества, так и для определённых исторических построений, непосредственно связанных с развитием византийской Таврики.

Ключевые слова: история Византии, византийское искусство, византийская аристократия, сфрагистика, печати, моливдовулы, просопография.

Summary

The variety of iconographic types appearing on the seals makes the sigillography to provide extraordinary valuable materials for the history of mediaeval culture and researches in the history of Byzantine art in general. The images on molybdoboulla are often masterpieces of fine Byzantine plastic art, so they could be placed in a line with famous monuments of Byzantine art, such as icons, frescoes, and pieces of applied art. This paper introduces into the scholarship the molybdoboulla of vestarches and strategos Nikephoros Vatatzes (1050s–1060s), sebastos Nikephoros Doukas (twelfth century), sebastos Constantine who represented two famous imperial dynasties of the Komnenoi and the Doukai (ca. 1200), exisotes Karantes who was an administrator in the fiscal department of

the city of Achyraus (late twelfth or early thirteenth century), and a new find from Kerch featuring Gospel scenes “Crucifixion” and “Trinity” (twelfth or thirteenth century). These materials form another argument supporting the interpretation of the molybdoboulla as monuments of art providing (particularly taking their archaeological context into account) extra possibilities both to study venerated images which played one of the most important roles in the life of the Byzantine society and to make certain historical reconstructions directly related to the development of Byzantine Taurica.

Key words: byzantine history, Byzantine art, Byzantine aristocracy, sigillography, seals, molybdoboulla, prosopography.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Алексеенко Николай Александрович,
Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne),
кандидат исторических наук,
Институт археологии Крыма РАН,
просп. Академика В.И. Вернадского, 2,
295007, Симферополь, Российская Федерация,
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Alekseienko Nikolay A.,
Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne),
Institute of Archaeology of the Crimea
of the Russian Academy of Science, 2,
avenue Acad. V.I. Vernadsky,
295007, Simferopol, Russian Federation,
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

Рис. 1. Печать Никифора Ватаца, вестарха и стратига. 1050–1060 гг. (фото автора).

Рис. 2. Печать Константина, севаста, Комнина Дуки по рождению. Конец XII – начало XIII в. (фото автора).

Рис. 3. Карантина, одного из экзизотов Ахирауса. Конец XII – начало XIII в. (фото автора).

Рис. 4. Никифора Дуки, севаста. XII в. (фото автора).

Рис. 5. Печать с изображением Троицы и Распятия из Керчи (фото А. Михайлова, 2019 г.).

Д. Э. СЕЙДАЛИЕВА
D. E. SEIDALIEVA

ПРОИЗВОДСТВО ГЛАЗУРОВАННОЙ ПОСУДЫ НА ГОРОДИЩЕ СОЛХАТ И ЕГО ОКРУГЕ В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ СТАРОКРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА)[1]

PRODUCTION OF THE DISHES AT THE SOLKHAT SETTLEMENT AND ITS SURROUNDINGS DURING THE GOLDEN HORDE PERIOD (BASED ON RESEARCH MATERIALS FROM STARY KRYM ARCHEOLOGICAL EXPEDITION OF THE STATE HERMITAGE)

В XIII веке Солхат (современный г. Старый Крым Республики Крым) становится столицей Крымского юрта Золотой Орды[2] [3]. Выгодное политико-географическое и торгово-экономическое положение обусловило быстрое превращение обычного поселения в крупный городской, административный и культурный центр региона [Крамаровский, 2012, с. 8].

В середине XIX века начинаются археологические исследования Старого Крыма. Г. Спасский в 1850-х гг. впервые описал отдельные средневековые памятники [Спасский, 1858, с. 89]. В 1886 году его работу продолжил профессор В.Д. Смирнов, который по поручению Русского археологического общества составил общее описание старокрымских памятников старины [Ломакин, 2010, с. 125 – 132]. В самом конце XIX века профессор Ю.А. Кулаковский провел в городе археологические раскопки, результаты которых были опубликованы в 1898 г. в «Записках императорского русского археологического общества» [Кулаковский, 1899, с. 9 – 11]. Первые систематические археологические исследования Солхата – Старого Крыма были проведены только в 1925 – 1928 гг. экспедицией Всесоюзной научной ассоциации востоковедения под руководством профессора И.Н. Бороздина [Бороздин, 1926, с. 271 – 302.]. Исследователи провели масштабные раскопки на территории медресе Инджибек-хатун, караван-сарая, а также разведочные работы на других участках го-

---

[1] Работа (публикация, статья и т.д.) выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

[2] Выражаю благодарность руководителю Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа доктору исторических наук М.Г. Крамаровскому за возможность опубликовать материал.

[3] Выражаю благодарность кандидату исторических наук В.Е. Науменко и кандидату исторических наук Э.И. Сейдалиеву за консультацию при подготовке настоящей публикации.

родища. К сожалению, результаты этих раскопок практически не введены в научный оборот и по большей части утеряны. Лишь малое количество материалов опубликовано в виде предварительных отчетов экспедиции [Бороздин, 1926, с. 271 – 302.]. О.И. Домбровский и В.А. Сидоренко в 1973 – 1976 гг. проводили исследования армянских монастырей Сурб-Хач и Сурб-Степанос. Результатом их стало издание небольшой научно-популярной книги [Домбровский, 1978].

Систематическое изучение столицы золотоордынского Крыма началось с конца 1970-х гг., когда здесь стала работать археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского. С начала XXI столетия археологические раскопки на территории округи Старого Крыма дали наиболее значительный объем керамических находок, относящихся к золотоордынскому периоду. С 1978 по 2019 г. исследованы комплекс мечети и медресе хана Узбека (1978 – 1984, 2013 – 2019 гг.), т.н. «мечеть Бейбарса» (1979 – 1980, 1986 гг.), караван-сарай (1980, 1987 – 1994, 2011 гг.), мавзолей, на территории предпортальной площади мечети хана Узбека (1985 г.), архитектурный объект (мавзолей) на гребне юго-восточного отрога Малого Агармыша (1991 – 1993 гг.), «Свинцовая мечеть» (1984, 1994, 2019, 2020 гг.), «Мамаев курган» (1994 – 1997 гг.), христианский храм (1986 – 1987, 1989, 1997 гг.), караимская кенасса (2015 – 2016 гг.), сельское поселение Кринички-II (1997 – 1999 гг.), ремесленное поселение Бокаташ-II (2000 –2008 гг.), раскоп на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш (т.н. «оборонительная стена») (1993, 2009 – 2012 гг.), комплекс жилых и хозяйственных построек в юго-восточной части Солхатского городища (2016 г.), дюрбе близ водохранилища (2018 – 2019 гг.).

В литературе различными исследователями неоднократно отмечались значительные масштабы экспорта поливной керамики производства Солхата за пределы полуострова [Волков, 1992, с. 9-10; Масловский, 2006а, с. 355 – 371; Юдин, 2015, с. 214 – 226]. Однако информация о гончарном ремесле и его продукции из самого очага экспорта, к сожалению, минимальна. Особый вклад в изучение глазурованной керамики Солхатского городища внес М.Г. Крамаровский.

Из находок глазурованной посуды в Солхате особое внимание уделено «чаше со сценой пира в гранатовом саду», обнаруженной при исследовании нижних кладок, в заполнении землянки под полом так называемой «мечети Бейбарса». [Залесская, Крамаровский, 1990, с. 18 – 26; Крамаровский, 2012, с. 162 – 193; Крамаровский, 2016, с. 68 – 69]. Также вместе с сосудом в заполнении находились 117 джучидских медных монет, датируемые в пределах XIV в. (самые поздние относятся ко времени правления Токтамыша (1376 – 1399 гг.), самые ранние – к периоду правления Токты (1290 – 1312 гг.) [Золотая Орда и Причерноморье.., 2018, с. 48]. По данным стратиграфии, чаша датируется концом XIII – первой половиной XIV века. М.Г. Крамаровский предполагает, что чаша с функциональной точки зрения относится к разряду разливательных – типа аджжана [Золотая Орда. История и культура.., 2005, с. 146]. Сложное сюжетное изображение объединяет в себе орнамент, выполненный в технике «сграффито» и «резерве». Сюжет, изображенный на сосуде,

указывает на связь обнаруженной чаши с малоазийско-анатолийскими традициями, вероятней всего, чаша произведена мастером из Анатолии [Подарок созерцающим.., 2015, с. 296]. На чаше изображен пир молодых людей из братства фитйан. Эти объединения, состоящие из холостых мужчин, возникли на Ближнем Востоке в IX в., они придерживались кодекса чести, давая обет верности в дружбе, великодушии, благородстве, смелости, целомудрии [Золотая Орда. История и культура.., 2005, с. 146; Крамаровский, 2018, с. 734].

В 2013 году на территории архитектурного комплекса мечети-медресе хана Узбека была исследована предпортальная площадь [Крамаровский, Сейдалиев, 2013 – 2014]. Были обнаружены хозяйственные ямы и водовод 30-х гг. (конца XIV – начала XV в.). Глазурованная керамика из этих комплексов была опубликована в кратком тезисном сообщении [Крамаровский, Науменко и др., 2014]. Ряд изделий местного производства приведены в качестве иллюстративного материала в монографии А.В. Гаврилова и В.В. Майко [Гаврилов, Майко, 2014, с. 25, 37, 44, 51, 65, 66, 68, 80, 96].

Итоги работ на двух ближайших поселениях (Кринички-II и Бокаташ-II) сельской округи Солхата, проводимых М. Г. Крамаровским совместно с В. Д. Гукиным в течение 1998 – 2007 гг., опубликованы относительно полно и снабжены большим количеством необходимых иллюстраций [Крамаровский, Гукин, 2002; Крамаровский, Гукин, 2003; Крамаровский, Гукин, 2004; Крамаровский, Гукин, 2006; Крамаровский, Гукин, 2007].

В 2016 году выходит каталог выставки «Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи», посвященный золотоордынскому периоду в Крыму [Крым.., 2016]. Впервые публикуются несколько целых чаш и множество фрагментов, найденных на территории Старого Крыма в последние годы [Крым.., 2016, с. 86 – 100].

В монографии И.Б. Тесленко «Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу» упоминается о производстве глазурованной посуды с поселения Бокаташ-II и о том, что большинство жителей составляли ремесленники «достаточно широкого спектра специализации, среди которых были мастера по изготовлению декоративной поливной посуды с рельефным «штампованным» декором и орнаментом в технике сграффито» [Тесленко, 2018, с. 24]. В этой работе приведены обширные обобщенные данные о керамическом производстве Крыма в золотоордынский период, уделено детальное внимание опубликованным данным о производстве на ремесленном поселении Бокаташ-II, но остальные ремесленные центры Солхата не охарактеризованы.

Многие исследователи выделяют группу керамики, найденную в г. Азов (Азак-Тана), которую производили в Юго-Восточном Крыму [Масловский, 2006б, с. 102 – 126, 112, 116, 121 – 125; Масловский, 2010, с. 182 – 242; Дмитриенко, 2006, с. 126 – 135; Широченко, 2010, с. 253 – 259]. В работах, посвященных находкам с Азакского городища, приводятся аналогии керамическим сосудам, произведенным и обнаруженным в Старом Крыму и на территории его округи. И.В. Волков выделяет харак-

терные особенности глазурованной керамики, производившейся в Азаке, Среднем Поволжье, Маджаре, Хорезме, Восточном (Солхат, Кафа, Судак) и Юго-Западном Крыму [Волков, 1992, с. 4 – 14; 20 – 21]. Он классифицировал всю керамику Азова XIII–XIV вв. и выделил отдельную группу керамики Восточного Крыма, которая составляет одну из самых значительных частей керамического импорта в Азове [Волков, 1992, с. 9]. К подгруппе Солхата исследователь относит общие признаки группы (составления формовочных масс и качество обжига), но также отмечает повышенное содержание крупно дробленного шамота в формовочной массе – около ¼ и также отмечает разные способы формирования кольцевых поддонов. В Азак поступало несколько видов изделий из этого города: кувшины (воротничковые или дутые с вогнутым внутрь краем венчиком), открытые сосуды-подойники, штампованные кувшины с дутым горлом, покрытые коричневым ангобом [Волков, 1992, с. 10].

А.Н. Масловский в ряде своих работ [Масловский, 2008, с. 144 – 188; Масловский, 2012, с. 13] выделяет группу импортной керамики Юго-Восточного Крыма (Солхат, Судак, Каффа) и также отмечает, что керамика отличается пластичной глиной с примесью шамота. И отдельно упоминает, что изделия Солхата отличаются большей концентрацией крупно дробленного шамота. Глазурованная продукция из Юго-Восточного Крыма представлена разнообразными сосудами – с монохромным и полихромным покрытием в сочетании с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и «резерве», с подглазурной росписью ангобом и также штампованные кувшины, покрытые монохромной поливой. В Азак поступали разнообразные сосуды: чаши на кольцевых поддонах, плоскодонные чаши с ручками, блюда, тарелки, пиалы, кувшины, альбарелло, туваки и др [Масловский, 2012, с. 13].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в последние десятилетия значительно возросло количество публикаций, посвященных глазурованной посуде Солхатского городища и его округи, в том числе и обнаруженных на других памятниках золотоордынского времени.

За время многолетних раскопок Солхата и округи получено значительное количество керамического материала. Большая часть находок обнаружена во фрагментарном состоянии, часть материала реконструируется, выявлены также целые археологические формы. Практически вся глазурованная керамика, используемая в нашем исследовании, происходит из закрытых комплексов, четко датируемых монетами конца XIII – второй половиной XIV в. Детали печного припаса, сепаи, полуфабрикаты, отходы керамического производства и т.д. встречаются практически во всех районах культурного слоя Солхатского городища и ближайшей округи (рис. 1).

На архитектурном комплексе мечети-медресе хана Узбека в 2017 году при раскопках южного айвана была обнаружена печь, не относящаяся к гончарному производству, в то же время находки рядом с печью косвенно могут указывать, что неподалеку существовала керамическая мастерская [Крамаровский, 2017-2018]. Недалеко от печи было найдено основание для вращения гончарного круга (?) (рис. 2, *14*). Также в период с 2013 по 2018 год при раскопках мечети-медресе были обнаружены

оплавленные фрагменты неизвестного материала (покрыты сверху толстым слоем спёкшейся глазури (?) темно-зеленого цвета) (рис. 2, *7*), фрагменты сепай (на «ножках» заметны следы зеленой глазури) (рис. 2, *9-11,13*), полуфабрикаты (рис. 2, *2-6*) и отходы керамического производства (рис. 2, *1, 15-19*).

С 1987 года археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа начинает раскопки на территории Солхата, в центральной части городища и на архитектурном комплексе караван-сарай. На отчетных археологических сессиях руководитель экспедиции М.Г. Крамаровский сообщает о трех обнаруженных ремесленных мастерских[4]. [Крамаровский, 1991, с. 19 – 23; Зильманович, Крамаровский, 1992, с. 7 – 8].

Первая из них была обнаружена в центральной части городища на улице Мустафаева, напротив дома № 23. Керамический горн с внутренней топочной камерой наземного типа, одноярусные небольшие печи, покрытые кирпичами. Найденные печи овальные в плане (по внешнему контуру диаметр 272 см, по внутреннему – 190см) с сохранившейся высотой 85 см. Корпус горна выложен из обожженного кирпича, изнутри покрыт глиняной обмазкой, толщина которой достигает 2 см. Корпус горна образует три кольца общей толщиной до 0,5 м. При зачистке горна обнаружена часть разрушенного свода. Обожженные кирпичи свода клиновидного сечения толщиной у узкого края до 7 см. Дно печи выложено черепицей, топочное отверстие ориентировано на северо-восток (размер 80 х 80 см). Данный горн предназначался для обжига красноглиняной неполивной посуды. По стратиграфическим данным, ремесленная мастерская датируется концом XIV – началом XV в. [Крамаровский, 1991, с. 22-23].

Вторая ремесленная мастерская обнаружена в 1990 году на юго-западной окраине Старого Крыма. В ней изготавливалась красноглиняная керамика без покрытия и со штампованным орнаментом [Крамаровский, 1991, с. 21-22]. Обнаружено три гончарные печи, похожие по конструкции друг на друга. Печь № 1 – двухъярусного типа, в материковой глине вырублены одноканальная топочная и нижняя часть обжигательных камер (обе округлой формы). Топочная камера несет следы ремонтной обмазки глиной толщиной до 12 см. Горячий воздух поступал в обжигательную камеру через семь продухов (сохранилось три, каналы округлены, достигают до 20см), расположенных по периметру пода на одинаковом расстоянии друг от друга. Пол пода диаметром 130 см, толщина варьируется до 50 см. Печь № 2 – двухъярусного типа, располагается в 2,5 м на юго-запад от печи № 1 и объединена с ней предтопочным пространством. В материковой глине вырублены одноканальная топочная камера (эллипсовидная в плане) и нижняя часть обжигательных камер. Устье топки ориентировано на юго-восток. Высота топочной камеры – 60 см, длина у основания – 170 см, ширина – 140 см. Поверхность топочной камеры прокалена и имеет следы ремонтных обмазок. Под обжигательной камеры (диаметр 135 см) сохранил три про-

[4] К сожалению, доступа к археологическим отчетам 1987–1990 гг. у нас не было, поэтому некоторые гончарные печи описаны по публикациям и без сопровождения иллюстративного материала.

духа, толщина пода варьируется от 15 до 25 см. Нижняя часть камеры имеет форму цилиндра и сохранилась на высоту до 52 см (реконструкция предполагает высоту до 150 см). Печь № 3 расположена в 10 м на восток от печи № 1. Она также двухъярусного типа, топочная и нижняя часть обжигательной камеры вырублены в материке. Устье топки (в форме равнобедренной трапеции) ориентировано на юго-запад. Высота топочной камеры – 90 см, в плане овальной формы слой ремонтной обмазки достигает 5 см. Сохранилось семь продухов диаметром 10 – 13 см, расположенных на равном расстоянии (до 40 см) от стенок обжигательной камеры. Вторая гончарная мастерская по нумизматическому материалу датируется первой половиной – серединой XIV в. [Крамаровский, 1991, с. 19 – 21].

Третья гончарная мастерская обнаружена в 1990 – 1992 гг. возле южной стены архитектурного комплекса караван-сарая. Границы мастерской определены в северной части глиняной подсыпкой и столбовыми ямками, расположенными по ее углам: 1-я – на северо-западной бровке; 2-я – в южном углу участка 63; 3-я – на участке 52; 4-я – располагалась на границе участков 51 и 39 (рис. 3, *2*). У каждой из ямок отмечена группа камней. Таким образом, очерченная площадь составляет около 25м^2 (4,6 х 4,3м.). Вероятно, это было «ядро» мастерской, защищенное навесом. Южный угол сооружения занят массивной печью и припечной ямой, составляющими единый производственный комплекс. Горн расчищен в виде каменного полукольца уже на уровне тандыра. Топочная камера горна сложена из двух крупных каменных блоков, хорошо отесанных и плотно пригнанных друг к другу. Топочная камера сложена на цоколе, каменная кладка которого укреплена известковым раствором. Размеры цоколя: 1,6-3,15 х 2,2-2,4 м. Толщина кладки – 0,4 м. Южное крыло цоколя сильно пережжено и разрушено при строительстве южной стены караван-сарая; повреждена и южная часть топки. Размеры топочной камеры: внутренний диаметр – 105 см, внешний – 147 см; камера сохранилась на высоту 80 см. Заполнение горна представляло собой чередование пластов глины и камней, пережженных до малинового цвета, с золой. Устье горна открывается в припечную яму, врезанную в материк. Ее края укреплены камнями. В яме отмечены следы золы и углей. В заполнении обнаружен толстый пласт сырой глины, перемешанный с камнями и кусками толстостенного пифоса. Почти вся припечная яма оказалась перекрыта южной стеной караван-сарая, фундамент которой пришелся на обожженное заполнение и разрушил второй горн на участке 39. По находкам нумизматического материала гончарное сооружение относится к 20-м гг. XIV в. Ремесленный комплекс с горном перестает функционировать к середине XIV в., и на его месте возникает хозяйственный комплекс с тандыром [Крамаровский, 1991-1992, с.7-8]. К сожалению, керамический брак не многочислен (рис. 2,*15-17,20*), но на керамическую мастерскую с горном нетрадиционного типа указывают небольшие куски застывшей глазури, находки сепай (рис. 3,12), полуфабрикаты, также несколько камней со следами «пробы» глазурей за пределами мастерской на участке 50 [Крамаровский, 1991 г., отчет; альбом, табл. 32а]. По мнению М.Г. Крамаровского, главным результатом сезона на караван-сарае в 1991 году стало

открытие ремесленного комплекса начала XIV в. [Крамаровский, 1991-1992, с.11]. На участке хозяйственного комплекса и рядом с ним обнаружено несколько ям, в основном на участке 63. В яме №1 найдены фрагменты керамического брака, деформированные сосуды, незаконченные копилки и сепаи для обжига глазурованной посуды. Хозяйственные ямы не одновременны – датируются 50 г. XIV в. – последняя четверть XIV в. [Крамаровский, 1992-1993, с. 5]. В 1992 году исследованы участки 39 и частично 40, заново вскрыт горн № 1 (рис.4,*1*) на участке 51-52. Южная стена караван-сарая перекрывала печь № 2. В заполнении гончарной печи обнаружены красноглиняные сосуды и амфоры, находящиеся в темном гумусном слое, а затем присыпаны слоем глины до уровня венчиков обнаруженного керамического материала. Благодаря этой подсыпке (нивелировке) появилась возможность восстановить границы мастерской. Эта граница поднимается к северо-восточному краю площадки участка 39 и достигает в северо-западном направлении двойного ряда камней.

Гончарная печь № 2 (рис. 4, *2*), имея общую с гончарной печью № 1 (рис. 3, *1-3*) припечную яму, отличается от последней степенью сохранности. Поставленная выше печи №1 печь №2 сильнее пострадала при сооружении фундамента южной стены караван-сарая, сохранился только цоколь гончарной печи. Контуры внутреннего объёма и утолщённая задняя стенка гончарной печи № 2 сложены из мелких камней и скреплены раствором глины. В завале топки обнаружено множество аналогичных камней, прослойки золы, куски сырой и обожжённой глины, пол не имел явно выраженной обмазки. Хорошо сохранилась часть печи в виде трех рядов камней на высоту 30-42 см. Длина печи – 2,3 м, ширина – 1,5 м., диаметр пола – 1,1м. Также к конструкции мастерской относятся две столбовые ямки, обнаруженные позади гончарной печи № 2. Среди керамического материала в этом горизонте многочисленные фрагменты глазурованной посуды с орнаментом, выполненным в технике «сграффито», импортная керамика из кашинной массы, неопределенные монеты [Крамаровский, 1992-1993, с. 4 – 7].

Таким образом, на караван-сарае изготавливались разнообразные красноглиняные изделия, глазурованная посуда с орнаментом в технике «сграффито» и «шамплеве», обнаружены матрицы-калыпы для производства штампованных неполивных и глазурованных сосудов [Крамаровский, 1992-1993, с. 4 – 7].

В 1991 году на юго-западной окраине средневекового Солхата в районе новостроек были проведены магнитометрические исследования с целью оконтуривания гончарного центра и выявления определенных сооружений (горнов, печей, ям с отвалами брака и т.п.). Судя по всему, в Солхате в конце XIII – начале XV в. сложились все необходимые условия для производства керамики, т.к. на изучаемой территории сочетались три необходимых составляющих для развития керамического центра: залежи подходящей глины, лес и вода [Крамаровский, 1991-1992, с. 15]. По «магнитным портретам» предполагаемых горнов удалось обнаружить гончарные печи. На участке 1 в северной части расположена самая большая из предполагаемых печь (диаметр более 2 м). В южной части этого участка находилось еще две печи

диаметром около полутора метров, однако западная из них разрушена траншеей. На участке 3, вплотную примыкающем к восточному раскопу 1990 года, по-видимому, находились еще две печи, имеющие общую предтопочную площадку с раскопанной печью, однако из-за искажений сделанный вывод может оказаться не совсем точным [Крамаровский, 1991-1992, с. 12]. На участке 4 с большой степенью вероятности выявлено две печи с предтопочной площадью и ямой для керамического материала с северной стороны [Крамаровский, 1991-1992, отчет, с. 12]. Учитывая, что раскопки по результатам разведок проведены не были, уточнить данные о характере продукции этих мастерских не представляется возможным.

Средневековое поселение Кринички-II находится в 4 км от г. Старый Крым и 1 км от северо-западной окраины одноименного села. Результаты археологических исследований 1998-2000 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа на селище позволили сделать ряд предварительных выводов о его функционировании в золотоордынский период. Вероятней всего, жизнь средневекового поселения была сосредоточена вокруг искусственного водоема, который условно делил памятник на два неравнозначных района – северо-западный и юго-восточный. Исследователи предполагают, что юго-восточная возвышенность являлась ремесленным поселением [Крамаровский, Гукин, 2002, с. 178]. На площади более 200 м^2 найдено одно наземное каменно-сырцовое жилище, связанное с единой конструкцией с наземным сооружением – мастерской. К сожалению, технологической керамики для производства посуды и отходов керамического производства не было обнаружено, но найдено небольшое количество полуфабрикатов (рис. 2, *18-19,21*) [Крамаровский, Гукин, 2002, с. 178].

В 2001 – 2008 гг. проводились исследования ремесленного поселения Бокаташ-II. Объект расположен в предгорье хребта Карасан-Оба, в 1,4 км к юго-востоку от города Старый Крым (средневековый Солхат), в 1,25 км к югу от городского водохранилища. Общая площадь поселения составляет 22 тыс. м^2. Северная часть памятника представляет собой в плане овальную седловину. Южная часть расположена на небольшом отроге, который отходит в западном направлении. Было заложено два раскопа – XXII и XXIII. Всего за весь период раскопок поселения Бокаташ-II было обнаружено 38 гончарных горнов, которые частично опубликованы (рис. 4, *3-5*; рис. 5; рис. 6) [Крамаровский, Гукин, 2004; Крамаровский, Гукин, 2006; Крамаровский, Гукин, 2007; Крамаровский, 2009].

Гончарные горны, обнаруженные на территории ремесленного поселения Бокаташ-II, расположены отдельно, выжигательные сооружения сгруппированы по 2-4 и соединены одной притопочной ямой. Горны, в основном двухъярусные с вертикальным ходом горячих газов, представляют собой сложную техническую конструкцию и разделяются на три функциональных блока: топочный, тепловодноразделительный, обжиговый [Бобринский, 1991, с. 107 – 134]. Встречаются гончарные печи округлой, овальной, вытянуто-овальной или квадратной в плане формы. В поперечном разрезе встречаются цилиндрической, трапециевидной, линзовидной,

усеченно-конической или сегментовидной формы. По внешнему контуру диаметр печей варьировался от 1,1 до 2,7 м. Максимально сохранившаяся высота встречается до 1,8 м. Обжиговые камеры представлены вариантами с диаметром от 1,3 м. Стены печей вылеплены из глины с добавлением органики и заглажены. Имеются мембраны-перегородки, которые вылеплены из рыхлой глины с большой примесью органических веществ и мелких фрагментов керамики. В поверхностях мембран-перегородок прослежено от 7 до 12 сквозных продухов диаметром от 8 до 14 см. Топочный блок вырублен в скале или в материковой глине. Топка в плане овальной, округлой, неправильно округлой или сегментовидной формы и в продольном разрезе имеет сегментовидное или цилиндрическое сечение. Стены выровнены и прокалены до черного цвета на толщину от 2 до 5 см. К топочным камерам примыкает предтопочный узел-воздухозаборник в плане трапециевидной или близкой к прямоугольнику формы. Весь гончарный комплекс по внешнему контуру закреплен каменной обкладкой на глинисто-грязевом растворе. Под во всех обнаруженных гончарных печах на ремесленном поселении Бокаташ-II обмазывался глиной. Гончарные сооружения располагались в середине помещения, под открытым небом или накрывались навесом [Крамаровский, 2004, 2006, 2007; Тесленко, 2018, с. 7 – 83]. В одном из помещений (сооружение 4) был обнаружен каменный ножной гончарный круг, который лежал на каменной вымостке (рис. 2,*8*) [Крамаровский, Гукин, 2004, с. 32].

Таким образом, результаты исследования гончарных комплексов нижнего строительного горизонта выявили новые конструктивные особенности гончарных печей, не характерные для более поздних комплексов, которые располагались в наземных каменных сооружениях. На раскопе XXIII открыт гончарный комплекс, состоящий из печей 1-2 и ямы 2, оказавшейся предтопочным сооружением, обслуживающим обе печи. В этих печах обжигалась глазурованная посуда, среди которой часто встречаются экземпляры с геометрическим, зооморфным и антропоморфным мотивами, выполненными в технике «сграффито» и «резерве» [Крамаровский, Гукин, 2006, с. 4]. Исследователи ремесленного поселения отмечают, что на относительно небольшой территории присутствует «полный спектр керамического производства, начиная от первичной обработки глины и заканчивая конечным продуктом» [Крамаровский, Гукин, 2004, с. 50]. За все время раскопок наряду с производством высококачественной продукции, предназначенной для городских рынков, зафиксировано изготовление сосудов и для местного использования [Крамаровский, Гукин, 2006, с. 28]. М.Г. Крамаровский предполагает, что «индивидуализированные горны или небольшие группы таких горнов находились в собственности отдельных семей», т.е. имело «родственный характер» – мастерские, вероятней всего, могли принадлежать отдельным семьям гончаров, которые специализировались на определенном виде продукции [Золотая Орда.., 2005, с. 139]. Анализ нумизматического материала позволяет датировать ремесленное поселение Бокаташ-II. Начало и становление гончарного ремесла приходится на вторую половину – конец XIII в., период активного функционирования продолжался, вероятно,

до середины XIV в. В результате, ориентировочно с начала 50-х гг. XIV в., с расширением транзитной торговли и производственной деятельности предпочтение было отдано стандартизированной массовой посуде, предназначенной для местного рынка. Около середины XIV в., к концу правления хана Джанибека (1343 – 1357 гг.), гончарное производство на поселении Бокаташ-II приходит в упадок [Крамаровский, Гукин, 2006, с. 30]. Примерно с начала 1340-х гг. рыночная конъюнктура изменилась, и ремесленники отдали предпочтение стандартизированной массовой посуде, преимущественно кухонной.

Для формовочной массы ремесленники Солхата использовали высокопластичные глины с высоким содержанием крупно дробленного шамота и естественной нестабильной примесью известковых включений. Вероятней всего, использовалась и органическая примесь, в черепке заметны поры, преимущественно узкие, линзовидной формы. Красноглиняные изделия изготовлялись двумя способами: первый – вытягивание изделия на гончарном круге (РФК-6 или 7[5]), второй – формирование изделия на гончарном круге с последующим тиснением половины сосуда в специальных формах матрицах-калыпах. Ремесленники особое внимание уделяли созданию поддонов. Гончары вырезали полости поддона в монолитной заготовке, полученной в процессе формовки самого сосуда открытого типа. Для Солхатского городища характерны поддоны с внутренней полостью, толщина дна внутри поддона заметно тоньше стенок [Масловский, 2017, с. 456]. Далее эти сосуды покрывались ангобом, сушились и подвергались первичному обжигу, затем керамика покрывалась поливой. Открытые формы глазурованных сосудов (чаши, тарелки, блюда и др.) загружались в обжигательную камеру стопками, между ними ставились сепаи, чтобы во время обжига они не спеклись [Лисова, 2012, с. 31].

Анализ обнаруженных керамических материалов позволяет разработать следующую систему классификации глазурованной посуды, производимой на территории золотоордынской столицы Крымского полуострова и его округи. Мы условно даем название глазурованной керамике, которая производилась в Крымском Улусе Золотой Орды – «Солхат», далее делим на предположительные места изготовления: Бокаташ («Солхат/Бокаташ») и караван-сарай («Солхат/Караван-Сарай»). Также стоит отметить, что полуфабрикаты, обнаруженные на территории архитектурного комплекса мечети-медресе хана Узбека по формовочной массе близки к продукции, изготавливаемой на территории караван-сарая, но, к сожалению, на данный момент не обнаружены комплексы гончарных печей, что не позволяет с точностью утверждать, производилась ли здесь глазурованная керамика или нет.

Черепок изделий группы «Солхат/Бокаташ» в изломе насыщенно-красноглиняного цвета с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Глазурь разнообразного цвета и делится на монохромную и полихромную. Монохромная, в основном зеленого (цвет варьируется от темно-, светло-зеленого до болотных от-

[5] РФК – Развитие функционального круга по Бобринскому, 1978, с. 55–64.

тенков) и коричневого (цвет варьируется от темно-коричневого до светло-коричневого оттенка). Полихромная встречается в комбинации зеленая+коричневая+желтая полива. Орнаментация довольно разнообразна, встречаются изделия, выполненные с орнаментом в технике «сграффито» и «резерве» (как отдельно, так и в сочетании друг с другом), обнаружено также большое количество полуфабрикатов с росписью белым густым ангобом. Встречаются растительные, геометрические, зооморфные, орнитоморфные и антропологические мотивы.

Продукция группы «Солхат/Караван-Сарай» поступала на городской рынок, на наш взгляд, найденные обломки сосудов выполнены качественней, нежели на Бокаташе. Черепок в изломе красноглиняного цвета, тесто более «пластичное», хорошо промешанное, также с большой концентрацией крупно дробленного шамота и известняка. Здесь встречается покрытие в основном только зеленого цвета (оттенки глазури варьируются от темно- до светло-зеленого цвета) разнообразных оттенков. Орнаментация менее разнообразна, встречаются изделия, выполненные с орнаментом в технике «сграффито» и «резерве» (как отдельно, так и в сочетании друг с другом). Распространены растительные и геометрические мотивы.

Для классификации нашего материала за основу взяты схемы, представленные в работах Ю.В. Коваля [Коваль, 2010], И.В. Волкова [Волков, 1992], Н.М. Булатова [Булатов, 1969; 1976], А.Н. Масловского [Масловский, 2006а-б], Б.Д. Борисова [Борисов, 2002], также применялись классификационные схемы, предлагаемые Л.С. Клейном [Клейн, 1991].

На первом этапе глазурованные изделия, производимые на территории Солхатского городища и ближайшей округи, делятся по признакам общего функционального назначения на пять категорий:

- строительная;
- тарная;
- кухонная;
- столовая;
- керамика специального назначения.

Каждая из категорий делится на одну или несколько групп, различающихся по функциональной сфере применения. Категория строительной керамики включает в себя одну группу – декоративные облицовочные плитки. Тарная – включает две группы: пифосы и тарные кувшины. Кухонная керамика – единственную группу: кружки (?). Столовая включает в себя семь групп – горшки, кувшины, небольшие кувшинчики, чаши, блюда, тарелки и пиалы. Керамика специального назначения делится на девять групп – светильники-плошки, подсвечники, туваки, альбарелло, крышки, пряслица, игральные фишки или заготовки под пряслица или пуговицы(?), сепаи и фляги.

Следующим этапом классификации является дробление групп на типы и выделение вариантов, на этом этапе используются характеристики технологии изготовления и орнаментации. По степени прозрачности глазури традиционно выделяются две глав-

ные разновидности – прозрачная и непрозрачная (опаковая, глухая). Непрозрачность поливы достигалась добавлением в глазурную шихту окиси олова (1% и более), либо это являлось результатом низкого качества глазури [Mason, Keall, 1991, p. 52].

Применение вышеперечисленных признаков позволяет выделить две серии – с орнаментацией или без дополнительного декора. Без декорирования глазурованная посуда делится на две группы:

- покрыта монохромной зеленой глазурью (Monochrome (Green) Glazed Ware) (встречаются светлые, темные и оттенки болотного цвета);

- покрыта монохромной коричневой глазурью (Monochrome (Brown) Glazed Ware) (цвет варьируется от темно- до светло-коричневого оттенка)

Орнаментация делится на следующие группы:

- в технике «сграффито» с монохромной зеленой глазурью (Monochrome (Green) Sgraffito Ware) (встречаются светлые, темные и оттенки болотного цвета);

- в технике «сграффито» с монохромной коричневой глазурью (Monochrome (Brown) Sgraffito Ware) (цвет варьируется от темно- до светло-коричневого);

- в технике «сграффито» с полихромной (зеленой, коричневой, желтой) глазурью (Polychrome (Green, Brown, Yellow) Sgraffito Ware) (цвет варьируется от темно- до светло-коричневого);

- в сочетании техники «сграффито» и «резерве» с монохромной зеленой глазурью (Monochrome (Green) Sgraffito and Shampleve Ware) (встречаются светлые, темные и оттенки болотного цвета);

- в сочетании техники «сграффито» и «резерве» с полихромной (зеленой, коричневой, желтой) глазурью (Polychrome (Green, Brown, Yellow) Sgraffito and Shampleve Ware) (встречаются светлые, темные и оттенки болотного цвета);

- с подглазурной росписью белым ангобом и покрытием монохромной зеленой глазурью (Slip-painted Monohrome (Green) Ware);

- с подглазурной росписью белым ангобом и покрытием монохромной коричневой глазурью (Slip-painted Monohrome (Brown) Ware).

- с штампованным (тисненым) орнаментом и покрытием монохромной зеленой глазурью (Stamped Monohrome (Green) Ware).

КАТЕГОРИЯ 1. ***Строительная глазурованная керамика***, изготавливаемая на Солхатском городище и в ближайшей округе, представлена облицовочными плитками. В состав формовочной массы входила примесь крупно дробленного шамота, известняка, иногда попадали мелкие камни. Покрывались они только монохромной коричневой и зеленой глазурью. Размер 21-22 см. С внутренней стороны практически на всех археологически целых формах встречаются конусные «ножки», вероятней всего, служившие либо для крепления, либо для экономии материала. Точное место изготовления в Солхате на данный момент не локализовано. Эта категория материала представлена одной группой.

Группа I. Декоративные облицовочные плитки, делится на два типа:

Тип I. Плитки облицовочные темно-красноглиняные с примесью крупно дро-

бленного шамота, дробленой ракушки и известняка, квадратной формы, с внутренней части имеются конусные «ножки». В этом типе выделяются два варианта:

Вариант I. Снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью (цвет варьируется от светло- до темно-зеленого) (рис. 7,*2-4,7-8,11*).

Вариант II. Снаружи покрыты монохромной коричневой глазурью (рис. 7, *1,5,9-10*).

Тип II. Плитки облицовочные красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, прямоугольной формы, снаружи покрыты монохромной коричневой глазурью (рис. 7,6).

КАТЕГОРИЯ 2. ***Тарная керамика*** представлена немногочисленными находками пифосов и тарных кувшинов. Все обнаруженные фрагменты покрыты изнутри монохромной темно-зеленой глазурью, тесто темно-красноглиняное с примесью шамота и известняка. Вероятней всего, эти пифосы изготавливались в гончарном центре, который находился в караван-сарае (состав и эластичность формовочной массы идентичен изделиям, производимым на объекте). В 1991 году экспедицией Государственного Эрмитажа был обнаружен еще один ряд сосудов гончарной мастерской. Он представлен тремя пифосами, амфорой и донцем сосуда, вероятно, такого же пифоса. Эти фрагменты сосудов примыкают к гончарной печи № 2, что доказывает синхронность керамического ряда и горна, разумеется, в совокупности со стратиграфическими признаками, и говорит о том, что данного вида сосуды изготавливались на городище [Крамаровский, 1992-1993, с. 5]. Крупные сосуды делали из нескольких частей, которые затем скрепляли в целый. Обжигались в крупных горнах, позволявших достигать полного обжига, обеспечивавшего их прочность и влагонепроницаемость [Коваль, 2010, с. 149].

Группа I. Пифосы

Тип I. Пифосы красноглиняные с высокой концентрацией крупно дробленного шамота и известняка, толстостенные плоскодонные со сферическим туловом, изнутри покрыты монохромной темно-зеленой глазурью (рис. 8, *1-3*).

Группа II. Кувшины(?) тарные

Тип I. Кувшины тарные темно-красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, плоскодонные (диаметр от 10 до 14 см), тулово овалоидной формы, двуручные или одноручные, с ручками овальными в сечении, изнутри покрыты монохромной темно-зеленой глазурью (рис. 8, *4,6,8-10*).

Тип II. Кувшины тарные светло-красноглиняные с примесью шамота, плоскодонные (диаметр от 7 до 14 см), изнутри покрыты монохромной коричневой глазурью (рис. 8, *5,7*).

КАТЕГОРИЯ 3. ***Кухонная керамика***, как правило, не покрывалась глазурью в связи с ее функциональным назначением. Такого вида посуда производилась более простой технологией, она не требовала последующих обжигов, и для ее изготовления использовалась только глина без глазурованного покрытия. Единственной группой представлены находки, изготавливаемые на ремесленном поселении Бокаташ-II.

Важно отметить, что на поселении были обнаружены аналогичные изделия, но без покрытия.

Группа I. Кружки (?)

Тип I. Кружки (?) плоскодонные (диаметр доньев варьируется от 12 до 16 см) с вертикальным, слегка отогнутым заостренным или закругленным краем с ручкой овальной в сечении, темно-красноглиняные, с примесью крупно дробленного шамота, известняка и мелко дробленной ракушкой, изнутри покрыты темно-зеленой глазурью с болотным оттенком, снаружи на всех обнаруженных фрагментах копоть (рис. 9, *1-2*) («Солхат/Бокаташ»).

КАТЕГОРИЯ 4. ***Столовая глазурованная посуда*** массово производилась в Солхате и была ориентирована не только на городское и сельское население, но и экспортировалась во многие города Золотой Орды. Продукция ремесленниками была стандартизирована, но имела и свои отличия в форме и орнаментации. Столовая посуда делится на закрытые и открытые формы. Закрытые формы представлены горшками, кувшинами и небольшими кувшинчиками. Открытые формы представлены чашами, тарелками, блюдами и пиалами.

Группа I. Горшки

Тип I. Горшки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота, известняка, плоскодонные, тулово полусферической формы, венчик подпрямоугольный, в сечении горизонтально отогнут (диаметр варьируется от 21 до 26 см), двуручные, ручки овальные в сечении, изнутри покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 9, *3-5*).

Тип II. Горшки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота, известняка, плоскодонные, тулово полусферической формы, горло слегка выражено, венчик подпрямоугольный, в сечении широкий, горизонтально отогнут, закруглен (диаметр варьируется от 26 до 28 см), двуручные, ручки овальные в сечении, изнутри покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 9, *6-8*).

Тип III. Горшки светло-красноглиняные с примесью шамота и известняка, плоскодонные, тулово полусферической формы, венчик подпрямоугольный в сечении, слегка отогнут (диаметр 17 см), изнутри покрыты монохромной светло-зеленой глазурью (рис. 9, *9-10*).

Тип IV. Горшки оранжево-красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, плоскодонные, тулово сферической формы, венчик слегка отогнут, рельсовидный в сечении, изнутри покрыт монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 10, *1*).

Тип V. Горшки темно-красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, плоскодонные, тулово полусферической формы, венчик подпрямоугольного сечения, трехручные, ручки округлые в сечении, снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью (в большинстве случаях глазурь пережжена) («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 10, *2-4*).

Группа II. Кувшины

Тип I. Кувшины красноглиняные с примесью шамота и известняка, плоскодонные, тулово «баночной» формы, венчик (диаметр от 9 до 13 см) горизонтальный, подпрямоугольного сечения, верхний прилеп ручки (округлой или овальной в сечении) находится на плечиках сосуда, снаружи до нижней части и изнутри полностью сосуды покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 10, *5-7*).

Тип II. Кувшины красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, плоскодонные (диаметр от 6 до 9,5 см), одноручные, ручка овальная в сечении, без слива, тулово шаровидной формы, в районе плечиков немного приплюснуты, горло цилиндрическое, снаружи до плечиков и изнутри полностью покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 10, *8-9*).

Тип III. Кувшины красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, плоскодонные, тулово сферической формы с прямоугольным горлом, одноручные, ручка овальная в сечении, прикреплена к середине горла, венчик (диаметр от 14 до 15 см) подпрямоугольного сечения, изнутри покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 11, *1*).

Тип IV. Кувшины светло-красноглиняные с примесью шамота и известняка, тулово сферической формы, высокогорлые, одноручные, ручки сложнопрофилированные, венчик (диаметр 6 см) клювовидный в сечении, снаружи покрыты монохромной светло-зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 11, *2-3*).

Тип V. Кувшины красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, на кольцевом поддоне, тулово сферической формы, венчик (диаметр 12 см) отогнутый, подпрямоугольный в сечении с небольшим выступом сверху, вероятней всего, одноручные, в месте перехода горла к тулову имеется декор в виде небольших волнистых вдавлений в сечении, снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью (по Г.А.Федорову-Давыдову, категория VIII, табл. 39) («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 11, *4*).

Тип VI. Кувшины высокогорлые красноглиняные с примесью шамота и известняка, плоскодонные, одноручные, ручки овальные в сечении, со сливом (защепленным) в виде носика, вертикальный закругленный венчик, тулово сферической формы.

Вариант I. Снаружи покрыты монохромной светло-коричневой глазурью до половины сосуда («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 11, *5,7-8*).

Вариант II. Снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью (цвет варьируется от светло- до темно-зеленого) до половины сосуда («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 11, *9-11*).

Тип VII. Кувшины красноглиняные с примесью шамота и известняка, высокогорлые, плоскодонные, одноручные, ручка округлая, в сечении прикрепленная с середины горла, нижний прилеп на середине корпуса, без слива, тулово овалоидной формы, снизу приплюснутый, вертикальный, слегка отогнутый закругленный венчик (диаметр 8 см), снаружи до середины сосуда покрыты монохромной светло-зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 11, *2*).

Тип VIII. Кувшины красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота, известняка и мелкой ракушки, с цилиндрическим низким горлом, плоскодонные, одноручные, ручки овальные в сечении, венчик (диаметр от 8 до 10 см) слегка отогнут наружу, закругленный.

Вариант I. Изнутри покрыты монохромной светло-коричневой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 12, *8-9,12*).

Вариант II. Изнутри покрыты монохромной зеленой глазурью (цвет варьируется от темно- до светло-зеленого с болотным оттенком) («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 12, *7,10-11,13,18*).

Тип IX. Кувшины красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, с цилиндрическим широким горлом, венчик (диаметр 15 см) подпрямоугольного сечения, изнутри покрыт монохромной светло-коричневой глазурью, снаружи по краю имеются потеки аналогичной поливы («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 12, *14*).

Тип X. Кувшины светло-красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и незначительного количества известняка, венчик (диаметр от 7 до 8 см), имеется рифление по горлу, снаружи покрыты монохромной зеленой (цвет варьируется от светло- до темно-зеленого) глазурью, изнутри по краю имеется покрытие белым густым ангобом («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 12, *15-17*).

Тип XI. Кувшины-куманы красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, тулово сферической формы, горло цилиндрическое, венчики встречаются подтреугольного и прямоугольного сечения, плоскодонные, одноручные, ручка с прилепом к середине горла, овальная в сечении, встречается рифление на плечиках и горле, имеет конусный сливной носик, снаружи до половины сосуда и изнутри по краю покрыты монохромной зеленой глазурью, изнутри – белым густым ангобом («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 13, *1-5*).

Тип XII. Кувшины красноглиняные с примесью шамота и известняка, одноручные (овальные в сечении), на кольцевом поддоне, встречаются с резным фильтром в горле, тулово сферической формы, в центре имеется след от стыка двух половин сосуда, поверхность тулова украшена штампованным (рельефным, тисненым) декором в виде геометрических и растительных мотивов, снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 12, *1-6*).

Тип XIII. Кувшины красноглиняные с примесью шамота и известняка, на кольцевом поддоне, одноручные, ручки округлые в сечении, с узким удлиненным горлом, тулово сферической формы скреплено из двух половин, снаружи покрыты монохромной светло-зеленой глазурью до половины сосуда, далее идет покрытие белым ангобом, с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» и «резерве» со стилистическими растительными мотивами («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 13, *6-8*).

Тип XIV. Кувшины насыщенно красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, тулово сферической формы, одноручные, ручки овальные в сечении, венчик (диаметр 9 см) вертикальный, слегка отогнут, в нижней части горла

имеется рифление, на месте перехода от горла к тулову имеется «ситце», снаружи и изнутри до нижней части горла покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Бокаташ») (рис. 14, *1*)

Тип XV. Кувшины насыщенно красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, тулово сферической формы, одноручные, ручка сложно профилированная в сечении, крепится к нижней части горла, высокогорлые, горло выпуклое, снаружи и изнутри по краю покрыты монохромной темно-зеленой глазурью («Солхат/Бокаташ») (рис. 14, *2-3*).

Тип XVI. Кувшины насыщенно красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, тулово сферической формы, одноручные, на первой половине корпуса имеется врезной орнамент в виде линий, изнутри покрыты полностью монохромной светло-коричневой глазурью, снаружи до половины сосуда – темно-зеленой («Солхат/Бокаташ») (рис. 14, *4*).

Тип XVII. Кувшины насыщенно красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, тулово сферической формы, одноручные, верхний прилеп ручки находится в середине горла, нижний – на плечиках, тонкое высокое горло со сливом, венчик вертикальный, закругленный, снаружи покрыты монохромной светло-зеленой глазурью («Солхат/Бокаташ») (рис. 14, *5*).

Тип XVIII. Кувшины красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, сферической формы с узким горлом, на некоторых фрагментах имеется небольшой выступ-ребро, покрыты белым ангобом (в дальнейшем обжиге покрывались в большинстве случаях монохромной темно-зеленой глазурью) и орнаментом, выполненные в технике «сграффито» в виде растительных, геометрических и зооморфных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 14, *7-19*).

Тип XIX. Кувшины красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, тулово сферической формы с широким горлом, одноручные (?), венчик (диаметр 10 см) вертикальный, утолщен кверху и слега отогнут, снаружи покрыты полихромной (коричневой, зеленой, желтой) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде растительных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 15, *1*).

Тип XX. Кувшины насыщенно-красноглиняные с примесью шамота, тулово сферической формы с широким горлом, которое оснащено воротничком, декорированным треугольчатой резьбой, снаружи покрыты полихромной (коричневой, зеленой, желтой) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде растительных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 15, *2*).

Тип XXI. Кувшины красноглиняные с примесью шамота и известняка, тулово сферическое, горло выпуклое, венчик вертикальный, слегка отогнут наружу, закруглен, снаружи и изнутри до перехода горла к тулову покрыты монохромной светло-зеленой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 15, *3*).

Тип XXII. Кувшины красноглиняные с примесью шамота и известняка, тулово сферическое, горло выпуклое, снаружи покрыты монохромной светло-коричневой

глазурью с орнаментом в технике «сграффито» и «резерве» в виде геометрических и растительных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 15, *4*).

Тип XXIII. Кувшины насыщенно красноглиняные с примесью шамота и известняка, тулово сферическое, горло цилиндрической формы, венчик (диаметр 10 см) вертикальный, слегка отогнут наружу, одноручные (ручки овальные в сечении), в месте перехода горла к тулову имеется «ситце», снаружи и изнутри по краю покрыты полихромной (светло-зеленой, зеленой и коричневой) глазурью с орнаментом в технике «сграффито» в виде геометрических мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 15, *5-6*).

Тип XXIV. Кувшины насыщенно красноглиняные с примесью крупно-дробленного шамота и известняка, одноручные (овальные в сечении), на кольцевом поддоне, встречаются с резным фильтром в горле, тулово сферической формы, в центре имеется след от стыка двух половин сосуда, поверхность тулова украшена штампованным (рельефным, тисненым) декором в виде геометрических и растительных мотивов, снаружи покрыты монохромной темно-зеленой глазурью («Солхат/Бокаташ»).

Вариант I: Снаружи покрыты монохромной светло-коричневой глазурью («Солхат/Бокаташ») (рис. 15, *13*).

Вариант II. Изнутри покрыты монохромной зеленой глазурью (цвет варьируется от темно- до светло-зеленого с болотным оттенком) («Солхат/Бокаташ») (рис. 15, *7-12, 14*).

Группа III. Кувшинчики

Тип I. Кувшинчики красноглиняные с примесью шамота и известняка, на низком кольцевом поддоне, одноручные (ручки подпрямоугольного сечения), венчик (диаметр от 4 до 6 см) клювовидной формы, горло цилиндрическое, тулово сферической формы, снаружи покрыты до половины сосуда светло-зеленой глазурью с отблеском («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 15, *15*).

Тип II. Кувшинчики красноглиняные с примесью шамота и известняка, плоскодонные, венчик (диаметр от 4 до 5 см) вертикальный, слегка наклонен наружу, горло цилиндрическое, снаружи и изнутри до середины горла покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 15, *16*).

Тип III. Кувшинчики красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота, известняка, плоскодонные (диаметр от 3,8 до 4 см), одноручные (овальная в сечении), с цилиндрическим горлом, тулово сферической формы, венчик (диаметр от 4 до 5 см) вертикальный или слегка отогнут наружу, закруглен, снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью до половины сосуда или до половины горла (рис. 14, *6*; рис. 15, *17-18*).

Группа IV. Чаши

Чаши встречаются только на кольцевом поддоне, усеченно-конической или полусферической формы, с вертикальным или отогнутым (наружу или вовнутрь) закругленным краем (диаметр венчика 15 – 23 см). Изделия орнаментированы разнообразным орнаментом (в виде геометрических, растительных), зооморфными (особенно преобладают орнитоморфные и ихтиоморфные) и антропоморфными мотивами.

Тип I. Чаши красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус в форме усеченного конуса с выпуклыми стенками, на кольцевом поддоне (от 6 до 7 см), борт (диаметр от 17 до 22 см) вертикальный, слегка наклонен внутрь, край слегка отогнут наружу, закруглен.

Вариант I. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной зеленой глазурью (цвет варьируется от светло- до темно-зеленого) («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 16, *1-2*).

Вариант II. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной коричневой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 16, *3*).

Тип II. Чаши красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус полусферический на кольцевом поддоне (диаметр от 7 до 7,5 см), венчик (диаметр от 15 до 18 см) не выражен, край скруглен, изнутри и снаружи до половины корпуса покрыты монохромной зеленой глазурью (рис. 16, *4-5*).

Тип III. Чаши насыщенно-красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, корпус полусферический на кольцевом поддоне, венчик (диаметр от 14 до 21 см) вертикальный или слегка отогнут наружу, округлый.

Вариант I. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной зеленой (цвет варьируется от темно- до светло-зеленого) глазурью с подглазурной росписью белым ангобом в виде растительных, геометрических и стилизовано эпиграфических мотивов («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 16, *6-9*).

Вариант II. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной коричневой (цвет варьируется от темно- до светло-зеленого) глазурью с подглазурной росписью белым ангобом в виде растительных, геометрических и стилизовано эпиграфических мотивов («Солхат/Караван-Сарай») (Рис. 16, *10-13*).

Тип IV. Чаши красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус полусферический на кольцевом поддоне (диаметр от 6,5 до 11 см), венчик (диаметр от 17 до 20 см) вертикальный или отогнут наружу, закруглен.

Вариант I. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной зеленой (цвет варьируется от светло- до темно-зеленого, имеются фрагменты с болотным оттенком) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» с геометрическими, растительными и зооморфными мотивами («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 17, *2*).

Вариант II. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной коричневой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» с геометрическими и растительными мотивами («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 17, *1*).

Тип V. Чаши красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус полусферический на кольцевом поддоне (диаметр от 7 до 11 см), венчик (диаметр от 16 до 23 см) вертикальный или слегка отогнут наружу, закруглен, изнутри и снаружи по краю покрыты полихромной (коричневой, желтой и зеленой) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических, растительных и зооморфных мотивов («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 17, *3*).

Тип VI. Чаши красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, корпус в виде усеченного перевернутого конуса на кольцевом поддоне,

венчик вертикальный, округлый, изнутри и снаружи по краю покрыты полихромной (коричневой, желтой и зеленой) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических, растительных и зооморфных мотивов («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 17, *4-6*).

Тип VII. Чаши насыщенно красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, усеченно-конический корпус на кольцевом поддоне, с вертикальным, слегка отогнутым, округлым венчиком.

Вариант I. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной темно-зеленой (встречаются фрагменты с болотным оттенком) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде зооморфных, антропоморфных, геометрических и растительных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 17, *7-8*).

Вариант II. Изнутри покрыты монохромной зеленой глазурью без декорирования (рис. 17, *9*).

Вариант III. Изнутри покрыты монохромной коричневой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических и растительных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 17, *10*).

Вариант IV. Изнутри покрыты полихромной (зеленой, желтой, коричневой) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 17, *11*).

Тип VIII. Чаши насыщенно красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, корпус полусферический на кольцевом поддоне, с вертикальным округлым краем.

Вариант I. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной зеленой (цвет варьируется от светло- до темно-зеленого) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде зооморфных, антропоморфных, геометрических и растительных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 18, *1*).

Вариант II. Изнутри покрыты монохромной светло-коричневой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде зооморфных, антропоморфных, геометрических и растительных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 18, *2*).

Тип IX. Чаши красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, с коническим корпусом, на кольцевом поддоне, с вертикальным или слегка отогнутым округлым краем, покрыты изнутри монохромной светло-зеленой глазурью с орнаментом, выполненным в сочетании техники «сграффито» и «резерве» в виде геометрических и растительных мотивов (рис. 18, *3-5*).

Тип X. Чаши красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус усеченно-конический, край вертикальный вогнут внутрь, венчик загруглен или подтреугольного сечения, изнутри покрыты монохромной зеленой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических и растительных мотивов (рис. 18, *6-7*).

Группа V. Блюда

Находки местного производства блюд немногочисленные. Обнаруженные блюда

большие и плоские (диаметр венчика достигал 23 – 25 см, диаметр дна – от 11 до 15 см) со слегка отогнутым вертикальным закругленным краем, полусферическим туловом на кольцевом поддоне.

Тип I. Блюда светло-красноглиняные с примесью шамота и известняка, уплощенной формы, с вертикальным краем, венчик не выражен, край отделен от корпуса небольшим ребром, изнутри и снаружи (выступая немного за ребро) покрыто монохромной коричневой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 18, *8*).

Тип II. Блюда красноглиняные с примесью шамота и известняка, уплощенной формы, край скруглен, изнутри покрыты монохромной светло-зеленой глазурью с декорированием в виде практически непримечательных разводов на тон темнее зеленой глазури (Солхат/Караван-Сарай») (рис. 18, *9*).

Тип III. Блюда красноглиняные с примесью шамота и незначительного количества известняка, корпус полусферический на кольцевом поддоне. Стенки слегка выпуклые, край приподнят кверху, скруглен, покрыты изнутри монохромной плотной зеленой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических и растительных мотивов. На некоторых изделиях снаружи имеется покрытие до половины белым густым ангобом и отпечатки гончара (?) («Солхат/Бокаташ») (рис. 18, *10*).

Группа VI. Тарелки

Тарелки встречаются с полусферическим туловом на кольцевом поддоне с широким горизонтальным краем (диаметр от 15 до 25 см).

Тип I. Тарелки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, корпус полусферический на кольцевом поддоне, венчик небольшой, отогнутый горизонтально, округлый, изнутри покрыты монохромной коричневой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 19, *3*).

Тип II. Тарелки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, корпус полусферический на кольцевом поддоне, венчик широкий отогнутый горизонтально, заостренный, контуры борта выделены реберчатым выступом.

Вариант I. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной зеленой (разнообразных оттенков) глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 19, *1-2*).

Вариант II. Изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной зеленой (цвет варьируется от светло- до темно-зеленого) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических и растительных мотивов («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 19, *4-5*).

Вариант III. Изнутри и снаружи по краю покрыты полихромной (коричневой, зеленой, желтой) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических и растительных мотивов («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 19, *6-7*).

Тип III. Тарелки красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус усеченно-конический со слегка выпуклыми стенками, борт условно горизонтальный, край скруглен. Изнутри покрыты полихромной (коричневой, зеленой и желтой) гла-

зурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических и растительных мотивов («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 19, *8-10*).

Тип IV. Тарелки насыщенно красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, корпус усеченно-конический на кольцевом поддоне, со слегка выпуклыми стенками, борт горизонтальный, отделен от корпуса небольшим ребром, край скруглен, изнутри и снаружи по краю покрыты монохромной зеленой глазурью без декорирования («Солхат/Бокаташ») (рис. 19, *11*).

Тип V. Тарелки красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус полусферический на кольцевом поддоне, венчик широкий, отогнутый горизонтально, заостренный или округлый, контуры борта выделены реберчатым выступом, изнутри покрыты монохромной светло-коричневой глазурью, снаружи – зеленой до половины корпуса, изнутри орнамент, выполненный в технике «сграффито» и «резерве» в виде растительных и зооморфных мотивов («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 19, *12*).

Тип VI. Тарелки насыщенно красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус в форме расширенного конуса на кольцевом поддоне, край горизонтальный, узкий, прямой, закруглен, изнутри покрыты монохромной коричневой глазурью с подглазурной росписью белым ангобом («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 19, *13-14*).

Тип VII. Тарелки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, с широким условно горизонтальным бортом, слегка отогнут, на кольцевом поддоне.

Вариант I. Изнутри покрыты монохромной зеленой (цвет варьируется от темно- до светло-зеленого) глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде зооморфных, геометрических и растительных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 19, *15-16*).

Вариант II. Изнутри покрыты монохромной коричневой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» в виде геометрических и растительных мотивов («Солхат/Бокаташ») (рис. 19, *17*).

Группа VII. Пиалы

Пиалы, как правило, встречаются на небольшом кольцевом поддоне с полусферическим туловом и вертикальным закругленным краем, диаметр их достигает 7 – 12 см. Единичный экземпляр представлен округлым плоским дном.

Тип I. Пиалы красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус полусферический, вытянутый на низком кольцевом поддоне, край вертикальный, заостренный, слегка отогнуты наружу, снаружи и изнутри покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *3*).

Тип II. Пиалы красноглиняные с примесью шамота и известняка, тулово полусферической формы на небольшом кольцевом поддоне, край вертикальный, скруглен (обнаружено также несколько полуфабрикатов.

Вариант I. Изнутри покрыт монохромной коричневой глазурью разных оттенков («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *1*).

Вариант II. Изнутри покрыт монохромной светло-желтой глазурью разных оттенков («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *4*).

Вариант III. Изнутри покрыт монохромной светло-зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *2*).

КАТЕГОРИЯ 5. *Изделия специального назначения*

В эту категорию находок относятся девять групп, различающихся по специфике применения, – сепаи, туваки, светильники-плошки, подсвечники, крышки, пряслица, альбарелло, фляги, фишки для игр или заготовки под пряслица или пуговицы(?).

Группа I. Сепаи

На Солхатском городище и в ближайшей округе обнаружено за весь период раскопок с 1978 года более 400 треножных подставок (сепаи), о которых нам известно. Сепаи (триподы) – треноги, которые служили для разделения глазурованных сосудов в топке при повторном обжиге. Они делятся на два типа. Первый тип самый распространенный в Юго-Восточном Крыму, и его начинают использовать (по находкам, обнаруженным в ремесленных центрах Солхата и округи) в конце XIII в. Данный тип был распространен от Китая (в первые столетия нашей эры) до Средиземноморья (начало XIII в.) [Morgan, 1942, p. 22]. Второй тип распространен в странах Востока [Коваль, 2010, с. 183]. Также встречаются при раскопках Биляра [Кокорина, с. 108 –157], в Старом Мерве [Лунина, с. 89 –93, рис. 16], на территории Азербайджана [Исмизаде, 1964, табл. V: 4,5] и др.

Тип I. Плоские трехлучевые изделия, вписывающиеся в правильный треугольник, с пирамидальными ножками-шипами на концах, бывают подпрямоугольного и подтреугольного сечения, некоторые покрыты густым белым ангобом (рис. 20, 4).

Тип II. Лучи в сечении треугольной формы, отсутствуют пирамидальные ножки, в центре пересечения изнутри имеется вдавление пальцем (рис. 20, 5).

Группа II. Туваки

У скотоводческих народов младенец первые месяцы своей жизни находился в подвешенной колыбели. Колыбель – это низкобортный деревянный ящик. В нём же младенец и перевозился. Чтобы ребёнок не вывалился, он всегда лежал в колыбели привязанный ремнями, на спине. След от этого лежания оставался на всю жизнь – уплощённый затылок. Пелёнок не было, только одеяльце сверху. В дно колыбели была вставлена мочеотводная стеклянная или костяная трубка – сунак. Делали её либо из стекла, либо из полой трубчатой кости, возможно, птичьей. Снизу к колыбели был привязан детский горшок – тувак. Для привязки у сосудов этой группы были предусмотрены широкие закраины. По мере заполнения его содержимое выплёскивалось. Туваки – стакановидные неорнаментированные горшки, имеющие отогнутый почти под прямым углом широкий венчик и неширокое плоское дно. Диаметр дна варьируется от 9,5 до 11,0 см, высота сосудов около 15,0 – 20,0 см. Туваки представлены в XI–XII вв. во многих городах Закавказья (Тбилиси, Двин, Орен-Кала). В Средней Азии такие сосуды появляются с IX в. [Зеленев, 2010, с. 120].

Тип I. Туваки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и извест-

няка, корпус каплевидной формы, венчик горизонтальный, небольшой, внутренняя поверхность покрыта монохромной зеленой глазурью, встречаются сосуды, снаружи покрытые частично белым ангобом («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *7*).

Тип II. Туваки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, корпус каплевидной формы, венчик горизонтальный, широкий, внутренняя поверхность покрыта монохромной зеленой глазурью, встречаются сосуды, снаружи покрытые частично белым ангобом («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *8*).

Тип III. Туваки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, корпус обратно каплевидной формы, устье широкое, горло не выражено, покатые плечи переходят в отогнутый наружу широкий горизонтальный венчик, изнутри поверхность и венчик покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *9*).

Тип IV. Туваки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, корпус обратно приплюснутой каплевидной формы, устье широкое, горло не выражено, покатые плечи переходят в отогнутый наружу широкий горизонтальный венчик, изнутри поверхность и венчик покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *10*).

Тип V. Туваки насыщенно-красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус обратно каплевидной формы (ближе к овалу), устье широкое, горло не выражено, покатые плечи переходят в отогнутый наружу широкий горизонтальный венчик, изнутри поверхность и венчик покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Бокаташ») (рис. 20, *11*).

Группа III. Лампы-светильники-плошки

Лампы-светильники-плошки – сосуды для освещения в виде низкой широкой чашечки с носиком-сливом для фитиля. [Курочкина, 2006]. Масляные светильники использовались на городище Солхат с середины XIII в., о чем свидетельствуют находки в закрытых комплексах из архитектурного комплекса караван-сарая и ремесленного поселения Бокаташ-II.

Тип I. Светильники-плошки насыщенно красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, плоскодонные, в плане округлой формы с небольшим выступом-носиком для фитиля, изнутри и частично снаружи покрыты монохромной зеленой (цвет варьируется от светло-зеленого до темно-зеленого) глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *12*).

Тип II. Светильники-плошки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, плоскодонные, в плане округлой формы с небольшим выступом-носиком для фитиля, который сформирован с помощью защипа, изнутри и частично снаружи покрыты монохромной светло-зеленой глазурью («Солхат/Бокаташ») (рис. 20, *13*).

Тип III. Светильники-плошки плоскодонные, красноглиняные, с примесью крупно дробленного шамота и известняка, покрытые изнутри и частично снаружи монохромной темно-зеленой глазурью, в плане округлой формы с неболь-

шим выступом-носиком для фитиля («Солхат/Бокаташ») (рис. 20, *14*).

Группа IV. Подсвечники

Подсвечник – сосуд для освещения в виде чашечки с цилиндрическим выступом для свечи в центре чашечки; иногда может быть носик-слив для фитиля [Курочкина, 2006]. Столовые подсвечники состояли из поддона, столпчика (выполнял функцию ручки), потом небольшой «диск», который предохранял руку от капель воска, предохранитель и трубка, в которую вставляли непосредственно свечу. Высокие массивные подсвечники (большей частью парные) ставились на письменных и обеденных столах. Более лёгкие и меньшего размера — на туалетном столе. Для удобства очистки подсвечника служила его круглая верхняя часть в виде блюдечка с отверстием, куда вставлялась свеча [Гольберд и др., 1967, с. 111]

Тип I. Подсвечники насыщенно красноглиняные с примесью шамота и известняка, на кольцевом поддоне, конусовидное тулово в виде невысокого ступенчатого основания имеет несколько условных ярусов, край, как правило, вертикальный, скруглен, с внешней стороны по условному горлу имеется рифление, снаружи покрыты монохромной зеленой (цвет варьируется от светло-зеленого до темно-зеленого) глазурью (в небольшом соотношении покрыты поливой не полностью) («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 20, *15-17*).

Группа V. Крышки

Крышки – изделия специального назначения, которыми перекрывали сосуд открытого типа [Курочкина, 2006].

Тип I. Крышки светло-красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, дисковидной формы с цилиндрическим навершием, к которому прикреплялась ручка овальная в сечении, снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью («Солхат/Караван-Сарай») (рис. 21, *1*).

Тип II. Крышки, сделанные из стенки вторично использованных сосудов (в большинстве случаях это сосуды открытого типа), красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, дисковидной формы.

Вариант I. Снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью без декора (рис. 21, *2-3*)

Вариант II. Снаружи покрыты монохромной зеленой глазурью или полихромной (коричневой, зеленой и желтой) с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» (рис. 21, *4-5*)

Группа VI. Альбарелло

Альбарелло, или «аптекарские сосуды» предназначались для хранения и транспортировки лекарств, благовоний и т.п. В XIV в. они составляют часть ассортимента поливной керамики золотоордынских городов и известны в Крыму и за пределами [Абызова и др., 1981, рис. 29; Белинский, 1998, с. 217; Тесленко, 2010, с. 220; Якобсон, 1950, с. 217]. А. Н. Масловский полагает, что крымские альбарелло были широко распространены на территории Улуса Джучи, так как применялись в качестве торговой тары и перевозились на большие расстояния [Масловский, 2006а, с. 371].

Тип I. Альбарелло темно-красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка, тулово в форме вогнутого цилиндра с коническим сужением ко дну, на небольшом кольцевом поддоне, венчик (диаметр 8 см) отогнут наружу, заострен, плоскодонные, снаружи и изнутри по краю покрыты монохромной зеленой (с болотным оттенком) глазурью, декорированы на тулове врезными параллельными друг другу линиями («Солхат/Бокаташ») (рис. 21, *6*).

Тип II. Альбарелло красноглиняные с примесью шамота и известняка, тулово в форме вогнутого цилиндра с коническим сужением ко дну и горлу, на низком кольцевом поддоне (диаметр 6 см), снаружи и изнутри покрыты монохромной зеленой глазурью с орнаментом, выполненным в технике «сграффито» (рис. 21, *8-9*).

Тип III. Альбарелло насыщенно красноглиняные с примесью шамота и известняка, корпус цилиндрический на низком кольцевом поддоне (диаметр 6,8 см), снаружи покрыты светло-зеленой глазурью, декорированы в виде аморфных линий марганцевой краской, изнутри покрыты монохромной коричневой глазурью (рис. 21, *7*).

Группа VII. Пряслица

Пряслице – глиняный грузик в форме диска со сквозным отверстием по продольной оси, применявшийся для утяжеления ручного веретена и крепления пряжи на нём, надевался на веретено, чтобы увеличить инерцию и ускорить его вращение [Черлояков, 2018, с. 189]. В Золотой Орде они изготавливались из вторично использованных сосудов. На территории Солхатского городища чаще всего пряслица производились из глазурованных кувшинов либо из пиал.

Тип I. Пряслица красноглиняные с примесью шамота и известняка, дисковидной формы, в центре имеется сквозное отверстие, снаружи покрыты монохромной коричневой или зеленой глазурью (рис. 21, *10-12*).

Группа VIII. Фляги

Тип I. Единственной находкой на городище Солхат представлена фляга-полуфабрикат, обнаруженная при раскопках ремесленного поселения Бокаташ-II на раскопе XXIII в 2004 году, в закрытом комплексе гончарной печи № 1, датируемой концом XIII – началом XIV в. После первичного обжига фляга была переделана для других целей, так как ее тулово было покрыто сверленными отверстиями [Золотая Орда.., 2016, с. 147]. Высота фляги достигает 21,9 см, а диаметр тулова – около 13 см. Фляга-полуфабрикат, переделанная под светильник с семью сквозными отверстиями, прорезанными по сырой глине в обеих лицевых стенках, на высоком цилиндрическом поддоне на дисковидном основании (диаметр 8 см), красноглиняная с примесью крупно дробленного шамота и известняка, горло и ручки утрачены, покрыта белым ангобом с орнаментом в технике «сграффито» в виде орнитоморфных мотивов, на широких боковых стенках сосуда изображены три шагающие цесарки (Numida meleagris), обращенные вправо и влево, оттопыренные хвосты и приподнятые кверху крылья пернатых переданы штриховкой, туловище птиц заполнено мелкими кружками [Сейдалиева, 2019, с. 350] («Солхат/Бокаташ»).

Группа IX. Фишки для игр или заготовки под пряслица или пуговицы (?)

Тип I. На территориях ремесленного поселения Бокаташ-II и селища Кринички-II обнаружены дисковидные фрагменты, изготовленные из вторично использованных глазурованных сосудов, иногда встречаются с орнаментом, выполненным в технике «сграффито». Вероятней всего, они производились из чаш и предназначались для игр (?) или служили заготовками для пряслиц или пуговиц (?). Толщина таких изделий не превышала более 0,5 мм, а диаметр достигал 2,3 см. Дисковидные фрагменты округлой симметричной формы, красноглиняные, с примесью шамота и известняка, с обеих сторон покрыты глазурью, на некоторых находках имеется орнамент, выполненный в технике «сграффито» (рис. 21, *14-27*).

Таким образом, вся глазурованная керамика, производившаяся в Крымском Улусе Золотой Орды, делится на пять больших категорий, наиболее многочисленной является категория столовой посуды. В конце XIII века на городище Солхат начинает развиваться гончарное производство глазурованной посуды. На территории Солхатского городища, вероятней всего, было не менее пяти ремесленных мастерских, две из которых подтверждаются гончарными мастерскими (ремесленное поселение Бокаташ-II и архитектурный комплекс «Караван-Сарай»). Г.А. Федоров-Давыдов сообщает, что под зданиями архитектурного комплекса мечети-медресе хана Узбека обнаружены следы ремесленной застройки. К сожалению, гончарные печи до настоящего времени обнаружены не были, а на производство глазурованной керамики указывают находки полуфабрикатов и сепай [Федоров-Давыдов, 1994, с. 39]. Значительная часть находок относится к началу – второй половине XIV в., когда городище переживало период своего расцвета (вероятно, времени до строительства медресе, до 30-х гг. XIV в., или до 1333 г.).

Таким образом, для классификации старокрымского материала за основу была взята общепринятая схема, представленная в работах ведущих керамистов. По функциональному назначению выделяются пять категорий материала, которые далее делятся на группы, различающиеся по функциональной сфере применения. Группы делятся на типы по морфологии и формовочной массе и выделяются варианты по покрытию и орнаментации либо ее отсутствию. Преобладает столовая (чаши, пиалы, тарелки, блюда, кувшины, кувшинчики) посуда – 89,5%, специализированная керамика (светильники, фляга) составляет 4,4 %, кухонная продукция имеет наименьший процент, так как кухонная посуда, вероятней всего, изготавливалась без покрытия глазурью и не пользовалась высокой популярностью – 1,6%.

Изучение разнообразной коллекции глазурованных керамических сосудов позволяет получить представление о производстве художественной керамики в средневековом Солхате. Эта керамика представляет собой важную отрасль производства гончарного ремесла, прочно входит в быт и получает широкое распространение в средневековых городах Золотой Орды. Наряду с этим, всестороннее изучение коллекций поливной керамики с разнообразным сюжетом орнамента дает возможность иметь определенное представление об уровне развития гончарного ремесла

и о технике изготовления изделий местного населения в золотоордынский период. Оригинальность гончарного производства позволяет сделать вывод о том, что становление керамического ремесла проходило синхронно с развитием всей цивилизации Золотой Орды в синтезе различных культур и других видов искусства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. Древности Старого Орхея (золотоордынский период). Кишинев. «Штиинца». 1981. 100 с.

Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995 – 1997 гг. Азов, 1998. Вып. 15. С. 179 – 251.

Борисов Б.Д. Керамика и керамично производство през XI – XII вв.: (от територията на днешна югоизточна България) // Матрица изток археологически проучвания. Раднево. Т. 6. 2002. 289 с.

Бороздин И.Н. Солхат (Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году) // Новый Восток. М., 1926. № 13-14. С. 271–302.

Булатов Н.М. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. 1969. №2. М. С. 46 – 59.

Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.: Изд-во «Наука», 1976. С. 73 – 107.

Волков И.В. Керамика Азова XIV – XVIII вв. Текст. (Классификация и датировка): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1992. 24 с.

Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 212 с., цв. ил.

Гольдберг Т., Мишуков Ф. Русское золотое и серебряное дело XV–XX вв. / Т. Гольдберг, Ф. Мишуков, Н. Платонова, М. Постникова-Лосева. АН СССР. Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР. Гос. ист. музей. Москва: Наука, 1967. 307 с., 35 л. ил.

Дмитриенко М.В. Итоги археологических исследований в г. Азове по ул. Толстого, 70, в 2005г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов: Азовский музей-заповедник. 2006. С. 126 –135.

Домбровский О.И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь: Таврия, 1978. 127 с.

Залесская В.Н., Крамаровский М.Г. Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII –XIV веков. Ленинград, Государственный Эрмитаж, 1990. С.12 –18.

Зеленеев Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. Вып. №1(11)/2010. С. 113–122.

Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.

Золотая Орда. История и культура: Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.

Исмизаде О.Ш. О раскопках в Кабале на территории южной части городища в 1960 г. // Материальная культура Азербайджана, вып. V. 1964. С. 5 –130

Клейн Л.С. Типологическая археология. Ленинград, издательство Академии наук СССР,

ЛФ ЦЭНДИСИ, Ленинградское археологическое научно-исследовательское объединение. 1991. 448 с.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси IX – XVIII вв. М.: Изд-во: «Наука», 2010. 269 с.

Кокорина Н.А. Гончарное производство Волжской Булгарии X – начала XIII веков: становление и развитие // Средневековая археология евразийских степей: Сб. статей к юбилею проф. С.А. Плетневой. М.; Йошкар-Ола: МарГУ, 2006. С. 108 – 157.

Крамаровский М.Г. Братство фитйан в Крыму и чаша со сценой пира из Солхата (первая половина XIV в.) // МАИЭТ. Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 731 – 736.

Крамаровский М.Г. Глазурованная керамика из двух закрытых археологических комплексов XIV в. в медресе Солхата (по материалам исследований 2013 г.) / М.Г. Крамаровский, В.Е. Науменко, Э.И. Сейдалиев // Международный научный семинар «Поливная керамика Причерноморья, Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации». Тезисы докладов. Севастополь, 2014. С. 64 – 69.

Крамаровский М.Г. Гончарные печи Солхата. К итогам полевого сезона 1990 г. // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1990 год. Ленинград: Государственный Эрмитаж. 1991. 19 – 23.

Крамаровский М.Г. Крым и Рум в XIII–XIV столетиях (Анатолийская диаспора и городская культура Солхата) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 1. С. 55 – 88.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1984 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа. Старый Крым-СПб. 1985 гг. 106 с.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа. Старый Крым-, СПб. 1991-1992 гг. 94 с.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1992 года на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа. Старый Крым-СПб. 1992-1993 гг. 129 с.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Научный архив отдела Востока Государственного Эрмитажа. Старый Крым- Ленинград. 1994. 160 с.

Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 2017 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Старый Крым-СПб. 2017-2018. 375 с.

Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы: Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 545 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Золотоордынское поселение Кринички (результаты полевых исследований) // Материалы Старокрымской археологической экспедиции. Раскопки в Старом Крыму в 1998 – 2000 гг. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2002. Вып. I. 184 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ-II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Раскопки в Старом Крыму в 2004 г. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2006. Вып. III. 314 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ-II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2005 г. // Раскопки в Старом Крыму в 2005 г. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007. Вып. IV. 261 с.

Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ-II (результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 2001 – 2003 гг. // Раскопки в Старом Крыму в 2001 – 2003 гг. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2004. Вып. II. 391 с.

Крамаровский М.Г., Зильманович И.Д. Солхат-Крым: ремесленная мастерская на объекте XII. // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия. Краткие тез. докл. Июнь 1992 года. СПб., 1992. С. 7-8.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. Отчет о полевых исследованиях 2013 года на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) объединенной археологической экспедицией Отдела Востока Гос. Эрмитажа и КРУ Бахчисарайского историко-культурного заповедника по изучению архитектурно-исторического комплекса «Мечеть и медресе Солхата» [рукопись]: Старый Крым – Бахчисарай – Санкт-Петербург, 2013-2014. 362 с.

Крым в Золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи, каталог выставки. Симферополь: Тарпан, 2016. 160 с.

Кулаковский Ю.А. Новые данные для истории Старого Крыма / Ю.А. Кулаковский // ЗИРАО. Т. X. Ч. 3: Труды Отделения археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской. Кн. 3. 1899. С. 9 – 11.

Курочкина С.А. Керамика города Сарай ал-Джедид. Своеобразие керамического комплекса [электронный ресурс]. Казань, 2006. URL: https://www.dissercat.com/content/keramika-goroda-sarai-al-dzhedid-svoeobrazie-keramicheskogo-kompleksa. (Дата обращения – 26.02.2020).

Лисова Н.Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань, Институт истории АН РТ, 2012. 184 с. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 15).

Ломакин Д.А. К истории изучения мусульманских памятников XIII–XV веков в Старом Крыму. В.Д. Смирнов // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». Том 23 (62), №1: спецвыпуск «История Украины», 2010. С. 125 – 132.

Лунина С.Б. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане // Общественные науки в Узбекистане. Вып. 8-9. Ташкент, 1969. С. 89 – 93.

Масловский А.Н. (а) Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. Вып. 21. Азов: Азовский музей-заповедник. 2006. С. 308 – 472.

Масловский А.Н. (б) Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов: Азовский музей-заповедник. 2006. С. 102 – 126.

Масловский А.Н. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2007-2008 гг. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Вып. 24. Азов: Азовский музей-заповедник. 2010. С. 182 – 242.

Масловский А.Н. Восточнокрымский поливной импорт в Золотоордынском Азаке // Археологические источники Восточной Европы. Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. Казань-Кишинев: Stratum Plus, 2017. Т. 2. С. 455 – 491.

Масловский А.Н. Исследования в Азове, Азовском районе и Ростове в 2006 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г.: Вып. 23. Азов: Издательство Азовского музея-заповедника, 2008. С. 144 – 188.

Масловский А.Н. Керамический комплекс низовьев Дона в XI – XV вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2012. 30 с.

«Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батуты: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с., с ил.

Сейдалиева Д.Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округи // МАИЭТ. Вып. XXIV. Симферополь, 2019. С. 335 – 362.

Спасский Г. Старый Крым (из путевых заметок о Крыме) // ЗООИД. Т. IV, отд. 1. М., 1858. С. 85 – 103.

Тесленко І.Б. Виробництво полив'яного посуду в Криму за часів Улуг Улусу // Археологія і давня історія України. Киев, 2018. Вып. 4 (29). С. 7 – 83.

Тесленко И.Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I. Типология, распространение, происхождение // Древности. – Вып. 9. 2010. С. 216 – 234.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1994. 228 с.

Широченко Э.Б. Археологические исследования в городе Азове в 2008 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007-2008 гг. Вып. 24. Азов: Азовский музей-заповедник. 2010. С. 253 – 259.

Юдин Н.И. Поливная керамика производства Юго-Восточного Крыма из раскопок Царевского городища // Поволжская археология. Вып. 3 (13). Казань, 2015. С. 214 – 226.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII – XIV вв.) // МИА СССР. № 17. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1950. 338 с.

Mason R., Keall E.J. The Abbasid glazed wares of Siraf and Basra connection: petrographic analysis // "Iran". London. Vol. 29. 1991, p. 51 – 66.

Morgan Ch. H. The Byzantine pottery. In: Corinth XI. Cambridge-Massachusets: American School of Classical Studies at Athens. 1942, p. 108 – 168.

REFERENCES

Abyzova E.N., Byrnia P.P., Nudel'man A.A. *Drevnosti Starogo Orkheia (zolotoordynskii period)*. Kishinev, «Shtiintsa», 1981, 100 p.

Belinskii I.V., Maslovskii A.N. Tipologicheskaia kharakteristika materialov raskopok uchastka zolotoordynskogo Azaka (g. Azov, ul. Moskovskaia 7) // *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 1995 – 1997 gg,* vol. 15, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ, 1998, pp. 179 – 251.

Borisov B.D. Keramika i keramichno proizvodstvo prez XI-XII vek: (ot teritoriiata na dneshna iugoiztochna B»lgariia) // *Matritsa iztok arkheologicheski prouchvaniia.* Radnevo, vol. 6, 2002, 289 p.

Borozdin I.N. Solkhat (Predvaritel'nyi otchet o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Krymsovnarkoma, Krymtsika i Nauchnoi Assotsiatsii Vostokovedeniia Soiuza SSR v 1925 godu) // *Novyi Vostok*, Moscow, 1926, vol. № 13-14, pp. 271 – 302.

Bulatov N.M. K voprosu o stanovlenii keramicheskogo remesla v zolotoordynskikh gorodakh // *Vestnik MGU*, vol. № 2, 1969, Moscow, pp. 46 – 59.

Bulatov N.M. Klassifikatsiia krasnoglinianoi polivnoi keramiki zolotoordynskikh gorodov // *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia*, Moscow, Nauka Publ, 1976, pp. 73 – 107.

Volkov I.V. Keramika Azova XIV–XVIII vv.: *(Klassifikatsiia i datirovka)*: Avtoref. dis. … kand. ist. nauk, Moscow, 1992, 24 p.

Gavrilov A.V., Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche Solkhat-Krym (materialy k arkheologicheskoi karte goroda Staryi Krym)*. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2014, 212 p.

Gol'dberg T., Mishukov F. *Russkoe zolotoe i serebrianoe delo XV – XX vv.* / T. Gol'dberg, F. Mishukov, N. Platonova, M. Postnikova-Loseva. AN SSSR. In-t istorii iskusstv M-va kul'tury SSSR. Gos. ist. Muzei, Moscow, Nauka Publ, 1967, 307 p.

Dmitrienko M.V. Itogi arkheologicheskikh issledovanii v g. Azove po ul. Tolstogo, 70 v 2005 g. // *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g.* vol. 22, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ, 2006, pp. 126 – 135.

Dombrovskii O.I., Sidorenko V. A. *Solkhat i Surb-Khach.* Simferopol', Tavriia Publ, 1978, 127 p.

Zalesskaia V.N., Kramarovskii M.G. *Izobrazhenie cheloveka v keramike Severnogo Prichernomor'ia XII-XIV vekov.* Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 1990, pp. 12 – 18.

Zeleneev Iu.A. Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: vozniknovenie, vremia sushchestvovaniia i etnokul'turnaia kharakteristika // *Istoriia i sovremennost', vol.* №1(11), 2010, pp. 113 – 122.

Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii: katalog vystavki. Moscow, Fond Mardzhani Publ., 2019, 504 p.

Zolotaia Orda. Istoriia i kul'tura: katalog vystavki. St-Petersburg, Slaviia Publ., 2005, 264 p.

Ismizade O.Sh. O raskopkakh v Kabale na territorii iuzhnoi chasti gorodishcha v 1960 g // *Material'naia kul'tura Azerbaidzhana,* vol. V, 1964, pp. 5 – 130.

Klein L.S. *Tipologicheskaia arkheologiia.* Leningrad, izdatel'stvo Akademiia nauk SSSR publ, LF TsENDISI, Leningradskoe arkheologicheskoe nauchno-issledovatel'skoe ob»edinenie, 1991, 448 p.

Koval' V.Iu. Keramika Vostoka na Rusi IX-XVIII veka. Mockow, Nauka Publ, 2010, 269 p.

Kokorina N.A. Goncharnoe proizvodstvo Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vekov: stanovlenie i razvitie // *Srednevekovaia arkheologiia evraziiskikh stepei:* Sb. statei k iubileiu prof. S.A. Pletnevoi. Mockow; Ioshkar-Ola: MarGU, 2006, pp. 108 – 157.

Kramarovskii M.G. Bratstvo fitian v Krymu i chasha so stsenoi pira iz Solkhata (pervaia polovina XIV v.) // *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* Simferopol, 2018, vol. XXIII, pp. 731 – 736.

Kramarovskii M.G. Glazurovannaia keramika iz dvukh zakrytykh arkheologicheskikh kompleksov XIV v. v medrese Solkhata (po materialam issledovanii 2013 g.) / M.G. Kramarovskii, V.E. Naumenko, E.I. Seidaliev // *Mezhdunarodnyi nauchnyi seminar «Polivnaia keramika Prichernomor'ia Sredizemnomor'ia kak istochnik po izucheniiu vizantiiskoi tsivilizatsii».* Tezisy dokladov. Sevastopol', 2014, pp. 64 – 69.

Kramarovskii M.G. Goncharnye pechi Solkhata. K itogam polevogo sezona 1990 g. // *Otchetnaia arkheologicheskaia sessiia Gosudarstvennogo Ermitazha za 1990 god.* Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 1991, pp. 19 – 23.

Kramarovskii M.G. Krym i Rum v XIII–XIV stoletiiakh (Anatoliiskaia diaspora i gorodskaia kul'tura Solkhata) // *Zolotoordynskoe obozrenie,* vol. 4, № 1, Kazan, 2016, pp. 55 – 88.

Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiakh 1984 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha // *Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.* Staryi Krym- St-Petersburg, 1985 gg., 106 p.

Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiakh 1991 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha // *УВС12* Staryi Krym-St-Petersburg, 1991-1992, 94 p.

Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiakh 1992 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryi Krym) arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha // *Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.* Staryi Krym-St-Petersburg, 1992-1993, 129 p.

Kramarovskii M.G. Otchet o polevykh issledovaniiakh 1993 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha // *Nauchnyi arkhiv otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha.* Staryi Krym-Leningrad, 1994, 160 p.

Kramarovskii M.G. *Otchet o polevykh issledovaniiakh 2017 g. na gorodishche Solkhata (Krym) arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha.* Staryi Krym-St-Petersburg, 2018, 375 p.

Kramarovskii M.G. *Chelovek srednevekovoi ulitsy: Zolotaia Orda, Vizantiia, Italiia.* St-Petersburg, Evraziia Publ, 2012, 545 p.

Kramarovskii M.G., Gukin V.D. *Zolotoordynskoe poselenie Krinichki II (Rezul'taty polevykh issledovanii).* St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2002, 183 p.

Kramarovskii M.G., Gukin V.D. Poselenie Bokatash-II (rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha v 2004 g. // *Raskopki v Starom Krymu v 2004 g,* vol. III, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, 314 p.

Kramarovskii M.G., Gukin V.D. Poselenie Bokatash II (rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha v 2005 g. // *Raskopki v Starom Krymu v 2005 g,* vol. IV, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2007, 261 p.

Kramarovskii M.G., Gukin V.D. Poselenie Bokatash-II (rezul'taty polevykh issledovanii Zolotoordynskoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Gosudarstvennogo Ermitazha v 2001-2003g. // *Raskopki v Starom Krymu v 2001 – 2003 gg.,* vol. II, St-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 391 p.

Kramarovskii M.G., Zil'manovich I.D. Solkhat-Krym: remeslennaia masterskaia na ob»ekte XII. // Gosudarstvennyi Ermitazh. *Otchetnaia arkheologicheskaia sessiia: Kratkie tez. dokl.* St-Petersburg., 1992, pp. 7 – 8.

Kramarovskii M.G., Seidaliev E.I. *Otchet ob polevykh issledovaniiakh 2013 goda na gorodishche srednevekovogo Solkhata (g. Staryi Krym) ob»edinennoi arkheologicheskoi ekspeditsiei Otdela Vostoka Gos. Ermitazha i KRU Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika po izucheniiu arkhitekturno-istoricheskogo kompleksa «Mechet' i medrese Solkhata»* [rukopis']: Staryi Krym-Bakhchisarai-St-Petersburg, 2013-2014, 362 p.

Krym v Zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ordy: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki. Simferopol', Tarpan Publ, 2016, 160 p.

Kulakovskii Iu.A. Novye dannye dlia istorii Starogo Kryma // *Zapiski imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* T. Kh. Ch. 3: Trudy Otdeleniia arkheologii drevne-klassicheskoi, vizantiiskoi i zapadno-evropeiskoi, 1899, pp. 9 – 11.

Kurochkina S.A. *Keramika goroda Sarai al-Dzhedid: Svoeobrazie keramicheskogo kompleksa* [Elektronnyi resurs]. Kazan', 2006. URL: https://www.dissercat.com/content/keramika-goroda-sarai-al-dzhedid-svoeobrazie-keramicheskogo-kompleksa. (data obrashcheniia: 26.02.2020).

Lisova N.F. *Ornament glazurovannoi posudy zolotoordynskikh gorodov Nizhnego*

Povolzh'ia. Kazan, Institut istorii AN RT Publ., 2012, 184 p.

Lomakin D.A. K istorii izucheniia musul'manskikh pamiatnikov XIII–XV veka v Starom Krymu: V.D. Smirnov // *Uchenye zapiski TNU im. V.I. Vernadskogo. Ser. «Istoricheskie nauki»,* vol. 23 (62), №1: spetsvypusk «Istoriia Ukrainy», 2010, pp. 125 – 132.

Lunina S.B. Novye sbory timuridskoi keramiki v Iuzhnom Turkmenistane // *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane,* vol. 8-9. Tashkent, 1969, pp. 89 – 93.

Maslovskii A.N. (a) Keramicheskii kompleks Azaka. Kratkaia kharakteristika // Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 godu, vol. 21, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ, 2006, pp. 308 – 472.

Maslovskii A.N. (b) Arkheologicheskie issledovaniia v Azove i Azovskom raione v 2005 godu // *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g.,* vol. 22, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ, 2006, pp. 102 – 126.

Maslovskii A.N. Arkheologicheskie issledovaniia v Azove i Azovskom raione v 2007-2008 gg. // *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2007-2008 gg.,* vol. 24, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ, 2010, pp. 182 – 242.

Maslovskii A.N. Vostochno-krymskii polivnoi import v Zolotoordynskom Azake // *Arkheologicheskie istochniki Vostochnoi Evropy. Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X-XVIII vv.* Kazan'-Kishinev: Stratum Plus, 2017, vol. 2, pp. 455 – 491.

Maslovskii A.N. Issledovaniia v Azove, Azovskom raione i Rostove v 2006 godu // *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g.,* vol. 23, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ, 2008, pp. 144 – 188.

Maslovskii A.N. *Keramicheskii kompleks Nizov'ev Dona v XI – XV vv.:* Avtoref. dis. … kand. ist. nauk. M., 2012, 30 p.

«Podarok sozertsaiushchim». Stranstviia Ibn Batuty: katalog vystavki / Gosudarstvennyi Ermitazh. SPb, Gos. Ermitazh Publ, 2015, 512 p.

Seidalieva D.E. Izobrazhenie ptits na zolotoordynskoi keramike Solkhatskogo gorodishcha i okrugi // *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* vol. XXIV, Simferopol, 2019, pp. 335–362.

Spasskii G. Staryi Krym (iz putevykh zametok o Kryme) // Zapiski odesskogo obshchestva istorii i drevnostei, vol. IV, d. 1, Moskow, 1858, pp. 85 – 103.

Teslenko I.B. Virobnitstvo poliv'ianogo posudu v Krimu za chasiv Ulug Ulusu // *Arkheologiia i davnia istoriia Ukraïni,* Kiev, 2018, vol. 4 (29), pp. 7 – 83.

Teslenko I.B. Polivnaia posuda Kryma XV v. (mestnoe proizvodstvo do turetskogo perioda). Tipologiia, rasprostranenie, proiskhozhdenie // Drevnosti, vol. 9, 2010, pp. 216 – 234.

Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia.* M.: Moskow Un-t Publ, 1994. 228 s.

Shirochenko E.B. Arkheologicheskie issledovaniia v gorode Azove v 2008 g. // *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2007-2008 gg,* vol. 24, Azov, Azovskii muzei-zapovednik Publ, 2010, pp. 253 – 259.

Iudin N.I. Polivnaia keramika proizvodstva iugo-vostochnogo Kryma iz raskopok Tsarevskogo gorodishcha // *Povolzhskaia arkheologiia,* vol. 3 (13). Kazan', 2015, pp. 214 – 226.

Iakobson A.L. Srednevekovyi Khersones (XII-XIV vv.) // *Materialy i issledovaniia po arkheologii № 17,* Moskow; Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ, 1950, 338 p.

Mason R., Keall E.J. *The Abbasid glazed wares of Siraf and Basra connection: petrographic analysis* // "Iran". London, vol. 29, 1991, pp. 51 – 66.

Morgan Ch.H. The Byzantine pottery. In: Corinth XI. Cambridge-Massachusets: American School of Classical Studies at Athens, 1942, p. 108 – 168.

Резюме

Вопросу о развитии гончарного производства глазурованной керамики Солхатского городища пока не были посвящены специализированные работы. В нашем исследовании предпринимается попытка охарактеризовать технологии и предоставить ассортимент изделий. В статье характеризуются находки глазурованной керамики, производимой на территории средневекового городища Солхат и его ближайшей округи. Мы выделяем глазурованную керамику, которая производилась на городище Солхат под названием «Солхат» и делим по предположительным местам изготовления: Бокаташ («Солхат/Бокаташ») и караван-сарай («Солхат/Караван-Сарай»). Предлагается классификация местной, производимой в Солхате, поливной посуды. По функциональному назначению выделяются пять больших категорий материала, которые далее делятся на группы, различающиеся по функциональной сфере применения. Группы делятся на типы по морфологии и формовочной массе и выделяются варианты по покрытию и орнаментации либо ее отсутствию.

Ключевые слова: Золотая Орда, Солхат, глазурованная керамика, производство.

Summary

The question of the development of pottery production of ceramics of the Solkhat settlement has not yet been devoted to specialized works. Our study attempts to characterize technologies and provide a range of products. The article describes the finds of glazed ceramics produced on the territory of the medieval settlement of Solkhat and its immediate surroundings. We single out “Solkhat” and divide according to the presumption places of manufacture, Bokatash (“Solkhat/Bokatash”) and caravan-saray (“Solkhat/Caravan-Saray”). The classification of local glazed utensils, produced in Solkhat is proposed. By functional purpose there are five large categories of material, which are further divided into groups that differ in their functional scope. Groups are divided into types according to morphology and molding mass, and options for coating or ifs absence are highlighted.

Key words: Golden Horde, Crimea, Solkhat, glazed pottery, craft production

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:
Сейдалиева Джемиле Эльвировна,
младший научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма, Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского
(г. Симферополь, Россия).
djemka65@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Seidalieva Dzhemile, Junior Researcher,
the history and archaeology of the Crimea Research
Centre of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Simferopol, Russia).
e-mail: djemka65@gmail.com

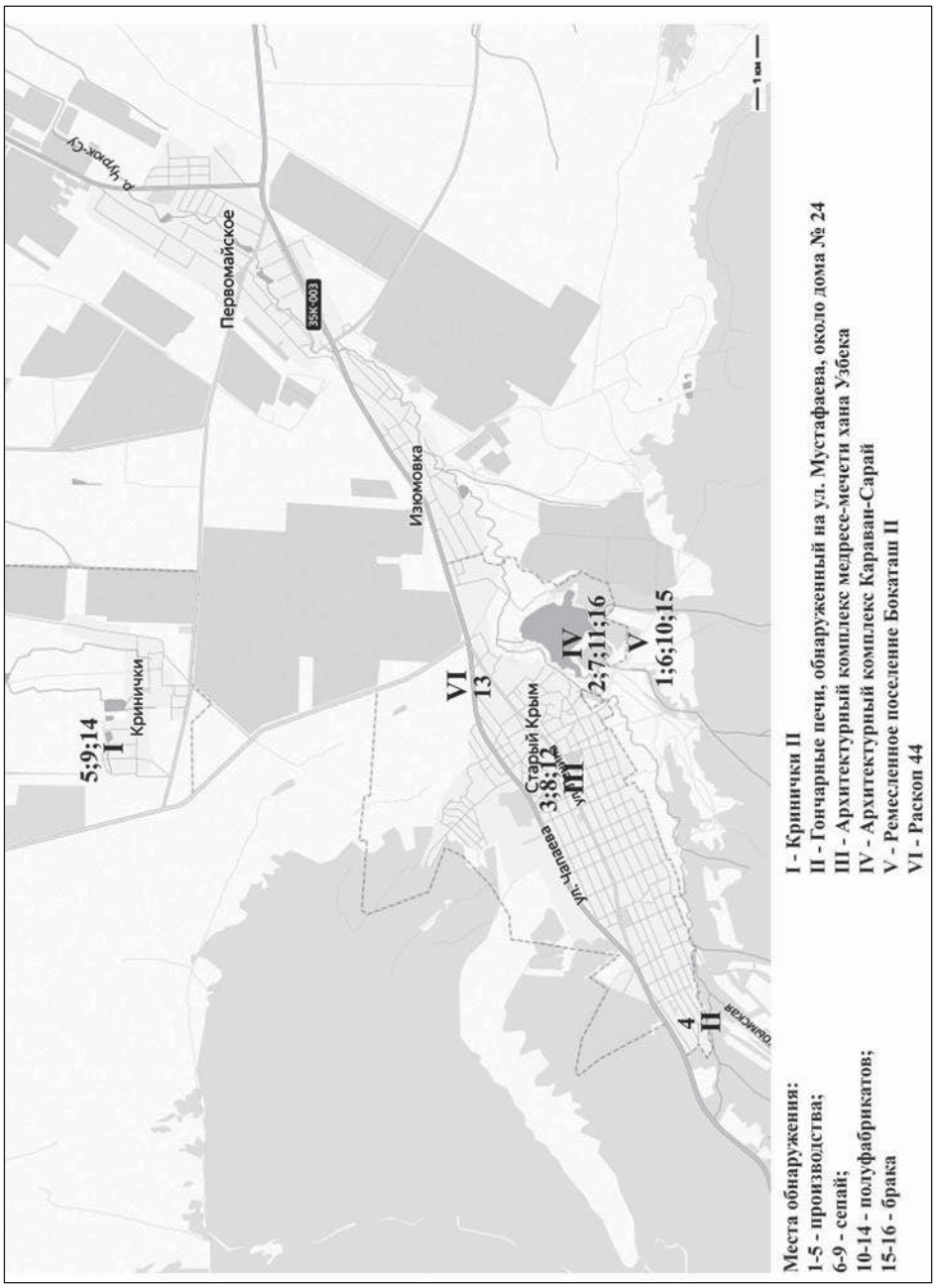


Рис. 1. Топография городища Солхат и ближайшей округи. Места обнаружения следов гончарного производства.

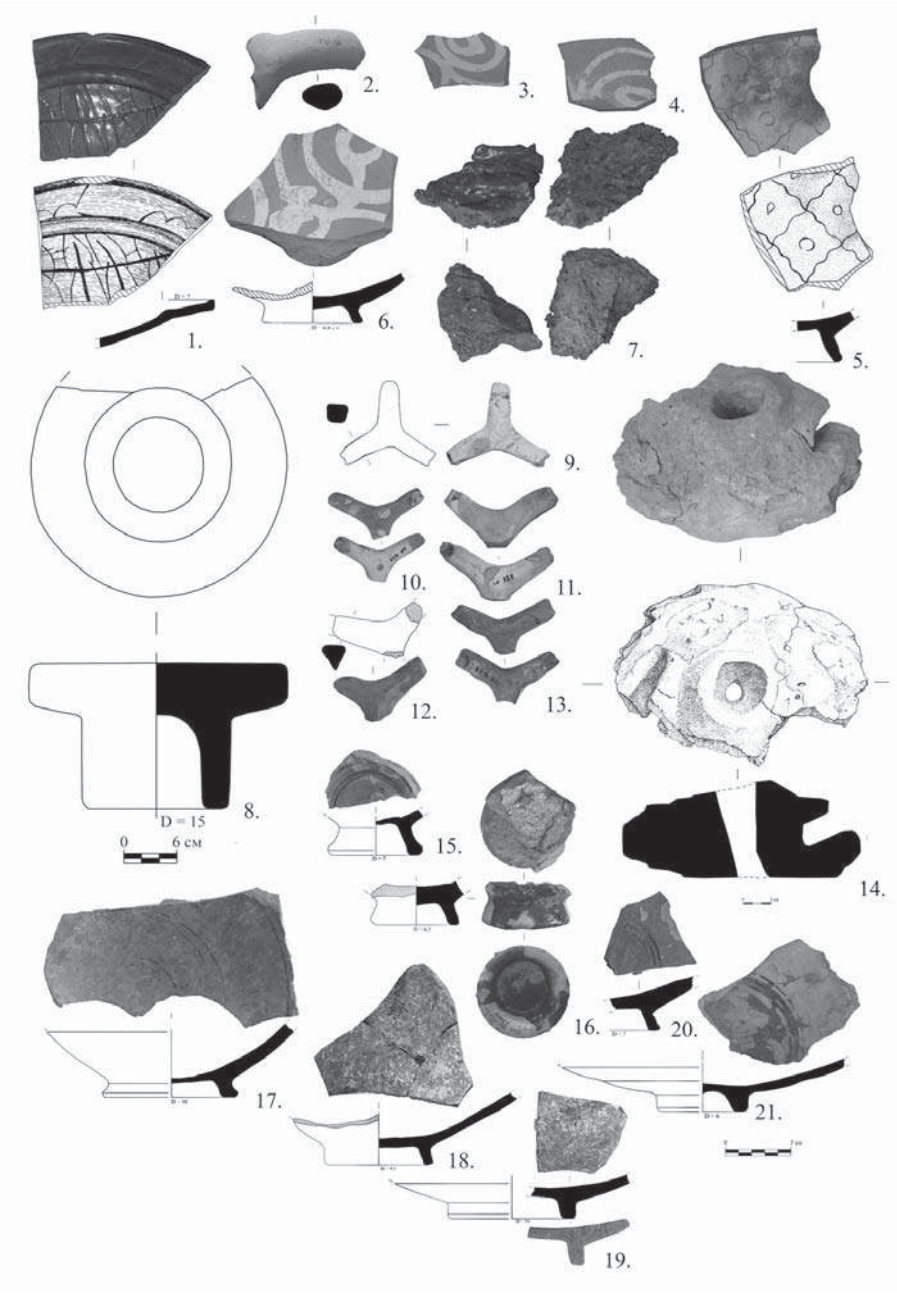


Рис. 2. Признаки гончарного производства. 1, 15-21 – отходы керамического изготовления; 2-6 – полуфабрикаты; 7 – неизвестные оплавленные фрагменты неизвестного материала; 8 – каменный ножной гончарный круг; 9-13 – сепаи; 14 – основание для вращения гончарного круга (?).

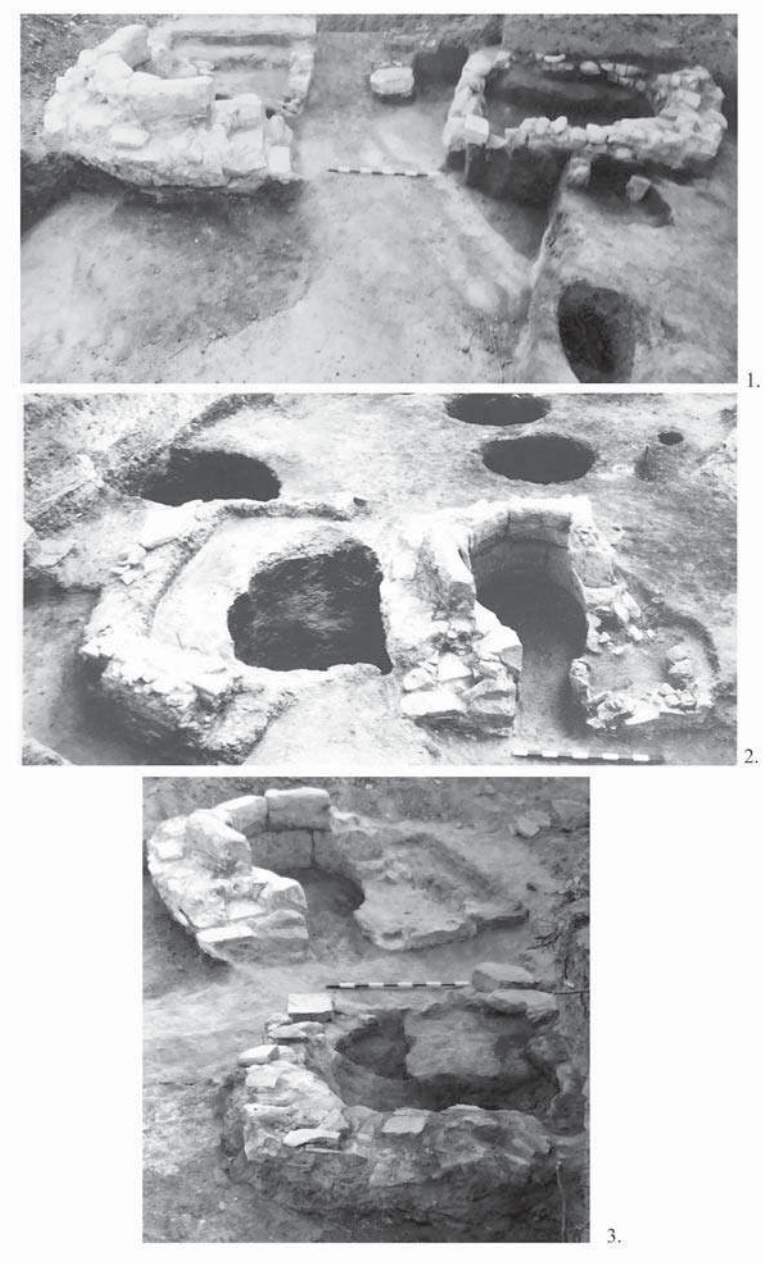


Рис. 3. Гончарные печи из архитектурного комплекса караван-сарая. [По: 1 – Крамаровский, 1992-1993, табл. 20б; 3 – Крамаровский, 1992-1993, табл. 19а; 2 – Крамаровский, 1992, табл. 5а].

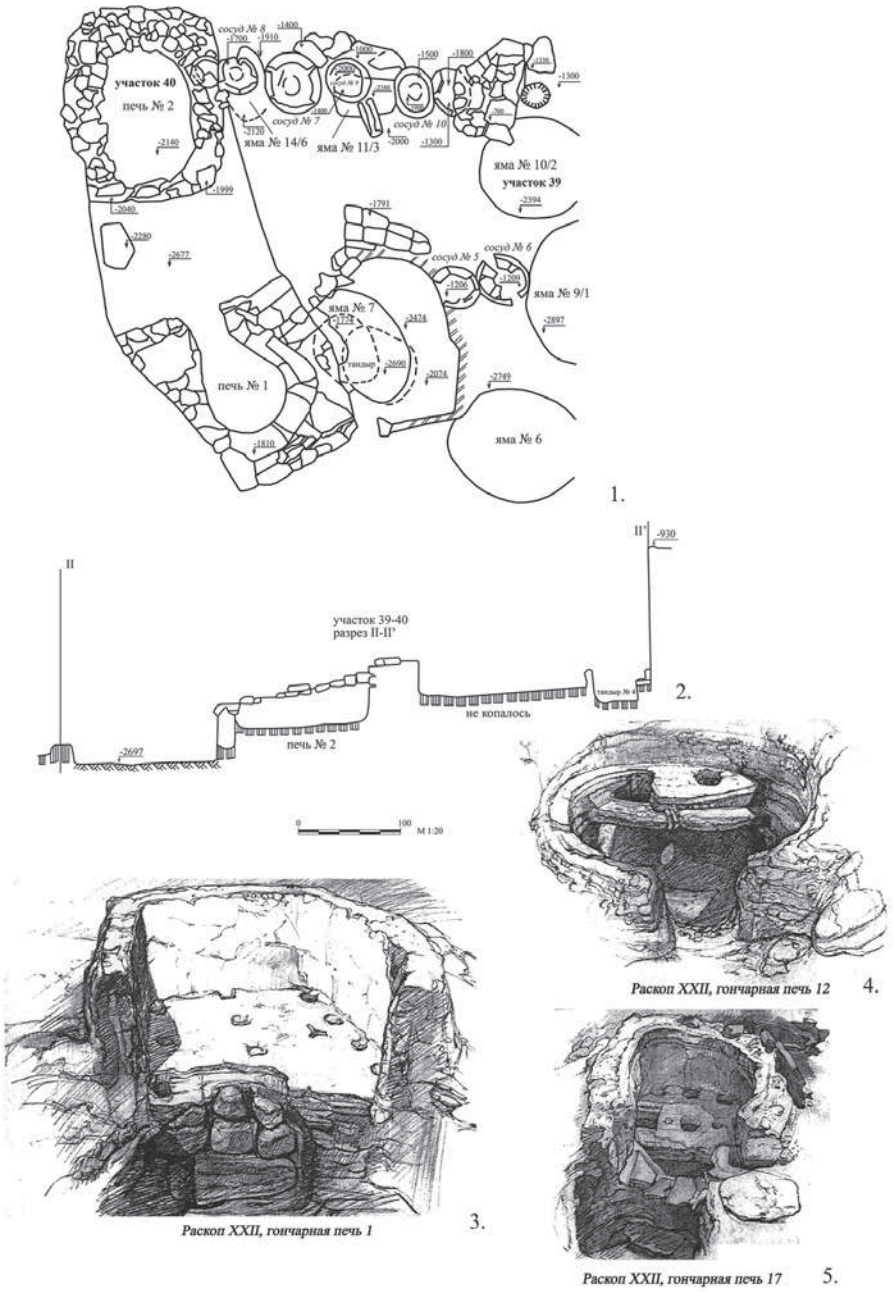


Рис. 4. 1-2 – гончарные печи № 1 и 2 из архитектурного комплекса караван-сарая; 3-5 – гончарные печи с ремесленного поселения Бокаташ-II. [По: 1 – Крамаровский, 1992-1993, чертеж 3; 2 – Крамаровский, 1992-1993, чертеж 8; 3-5 – Крамаровский, Гукин, 2006, с. 304].

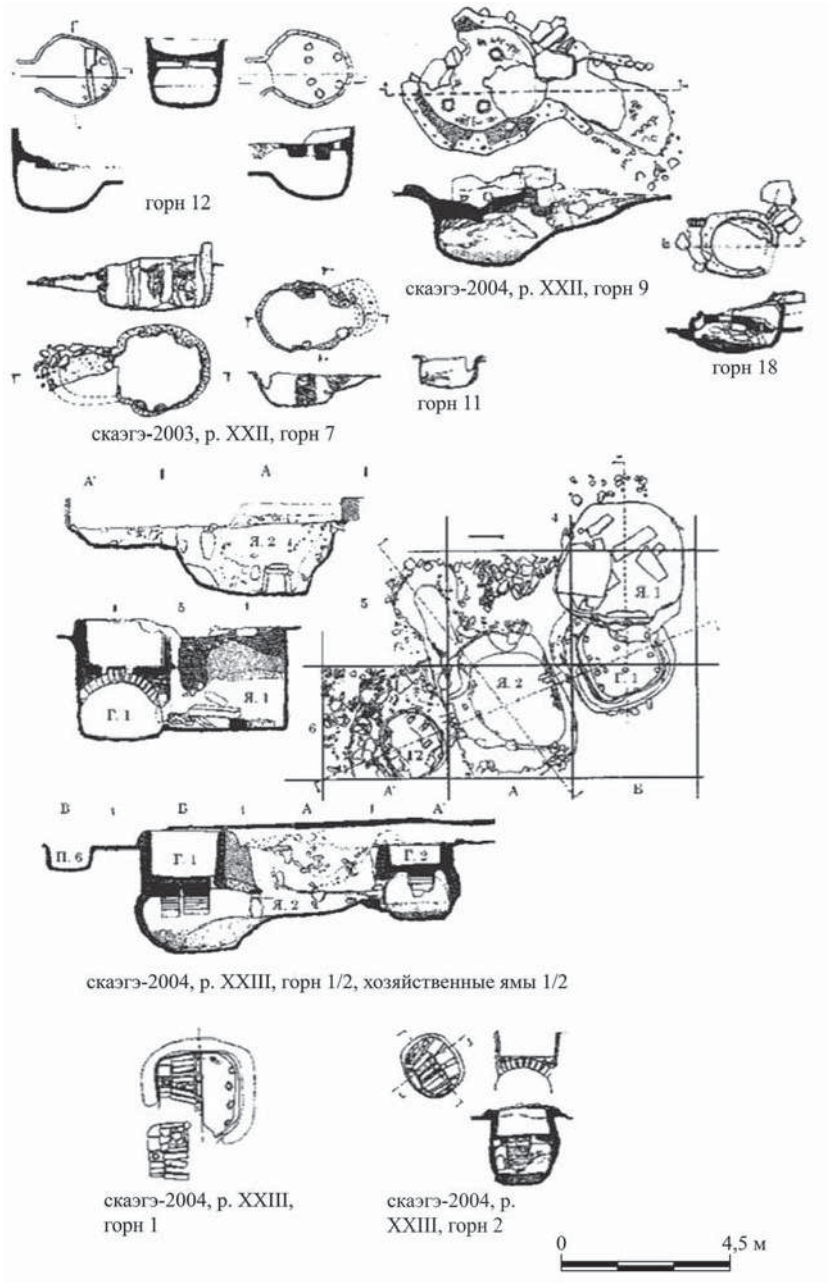


Рис. 5. Гончарные печи с ремесленного поселения Бокаташ-II
[По: Крамаровский, Гукин, 2004, с. 116, табл. 34; Крамаровский, Гукин, 2004, чертеж 10; Крамаровский, Гукин, 2006, чертеж 5].

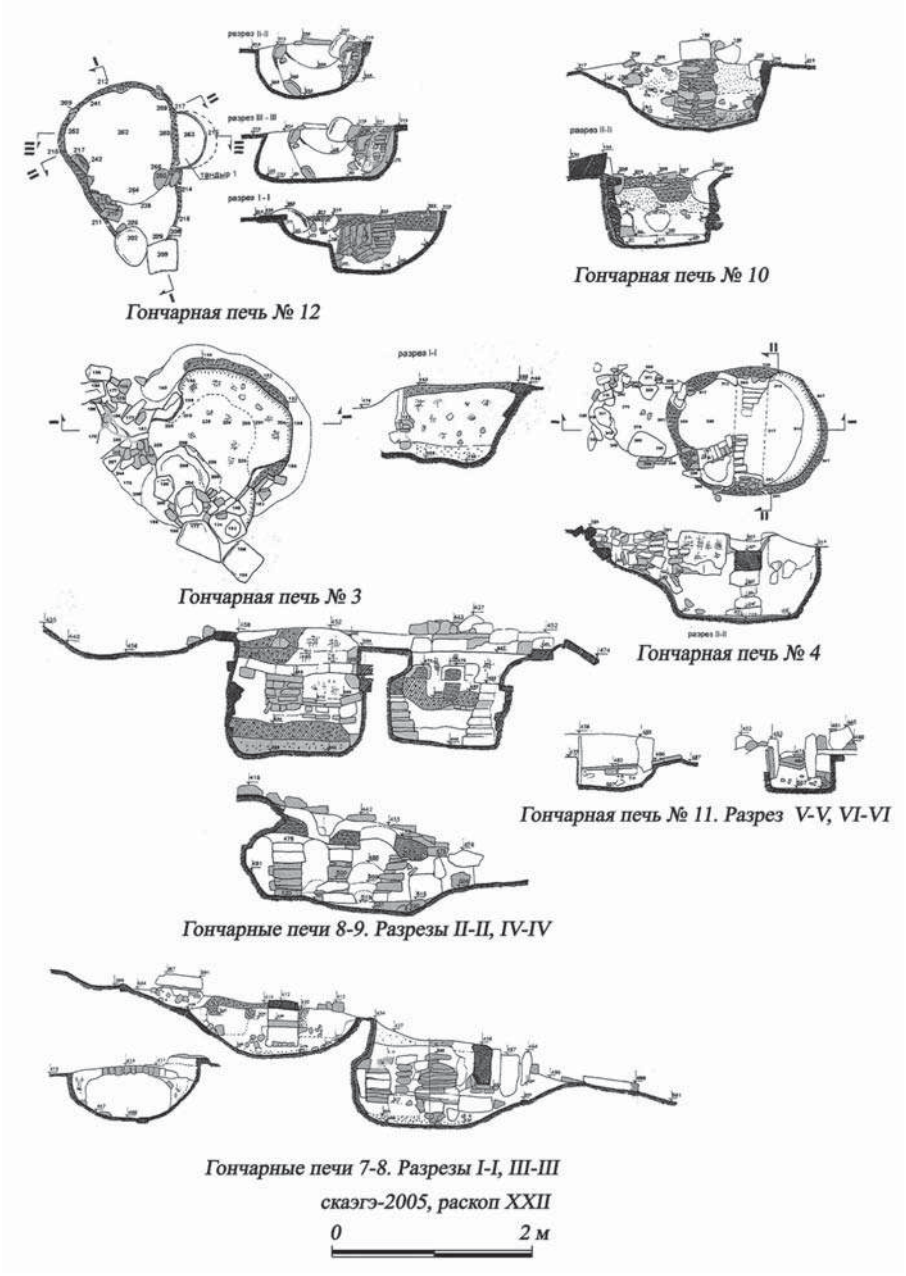


Рис. 6. Гончарные печи с ремесленного поселения Бокаташ-II [Крамаровский, Гукин, 2007, чертеж 8-9].

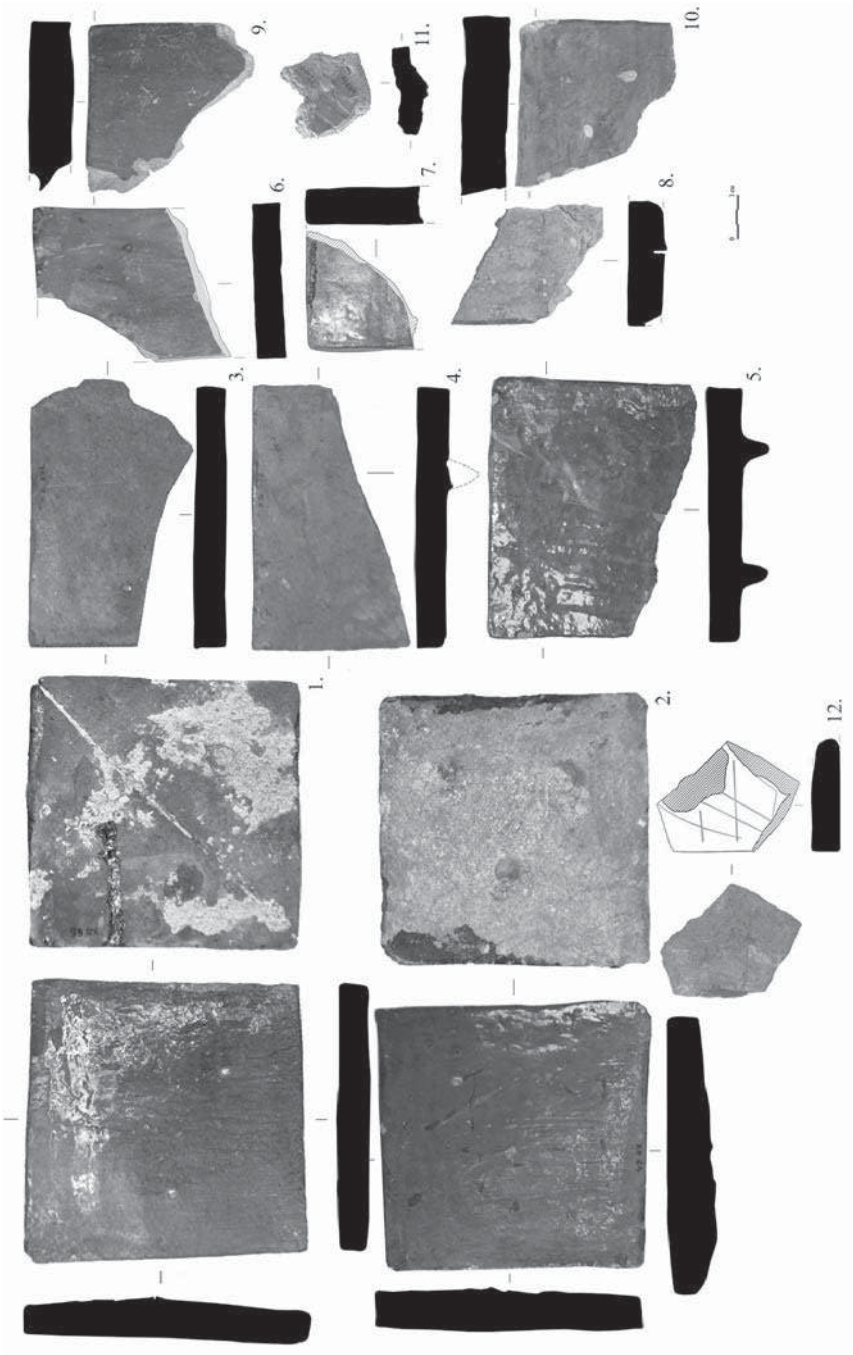


Рис. 7. Категория 1. Строительная керамика местного производства. Группа I. Плитки. 1-5, 7-10, 12 – тип I; 6 – тип II; 11 – фр-т чаши в известковом растворе.

Рис. 8. Категория 2. Тарная керамика местного производства. Группа I. Пифосы. 1-3 – тип I. Группа II; кувшины тарные. 4, 6, 8-10 – тип I; 5, 7 – тип II.

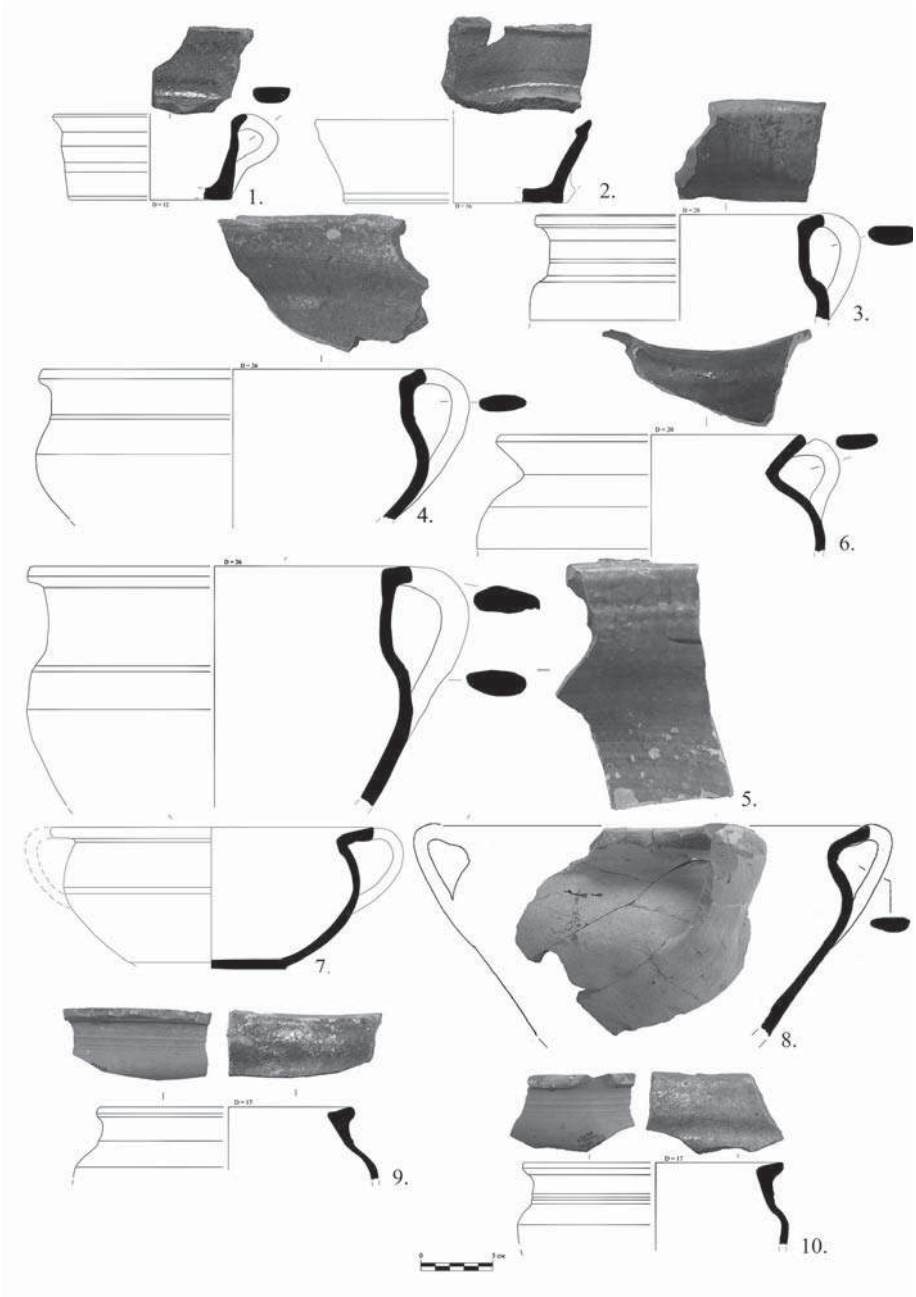


Рис. 9. Категория 3. Кухонная керамика местного производства. Группа I. Кружки (?). 1-2 – тип I. Столовая керамика местного производства. Группа I. Горшки. 3-5 – тип I; 6-8 – тип II; 9-10 – тип III.

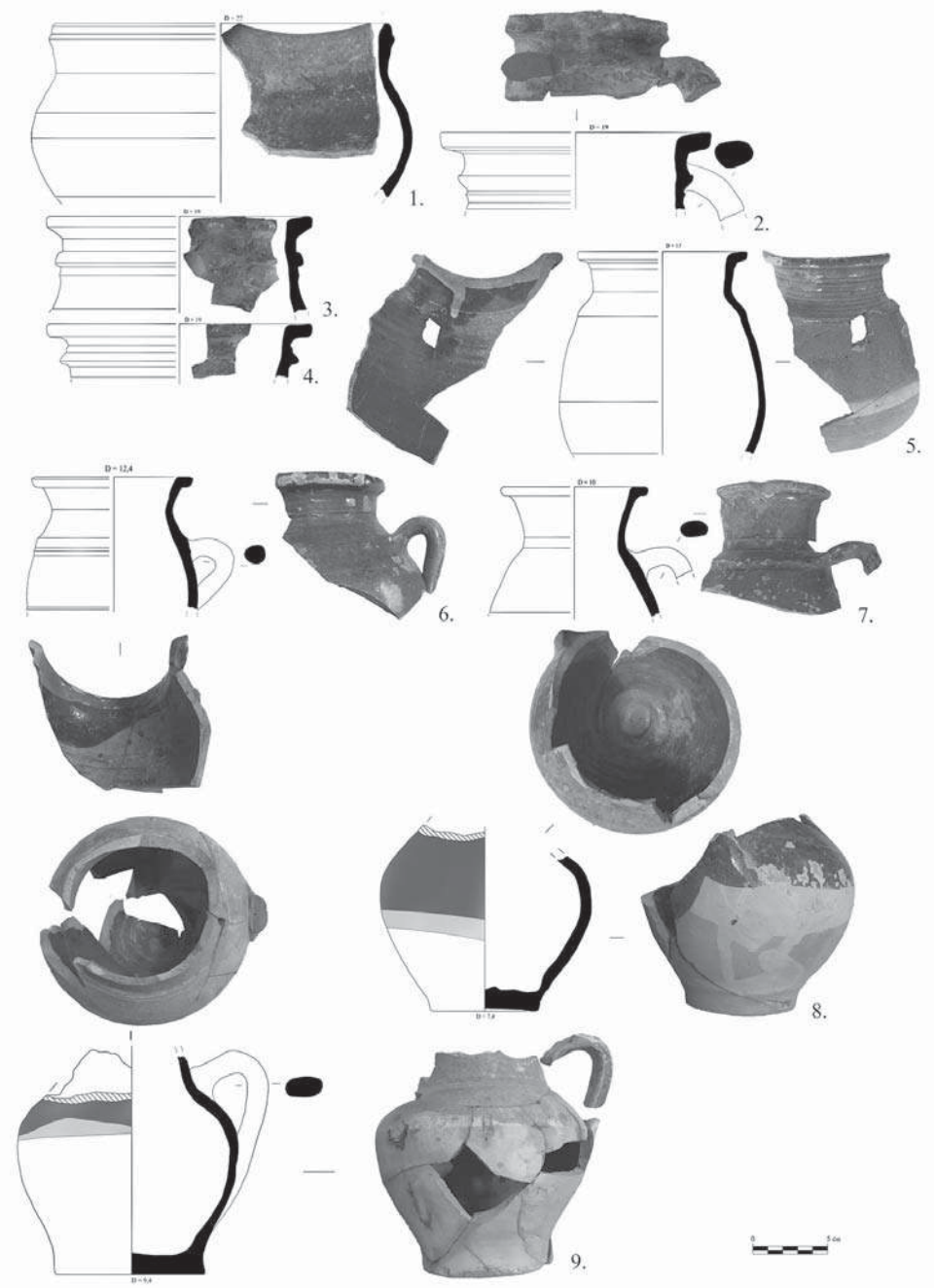


Рис. 10. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа I. Горшки. 1 – тип IV; 2-4 – тип V. Группа II. Кувшины. 5-7 – тип I; 8-9 – тип II.

Рис. 11. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа II. Кувшины. 1 – тип III; 2– тип VII; 3 – тип IV; 4 – тип V; 7-11 – тип VI. (5-6 по: Крамаровский, 1985, табл. XIII.1).

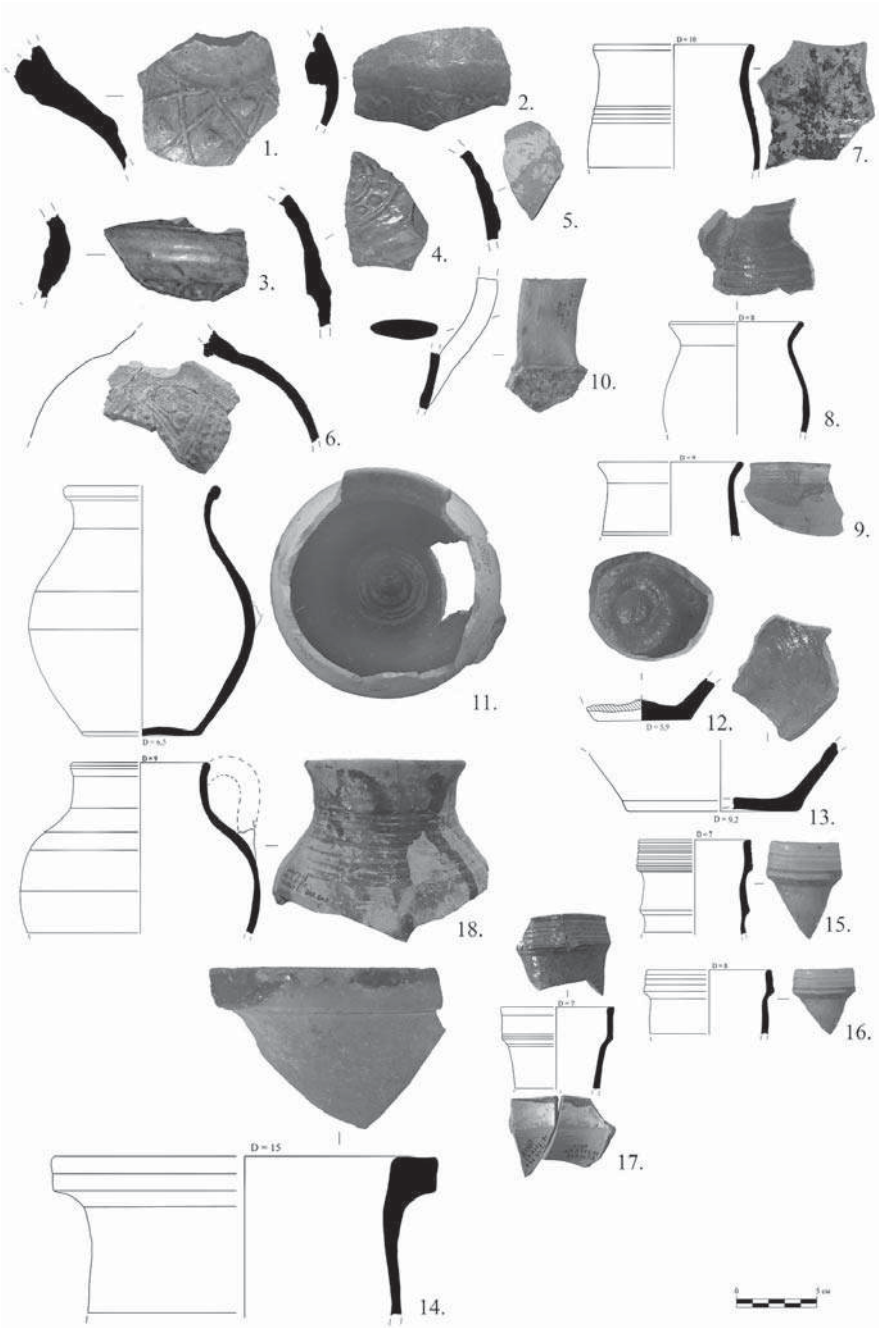


Рис. 12. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа II. Кувшины. 1-6 – тип XII; 7-13,18 – тип VIII; 14 – тип IX; 15-17 – тип X.

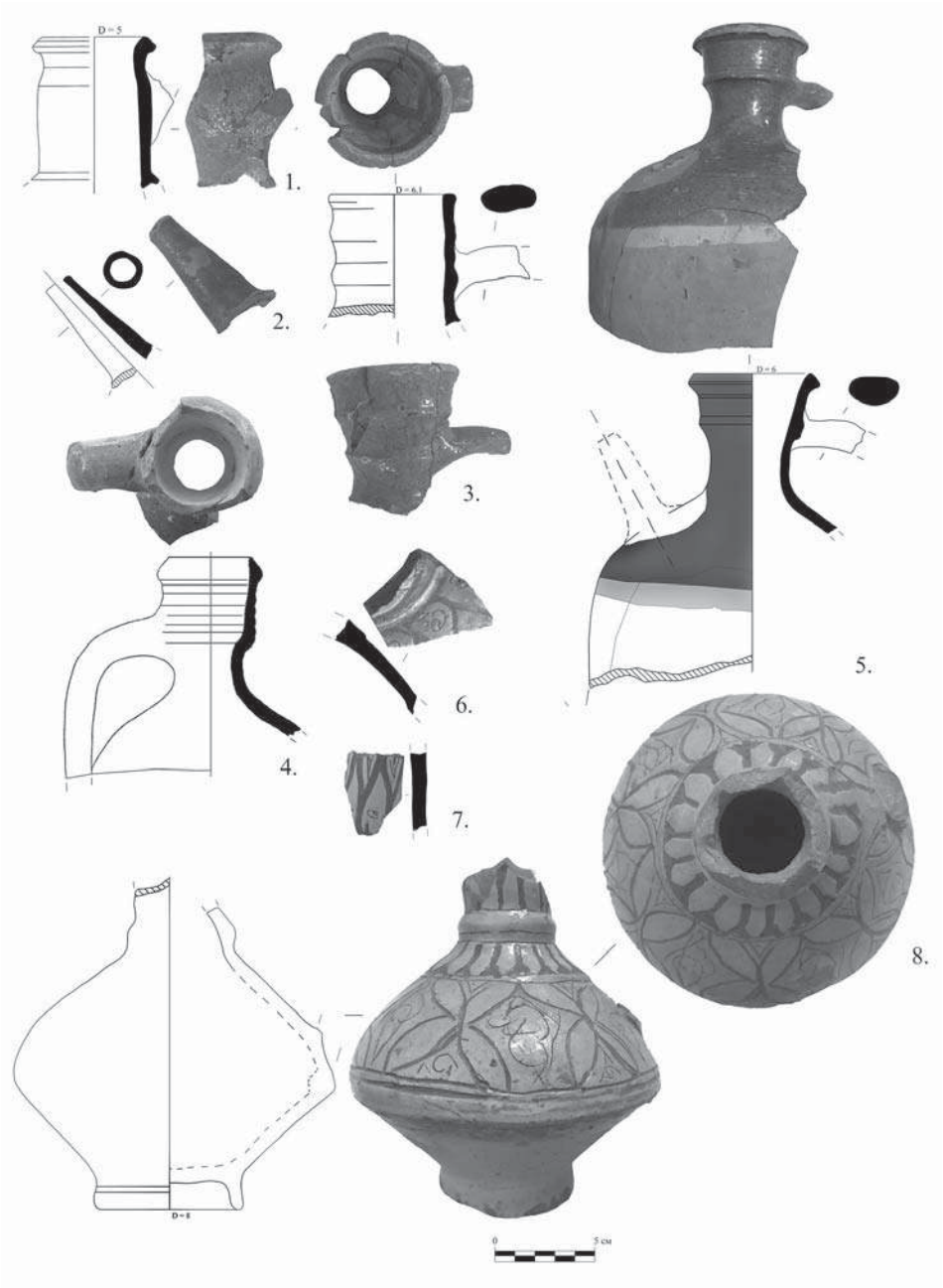


Рис. 13. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа II. Кувшины. 1-5 – кувшины-куманы, тип XI; 6-8 – кувшины, тип XIII.

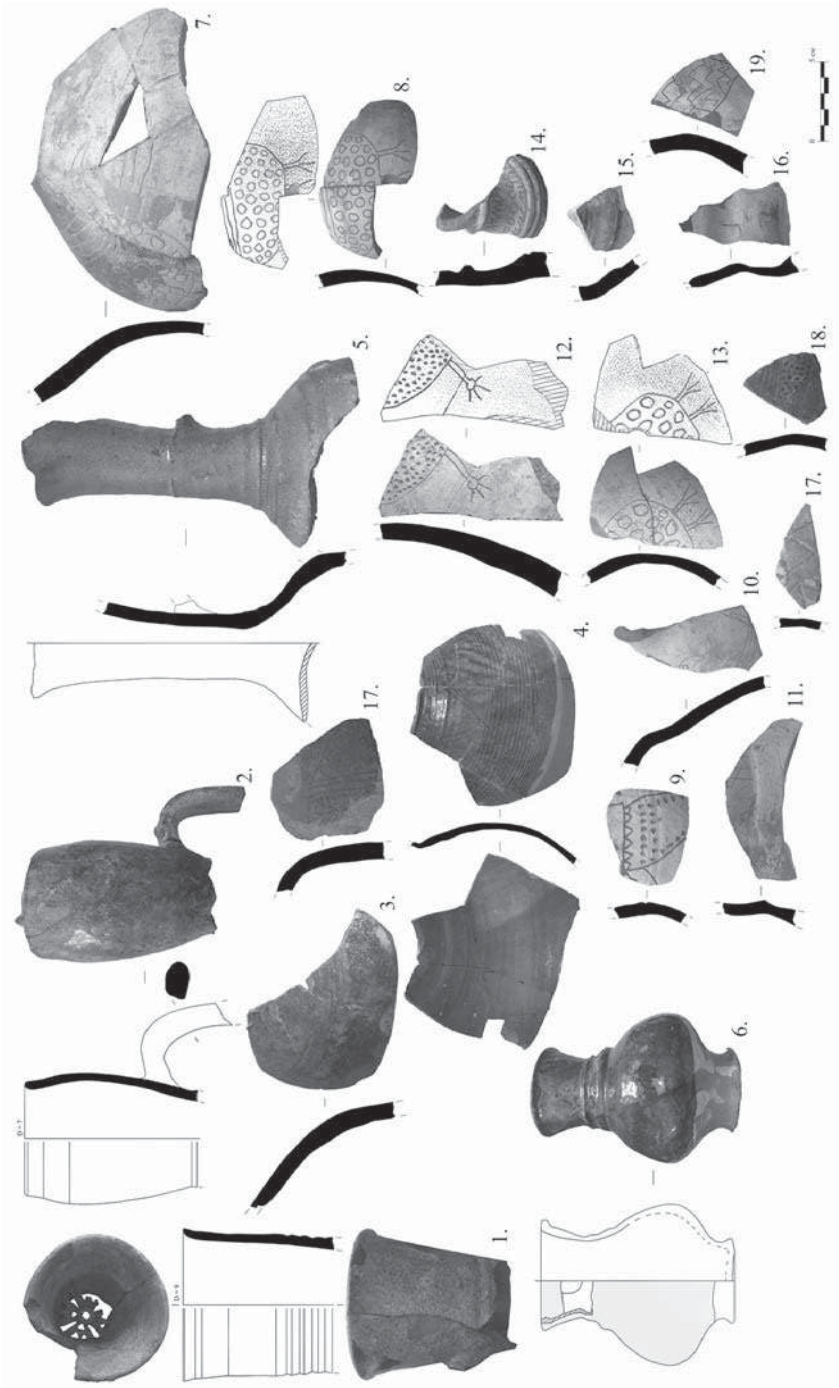


Рис. 14. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа II. Кувшины. 1 – тип XIV; 2-3 – тип XV; 4 – тип XVI; 5 – тип XVII; 7-19 – тип XVIII.

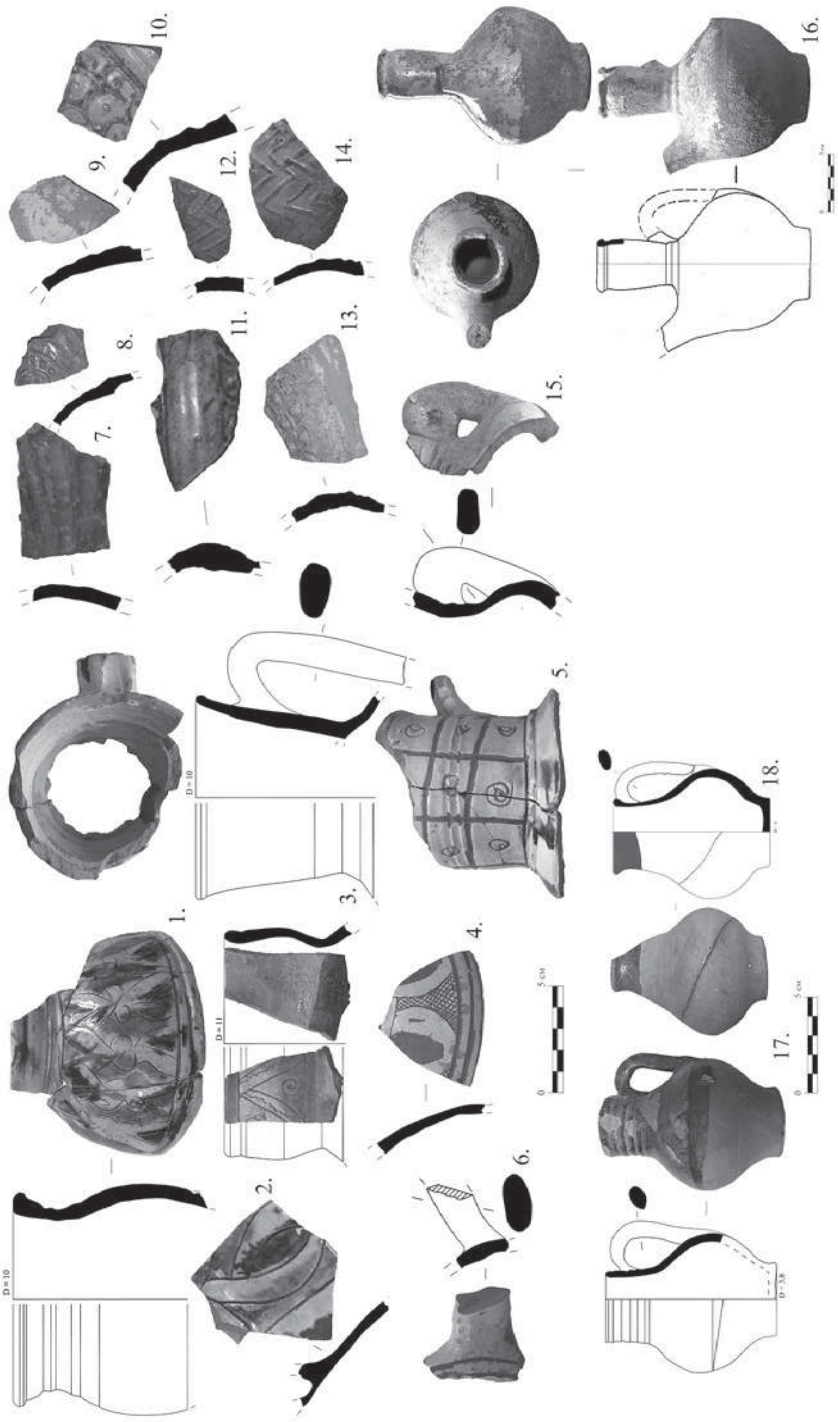


Рис. 15. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа II. Кувшины. 1 – тип XIX; 2 – тип XX; 3 – тип XXI; 4 – тип XXII; 5-6 – тип XXIII. 7-14 – тип XXIV. Группа III. Кувшинчики. 15 – тип I; 16 – тип II; 17-18 – тип III.

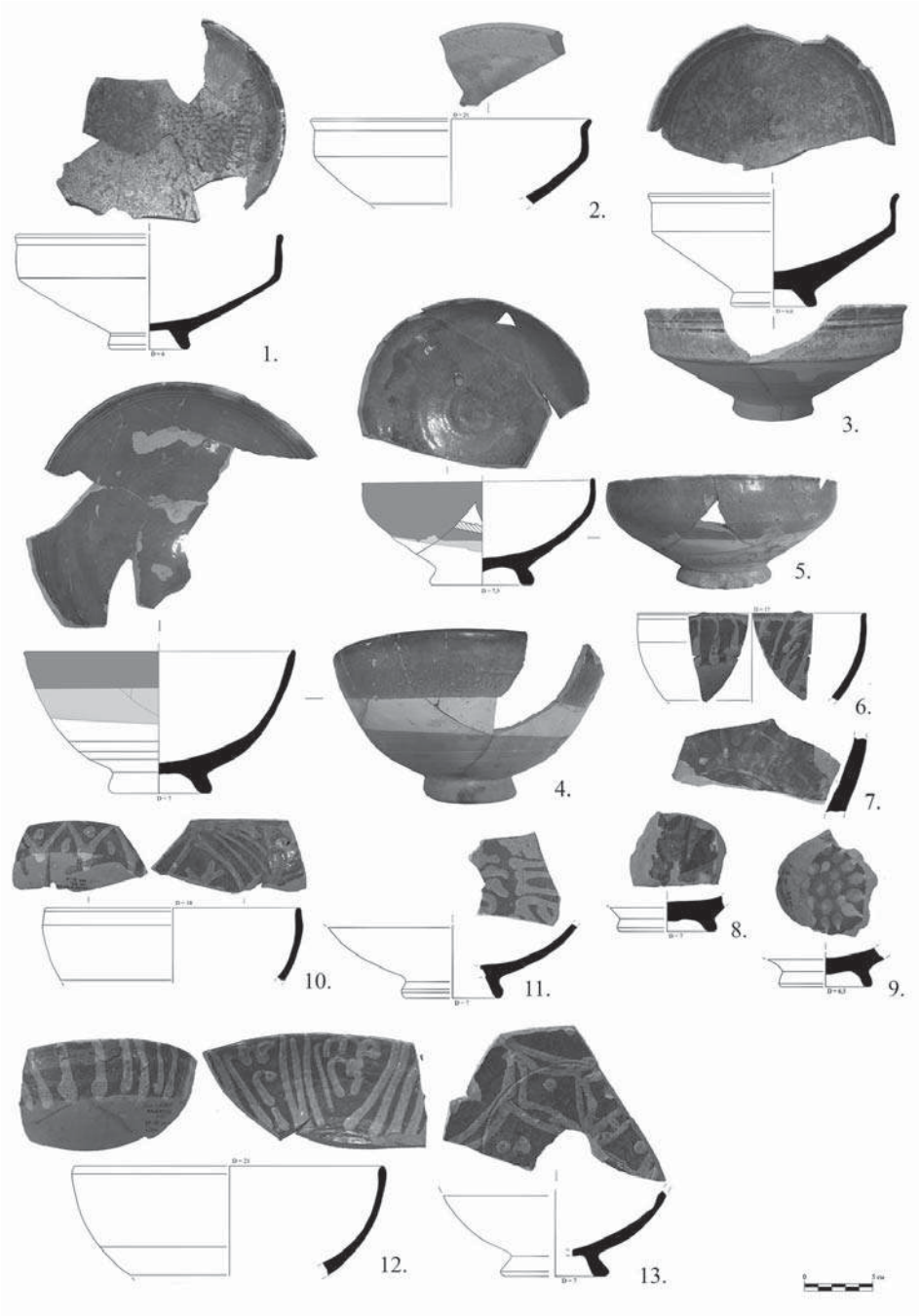


Рис. 16. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа IV. Чаши. 1-3 – тип I; 4-5 – тип II; 6-13 – тип III.

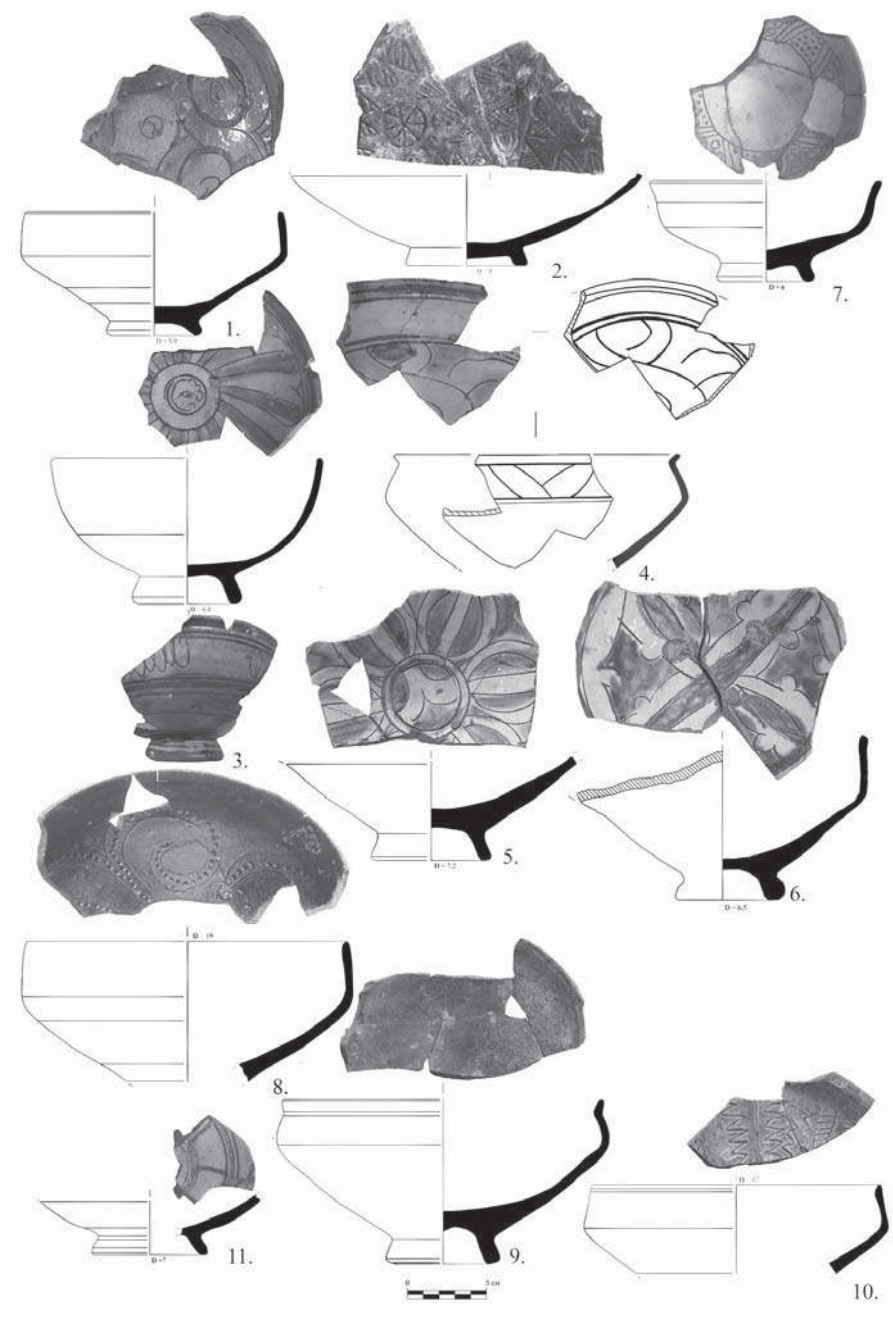


Рис. 17. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа IV. Чаши. 1-2 – тип IV; 3 – тип V; 4-6 – тип VI; 7-11 – тип VII; 9 – тип VIII.

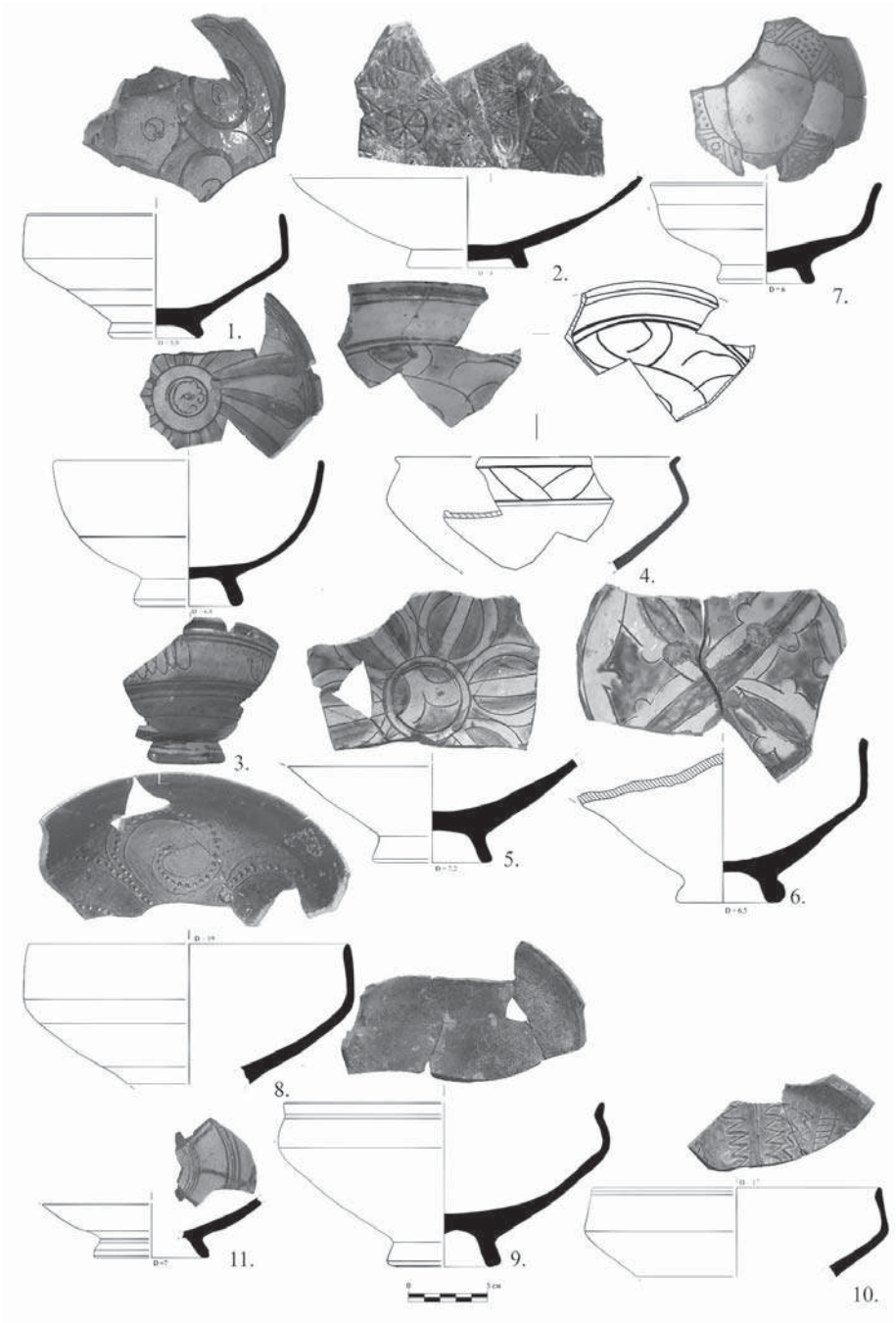


Рис. 18. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа IV. Чаши. 1-2 – тип VIII; 3-5 – тип IX; 6-7 – тип X; Группа V. Блюда. 8 – тип I; 9 – тип II; 10 – тип III.

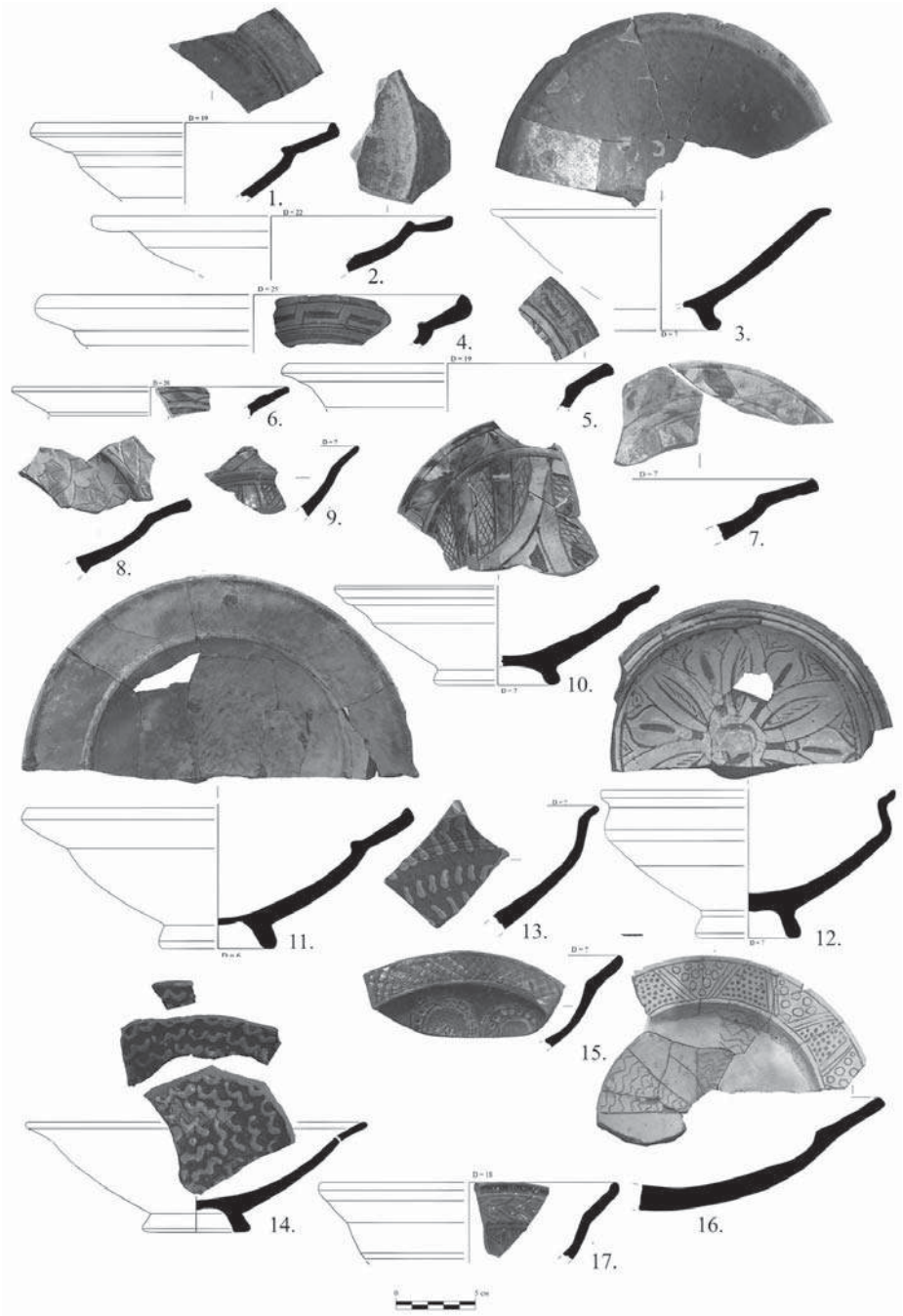


Рис. 19. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа VI. Тарелки. 1-2,4-7 – тип II; 3 – тип I; 8-10 – тип III; 11 – тип IV; 12 – тип V; 13-14 – тип VI; 15-16 – тип VII; 17 – тип VIII.

Рис. 20. Категория 4. Столовая керамика местного производства. Группа VII. Пиалы. 1-2,4 – тип II; 3 – тип I. Категория 5. Изделия специального назначения. Группа I. Сепаи. 5 – тип II; 6 – тип I. Группа 2. Туваки. 7 – тип I; 8 – тип II; 9 – тип III; 10 – тип IV; 11 – тип V. Группа III. Лампы-светильники. 12 – тип I; 13 – тип II; 14 – тип III. Группа IV. Подсвечники. 15-17 – тип I.

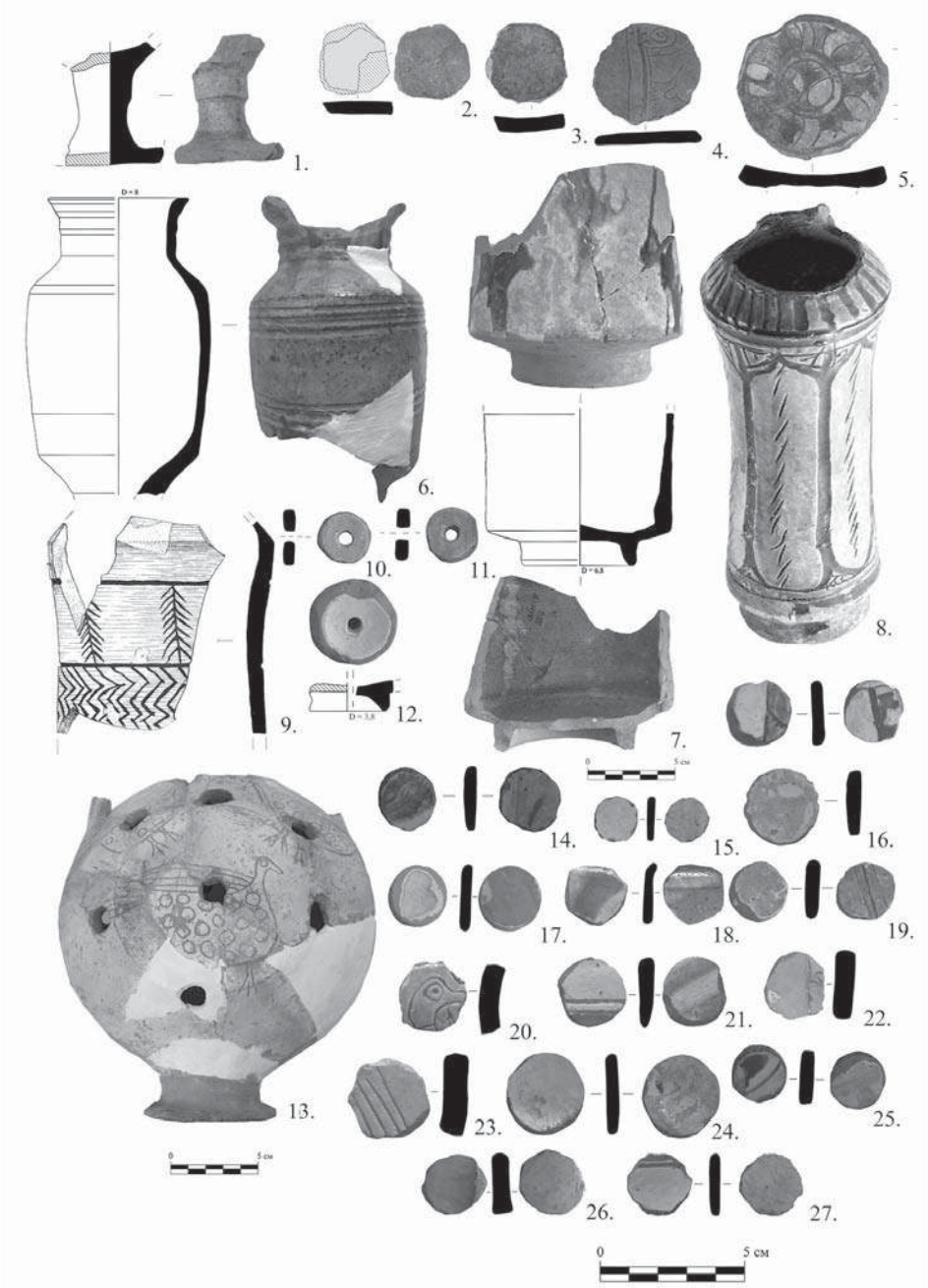


Рис. 21. Изделия специального назначения местного производства. Группа V. Крышки. 1 – тип I; 2-5 – тип II. Группа VI. Альбарелло. 6 – тип I; 7 – тип II; 8-9 – тип III. Группа VII. Пряслица. 10-12 – тип I. Группа VIII. Фляга. 13 – тип I. Группа IX. Фишки для игр или заготовки под пряслица или пуговицы (?). 14-27 – тип I.

ПУБЛИКАЦИИ

С.В. КАШАЕВ[1]
S.V. KASHAEV

КОМПЛЕКСЫ СО СТЕКЛЯННЫМИ СОСУДАМИ ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2[2]

COMPLEXES WITH GLASS VESSELS FROM NECROPOLIS ARTYUSCHENKO-2

Особым типом находок в погребениях античного времени являются стеклянные сосуды. Они широко использовались в быту горожан для парфюмерных целей, а в ритуальной практике находили свое применение как сопровождающий погребальный инвентарь, расширяя тем самым функциональное предназначение бытовых вещей. В этом отношении культура жителей поселения Артющенко-2 ничем не отличается от культуры обитателей других городов Северного Причерноморья и вообще широкой территории античного мира. Разнообразные сосуды из стекла находили и находят во многих некрополях Северного Причерноморья [древний город Нимфей, 1999. С. 81; Козуб, 1975. С.80, рис.34; Мимоход, Сударев, Успенский, 2017а, рис 11; Мимоход, Сударев, Успенский, 2017б, рис. 9; Скуднова, 1988. С. 157; Сорокина, 1957, табл. III.1; Tsetskhladze, 1999. Fig.59.3, 71]. Вопросы технологии и производства стеклянных сосудов хорошо описаны в книге Н.З. Куниной. Расцвет производства флаконов, выполненных в технике сердечника, приходится на VI – IVвв. до н.э. [Кунина, 1997, с. 27]. Стекло из погребальных комплексов важно прежде всего в плане хронологии наблюдений над изменением формы сосудов и установления эволюции типов и многих других вопросов.

В некрополе Артющенко-2 [Кашаев, 2009, с.188; Кашаев, 2019, с. 230] обнаружено пять стеклянных сосудов, четыре амфориска и один алабастр. Рассмотрим подробнее, в каких погребениях найдены стеклянные сосуды и что входило в инвентарь этих комплексов.

Погребение 6 (рис.1). Погребение расположено в квадрате Б-3. Захоронение совершено в грунтовой могиле с перекрытием, скорее всего, деревянным. Размер могильной ямы примерно 2,0 х 1,0 м. Костяк лежал на спине, вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на восток. Погребение принадлежало девушке 15-18

---

[1] Отдел истории античной культуры, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

[2] Кашаев С.В. Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: 0184-2019-0007. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

лет. Сохранность костей средняя. Череп раздавлен грунтом, он значительно смещен к югу от костяка и стоял на основании. Обращает на себя внимание полное отсутствие костей правой руки.

Погребальный инвентарь был положен вдоль южной стенки могилы, ещё несколько одиночных предметов находилось среди костей скелета. В могиле лежала кость животного – коровы.

Инвентарь:

1. Килик чернофигурный (рис.1.10)

Высота – 7,6 см; диаметр закраины – 13,6 см.

Килик был положен в могилу вверх дном и частично располагался на бронзовом зеркале. На обеих сторонах килика одинаковый сюжет росписи – в центре изображена фигура танцующего человека с поднятыми руками, с двух сторон, от которого расположены крупные пальметки. По стилю росписи килик близок сосудам, производство которых связывают с мастером Хаймона.

2. Зеркало бронзовое (рис.1.4)

Диаметр – 15,0 см.

Ручка была деревянной и крепилась к зеркалу с помощью двух тонких бронзовых накладных пластин и двух заклепок.

3. Лекиф цилиндрический (рис.1.9)

Высота – 15,2 м; диаметр тулова – 6,2 см.

Лекиф покрыт лаком кораллового тона, на плечиках имеется роспись в виде растительного орнамента – пальметок, соединенных дугами. На тулове, сразу под плечиками, нанесены две кольцевые полоски, еще одна полоска – в нижней части тулова. Роспись и полоски выполнены лаком более темного, чем фон, почти коричневого цвета. Лак на тулове лекифа сильно слоился и осыпался, в процессе реставрации он был закреплен.

4. Колечко бронзовое (рис.1.6)

Диаметр внешний – 2,3 см.

В районе кисти левого предплечья обнаружено простое бронзовое колечко. Судя по месту находки, оно было надето на палец левой руки. Оно очень сильно коррозировано.

5. Чаша на ножке чернолаковая (рис.1.11)

Высота – 9,6 см; диаметр закраины – 22,0 см; диаметр ножки – 9,0 см. Лак густой, блестящий.

6. Ойнохоя красноглиняная (рис.1.12)

Высота с ручкой – 26,2 см; диаметр тулова – 15,2 см.

Ойнохоя украшена росписью, выполненной красной краской, – три кольцевые полоски на стеках и одна волнистая линия на плечиках.

7. Две подвески спиральные, серебряные (рис.1.5)

Одна спиралеобразная подвеска найдена около правого коленного сустава, вторая – между позвонками в районе пояса.

8. Скелет змеи.

Он обнаружен в районе левой голени; скелет принадлежит небольшой змее, положенной в могилу в виде буквы «S». Голова змеи отсутствует.

9. Костяные пластинки, 3 шт.

Ширина – 0,12 см.

В ногах, между ступней костяка, обнаружены кусочки миниатюрных костяных пластин, которые, вероятно, являлись накладками на деревянном предмете, возможно, шкатулке. Пластины украшены резным орнаментом в виде стилизованного меандра. Все пластинки сохранились фрагментарно, на одной из них имеется часть просверленного круглого отверстия.

Под чернолаковым киликом находилось еще несколько предметов – небольшой расписной скифос, стеклянный амфориск, бронзовая иголка и деталь игольницы.

10. Амфориск стеклянный (рис.1.8)

Высота – 7,8 см; диаметр тулова – 5,0 см.

Стеклянный амфориск не был раздавлен грунтом благодаря укрывавшему его килику и сохранился совершенно целым. Сосудик изготовлен из стекла синего цвета, по тулову выполнен волнообразный орнамент из белой и желтой пасты.

11. Скифос миниатюрный (котила) (рис.1.7)

Высота – 5,0 см; диаметр края – 7,4 см.

На скифосе по белому фону выполнена роспись черным лаком в виде пальметок. Похожие сосуды относят к кругу мастера Хаймона.

12. Игла бронзовая (рис.1.3)

Длина – 5,1 см; диаметр – 1,5 мм.

Сохранность хорошая, покрыта патиной.

13. Деталь игольницы

Диаметр – 1,4 см; длина – 1,5 см.

Предположительно иголка была в деревянной игольнице. Сама игольница не сохранилась, но сохранилась ее бронзовая крышечка. Она представляет собой небольшую круглую пластинку с двумя плоскими усиками, с помощью которых происходило крепление крышки к игольнице.

14. Бусины серебряные (рис.1.2)

Диаметр – 5 мм.

В разных местах погребения и среди костей встречено 6 полых внутри серебряных бусин. Хаотическое положение таких бусин по всему погребению, а также аналогичные находки в других погребениях позволяют высказать предположение, что такие подвески могли использоваться для украшения погребальной одежды или савана.

15. Бусина пастовая (рис.1.1)

Диаметр – 8 мм.

Среди ребер была найдена одна пастовая бусина очень плохой сохранности. На внешней стороне она имеет четыре небольших шишечки, расположенные в шахматном порядке.

Дата погребения: вторая четверть V в. до н.э.

Погребение 66 (рис.2). Погребение обнаружено в кв. Д-3`, Д-4`, Г-4`. Погребальное сооружение представляло собой склеп прямоугольной формы, стены которого сложены из сырцовых кирпичей. Перекрытие склепа, скорее всего, было из деревянных досок, поверх которых располагался слой сырцовых кирпичей. Заполнение склепа состояло из расплывшегося сырца.

Внешние размеры сооружения 1,90 х 2,35 м, размеры внутренней погребальной камеры 1,10 х 1,80 м. В полу склепа вдоль восточной и западной стенок были зафиксированы небольшие прямоугольные углубления размерами 1,1 х 0,4 м и 1,1 х 0,25 м. Подобные углубления, вероятно, были сделаны специально для помещения ножек деревянного настила, на который укладывали покойного [Кашаев, 2010, с. 95, рис.4.4; 6.5-9].

Большинство сырцовых кирпичей, из которых сложены стенки склепа, выполнены из желтоватой глины. Один из кирпичей в кладке северо-западной стенки был сформован из плотной зеленоватой глины и значительно выделялся на общем фоне.

Останки принадлежат девушке предположительно 17-20 лет. Инвентарь в основном располагался вдоль южной стенки камеры.

Инвентарь:

1. Тулово ойнохои или кувшина (рис.2.8)

Высота –15,8 см, диаметр –17,0 см.

Тулово красноглиняного закрытого сосуда – ойнохои или кувшина находилось около южной стенки погребальной камеры. Сохранилась вся нижняя часть до плечиков. Поверхность покрыта белым ангобом и украшена кольцевыми полосками красной краски.

2.Миска красноглиняная (рис.2.6)

Высота – 6,0 см, диаметр – 20,8 см.

Рядом с ойнохоей находилась красноглиняная миска на кольцевом поддоне. Венчик и внутренняя часть миски украшена полосами красной краски.

3.Мисочка с ручкой (рис.2.5)

Высота – 3,3 см, диаметр – 7,0 см.

В районе левого колена погребенной обнаружена красноглиняная мисочка с ручкой. На ее внутренней поверхности нанесены кольцевые полоски красной краски.

4.Амфориск стеклянный (рис.2.7)

Высота – 8,0 см, диаметр – 4,4 см.

Амфориск стеклянный находился около северной стенки погребальной камеры на уровне головы костяка. Сосуд раздавлен грунтом, склеен.

5.Бусины золотые, 20 штук (рис.2.2)

Диаметр – 0,7 см.

В восточной части погребальной камеры в основном в районе черепа было обнаружено 20 бусин из желтого металла (предположительно золота). Они имеют круглую форму, спаяны из двух половинок, полые внутри. Со стороны от-

верстий припаяны колечки из проволоки. Сохранность бусин различна, некоторые имеют утраты, одна сильно раздавлена.

6. Бусины серебряные, 4 штуки (рис.2.1)

Диаметр – 0,7 см.

В восточной части погребальной камеры в основном в районе черепа было обнаружено 4 серебряные бусины. Они имеют круглую форму, спаяны из двух половинок, полые внутри. Со стороны отверстий припаяны колечки из проволоки.

7. Пряслице свинцовое (рис.2.3)

Высота – 0,5 см, диаметр – 1,8 см.

Круглое свинцовое пряслице находилось у южной стенки могилы среди остального инвентаря.

8.Пряслице керамическое (рис.2.4)

Высота –1,8 см, диаметр –2,2 см.

Керамическое конусовидное пряслице находилось у южной стенки могилы среди остального инвентаря.

9. Кость животного

Рядом с миской находилась кость животного.

Погребение можно датировать началом V в. до н.э.

Погребение 102 (рис.3). Погребение находилось в кв. З-17'. Захоронение совершено в грунтовой могиле с перекрытием. Размеры могильной ямы примерно 2,00 х 1,20 м, при зачистке было обнаружено могильное пятно. Зафиксированная глубина могилы 60 – 65 см. Всё ее внутреннее заполнение было очень плотным и состояло из разрушенных и превратившихся в монолит сырцовых кирпичей. Скорее всего, погребение в древности имело деревянное перекрытие, поверх которого оно было заложено сырцовыми кирпичами. Со временем перекрытие истлело и сырцовое заполнение провалилось в могилу.

Скелет женщины 30-35 лет лежал примерно по центру могилы, вытянут на спине, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Сохранность костяка средняя: сохранился череп, длинные кости рук и ног, таз и крестец, фрагменты позвонков и ребер. В целом анатомический порядок костей не нарушен, но череп смещен к южной стенке могилы. Большая часть инвентаря была сосредоточена у западной стенки могильной ямы, другая – у северной.

Инвентарь:

1. Кувшин сероглиняный (рис.3.13)

Высота – 19,0 см; диаметр тулова – 16,5 см.

Сероглиняный кувшин находился около западной стенки погребения. Раздавлен грунтом, склеен из фрагментов, ручка утрачена в древности.

2. Миска сероглиняная (рис.3.12)

Высота – 8,5 см; диаметр края – 21,5 см.

Сероглиняная миска находилась рядом с кувшином в юго-западном углу погребения. Раздавлена грунтом, склеена из фрагментов.

3. Килик чернолаковый (рис.3.11)

Высота – 8,0 см; диаметр края – 18,0 см.

Чернолаковый килик находился рядом с миской в юго-западном углу погребения. Раздавлен грунтом, склеен из фрагментов. Внутри ножки нацарапано граффито в виде стрелки с чертой снизу «↥».

4. Кубок чернолаковый (рис.3.9)

Высота – 7,0 см; диаметр края – 6,0 см.

Чернолаковый кубок (в виде рюмочки) находился рядом с амфориском, около северной стенки погребения. Кубок совершенно целый. Форма довольно редкая, встречена на данном некрополе впервые, аттическое производство.

5. Амфориск стеклянный (рис.3.10)

Высота – 12,0 см; диаметр тулова – 6,5 см.

Стеклянный амфориск находился рядом с чернолаковым кубком, около северной стенки погребения. Раздавлен грунтом на множество мелких фрагментов, склеен, имеются утраты, одна ручка отсутствует. Стекло сильно патинировано, потеряло первоначальный цвет и прозрачность, стало белым, матовым.

6.Нож железный (рис.3.8)

Длина – 14,0 см; ширина лезвия – 1,5 см.

Лезвие железного ножа находилось в районе грудной клетки костяка. Лезвие сильно коррозировано, распалось на несколько фрагментов. Ручка не сохранилась, скорее всего, была изготовлена из органического материала (дерева). От крепления ручки сохранились три железные заклепки.

7. Пряслице керамическое (рис.3.5)

Диаметр – 2,5 см; высота – 1,0 см.

Пряслице обнаружено между костяком с северной стенкой могилы. Сохранность очень плохая, предположительно в силу плохого обжига. Сохранился только небольшой фрагмент.

8. Пряслице свинцовое (рис.3.7)

Диаметр – 1,6 см; высота – 1,0 см.

Свинцовое пряслице находилось в районе грудной клетки костяка; сохранность средняя, патинировано.

9. Бусина пастовая (рис.3.2)

Диаметр – 1,1 см; высота – 0,9 см.

Пастовая глазчатая бусина находилась в районе тазовых костей.

10. Бусина из лигнита (рис.3.1)

Диаметр – 8,0 см; высота – 0,6 см.

Лигнитовая бусина находилась в районе черепа.

11. Подвеска серебряная (рис.3.3)

Диаметр – 0,6 см; общая высота – 1,4 см.

Подвеска находилась в районе черепа. Она сделана из пастовой (?) бусины, насаженной на согнутую петлей серебряную проволоку. Сохранность серебра плохая.

Предположительно данное изделие могло использоваться в качестве подвески или сережки.

12. Зуб животного (рис.3.4)

Ширина – 1,2 см; высота – 3,3 см.

Зуб животного – клык молодой свиньи – обнаружен рядом с сероглиняной миской.

13.Кости животного

Две кости животного – бедренные кость задних ног барана (овцы) найдены в западной части погребения под чернолаковым киликом и сероглиняной миской.

14. Бусины серебряные, 6 шт. (рис.3.6)

Диаметр – 0,5 см.

Фрагменты 6 полых внутри серебряных бусин обнаружены в районе черепа. Все они очень плохой сохранности. Найдено 10 фрагментов, предположительно происходящих от 6 целых бусин.

По инвентарю погребение можно датировать второй четвертью V в. до н.э.

Погребение 157 (рис.4). Погребение обнаружено на границе в кв. Ж-23' и Ж-24'. Захоронение совершено в грунтовой могиле с перекрытием. Примерные размеры могильной ямы 1,65 х 0,60 м, заполнение могилы не отличалось от слоя, в котором оно обнаружено.

Предположительно скелет лежал на спине вытянуто, руки вдоль туловища, головой ориентирован на северо-восток. Костяк очень плохой сохранности, принадлежал женщине 50-55 лет. Сохранились фрагменты длинных костей рук и ног, таза и черепа.

Инвентарь:

1. Миска красноглиняная (рис.4.6)

Высота – 8,4 см; диаметр края – 18,0 см; диаметр кольцевого поддона – 8,0 см.

Миска находилась у юго-восточной стенки погребения в районе левой ноги, целая.

2. Солонка чернолаковая (рис.4.5)

Высота – 3,5 см; диаметр края – 10,0 см; диаметр кольцевого поддона – 7,0 см.

Солонка находилась у юго-восточной стенки погребения в районе левой руки, целая. Сосуд целый. Лак густой, блестящий. Кольцевой поддон оставлен в цвете глины.

3. Алабастр стеклянный (рис.4.2)

Высота – 11,0 см; диаметр венчика – 3,0 см; диаметр тулова – 2,5 см.

Алабастр финикийского стекла находился у юго-восточной стенки погребения в районе левой руки, около чернолаковой солонки. Горлышко раздавлено грунтом, склеено. Часть венчика отсутствует, утрачена в древности. На тулове с двух сторон выполнены стеклянные стилизованные петлевидные ручки.

4. Пряслице керамическое (рис.4.4)

Высота – 1,5 см; диаметр 2,2 – см.

Пряслице биконическое, находилось у юго-восточной стенки погребения в районе левой руки, около чернолаковой солонки и алабастра. Распалось на фрагменты, склеено.

5. Пряслице свинцовое (рис.4.3)

Высота – 0,8 см; диаметр – 1,5 см.

Пряслице целое, обнаружено в заполнении могильной ямы в районе ступней ног. Сохранность металла средняя, покрыто окислом.

6. Бусина серебряная (рис.4.1)

Высота – 0,3 см; диаметр – 0,5 см.

Бусина находилась у юго-восточной стенки погребения в районе левой руки, около чернолаковой солонки, алабастра и пряслица. Сохранность металла плохая.

7. Кость животного.

Кость животного находилась у юго-восточной стенки погребения, южнее миски.

По инвентарю погребение можно датировать началом V в. до н.э.

Погребение Г13 (рис.5). Погребение находилось на границе кв. К17'-Л17', оно сильно повреждено грабительским шурфом в 2009-2010 гг.

Погребение представляет собой склеп, стены которого сложены из сырцовых кирпичей. На зачищенной поверхности читался контур сырцовых конструкций. Кирпичи выполнены с примесью желто-зеленой глины.

В ходе расчистки дна примерно в центре склепа были обнаружены фрагменты бедренной кости. У северной стенки склепа располагался сохранившийся инвентарь – стеклянный амфориск и кусочек пемзы.

Внешние размеры сооружения 2,2 х 2,8 м, внутренние размеры погребальной камеры 1,4 х 2,0 м. Сырцовую кладку удалось проследить на высоту 0,55 м. Дно склепа ровное, без канавок и ямок, образовано материковым суглинком.

Судя по обнаруженному фрагменту кости, скелет лежал вытянуто, на спине, головой ориентирован на восток. Костяк очень плохой сохранности, предположительно принадлежал женщине 20 – 25 лет. Сохранились фрагменты длинных костей рук и ног. Череп не найден.

Инвентарь:

1. Амфориск стеклянный (рис.5.2).

Диаметр венчика – 2,8 см, диаметр тулова – 5,0 см, высота – 9,5 см.

Находился на дне ямы, у северной стенки могилы. Амфориск лежал на боку, горлом на запад. Сосуд целый, небольшие сколы на венчике. Тулово амфориска выполнено из синего стекла, орнаментировано волнами зеленоватого, желтого и синего цветов.

2. Кусок пемзы (рис.5.1).

Диаметр около – 3,0 см

Кусочек пемзы округлой формы находился на дне ямы, у северной стенки могилы.

По инвентарю погребение можно датировать началом V в. до н.э.

Теперь рассмотрим более подробно сами стеклянные сосуды, они выполнены из стекла разных цветов, оттенков и разного качества (сохранности). Первый изготовлен из стекла синего цвета с орнаментом из белой и желтой пасты. Второй – из коричневатого (фиолетового ?) стекла с орнаментом из белой, синей и желтой пасты. Третий сохранился хуже всех, стекло молочно-белого цвета, орнамент из желтой и синей (?) пасты. Возможно, в этом случае цвета стекла и пасты изменились в процессе коррозии и патинирования стекла. Четвертый амфориск голубого цвета с желтыми и зеленоватыми волнами орнамента. Алабастр выполнен из темно-синего стекла с орнаментом из голубой и желтой пасты. Цвет сосудов может быть связан с технологией производства и добавками, применявшимися для окрашивания бесцветной стеклянной массы. Для получения молочно-белого стекла использовали в качестве добавки олово, для голубого – окись и закись меди, для синего – окись кобальта, для желтого – окись свинца [Кунина, 1997, с. 26].

В широких рамках аналогичные стеклянные изделия датируются VI – IV вв. до н.э. [Кунина, 1997, с. 28]. Для находок из некрополя Артющенко-2 датировку возможно немного сузить, основываясь на датировках чернолаковой керамики. Наиболее древним, как представляется, является амфориск молочно-белого стекла из погребения 102 (рис.6.3), его можно отнести к концу VI в. до н.э. Чернолаковый килик (рис.3.11) из этого погребения датируется 525 г. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970. № 398], а чернолаковая «рюмочка» (рис.3.9) 500 г. до н.э. [Sparkes, Talcott, 1970. № 991]. Амфориск из погребения 6 (рис.6.1), датируется примерно второй четвертью V в. до н.э. на основании даты чернофигурного килика (рис.1.10) с изображением человека, танцующего с поднятыми руками, предположительно менады. По стилю росписи килик очень близок сосудам, производство которых связывают с мастером Хаймоном [Горбунова, 1983, с. 181. № 154, Коровина, 2002, с. 39, рис. 12, табл. 9.9]. В погребениях 66 и Г13 чернолаковые сосуды не обнаружены. На основании других находок, скорее всего, амфориски из этих комплексов (рис.6.2 и 6.4) можно датировать в пределах первой половины V в. до н.э. Наиболее поздним может быть алабастр из погребения 157 (рис.6.5), который относится к третьей четверти V в. до н.э. по датировке 450 – 425гг. до н.э. чернолаковой солонки (рис.4.5) из этого комплекса [Sparkes, Talcott, 1970. № 817].

На основании анализа данных о погребениях, в которых найдены стеклянные сосуды, можно сделать следующие выводы:

- Все стеклянные сосуды найдены в женских захоронениях.
- В трех из пяти случаев там захоронены молодые женщины 15-25 лет.
- В трех случаях захоронения совершены в могилах, где присутствуют сырцовые конструкции, в двух других – в грунтовых могилах.
- В трех случаях из пяти, помимо стеклянного сосуда, положен довольно значительный инвентарь, включающий чернолаковые сосуды, а также золотые и серебряные украшения. В одном случае (погребение 157) инвентарь был скромным. В пятом случае (погребение Г13) про инвентарь сказать что-то сложно.

- Местоположение стеклянного сосуда в погребении в трех случаях – у северной стенки могильной ямы, и во всех трех случаях это амфориски.

- Все погребения со стеклянными сосудами датируются в пределах конца VI – третьей четверти V в. до н.э. и относятся к раннему периоду функционирования могильника.

Из представленных выводов можно заключить, что в V в. до н.э. стеклянные сосуды, как правило, клали в погребения молодых женщин из достаточно состоятельных семей, которые могли себе позволить траты на сооружение могил с сырцовыми конструкциями.

В заключение можно отметить, что стеклянные сосуды из некрополя Артющенко-2 играют большую роль в изучении культуры сельских поселений Азиатского Боспора. Они вновь поднимают вопрос экономических связей в древности, а также центров производства стекла. Представленные комплексы могут быть использованы для уточнения хронологии и типологии стеклянных сосудов, которые находят при раскопках в Северном Причерноморье. Получившиеся в результате выводы можно считать предварительными. Дальнейшие исследования и находки покажут, насколько они получились точными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб. 1999. ГЭ. 158 с.

Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л. 1983. 226 с.

Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) //Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Боспорские исследования. Т. XXII. Симферополь; Керчь. 2009. С. 188–267

Кашаев С.В. Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. //ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М.; Киев, 2010. Вып. 1. С. 88–96.

Кашаев С.В. Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V – II вв. до н.э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб. 2019. 420 с.: ил. С. 230 – 254.

Козуб І.Ю. Некрополь Ольвии V – IV ст. до н.э. Київ. 1974. 182 с.

Коровина А.К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М. ГМИИ. 2002. 146 с. Кунина. Н.З. 1997. Античное стекло. СПб. ГЭ. 360 с.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Волна-1 – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и таманского терминала навалочных грузов. Краснодар. 2017а. С.4 – 31.

Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // Древности Боспора. М. 2017б. С.295 – 310.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л. 1988. 184 с.

Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М. 1957. 64 с.

Tsetskhladze G. Pichvnari and Its Environs 6th c BC – 4th c AD. Presses Universitaires Franc-Comtoises. 1999. 232 p.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. New Jersey. 1970. Vol. XII.

REFERENCES

Drevnij gorod Nimfej. Katalog vystavki. SPb. 1999. GJe. 158 s.

Gorbunova K.S. Chernofigurnye atticheskie vazy v Jermitazhe. L. 1983. 226 s.

Kashaev S.V. Nekropol' Artjushhenko-2 (obshhaja harakteristika,

rezul'taty raskopok 2003–2005 gg., pogrebenija № 1–23) //Stepi Evrazii i istorija Bospora Kimmerijskogo. Bosporskie issledovanija. T. XXII. Simferopol'; Kerch'. 2009. S. 188–267

Kashaev S.V. Issledovanija nekropolja Artjushhenko-2 v 2007–2008 gg. //ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyj mir Severnogo Prichernomor'ja: Novejshie otkrytija i nahodki. M.; Kiev, 2010. Vyp. 1. S. 88–96.

Kashaev S.V. Gruntovyj nekropol' Artjushhenko-2 (V – II vv. do n.je.) // Proshloe chelovechestva v trudah peterburgskih arheologov na rubezhe tysjacheletij (K 100-letiju sozdanija rossijskoj akademicheskoj arheologii). SPb. 2019. 420 s.: ill. S. 230 – 254.

Kozub I.Ju. Nekropol' Ol'vii V-IV st. do n.je. Kiiv. 1974. 182 s.

Korovina A.K. Germonassa. Antichnyj gorod na Tamanskom poluostrove. M. GMII. 2002. 146 s. Kunina. N.Z. 1997. Antichnoe steklo. SPb. GJe. 360 s.

Mimohod R.A., Sudarev N.I., Uspenskij P.S. «Volna 1» – Novyj «gorodskoj» nekropol' arhaicheskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (po materialam rabot IA RAN v 2016 i 2017 gg.) // Arheologicheskie issledovanija na territorii strojashhegosja terminala SUG i tamanskogo terminala navalochnyh gruzov. Krasnodar. 2017a. S.4 – 31.

Mimohod R. A., Sudarev N. I., Uspenskij P. S. Novyj «gorodskoj» nekropol' arhaicheskogo i klassicheskogo vremeni na Tamanskom poluostrove (predvaritel'naja informacija) // Drevnosti Bospora. M. 2017b. S.295 – 310.

Skudnova V.M. Arhaicheskij nekropol' Ol'vii. L. 1988. 184 s.

Sorokina N.P. Tuzlinskij nekropol'. M. 1957. 64 s.

Tsetskhladze G. Pichvnari and Its Environs 6th c BC – 4th c AD. Presses Universitaires Franc-Comtoises. 1999. 232 p.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. New Jersey. 1970. Vol. XII.

Резюме

В некрополе Артющенко-2 стеклянные сосуды обнаружены в погребениях 6, 66, 102, 157 и Г13 (рис.1-5). Они выполнены из стекла разных цветов и качества. Амфориск из погребения 102 (рис.6.3) из молочно-белого стекла имеет орнамент из желтой и синей пасты, и может датироваться концом VI в. до н.э. Амфориск из погребения 6 (рис.6.1) изготовлен из стекла синего цвета с орнаментом из белой и желтой пасты, датируется второй четвертью V в. до н.э. Амфориск из погребения 66 (рис.6.2) из коричневатого (фиолетового ?) стекла с орнаментом из белой, синей и желтой пасты можно датировать в пределах первой половины V в. до н.э. Амфориск из погребения Г13 (рис.6.4) голубого цвета с желтыми и зеленоватыми

волнами орнамента можно датировать в пределах первой половины V в. до н.э. Алабастр из погребения 157 (рис.6.5) выполнен из темно-синего стекла с орнаментом из голубой и желтой пасты, относится к третьей четверти V в. до н.э.

В некрополе Артющенко-2 в V в. до н.э. стеклянные сосуды, как правило, клали в погребения молодых женщин из достаточно состоятельных семей, которые могли себе позволить сооружение могил с сырцовыми конструкциями.

Ключевые слова: античность, Северное Причерноморье, Таманский полуостров, грунтовый некрополь, погребения, обряд захоронения, погребальный инвентарь, стеклянные сосуды.

Summary

Glass vessels in the necropolis Artyuschenko-2 were found in the Burials 6, 66, 102, 157 and G13 (Fig. 1-5). They were made of glass of different color and quality. Amphoriskos from the Burial 102 (Fig. 6.3) of milk-white glass has an ornament of yellow and blue paste and can be dated to the end of the 6th century BC. Amphoriskos from the Burial 6 (Fig. 6.1) was made of blue glass with an ornament of white and yellow paste; it dates to the second quarter of the 5th century BC. Amphoriskos from the Burial 66 (Fig. 6.2) of brownish (violet) glass with an ornament of white, blue and yellow paste can be dated in the frames of the first half of the 5th century BC. Amphoriskos from the Burial G13 (Fig. 6.4) of light-blue color with yellow and greenish wave ornament can be dated to the third quarter of the 5th century BC. Alabaster from the Burial 157 (Fig. 6.5) produced of a dark-blue glass has yellow and greenish wave ornaments; it can be dated to the end of the 5th century BC.

As a rule, at the necropolis Artyuschenko-2 in the 5th century BC glass vessels were placed in the burials of young women from sufficiently wealthy families, which ventured to build the graves with constructions made of raw bricks.

Key words: Classical antiquity, Black Sea Coastal Region, Taman peninsula, ground necropolis, burials, burial rights, inventory, glass vessels.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Кашаев Сергей Владимирович,
младший научный сотрудник,
Отдел истории античной культуры,
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
8-(812)-764-85-71.
kashaevs@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Kashaev Sergey,
Institute of History of Material Culture RAS,
Sankt-Petersburg, Dvortsovaja nab., 18.
8-(812)-764-85-71.
kashaevs@mail.ru

Рис. 1 Некрополь Артющенко-2. Находки из погребения 6:
1 – бусина пастовая; 2 – бусины серебряные; 3 – игла бронзовая; 4 – зеркало бронзовое; 5 – подвески спиральные серебряные; 6 – колечко бронзовое; 7 – котила; 8 – амфориск стеклянный; 9 – лекиф цилиндрический; 10 – килик чернофигурный; 11 – чаша чернолаковая; 12 – ойнохоя красноглиняная.

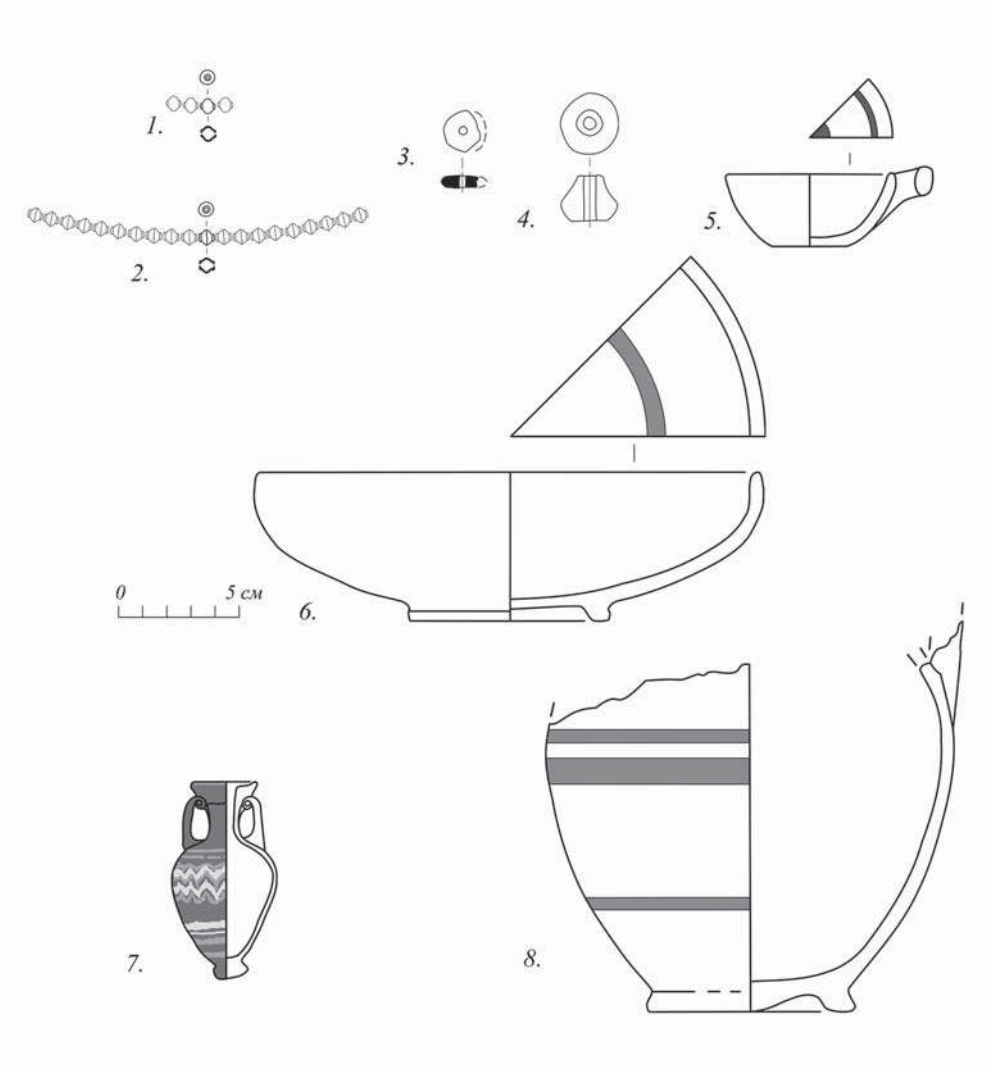


Рис. 2 Некрополь Артющенко-2. Находки из погребения 66:
1 – бусины серебряные; 2 – бусины золотые; 3 – пряслице свинцовое; 4 – пряслице керамическое; 5 – мисочка красноглиняная; 6 – миска красноглиняная; 7 – амфориск стеклянный; 8 – ойнохоя (?) красноглиняная.

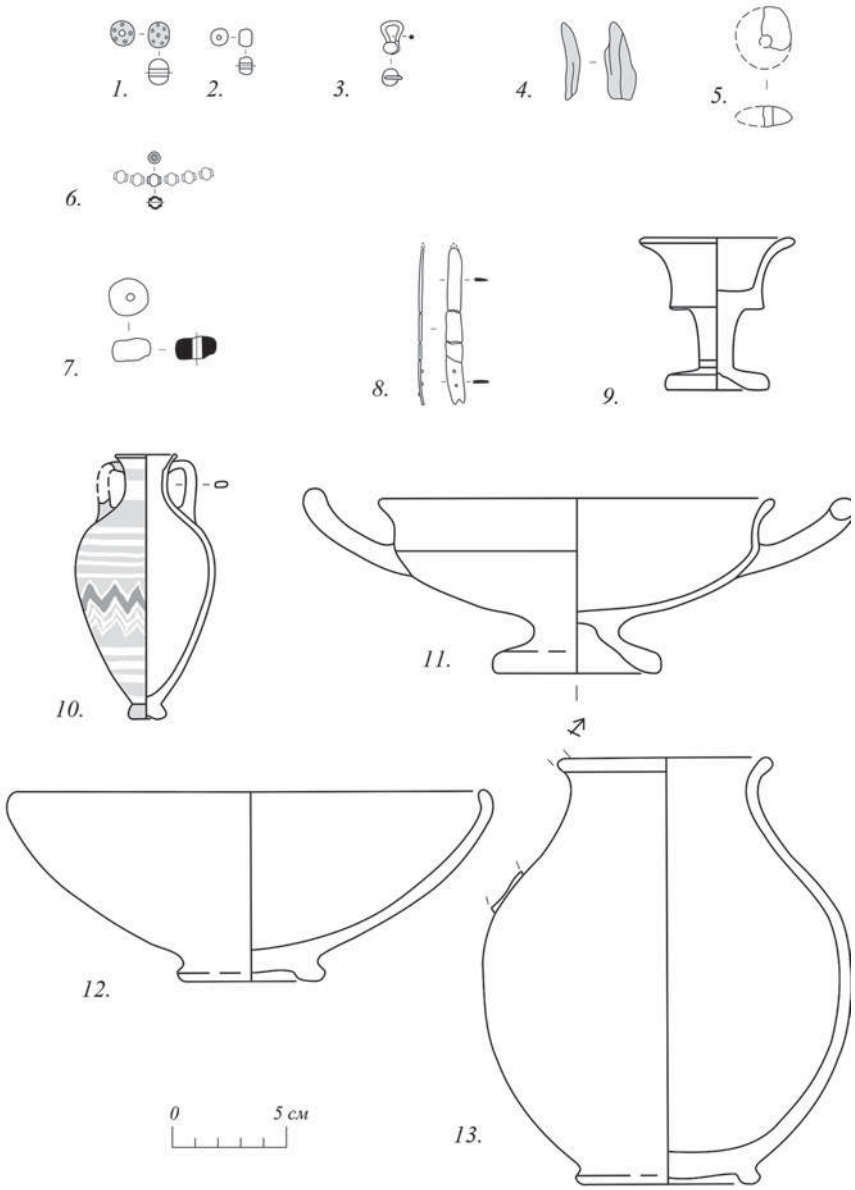


Рис. 3 Некрополь Артющенко-2. Находки из погребения 102:
1, 2 – бусина пастовая; 3 – подвеска серебряная; 4 – зуб животного; 5 – пряслице керамическое; 6 – бусины серебряные; 7 – пряслице свинцовое; 8 – нож железный; 9 – кубок чернолаковый; 10 – амфориск стеклянный; 11 – килик чернолаковый; 12 – миска сероглиняная; 13 – кувшин сероглиняный.

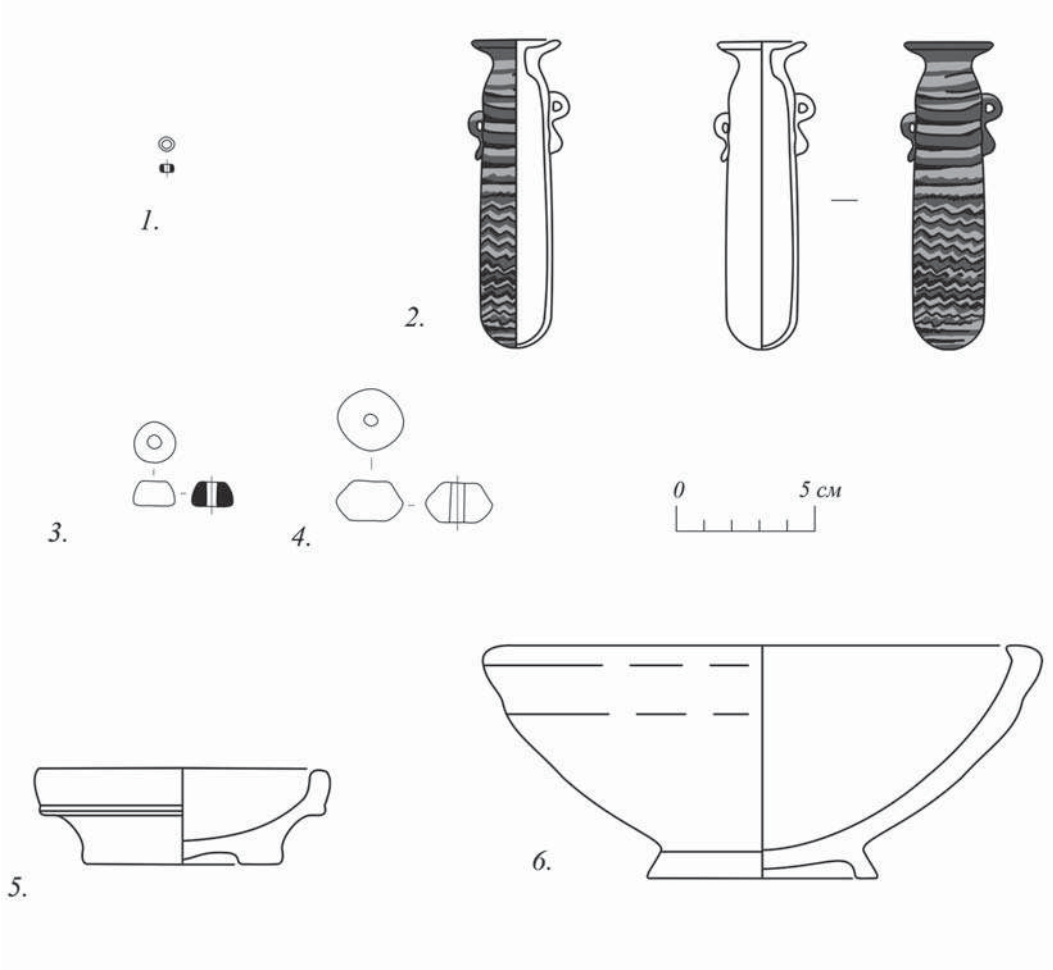


Рис. 4 Некрополь Артющенко-2. Находки из погребения 157:
1 – бусина серебряная; 2 – алабастр стеклянный; 3 – пряслице свинцовое;
4 – пряслице керамическое; 5 – солонка чернолаковая; 6 – миска красноглиняная.

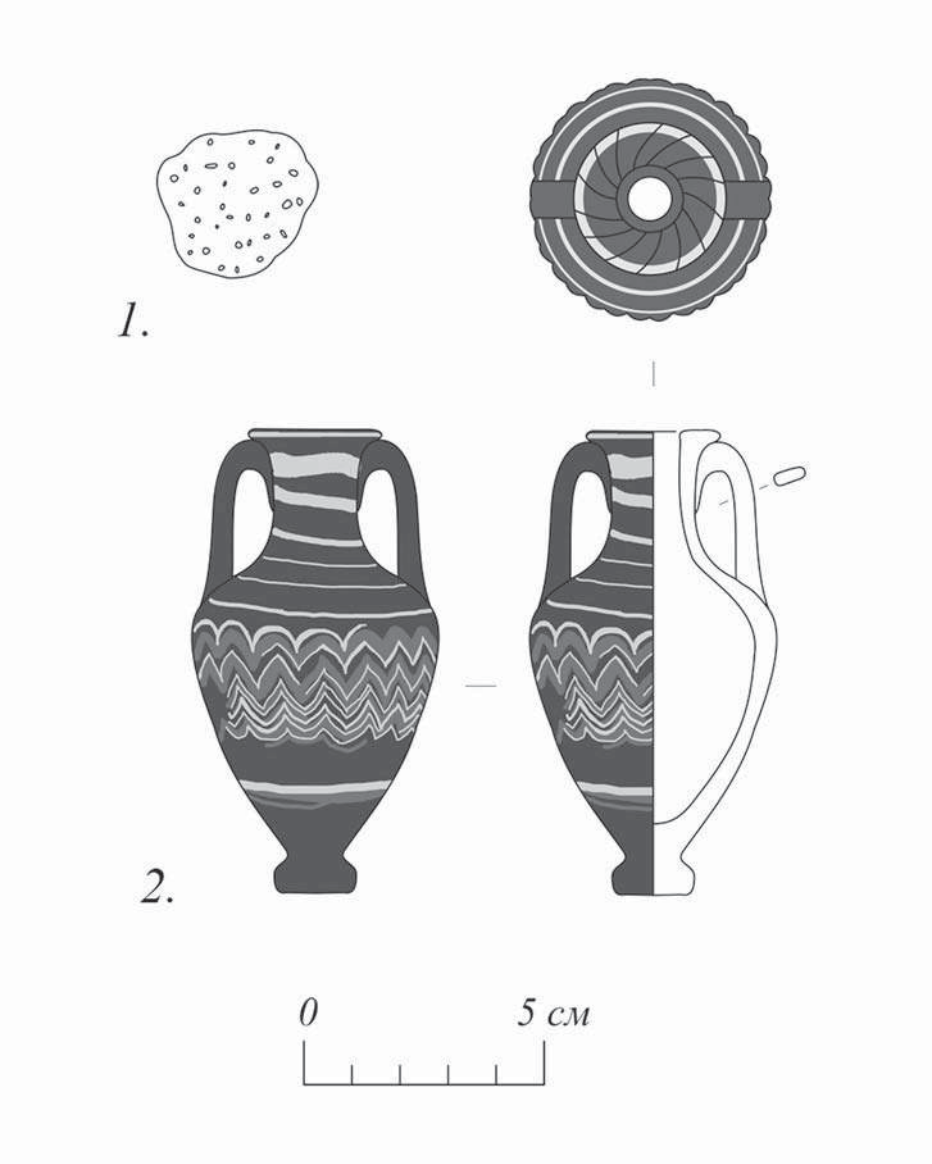


Рис. 5 Некрополь Артющенко-2. Находки из погребения Г13:
1 – кусок пемзы; 2 – амфориск стеклянный.

Рис. 6 Некрополь Артющенко-2. Стеклянные сосуды:
1 – погребение 6; 2 – погребение 66; 3 – погребение 102; 4 – погребение Г13;
5 – погребение 157.

В. Г. ЗУБАРЕВ, С.В. ЯРЦЕВ, А.Ю. БУТОВСКИЙ
V.G. ZUBAREV, S.V. YARTSEV, A. YI. BUTOVSKI

ЯМА № 162 В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ (РАСКОПКИ 2019 – 2020 гг.)

PIT №162 IN TNE EASTERN PART OF THE HILLFORT BELINSKOE (EXCAVATIONS 2019 – 2020 gg.)

Одним из наиболее распространённых типов строительных остатков позднеантичного и раннесредневекового времени на территории сельских поселений Европейского Боспора являются многочисленные ямы, вырытые в материковой глине или вырубленные в скальном грунте. Более поздние ямы зачастую впущены в ранние культурные слои и могут перекрывать полностью или частично ямы ранних периодов. Их конструктивные особенности и функциональное назначение различны: они могли использоваться для хранения зерна, каких-либо иных продуктов питания, играя роль своеобразных «холодильников», или, например, для сбора дождевой воды. В отдельных случаях можно говорить о сакральном характере в назначении ям (ямы-ботросы, культовые захоронения в ямах и т.п.). Некоторые ямы вообще не выполняли какие-либо функции и образовались в результате, например, добычи глины для хозяйственных нужд.

Большинство хозяйственных ям после прекращения их использования были заполнены грунтом. Это заполнение происходило либо единовременно, например, во время строительных работ, либо постепенно, зачастую в течение достаточно длительного времени. В первом случае грунт заполнения почти не содержит находок и включает большое количество камней, особенно если горловина ямы полностью или частично попадает под фундамент возводимого сооружения. Во втором случае заброшенные ямы чаще всего использовались под сброс бытового мусора. К числу последних относится и яма № 162 на восточном участке городища Белинское, исследованная в 2019 – 2020 годах.

Ямное пятно (диаметр – 0,5м) серого цвета, плотно забитое камнями, было обнаружено при прокопе пола внутри периметра помещения № 57. Яма вырублена в материковой скале жёлтого ракушечника. Она округлая в плане и конусовидная в разрезе. Диаметр горловины по уровню скалы – 1,27м. В первоначальном варианте устье ямы имело каменную облицовку, впущенную в жёлтый суглинок. На это, в частности, указывает вырубленный в скале уступ шириной 0,4–0,5м и глубиной до 0,5м, а также найденные на дне ямы камни обкладки в слое жёлтого суглинка.

Диаметр дна ямы – 2,85м. Глубина – 3,05м. Соединение стен ямы с дном плавное. В северной части ямы на уровне дна выявлена ниша в стене, отгороженная вертикально поставленными плоскими камнями. Глубина ниши – 0,8м, высота по уровню стены ямы – 0,76м. Свод понижается в глубь ниши до уровня дна. Грунт заполнения однородный на основе суглинка. До глубины 2,5м он преимущественно тёмно-серого цвета с примесью золы, камней и раковин виноградной улитки. Ниже цвет грунта переходит в жёлто-коричневый и жёлтый непосредственно у дна.

Большинство находок из грунта заполнения ямы № 162 представлено фрагментами керамических изделий. Всего их насчитывается 442, включая стенки сосудов. Общая статистика керамического материала из грунта заполнения ямы № 162 отражена в таблице:

Статистика керамического материала из раскопок городища Белинское в 2019 – 2020 годах (яма № 162)

Наименование	Венчики	Ручки	Ножки амфор и днища сосудов	Стенки	Состав глины	Процент от общего числа фрагментов
Черепица	1	-	-	-	Глина оранжевая	**0,2**
Пифосы	1	-	-	-	Глина оранжевая	**0,2**
Амфоры (общее количество)	5	27	4	248		**64,25**
из них: **светлоглиняные узкогорлые**:	1	6	–	58 (общее для всех типов)	Глина светлая (от желтоватого до светло-оранжевого оттенка), типичная для светлоглиняных узкогорлых амфор этих типов	22,89
тип C и D по Д.Б. Шелову	1	2	–			
тип D/F по О.С. Ивановой	–	1	–			
тип F по Д.Б. Шелову	–	1	–			
тип E по Д.Б. Шелову	–	2	–			
Прочие типы:						
тип 83-84	–	1	1	34	Глина оранжевая, с розовым или серым оттенком в центре скола	12,67
тип 100 по И.Б. Зеест (Делакеу)	2	–	–	15	Глина коричнево-	6

					оранжевая с бурыми включениями	
Причерноморский тип	1	20	2	135	Глина от красного до оранжевого и коричневого цвета с примесью слюды, бурых и белых включений	55,63
Неопределённые	1	–	–	6	Глина коричневая с блёсками слюды	2,46
Ранняя примесь (3.29-3.30 по А.П. Абрамову. Гераклея)	–	–	1	–	Глина оранжево-красная с белыми и бурыми включениями	0,35
Посуда на гончарном круге	8	4	2	21	–	**8**
красноглиняная	5	3	1	16	Глина от оранжевой до красно-оранжевой	71,4
коричневоглиняная	3	1	1	5	Глина коричневая с включением небольшого количества блёсков слюды	28,6
Краснолаковая посуда	-	-	-	2	Глина светло-коричневая	**0,45**
Лепная посуда	4	3	2	84	Глина серая с включением ракушки, песка и шамота	**21**

Салтово-маяцкие горшки из них:	4	–	2	20	–	**5,9**
с орнаментом в виде горизонтальных параллельных или зигзагообразных линий	1	–	–	8	Глина тёмно-серая	34,6
Без орнамента	3	–	2	12	Глина тёмно-серая	65,4

Как видно из таблицы, наиболее значительную группу среди керамических изделий составляют фрагменты амфор (64,25%). Из них более половины (55,63%) принадлежит так называемому «причерноморскому» типу (рис. 1), широко представленному на салтово-маяцких поселениях Крыма и за его пределами [Зинько, Пономарёв, 2009, с. 35–39]. Большинство фрагментов относится ко II типу «причерноморских» амфор по классификации В.Н. Зинько и Л.Ю. Пономарёва [Зинько, Пономарёв, 2009, с. 43 – 47], однако встречаются и отдельные фрагменты I, III и IV типов. Такое положение вполне согласуется с общей картиной распространения амфор этого типа, в рамках которой амфоры II типа доминируют среди тарных сосудов в восточной части Крымского полуострова [Зинько, Пономарёв, 2009, с. 47].

Прочий амфорный материал представлен фрагментами узкогорлых светлоглиняных амфор типа C, D, F и E по Д.Б. Шелову и типа D/F по О.С. Ивановой, амфор типа 83/84 по И.Б. Зеест и амфор типа Делакеу. Особо отметим раннюю «примесь» в виде ножки амфоры типа 3.29–3.30 по А. П. Абрамову (Гераклея).

Следует отметить, что доля амфор «причерноморского» типа среди находок в грунте заполнения ямы № 162 снижается по мере углубления и сходит на нет в слое, непосредственно перекрывающем дно ямы (0,2-0,3м). Такое положение может косвенно свидетельствовать в пользу не единовременности формирования засыпи ямы.

Среди прочих керамических изделий отметим фрагменты салтово-маяцких горшков, фрагменты ойнохой «скалистинского» типа, фрагменты обычной для сельских поселений лепной посуды и посуды на гончарном круге. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие фрагментов краснолаковой посуды (найдено всего два маловыразительных обломка), обычно присутствующих в засыпи античных ям на городище Белинское.

Салтово-маяцкие горшки в Крыму наиболее характерны для поселений Восточной, Юго-Восточной и Центральной частей полуострова [Зинько, Пономарёв, 2009, с. 69]. Поверхность большинства фрагментов, найденных в засыпи ямы № 162, имеет серый оттенок, и лишь единичные экземпляры тёмно-коричневого цвета. Часть черепков украшена орнаментом в виде прямых горизонталь-

ных линий (тип 1 по Л.Ю. Пономареву) и в виде волны (тип 2 по Л.Ю. Пономарёву) (рис. 2). Большинство фрагментов салтово-маяцких горшков найдено в верхней части засыпи ямы № 162. По мере приближения ко дну их количество убывает подобно тому, как это происходит с фрагментами амфор «причерноморского» типа.

Кувшины «скалистинского» типа с воронковидным ойнохоевидным горлом довольно широко распространены на памятниках Северного Причерноморья, особенно периода VIII – X вв. Например, на салтово-маяцком поселении на месте Тиритаки они являются наиболее многочисленной группой находок [Зинько, Пономарёв, 2009, с. 61]. В засыпи ямы № 162 фрагменты венчиков и стенок ойнохой «скалистинского» типа найдены в верхней части заполнения ямы (рис. 3). На некоторых из них сохранилась линейная роспись светлым ангобом.

Помимо обломков керамических сосудов, в засыпи ямы № 162 присутствовали и другие находки. Среди них отметим фрагменты изделий из стекла (в том числе фрагмент стенки сосуда с синим каплевидным включением), гагатовую бусину, дипинти в виде пересекающихся линий красной краской на стенке амфоры, костяные остроконечники и шесть пробок из ракушечника. Диаметр последних вполне согласуется с диаметром горла амфор «причерноморского» типа.

Несомненный интерес представляет и найденный в засыпи ямы № 162 вотивный тарапан, выполненный из плотного белого известняка. Подобные тарапаны разных размеров и качества изготовления в большом количестве встречались в заполнении ям в северной части городища Белинское.

Конструкция ямы № 162 идентична типу ям второго строительного периода (последняя четверть III – первая четверть IV в. н.э.), часть из которых была исследована на раскопе «Восточный» в 2017–2018 годах в непосредственной близости от ямы № 162. Две из них сохранили крышку и были заполнены грунтом менее чем наполовину. Вероятно, устье ямы № 162 подверглось разрушению в салтовский период или несколько раньше.

Находки из грунта, непосредственно перекрывавшего дно ямы № 162, включающие изделия из кремня (вкладыш с остатками желвачной корки и нуклевидный скребок) и фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор типа С по Д.Б. Шелову, идентичны находкам из слоя жёлтого суглинка на других участках раскопа «Восточный» [Зубарев, Ярцев, Смекалов, 2020, с.110]. В этот слой и было впущено устье ямы. В этой связи образование придонного пласта засыпи ямы № 162 в результате обрушения устья ямы сомнений не вызывает.

Что касается находок салтово-маяцкого периода, то они вполне согласуются с общей датировкой салтово-маяцкого поселения на месте городища Белинское: вторая половина IX – рубеж IX-X вв. [Зубарев, Майко, Ярцев, 2018, с. 201]. По-видимому, в этот период и произошла окончательная засыпка ямы.

И последнее, относительно ниши на уровне дна в стене ямы № 162. На северном участке городища Белинское была исследована яма, в которой на уровне дна имелось аналогичное углубление в стене, где in situ лежал обгорелый амфориск. Рядом на дне

была найдена зернотёрка (крышка и плита отдельно). Данную находку мы интерпретировали как «ямное святилище» [Зубарев, 2015, с. 177]. Возможно, нечто подобное имело место и в яме № 162.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Зинько В.Н., Пономарёв Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII – X вв. Симферополь-Керчь. 2009.

Зубарев В.Г. Культовые объекты на городище у с. Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996 – 2014 гг.) // ДБ. Т. 19. 2015. С. 161 – 183.

Зубарев В.Г., Майко В.В., Ярцев С.В. Керамический комплекс средневекового времени городища Белинское // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 1. Санкт-Петербург. 2018. С. 195 – 201.

Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л. Особенности планировки и основные этапы освоения восточного участка городища Белинское // БИ. Вып. XL. Керчь-Симферополь. 2020. С. 109 – 139.

REFERENCES

Zin'ko V.N. Ponomarev L.Yi. Tyritake. Raskop XXVI. Vol.I. Arheologicheskie kompleksy VIII-X vv. Simferopol-Kerch. 2009.

Zubarev V.G. Kul'tovye ob'ekty na gorodishe u s.Belinskoe v Vostochnom Krymu (po materialam raskopok 1996 – 2014 gg.)// DB. Vol.19. 2015, s.161 – 183.

Zubarev V.G., Maiko V.V., Yartsev S.V. Keramicheskii kompleks srednevekovogo vremeni gorodisha Belinskoe //BF. Materialu nauchnoi konferenzii. Chast' 1. S-Peterburg. 2018. S.195 – 201.

Zubarev V.G., Yartsev S.V., Smekalov S.L. Osobennosti planirovki I osnovnye etapy osvoeniya vostochnogo uchastka gorodisha Belinskoe //BI, Vol.XL. Simferopol-Kerch. 2020, s.109 – 139.

Резюме

В публикации рассматривается керамический материал из ямы № 162 из раскопок в восточной части городища Белинское.

Ключевые слова: Восточный Крым, городище Белинское, салтовский период.

Summary

The publication examines ceramic material from the pit No. 162 from the excavations in the eastern part of the Belinskoye settlement

Key words: Eastern Crimea, hillfort Belinskoe, Saltov period.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н., профессор,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
parosta@mail.ru, +79107005455

Ярцев Сергей Владимирович, д.и.н., доцент,
профессор,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
s-yartsev@yndex.ru, +79157834326

Бутовский Александр Юрьевич,
младший научный сотрудник,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Zubarev Viktor G., DSc, Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125.
parosta@mail.ru, +79107005455

Yartsev Sergei V., DSc, Docent, Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125.
s-yartsev@yndex.ru, +79157834326

Butovski Alexandr Yi., Senior Researcher,
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125.

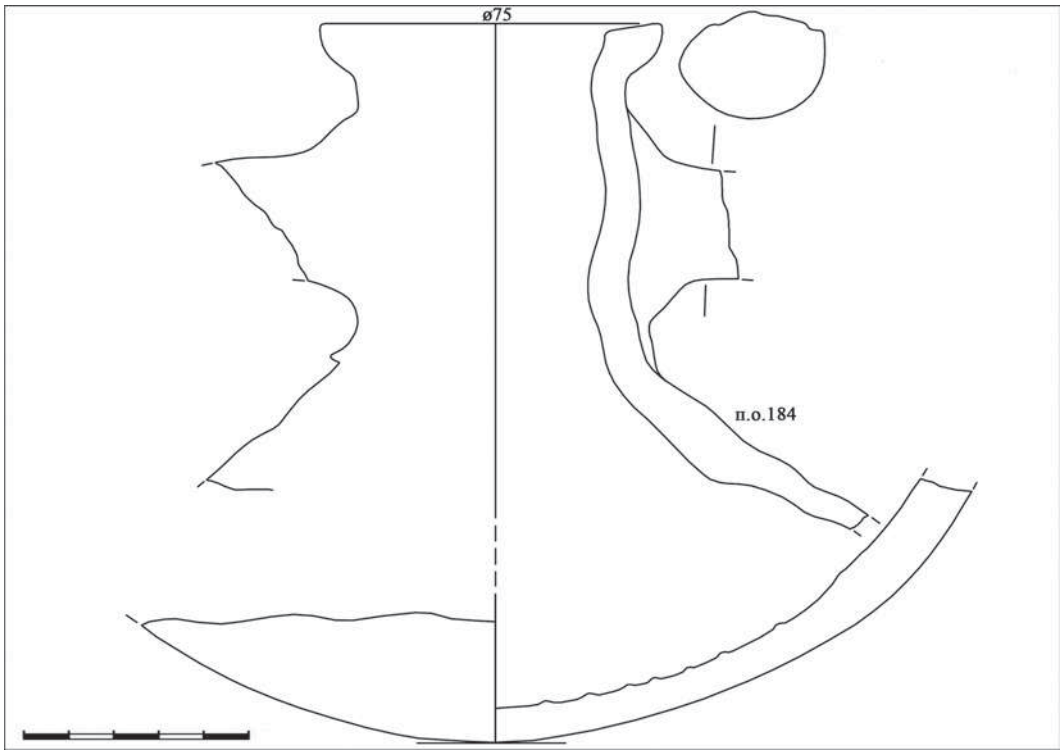


Рис. 1. Фрагменты амфоры «причерноморского» типа из ямы № 162 в восточной части городища Белинское.

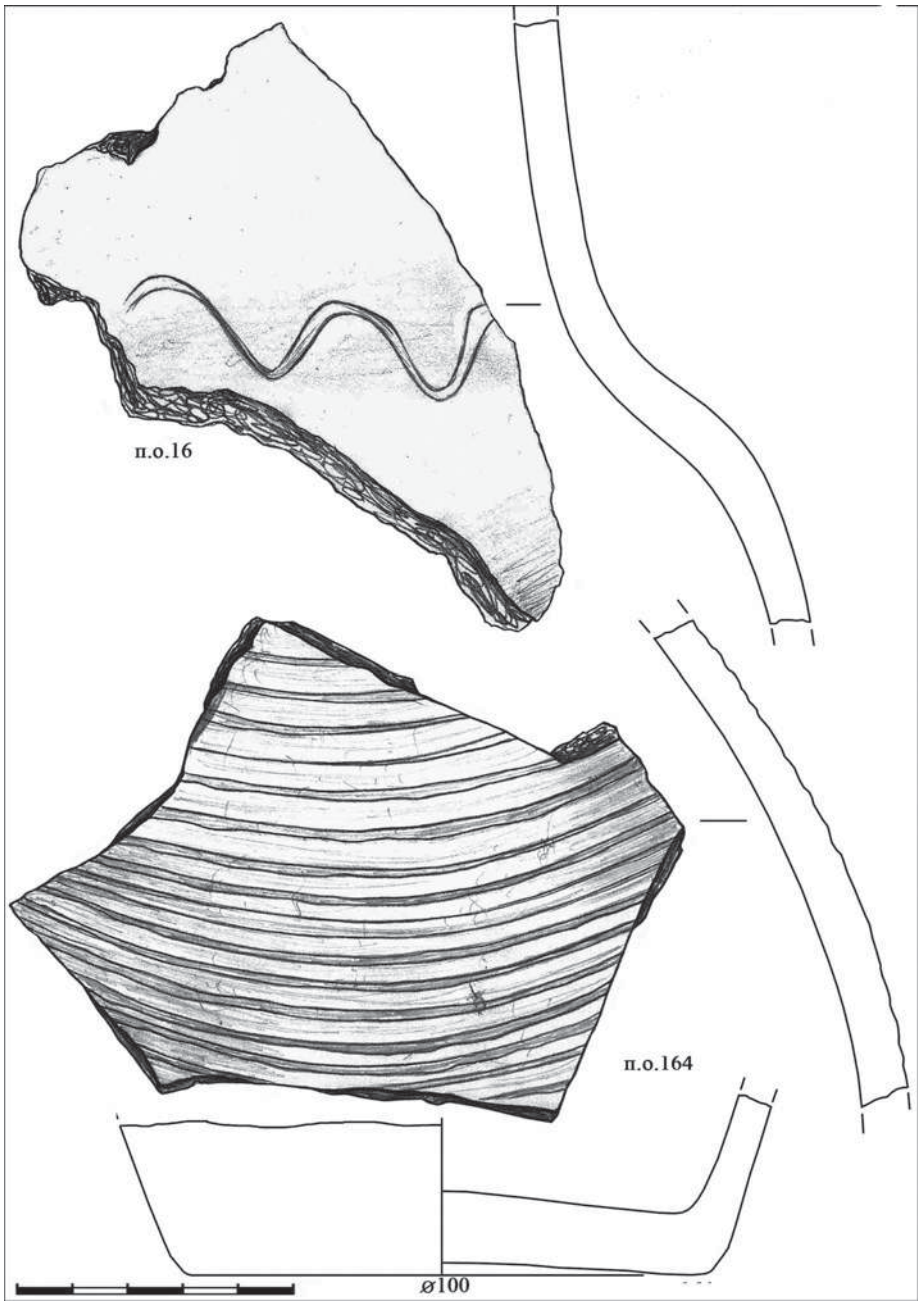


Рис. 2. Орнамент на стенках салтово-маяцких горшков из ямы № 162 в восточной части городища Белинское.

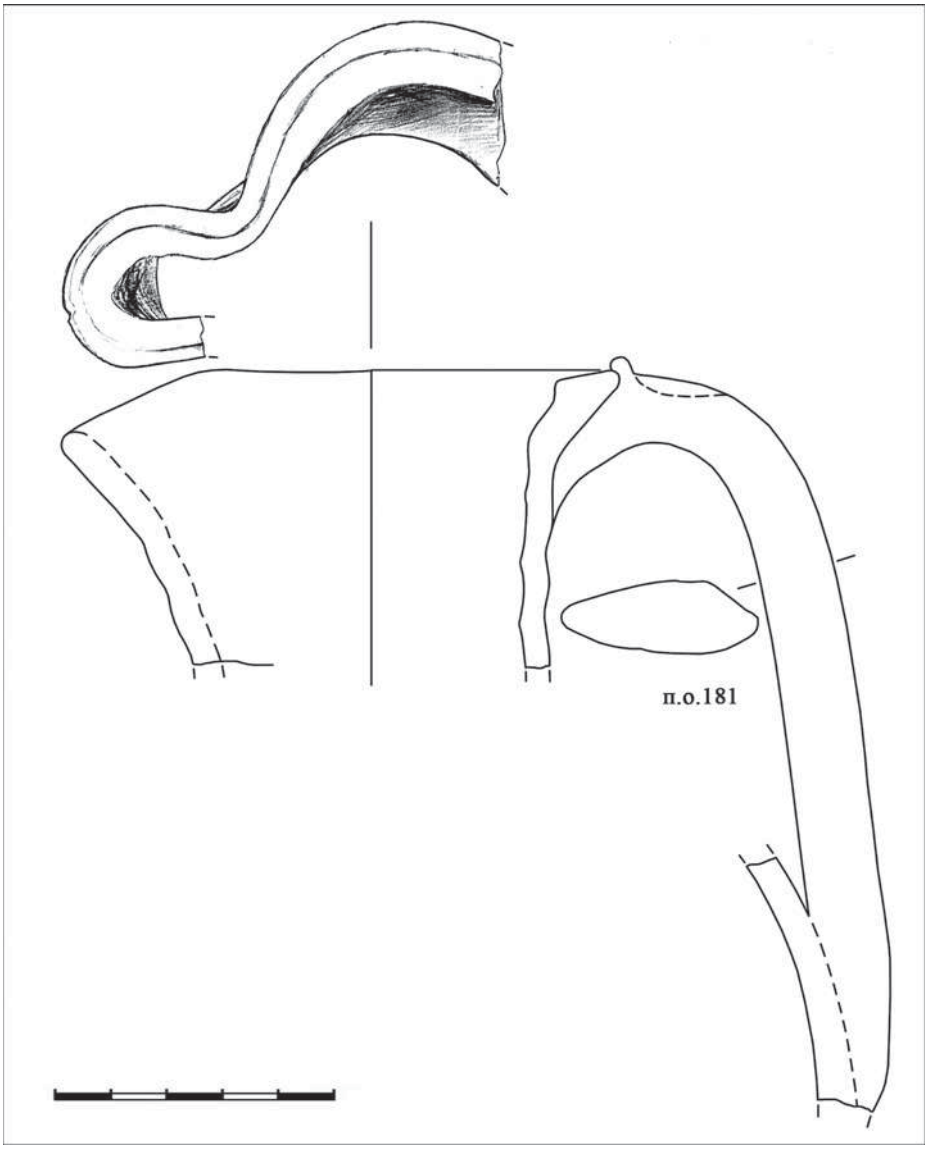


Рис. 3. Фрагмент ойнохои из ямы № 162 в восточной части городища Белинское.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Л. Ю. ПОНОМАРЕВ
L.IU. PONOMAREV

АНТИЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ КЕРЧИ (предварительный обзор)

ANTIQUE ANTIQUITIES IN THE CONTEST OF STUDYING MEDIEVAL MONUMENTS OF KERCH (preliminary review)

Византийский Боспор, генуэзский Воспоро-Черкио, а затем османская Керчь сменили друг друга, сформировавшись в пределах территории, охватывавшей небольшую, прилегавшую к порту часть античного Пантикапея [Зинько, Пономарев, 2016, рис. 1; 2; Науменко, Пономарев, 2013а, рис. 1; Бочаров, 2005, рис. 1]. Со всех сторон (кроме побережья) ее окружали остатки крепостных стен и построек бывшей столицы Боспорского царства. Постепенно, столетие за столетием, они были практически полностью разобраны на строительный материал, востребованный в большом количестве для нужд развивавшейся и менявшейся городской застройки и инфраструктуры средневекового города [1]. При этом для строительства и украшения сооружений использовались любые, пригодные для этой цели изделия из мрамора и известняка – архитектурные детали, элементы декора зданий, постаменты и обломки статуй, надгробия и плиты с посвятительными и почетными надписями. Со временем городская застройка средневековой Керчи приобрела колоритные черты, вобрав и органично растворив в себе «каменную летопись» своего античного предшественника. Именно таким и увидели город путешественники, побывавшие в нем в конце XVIII в. – первом десятилетии XIX в.

Первым среди них на эту особенность еще сохранившихся средневековых городских построек в 1786 г. обратил внимание Жильбер Ромм. Ему весь город показался «сооруженным из обломков греческих зданий». Обломки мрамора, «порой очень ценные», он встречал везде, в том числе в «стенах крепости» (генуэзско-турецкого периода), «маленьких домиках, построенных солдатами для себя» и в «античной церкви, возвышающейся посреди города» (церкви Иоанна Предтечи). По его мне-

[1] Остатки античных сооружений «добирали» в последней трети XVIII – первой половине XIX в. «Впрочем и здесь с открытыми основаниями поступают точно так, как в Ольвии: их отыскивают для употребления на строения, на бут; и таким образом, конечно, изгладятся и последние следы, по коим бы можно было основать какую-нибудь догадку о топографии Пантикапея…» [Муравьев-Апостол, 1823, с. 265].

нию, взяты они были из «развалин нескольких храмов или какого-нибудь большого здания, которое было воздвигнуто в этой местности греками». Однако с происхождением некоторых мраморных деталей из керченской церкви Ж. Ромм не смог определиться. Доверившись услышанным в Керчи «рассказам», он посчитал вероятным, что попасть в церковь мраморы могли из «построенной турками мечети» [Петрова, Прохорова, 2011, с. 96–97, 118–119].

Большим количеством использованных в качестве строительного материала античных древностей был впечатлен и Э.-Д. Кларк. Стены многих городских построек на момент его посещения Керчи в 1800 г. были «покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными», а некоторые из них служили в качестве «ступеней перед дверьми домов или… используются для строительства вперемешку с самыми грубыми материалами. Некоторые жители украсили свои двери греческими барельефами, понятия не имея об их действительной ценности и не обращая ни малейшего внимания на расположение фигур. Эти плиты зачастую устанавливаются во всех направлениях, зачастую наискось или в совершенно перевернутом положении» [Clarke, 1816, p. 118–119; Кларк, 1999, с. 27].

Спустя два года на эту особенность городских сооружений обратил внимание П. И. Сумароков, верно посчитав важнейшим свидетельством того, что Керчь располагалась на месте «знаменитой столицы Босфорской». «Изобилие мрамора» в городе, с его слов, было так велико «что ныне во многих униженных хижинах отломки онаго появляются закладенными между нетесанных камней». К сожалению, подробно на этой теме он не остановился, уделив лишь несколько строк «древней» церкви Иоанна Предтечи, в стенах которой заметил «грубо высеченные… изображения» (античные надгробия), а вокруг нее – «частицы мраморных колонн, капителей и необработанные онаго куски». И именно церковь привела П. И. Сумарокова к ошибочному выводу, согласно которому античные изделия из мрамора использовались при сооружении только лишь «древних» (средневековых) сооружений. «Впрочем, кроме сказанных изсечений, оных ни на городских стенах и нигде не приметно, что означает различие древних от новейших сооружений» [Сумароков, 1805, с. 109, 114].

На самом деле строительный материал, некогда добытый из разрушенных античных построек и разоренных погребений, продолжали массово использовать и после того, как Керчь вошла в состав Российской империи[2]. Такую практику засвидетельствовали путешественники конца XVIII в. Ж. Ромм нашел обломки мраморных изделий в «маленьких домиках, построенных солдатами для себя» [Петрова, Прохорова, 2011, с. 96]. Об этом же спустя несколько лет написал П. С. Паллас: «в крепости были, кроме очень древней греческой церкви, всякого рода развалившиеся построй-

[2] Массово античные изделия использовались до 30-х – 40-х гг. XX в., причем не только в кладке стен (см., к примеру: КБН, 1965, с. 247, 253, 280, № 366, 379, 435), но и в отмостках тротуаров и дворов, при разборке и ремонте которых многие из них впоследствии и были найдены.

ки, которые уничтожили, взяв нужный материал для постройки казарм. При раскопах фундаментов было найдено много старых могил и других древностей различного рода, срытых работавшими солдатами, а камни с надписями были употреблены ими в постройки» [Паллас, 1999, с. 121].

Начиная с 70-х гг. XVIII в. средневековая застройка Керчи стала исчезать[3], а к 30-м – 40-м гг. XIX в. в процессе генеральной реконструкции центральной части города от нее практически ничего не осталось, включая фортификационные и все без исключения культовые и общественные сооружения османского периода (мечети, теккие дервишей, караван-сараи, бани) [Томилов, 1868, с. 193; Бочаров, 2003, с. 35–41; Бочаров, 2005, с. 147, рис. 1] [4]. По мере их разрушения бесследно исчезла (в основной массе вновь была использована в качестве строительного материала) и большая часть античных изделий из мрамора и известняка. Сохранены и опубликованы были лишь немногие из них, в основном надгробия, обломки статуй, постаменты и плиты с надписями и наиболее интересные с художественной точки зрения архитектурные детали. Во второй половине XIX – XX вв. собрание такого рода на-

---

[3] Инженер-подполковник Р. Н. Томилов в своем описании Керчи, сделанном в 1774 г., упомянул, что большая часть построек в Керчи была «разорена, только некоторые под постоем войск починя содержатся» [Томилов, 1868, с. 193]. Многие средневековые сооружения были разобраны в процессе реконструкции и расширения керченской крепости во второй половине 70-х гг. XVIII в. [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 12]. Ввиду нехватки людских ресурсов и строительных материалов (известняк в то время под Керчью если и разрабатывался, то не в промышленных масштабах), работы ограничились возведением со стороны побережья дополнительного вала с бастионно-реданным профилем, а с юга – фортификационным сооружением с тенальным профилем («крепостью в виде интершанца» в «форме звезды»). Массив возведенных стен и валов был заполнен глиной, а фасады облицованы тесаным камнем, взятым из разрушенных средневековых построек [Паллас, 1999, с. 121; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 12; Белик, 2015, с. 17–18; Михайлова, 1976, рис. 2].

В 1785 г. Керчь посетила «астрономическая» экспедиция Ф. О. Чёрного. Один из ее участников – А. В. Жиленков описал ее следующим образом: «Я предполагал, что Керчь, Чарше или Корчев, это такой-же город, как виденные мною раньше в Крыму, но это не город, а скорее, масса избушек между развалинами города, занятыми архипелажскими греками» [Кондараки, 1883, с. 61–62]. Ничего примечательного о застройке Керчи, помимо «строений из земляного кирпича», не смог сообщить и неизвестный автор описания Таврической области, найденного в делах комиссии о разборе земельных споров в Крыму в 1802 г. [Лашков, 1916, с. 174]. В 1810 г., «обыскав» весь город, только отдельные старые здания смог увидеть в нем Габриэль де Кастельно д'Орос [Castelnav, 1820, p. 241].

[4] Известный русский ориенталист В. В. Бартольд в своей статье «Керчь», опубликованной в первом издании «Энциклопедии ислама» (1913 г.), охарактеризовал ее следующим образом: «Город, всемирно прославленный памятниками греческого, римского и раннехристианского времени, в мусульманский период не имел более того же значения и потому не располагает выдающимися мусульманскими постройками» [Бартольд, 2002, с. 459]. Согласиться с ним можно, выдающихся сооружений в Керчи при османах действительно не построили, но достойные внимания историков и искусствоведов наверняка были. Однако в первые десятилетия XIX в. их еще не считали заслуживавшими внимания и тем более сохранения. И это касалось не только архитектурных памятников. К примеру, И. М. Муравьев-Апостол, побывавший в Керчи в 1820 г., увидел среди собранной на крепостной площади «груды мраморных обломков» (античного времени) «столп с чалмою, обыкновенный надгробный камень мусульманов» и счел это «позором» для «изящных искусств» [Муравьев-Апостол, 1823, с. 262].

ходок удалось значительно пополнить, но уже в процессе раскопок или земляных и строительных работ. В большинстве своем они были извлечены из фундаментов и остатков стен построек византийского и османского времени. Зафиксированы также случаи использования античных архитектурных деталей и посвятительных надписей в конструкции плитовых могил ранневизантийского периода [5].

Впервые попытка сохранить хоть какую-то часть из них была предпринята во время «ломки» обветшавшей и уже давно не использовавшейся по своему прямому назначению генуэзско-турецкой крепости, занимавшей довольно значительную территорию в центральной части города (рис. 1, 1, 2) [6]. В кладку ее стен, башен, внутренних крепостных сооружений («в одной из старых магазинных построек» и «кордегардии») и каменную облицовку рва попали античные архитектурные детали, барельефы, надгробия и «многие мраморные обломки из развалин Пантикапеи взятые». В главных (западных) воротах была установлена мраморная скульптура льва, а перед ними Ж. Ромм и Э.-Д. Кларк увидели лежащие мраморные колонны (колонну) [Петрова, Прохорова, 2011, с. 97; Паллас, 1999, с. 121; Тункина, 2002, рис. 11; Стемпковский, 1827а, с. 66; Стемпковский, 1827б, с. 29; Дюбрюкс, 1858, с. 26; Кларк, 1999, с. 30]. В 1827 г. крепость «назначено было уничтожить», поэтому «для собрания и хранения» античных «драгоценных предметов» и «всего любопытного» И. А. Стемпковский предложил найти людей «знающих им цену» и которые

---

[5] Такие могилы были найдены на некрополе VI–IX вв., занимавшем восточную вершину и северо-восточные склоны г. Митридат [Зинько, Пономарев, 2014, с. 482–492]. В качестве перекрытия одной из них, раскопанной в 1862 г. А. Е. Люценко над старым городским кладбищем, была использована мраморная плита с посвятительной надписью наварха Трифона 123 г. н. э. [КБН, 1965, с. 37, № 33]. Перекрытием еще одной могилы, раскопанной К. Р. Бегичевым, служили сразу два надгробия, одно из них в виде двух обломков) [Латышев, 1902, с. 43; КБН, 1965, с. 228, 440, № 324, 767]. Среди плит перекрытия могилы (№ 33, 1952 г., Верхний Митридатский раскоп В. Д. Блаватского) оказался мраморный фриз с меандровым узором [Блаватский, 1955, с. 86–87, рис. 33], а в конструкции могилы (№ 44, 1953 г., Верхний Митридатский раскоп В. Д. Блаватского) использовали известняковую плитку с изображением цветка каллы II в. до н. э. [Блаватский, 1956, с. 117–118, рис. 56; Блаватский, 1964, с. 273, рис. 76]. К сожалению, полный список таких могил составить невозможно. Большая часть из них была раскопана в XIX в. – начале XX в. К. Р. Бегичевым, А. Е. Люценко, К. Е. Думбергом и В. В. Шкорпилом, в отчетах и публикациях которых многие погребения датированы не были, а рядовой погребальный инвентарь подробно не расписывался и чаще всего не сопровождался рисунками. Еще сложнее установить точное местоположение открытых ими погребений, поскольку в тексте обычно упоминался только «северный склон» г. Митридат.

[6] В 1920-е гг., используя картографические источники, Ю. Ю. Марти реконструировал ее внешнее оборонительное кольцо в пределах ул. Адмиралтейской (Адмиралтейский проезд), южной оконечности ул. Энгельса (ул. Кирова), юго-восточной оконечности ул. Воронцовской (ул. Ленина), сквера Л. Н. Толстого (сквера Славы) и пер. Церковный (пер. Димитрова) [Марти, 1928, с. 311; Белик, 2015, с. 11; Белик, 2016, рис. 2А]. В целом же площадь, защищенная стенами части города, в генуэзский и турецкий период составляла 3,52 га, а протяженность стен достигала 617 м [Бочаров, 2015, с. 142]. Подробное описание крепости приведено в работах С. Г. Бочарова, Ю. Л. Белика и М. Б. Михайловой [Бочаров, 2013, с. 342–348; Бочаров, 2015, с. 127–148; Белик, 2010, с. 509–520; Белик, 2015, с. 9–18; Белик, 2016, с. 50–57; Михайлова, 2012, с. 113–128].

должны были находиться при «разрушении сих стен» [Стемпковский, 1827а, с. 66]. Спустя два года, будучи уже Керчь-Еникальским градоначальником (1828–1832 гг.), он на деле осуществил свое предложение. В 1829 г. во время разборки крепостных сооружений был нанят надсмотрщик, который «безотлучно находился при разломке стен старых строений, осматривая все добываемые из оных камни, и наблюдая о сбережении и обращении в музей тех, кои окажутся с изображениями, надписями и проч.». Своевременно предпринятые И. А. Стемпковским меры позволили пополнить коллекцию недавно открытого Керченского музея разнообразными находками, в том числе мраморными и известняковыми «украшениями древней архитектуры», «прекрасным фризом», хорошо сохранившимся карнизом, надгробиями, обломками постаментов и плит с посвятительными и почетными надписями. Краткое их описание приведено в «Описи предметам древности, приобретенным для Керченского музея в течение 1829 года» [Тункина, 1999, с. 51; Тункина, 2002, с. 222; Ашик, 1848, I, с. 46, 91, № 1; 27; КБН, 1965, №№ 17, 37, 41; Сазанов, 1985, с. 169; Дюбрюкс, 2010, I, с. 288, 290, 291, 338–340, прим. 72].

Наиболее же часто среди античных древностей керченской крепости в травелогах конца XVIII в. – начала XIX в. упоминались барельефная мраморная плита с изображением грифона и мраморная скульптура льва.

Плита с изображением грифона была установлена над восточными («морскими воротами»). Впервые о ней в 1666/1667 гг. упомянул Эвлия Челеби, описав непонятное ему животное как «удивительное и странное изображение верблюда… с крыльями и верблюжьей головой» [Челеби, 2008, с. 192]. В следующий раз она упоминается только в 1786 г. Жильбером Роммом [Петрова, Прохорова, 2011, с. 97], после него никто из путешественников конца XVIII – начала XIX в. не обратил на нее внимание. В 1811 г. плиту с грифоном демонтировали и с некоторыми другими античными предметами отправили в Феодосийский музей, где она хранится и поныне (рис. 2, 1) [Вигель, 1864, с. 79–80; Спасский, 1846, с. 148; Тункина, 2002, с. 213–214, рис. 77; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 72; Тункина, 2011, с. 108, рис. 135–138; Федосеев, 2017, с. 15]. В 1954 г. на г. Митридат В. В. Веселовым был обнаружен фрагмент плиты с зеркальным и стилистически близким изображением головы грифона [Веселов, 1956, с. 62–63, рис. 1]. Возможно, обе плиты являлись составными частями единой архитектурной композиции – к примеру, пропилей [Федосеев, 2015, с. 377–378, рис. 1; Федосеев, 2013, с. 125].

В западных («водяных») воротах керченской крепости была установлена мраморная скульптура льва, о которой также впервые упомянул Эвлия Челеби [Челеби, 2008, с. 192, 196, прим. 406]. В 1786 г. ее подробное описание привел Жильбер Ромм: «над теми же керченскими воротами виден лежащий лев из белого мрамора, в натуральную величину» [Петрова, Прохорова, 2011, с. 97]. В 1794 г. мраморного «венецианского льва… вделанного в стену над воротами» заметил П. С. Паллас [Pallas, 1801, s. 272; Паллас, 1883, с. 54; Паллас, 1999, с. 121; Брун, 1877, с. 253]. В 1800 г. эта скульптура напомнила Э.-Д. Кларку изображения львов на гербах Генуи и Венеции

[Clarke, 1816, p. 122; Кларк, 1999, с. 30]. В 1802 г. П. И. Сумароков предположил, что «судя по опустевшему месту» такой же лев «был некогда и на другой стороне» ворот [Сумароков, 1805, с. 108]. В 1803 г. «венецианского» льва упомянул Жан де Рейи [Reuilly, 1806, p. 141].

Однако, когда была установлена эта скульптура, неизвестно, скорее всего, как и плита с грифоном, еще при генуэзцах, построивших эту крепость. Неизвестна и ее дальнейшая судьба. В начале XIX в. она перестала упоминаться путешественниками, хотя все они неизменно посещали крепость и, соответственно, не могли не обратить на нее внимания. И. М. Муравьев-Апостол и Минас Медичи (Бжшкьянц, настоятель армяно-католической церкви в Карасубазаре, 1820–1846 гг.), путешествовавшие по Крыму в 1820 и 1825 гг., считали, что львы «стоявшие прежде у ворот керченской крепости» были перевезены в Феодосийский музей [Murawiew-Apostol, 1825, s. 208; Муравьев-Апостол, 1823, с. 262; Тункина, 2011, с. 106] [7]. Однако, как справедливо заметила И. В. Тункина, привезенные в 1811 г. в Феодосию мраморные львы (установленные у входа в мечеть, где до 1871 г. размещался музей), были найдены в Фанагории, хотя какое-то время находились в карантине крепости Ени-Кале, где их и увидели Ж. Ромм и П. С. Паллас (рис. 2, 2) [Петрова, Прохорова, 2011, с. 99; Паллас, 1999, с. 124]. В Фанагории были найдены и два других льва, установленные в воротах сада феодосийского градоначальника С. М. Броневского, представлявшего настоящий «склад» античных древностей [Петрова, Прохорова, 2011, с. 99; Паллас, 1883, с. 60, прим. 14; Паллас, 1999, с. 124; Свиньин, 1826, с. 464–465; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83, 86; Погодин, 1872, с. 306; Горчакова, 1884, с. 170; Указатель.., 1912, с. 7, № 1; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 62; 63; Тункина, 2011, с. 37–38, 88–90, 106, 108, рис. 51; 134; Гераков, 1828, с. 122–123]. В 1837 г., после смерти С. М. Броневского, скульптуры львов из его сада были перевезены в Керчь и установлены у входа в музей на г. Митридат (рис. 3, 1) [Тункина, 2011, с. 89–90; Беккер, 1858, с. 355] [8]. Во время Крымской войны их в числе многих других экспонатов похитили англичане, оккупировавшие Керчь в мае 1855г. С этого времени они стали частью античной коллекции Британского музея (рис. 3, 2, 3) [McPherson, 1857, p. 51; Мак-Ферсон, 2008, с. 73]. Поэтому маловероятно, чтобы одна из них происходила из керченской крепости, как в свое время предположили Н. Ф. Федосеев и Н. Л. Кучеревская [Кучеревская, Федосеев, 2003, с. 162]. Скорее всего, скульптура льва из керченской крепости была демонтирована одновременно с плитой с изображением грифона в ее восточных воротах [9]. Но если плита с грифоном

---

[7] И. М. Муравьев-Апостол, как и его некоторые предшественники (П. С. Паллас, Э.-Д. Кларк, Жан де Рейи) назвал их «венецианскими» – «венецияне хотя не долго, но обладали Керчью, ибо успели поставить львов своих на страже у городских ворот» [Муравьев-Апостол, 1823, с. 262].

[8] П. С. Савельев, побывавший в Феодосии в сентябре 1856 г., ошибочно указал их прежнее местоположение – «в саду Котляревского (Броневского – авт.) под городом» [Жизнь.., 1871, с. 111].

[9] Изъятием керченских древностей мог заниматься П. Дюбрюкс, получивший в 1811 г. «поручение» от С. М. Броневского «перенести в Феодосийский музей мраморы и другие древности, которые мог... собрать» в Керчи [Латышев, 1889а, с. 136; Дюбрюкс, 2010, с. 135]. Возможно, некоторые из них были

действительно попала в Феодосийский музей в 1811 г., о чем есть многочисленные свидетельства, включая опись коллекции музея, найденную в бумагах А. Н. Оленина [Свиньин, 1826, с. 463; Вигель, 1864, с. 79; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 87; Жизнь.., 1871, с. 111–112; Погодин, 1872, с. 306; Латышев, 1889б, с. 113; Указатель.., 1912, с. 7, № 2; Тункина, 2011, с. 108], то куда отправили скульптуру льва (и отправляли ли вообще), документальных свидетельств обнаружить не удалось. По мнению Н. Ф. Федосеева и Н. Л. Кучеревской, возможно, это один из трех мраморных львов, хранившихся в Керченском музее до оккупации города союзными войсками в 1855–1856 гг. Два из них (из Фанагории, привезенные в 1837 г. из Феодосийского музея) были похищены англичанами, а третий – о котором и идет речь – наиболее плохой сохранности находится в Керченском лапидарии и по сей день (КЛ-814) [Кучеревская, Федосеев, 2003, с. 162].

Обломки «античных мраморов» были использованы и в облицовке «главного керченского фонтана». Находился он к северу от западных – главных ворот крепости рядом с мечетью Мустафы Челеби (в районе соврем. здания главпочтамта и бывшего универмага «Чайка» на площади Ленина). По словам Эвлии Челеби, это «родниковое место», где «в пяти местах бьют чистые источники воды толщиной в руку... Весь народ города нуждается в этих источниках». Однако о самом фонтане в его «Книге путешествий» нет ни строчки [Челеби, 2008, с. 196]. Впервые о нем, как об «источнике… пред крепостью», в 1774 г. упомянул инженер-подполковник Р. Н. Томилов, при этом отметил, что им в основном «довольствовались» жители форштадта [Томилов, 1868, с. 193].

В конце XVIII в. он обратил на себя внимание путешественников и неоднократно упоминался ими до 30-х гг. XIX в. Среди них – П. С. Паллас (1794 г.), М. Гатри (1795г.), П. И. Сумароков (1799 и 1802 гг.), Э.-Д. Кларк (1800 г.), Жан де Рейи (1803г.), Ф. Дюбуа де Монпере (1832 и 1834 гг.) [Паллас, 1999, с. 123; Pallas, 1801, s. 279; Guthrie, 1802, p. 172; Clarke, 1816, p. 122; Кларк, 1999, с. 30; Сумароков, 1805, с. 109; Сумароков, 1800, с. 71; Reuilly, 1806, p. 141; Montandon, 1834, p. 264; Монтандон, 2011, с. 201–202]. До первой четверти XIX в. фонтан обозначался на генеральных планах Керчи [Михайлова, 1976, рис. 2; Блаватский, 1951, рис. 1; Тункина, 2002, с. 133, рис. 39; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 37; 407; 408; 424; Белик, 2019, рис. 4]. Он же изображен на некоторых рисунках Керчи, сделанных в этот период, но, к сожалению, всегда с неудачного ракурса – с тыльной стороны [Coup…, 1819; Gamba, 1826, № 4; Famin, 1838, p. 32, pl. V]. Наиболее реалистично его конструкцию (наличие корыт-поилок для скота) передал автор рисунка из французского издания 1819 г., но при этом значительно увеличил его высоту, превысившей крепостную стену [Coup…, 1819] (рис. 1, 1). Поэтому на более поздних рисунках художники, никогда не видев-

---

куплены городским головой Феодосии и первым заведующим Феодосийским музеем А. В. Галлерой (Галерой), отправленным в 1811 г. С. М. Броневским в Керчь и Ени-Кале для приобретения предметов древности [Гейман, 1916, с. 103–104; Тункина, 2011, с. 98, прим. 7].

шие это сооружение и не понимавшие его назначение, изображали тыльную стенку фонтана как часть внешнего оборонительного пояса крепости, хотя она совершенно и не вписывалась в него [Famin, 1838, p. 32, pl. V; Ашик, 1848, I, рис. I] (рис. 1, 2).

В 1794 г. его в числе других достопримечательностей упомянул П. С. Паллас. Он описал его как «хороший фонтан новой турецкой работы, на что указывает находящаяся на нем надпись» [Паллас, 1883, с. 59; Паллас, 1999, с. 123; Pallas, 1801, s. 279]. В 1795–1796 гг. Мэтью Гатри упомянул о нем как о большом мраморном бассейне, который используют для поения лошадей [Guthrie, 1802, p. 172]. Несколько строк в обоих своих сочинениях ему уделил и П. И. Сумароков, посчитавший его достойным внимания среди немногих других, сохранившихся в городе «остатков древних времен». В первый раз побывав в Керчи в 1799 г., он сообщил о нем: «здешний фонтан, испускающий очень вкусную и здоровую воду, сделан на большом пространстве из камня, а передняя онаго стена облечена чистым белым мрамором и хорошо обработана». Ниже свое восхищение им он передал следующими словами: «Надобно приметить, что во всех сего края городах много фонтанов, и что искусство азиатцов в построении оных неподражаемо и заслуживает великое внимание» [Сумароков, 1800, с. 71]. Спустя три года, вернувшись в Керчь, П. И. Сумароков опять упомянул о нем: «общественный фонтан довольствует чрез приводныя из далека трубы город водою; передняя его сторона сделана из мрамора, и он превосходит все другие в Крыму» [Сумароков, 1805, с. 109]. В 1800 г. «прекрасным мраморным фонтаном турецкой работы» заинтересовался Э.-Д. Кларк и особенно «множеством старинных надписей» в его облицовке. На некоторых мраморных плитах он увидел «турецкие буквы, на других очень древние греческие надписи» [Clarke, 1816, p. 122; Кларк, 1999, с. 30]. Сохранил воспоминания о нем и Жан де Рейи, побывавший в Керчи в 1803г. Он описал его как большой и красивый, сооруженный из камня и украшенный мрамором, дающий здоровую и прозрачную воду [Reuilly, 1806, p. 141]. Фонтан «на берегу моря, имеющий греческую надпись античных времен», упомянул и Ш.Монтандон [Montandon, 1834, p. 264; Монтандон, 2011, с. 201–202]. Более подробно фонтан описал Ф. Дюбуа де Монпере. По его словам, он находился «на высоте 6 футов над уровнем моря, неподалеку от площади и берега… был восстановлен турками с использованием фрагментов античных мраморов и представляет собой большую нишу, из глубины которой вытекает вода. Особенно привлекает взгляд надпись справа; она вырезана на белом мраморе и, несмотря на повреждения, свидетельствует что Савромат III воздвиг монумент в память отца Митридата Евпатора, в год 489 Боспорской эры (162-й по Р.Х.), 4 числа месяца горпайоса» [Dubois de Montperéux, 1843, p. 131–132; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 20]. Таким образом, Ф. Дюбуа де Монпере ошибочно принял фонтан за античную постройку, а турки, по его мнению, только восстановили сооружение. Что касается описания самого фонтана, Ф. Дюбуа де Монпере не дал о нем конкретного представления. Внимание путешественника привлекла лишь надпись на фасадной стенке. Судя по всему, их было как минимум две. Первая – строительная турецкая надпись (упомянутая П. С. Палласом и

Э.-Д. Кларком, но никем не изданная), а вторая – «справа» по Ф. Дюбуа де Монпере – позднее неоднократно публиковалась. Это мраморный постамент с надписью, свидетельствующей об установке статуи Аминием в 192 г. н. э. [Стемпковский, 1829, с. 153–155; Ашик, 1848, I, с. 102, № 35; см. лит.: КБН, 1965, с. 58, № 50].

К сожалению, никто из путешественников не оставил подробного описания фонтана, хотя многие из них восхищались этим необычным сооружением. Он по праву назывался «главным», «городским» или «общественным». В нем можно было не только одновременно набрать воду десяткам людей, но и благодаря специальной конструкции напоить скот. В начале 30-х гг. XIX в. его суточный расход воды составлял 3720 английских куб. футов [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 20, прим. 19]. Сам фонтан представлял собой открытый, вытянутый в одну линию узкий прямоугольный резервуар, разделенный перегородками на отсеки-корыта, расположенные каскадом, благодаря чему вода переливалась из одного отсека в другой. Судя по городским планам того времени, общая длина сооружения составляла не менее 40 м [Санжаровец, 2011, с. 364, прим. 8]. С тыльной стороны отсеки обрамляла массивная стенка, облицованная с фасада мраморными плитами из разрушенных античных построек. Помимо плит, в облицовку был вмонтирован уже упоминавшийся выше постамент статуи с надписью «192 г. н. э.». К сожалению, время его постройки неизвестно, возможно, оно было указано на одной из мраморных плит, на которой П. С. Паллас и Э.-Д.Кларк увидели турецкую надпись. Однако никто не удосужился перевести ее текст и впоследствии она была утрачена. В конце 1830-х или начале 1840-х гг. фонтан был реконструирован и стал называться «Большим», но от сооружения османского периода в нем ничего не осталось. В сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство» старый фонтан упоминается уже в прошедшем времени [Ашик, 1848, I, с. 102] [10].

Из средневекового гидротехнического сооружения происходит еще одна античная находка. В 1794 г. П. С. Паллас нашел в доме священника (церкви Иоанна

---

[10] Новый фонтан упоминается в «Лоции Азовского моря и Керчь-Еникальского пролива», составленной А. Сухомлином в 1854 г.: «в улице, идущей к адмиралтейским воротам, есть еще другой фонтан; вода в нем хороша, но не всегда обильна, почему полиция иногда не дозволяет ею пользоваться» [Лоция.., 1854, с. 19; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 417; Михайлова, 1985, с. 72, рис. 4, д; Михайлова, 1976, рис. 3, 2]. Во второй половине 50-х гг. XIX в. он был вновь реконструирован на средства керченского купца 1-ой гильдии В. Я. Гущина и тогда же стал называться «фонтаном Гущина» или «Гущиновским мраморным фонтаном» [объявления.., 1858, с. 164; объявления.., 1859, с. 113]. Княгиня Е. С. Горчакова, посетившая Керчь в 1880 г., упомянула о нем как о «весьма красивом фонтане… осененном огромными пирамидальными тополями» и заметила, что он «недостаточен для двадцатитысячного населения», поскольку в остальных колодцах и фонтанах «вода мутна и имеет неприятный вкус» [Горчакова, 1884, с. 190]. В 1876 г. на «колодец», окруженный «группой тополей», обратил внимание Василий Иванович Немирович-Данченко, брат известного русского театрального режиссера и драматурга [Немирович-Данченко, 1880, с. 46]. В 1904 г. по решению городской Думы в память В. Я. Гущина на этом же месте был сооружен небольшой мемориальный фонтан. В настоящее время от него уцелел только один фрагмент, установленный около здания главпочтамта [Санжаровец, 2011, с. 364–365, прим. 8; Небожаева, 2015, с. 184].

Предтечи) античное надгробие с надписью «АГАΘН ТΥХН» (рис. 5, 2). Как ему сказали, «камень этот взят из бассейна старого фонтана… находящегося на западе от почтовой дороги, ведущей в Керчь» [Паллас, 1883, с. 59; Паллас, 1999, с. 123; Pallas, 1801, s. 279; КБН, 1965, с. 464–465, № 833]. Таким образом, в конструкции и этого фонтана, который путешественник, въезжая в Керчь, должен был заметить (но не упомянул), были использованы античные изделия из мрамора. Находился он при въезде в город (соврем. мкрн Мичурино) у почтовой дороги, некогда пролегавшей вдоль южного склона горы Митридат по современным ул. Комарова и Нижняя Садовая. Подтверждают это и картографические источники, в частности военно-топографическая карта Крыма генерал-майора С. А. Мухина 1816 г. и карта окрестностей Керчи 1835 г., на которых примерно в этом же месте обозначен фонтан. К сожалению, никто, кроме П. С. Палласа, о нем не упомянул, хотя как почтовая эта дорога использовалась до середины 1820-х гг. В 1822 г. на землях, прилегающих к фонтану, Р. А. Скасси (попечитель торговли с черкесами и абазинцами, статский советник) заложил обширный сад, а в 1824 г. – виноградник, тогда же он привел в порядок (возможно, и перестроил) фонтан, который впоследствии стал именоваться «Скассиев» или «Скасинский» [Санжаровец, 2015, с. 253–282; Санжаровец, 2019, с. 212–220; Мыц, 2004, с. 14–15].

Еще три посвятительные надписи были найдены при раскопках средневекового трехапсидного храма («церкви Шевелева»), обнаруженного в 1833 г. при сооружении подвала дома купца П. В. Митрова примерно в 50–100 м («не далее 50 саженей» или «в аршинах 50-ти») к западу от церкви Иоанна Предтечи (соврем. застройка к юго-западу от пер. Димитрова) (рис. 5, 3). Время его сооружения неизвестно, но, судя по тому, что к его стенам примыкал плитовый могильник, он мог функционировать до XII–XIII вв. и, вероятно, был разрушен одновременно с городскими кварталами, раскопанными в 1963–1964 гг. Т. И. Макаровой к северу от церкви Иоанна Предтечи. К сожалению, никто из современников не проявил большого интереса к этому памятнику, хотя многие, в т. ч. П. А. Дюбрюкс, А. Б. Ашик, граф А. С. Уваров и Е.П.Шевелёв (корреспондент ООИД) были прекрасно осведомлены о нем. Вновь обратил на себя внимание он лишь в последнее десятилетие, при этом в научный оборот И. В. Тункиной были введены не опубликованные ранее архивные материалы, в которых содержатся некоторые подробности его раскопок [Шевелев, 1848, с.731–732; Ашик, 1848, I, с. 61, 53, 91–92. № 12, 7, 27; КБН, 1965, № 21, 11, 41; Дюбрюкс, 1858, с. 26–27; Дюбрюкс, 2010, I, с. 290–291, 340, прим. 75; Науменко, Пономарев, 2013а, с. 295–302; Науменко, Пономарев, 2013б, с. 249–250]. Что касается найденных во время его раскопок «антиков», П.А. Дюбрюкс упомянул как минимум о трех надписях, одна из которых оказалась фрагментарна [Дюбрюкс, 2010, I, с. 290]. Две из них – мраморные постаменты с посвящениями «Артемиде Эфесской при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии» и «Матери Фригийской… в царствование Перисада сына Спартока» [КБН, 1965, № 11, 21]. С третьей, фрагментированной надписью, в которой упомянуто имя римского

императора Клавдия, далеко не все ясно. И. В. Тункина отождествила ее с посвящением статуи Нерону, сыну императора Клавдия, но она была найдена в 1829 г. при разборке турецкой крепости и в этом же году ее опубликовал И. А. Стемпковский [Ашик, 1848, с. 91–92, № 27; Дюбрюкс, 2010, I, с. 340, прим. 75; КБН, 1965, № 41]. Еще сложнее атрибутировать две «надписи Перисада», которые, по словам П. А.Дюбрюкса, были найдены на прицерковном «кладбище среди земли и обломков» [Дюбрюкс, 2010, I, с. 291]. Возможно, речь идет о двух других упомянутых им ранее надписям – КБН, № 11, 21. По мнению же И. В. Тункиной, это надписи КБН №113 и 24 (1823 и 1832гг., место находки неизвестно) [Тункина, 2020, I, с. 340, прим. 76].

В 1843 г. сразу более двух десятков античных изделий из мрамора были найдены на бывшей Биржевой площади «при разыскании воды» [11] в «шагах шестидесяти от берега моря по левую сторону древнего Пантикапейского порта» (т. е. недалеко от Генуэзского мола, в северо-восточной части соврем. площади Ленина). По словам А. Б. Ашика, один из местных старожилов уверял, что на этом месте находилась «старинная турецкая баня». При разборке фундаментов этой постройки были найдены 25 мраморных изделий, включая четыре постамента статуй с посвятительными и почетной надписями [Открытие.., 1844, с. 321–322; Ашик, 1845, с. 122–123; Бларамберг, 1848, с. 817–818; Шкорпил, 1914, с. 16, прим. 2; КБН, 1965, с. 31, 38–43, 62–63, № 25, 36, 55]. К сожалению, более точной ее топографической привязкой мы не располагаем. Инженер-подполковник Р. Н. Томилов сообщил, что в 1774 г. внутри крепости была только одна баня, а в форштадте еще две [Томилов, 1868, с. 193]. В 1963г., примерно на том же месте, где нашли остатки «старинной турецкой бани», И.Б. Зеест и А. Л. Якобсоном была раскопана средневековая баня. Но вряд ли речь идет об одной и той же постройке, поскольку функционировала она не позднее третьей четверти XV в. [Зеест, Якобсон, 1965, с. 62–69]. Что касается еще одной бани, раскопанной В. В. Шкорпилом в 1911 г., она была турецкого периода и существовала, судя по находке клада монет, как минимум до 70-х гг. XVIIIв. Но, располагалась эта баня в ином месте, на территории бывшего форштадта, значительно дальше от моря и ближе к бывшей Воронцовской улице (ул. Ленина) [Шкорпил, 1914, с. 18–19, 74]. Таким образом, вопрос о местоположении «турецкой бани» 1843 г. остается открытым.

К эпохе Средневековья, вероятно, относится отрезок тоннеля подземной гидротехнической системы под ул. Театральной (в 40–50 м от Константиновской лестницы), в конструкцию которого был включен участок монументальной античной стены длиной 13 м, возведенной из крупных рустованных блоков и вторично ис-

[11] Речь идет об артезианском колодце, с помощью которого с начала 30-х гг. XIX в. пытались решить проблему водоснабжения города [Небожаева, 2015, с. 187]. Возможно, именно он упоминается в корреспонденции «Северной пчелы» в связи с посещением Керчи 13 августа 1845 г. Великим князем Константином Николаевичем. Осмотрев церковь Иоанна Предтечи, он прошел пешком на Предтеченскую площадь «посреди коей в огражденном квадрате производится бурение артезианского колодца» [«Северная пчела», 1845, с. 797–798].

пользованных архитектурных деталей – 12 барабанов колонн дорического ордера, 2-х барабанов колонн без каннелюр и блоков с прямоугольными пазами и гнездами для пиронов. Подробное его описание приведено в отчете «О разведках во владении «Водоканала», ул. Р. Люксембург, д. 8, с 18. IV по 26. IV 41 г.», выдержки из которого вместе с рисунками стены К. Кунофа 1939 г. опубликовал В. П. Толстиков [Толстиков, 1992, с. 56–57]. Подъемный материал, собранный в тоннеле Ю. Ю. Марти (1939 г.), позволил В. П. Толстикову датировать стену не ранее начала III в. до н. э. [Толстиков, 1992, с. 56]. Что касается самого тоннеля, включенного в 60-е – 70-е гг. XIX в. в более обширную подземную гидротехническую систему [Небожаева, 2015, с. 184–185], он, по существу, еще не изучен и дата его сооружения остается под вопросом.

Наиболее часто упоминаемыми оказались антики церкви Иоанна Предтечи (рис. 4, 1) [см. подробнее: Пономарев, Бейлин, 2016, с. 313–317; Федосеев, Пономарев, 2016, с. 124–136]. В ее стены было вмонтировано несколько надгробий, а в ступени бокового входа и облицовку пола – несколько архитектурных деталей и постаментов. В своеобразный лапидарий под открытым небом был превращен и двор церкви, на территорию которого к 1820 г. было свезено несколько десятков крупногабаритных античных изделий из камня, найденных в ближайшей округе церкви и за пределами города.

Впервые на античные древности церкви Иоанна Предтечи в 1786 г. обратил внимание Жильбер Ромм. Среди мраморных плит ее пола, большая часть которых наверняка тоже имела античное происхождение (рис. 5, 1), он обнаружил два фриза, в конструкции лестницы северного входа – два мраморных постамента, а в северной стене – надгробную плиту с эпитафией «ΘΕΟΝΑ ΥΙΕ | ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ | ΑΜΑΣΤΡΙΑΝΕ, | ΧΑΙΡΕ» [КБН, 1965, № 610; Петрова, Прохорова, 2011, с. 97; Тункина, 2002, рис.12]. Однако, как уже упоминалось выше, Ж. Ромм так и не смог определить, попали они в церковь «из построенной турками мечети» или «из развалин нескольких храмов или из какого-нибудь большого здания, которое было воздвигнуто в этой местности греками». Позднее, уже будучи в Бахчисарае, путешественник обратил внимание на мраморные украшения бани, часть которых имела «такой же характер», как и некоторые «фризы» из керченской церкви. Благодаря этому обстоятельству, как пишет сам автор, он стал доверять услышанным им в Керчи рассказам о том, что большая часть мраморных украшений попала в церковь из «прекрасной мечети» [Петрова, Прохорова, 2011, с. 118–119]. Однако эти его рассуждения оказались не более чем фантазией, в основу которых, как и у некоторых других путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв., были положены местные легенды.

В 1794 г. несколько надгробий в стенах церкви упомянул П. С. Паллас, включив их рисунки в свою книгу [Pallas, 1801, s. 279] (рис. 6, 2, 3). В 1793–1794гг. изучением лапидарных памятников Боспора занимался Ф. К. Маршал фон Биберштейн. Некоторые из них, включая надгробия из стен церкви и дома священника, были изданы им в статье «О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива» [Тункина, 2010, с. 595, рис. 18; 19;

21; 23; 28–30; КБН, 1965, № 285, 496, 610, 833]. В 1802 г. надписи, опубликованные Ф. К. Маршалом фон Биберштейном, были переизданы Мэтью Гатри. Он же упомянул о колоннах «колоссального размера», лежавших рядом с храмом [Тункина, 2002, с. 50–52; Guthrie, 1802, p. 173, 309–327]. Краткое описание и изображения трех надгробий из стен храма опубликовал Л. С. Ваксель, совершивший путешествие по Крыму в 1797–1798 гг. [Waxel, 1803, p. 8, № 8–10].

Множество античных «бесценных остатков», собранных для «ремонта церкви», в 1800 г. увидел Э.-Д. Кларк [Clarke, 1816, p. 119]. Однако собрали их не для ремонта, а реконструкции храма. К 1803–1804 гг. его внутреннее пространство увеличили за счет западной пристройки с хорами и колокольней (рис. 4, 2, 3). При этом в ее северную и южную стены были вмонтированы несколько античных надгробий[12]. Именно на них чаще всего и обращали внимание путешественники, в том числе П. И. Сумароков (1802 г.), Н. А. Львов (1803 г.), Реджинальд Хебер (1806 г.), А. И. Михайловский-Данилевский (1818 г.), Е. Е. Кёлер (1821 г.), П. П. Свиньин (1825 г.), Ф. Ф. Вигель и Хр. Штир (1827 г.), Н. Н. Мурзакевич (1836 г.) [Сумароков, 1805, с. 108–109; Тункина, 2002, с. 67–70, рис. 12–13; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 30–31; Храпунов, 2008, с. 668; Михайловский-Данилевский, 1897, с. 92; Свиньин, 1826, с. 458; Вигель, 1864, с. 78; Дюбрюкс, 2010, I, с. 55–56; Мурзакевич, 1837, с. 682–683; Тункина, 2018, с. 329] [13].

В 1820 г. «груду мраморных обломков… посреди крепостной площади» около церкви нашел И. М. Муравьев-Апостол. Особенно ему запомнился женский «торс колоссальный… греческой работы» [Муравьев-Апостол, 1828, с. 262]. В 1821 г., побывав дважды в Керчи, античными древностями церкви заинтересовался Е. Е. Кёлер. Он привел в своем дневнике копии надписей на надгробиях и описал их сюжеты. Кроме того, он обратил внимание на мраморные колонны, лежавшие у стен церкви, и мраморную обезглавленную статую женщины из белого мрамора [Тункина, 2018, с. 329]. В 1822 г. собранные во дворе церкви античные древности кратко описал Роберт Лайелл. Среди обломков карнизов, капителей и колонн он также отметил «обезглавленную статую женщины титанических размеров, выполненную из мрамора» [Layall, 1825, p. 376]. Очевидно, за нее он, как и его предшественники (И. М. Муравьев-Апостол, Е. Е. Кёлер, Р. Лайелл), принял торс огромной статуи, в которой исследователи XIX в. видели Эскулапа или Асклепия [Ашик, 1849, III, с. 52, рис. CII; Спасский, 1846, с. 8]. Найден он был, по словам П. А. Дюбрюкса, «под одной из башен генуэзской крепости», но когда точно, неизвестно [Дюбрюкс, 2010, I, с. 290]. Позднее обстоятельства и место его находки были

---

[12] По сведениям П. А. Дюбрюкса, полученным от местных старожилов, обработанные камни для «расширения крепостной церкви отыскивали» где только можно, даже в «античных гробницах» [Латышев, 1889а, с. 135–136; Дюбрюкс, 2010, I, с. 135].

[13] Очень удачно по поводу древностей церкви в своей книге высказалась баронесса Л. С. Врангель – «собрана» она была из «обломков глубокой старины» [Врангель, 1938, с. 130].

забыты. А. Б. Ашик в своей книге «Воспорское царство», к примеру, написал, что «колоссальный торс Эскулапа» был найден Э.-Д. Кларком (1800 г.) в «ограде греческой церкви» (Иоанна Предтечи), где он стоял с «незапамятных времен» [Ашик, 1849, III, с. 52]. Однако в книге Э.-Д. Кларка о нем нет ни слова. Второй обломок этой статуи П. А. Дюбрюкс обнаружил в 1817 г. «посредине» крепостного рва «в его западной части» [Дюбрюкс, 2010, I, с. 290]. Позднее О. Ф. Вальдгауер атрибутировал статую как изображение «боспорского царя», а Б. В. Фармаковский увидел в ней Аполлония, младшего сына Левкона I. По мнению Н. Ф. Федосеева, это изображение боспорского царя Перисада I. В 1851 г. оба обломка перевезли в Эрмитаж, где их склеили (рис. 7) [Федосеев, 2011, с. 385; Федосеев, Пономарев, 2016, с. 127–128; подробнее см.: Дюбрюкс, 2010, I, с. 339, прим. 69].

В 1825 г. «женская колоссальная статуя отменно смелого резца» и «торс мужчины… гораздо низшей работы» привлекли внимание П. П. Свиньина [Свиньин, 1826, с. 458–459]. Что касается надгробий, их в стенах храма он насчитал четыре, из которых два «высокой работы, с именами усопших и окончанием – радуйся» [Свиньин, 1826, с. 458]. «Великое множество надписей, барельефов, обломков от колонн, вмазанных в стены церкви и находимых вокруг ея» позволили П. П. Свиньину предположить, что она была построена первыми «пришедшими сюда христианами из развалин храма знаменитого Эскулапа Пантикапейского» [Свиньин, 1828, с. 24].

В 1832 и 1834 гг. Керчь посетил Фредерик Дюбуа де Монпере. В своем сочинении он уделил внимание и церкви Иоанна Предтечи, попутно отметив, что «памятники Пантикапея» начинались «уже в стенах храма». По его мнению, многие из них были «привезены сюда» (на церковный двор), чтобы «уберечь от разрушения». Однако подробного их описания он не привел, поскольку, по его словам, они были опубликованы в сочинении П. С. Палласа [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 15].

Наиболее полная сводка античных лапидарных памятников из церкви приведена в сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство», изданном в 1848 г. В их числе – посвятительная надпись на мраморной колонне, обнаруженная в 1839 г. внутри церкви или недалеко от нее, а также надгробия Наны и Демостратеи, (южная стена пристройки) (рис. 6, 3), Лисимаха, сына Эвхариона, (в алтарной части), Публия, сына Косса (рис. 6, 1, 2), и Феоны, сына Дионисия (северная стена пристройки) [Ашик, 1848, I, с. 87, № 25; II, с. 60–62, 64, № 4, 5, 6, 8, 15; КБН, 1965, № 285, 496, 610; Иванова, 1950, с. 250–251, рис. 14] [14] и «колоссальный торс Эскулапа» (по его мнению, может быть и Юпитера), находившийся с «незапамятных времен» в ограде церковного двора и здесь же якобы обнаруженный Э.-Д. Кларком [Ашик, 1848, с. 52–53].

В 1844 г. Н. Н. Мурзакевич опубликовал постамент с латинской надписью об установке статуи Савромата I, обнаруженной в 1839 г. в церковном дворе [Мурзакевич,

[14] Надгробия Публия и Феоны [КБН, 1965, № 496, 610] были изъяты из северной стены западной пристройки во время сооружения северного придела и тогда же их передали в Керченский музей.

1844, с. 286 – 287; Краткий указатель.., 1873, с. 41, № 54; Краткий указатель.., 1916, с. 98; КБН, 1965, № 46]. В 1840 г. в ограде церкви или при расчистке церковного двора был найден мраморный фриз с барельефом, изображавшим Артемиду, Аполлона, Гермеса и нимфу Киллену. Эту находку позднее опубликовал Н. П. Кондаков [Музеум.., 1850, с. 402; Краткий указатель.., 1873, с. 13–14, № 2; Краткий указатель.., 1916, с. 84, № 129; Кондаков, 1877, с. 16–25, табл. I, № 3; Варнеке, 1915, с. 15–25; Тункина, 2002, рис. 85] [15]. В этой же статье он упомянул о нескольких надгробиях, обнаруженных во время ремонта в стенах «новых частей церкви и… церковного амбара» [Кондаков, 1877, с. 25].

В 1895 г. в траншеях под фундаменты стен строящегося северного придела церкви были найдены два постамента с посвятительными надписями [КБН, 1965, № 29, 38]. Последняя, подобного рода находка была сделана в 1951 г. Под обвалившейся штукатуркой южной стены церкви обнаружили надгробие «Деметрии, дочери Поседиппа». [Болтунова, 1960, с. 204–206, рис. 3; 4; КБН, 1965, № 176], а в 1956г. в одном из шурфов, заложенных внутри церкви М. А. Фронджуло, был найден мраморный торс Асклепия III в. до н. э. [Кобылина, 1962, с. 180–182, рис. 1; Майко, 2020, с. 108].

Помимо надгробий, барельефов и обломков архитектурных деталей, в качестве строительного материала в церковь попали два античных мраморных постамента. Один из них благодаря сохранившемуся посвящению получил широкую известность и неоднократно публиковался в XIX–XX вв. (рис. 6, 4) [КБН, 1965, № 23]. Другой постамент, надпись на котором практически не сохранилась, не привлек внимания эпиграфистов, но стал одной из почитаемых святыней храма (рис. 6, 5) [см. подробнее: Пономарев, Бейлин, 2016, с. 316– 317].

Со слов Жильбера Ромма можно предположить, что изначально они были вмонтированы в лестницу северного входа [Петрова, Прохорова, 2011, с. 97]. Однако, по сведениям Л. С. Вакселя и А. Б. Ашика, по крайней мере один из них, а именно – постамент с посвящением Леострата, обнаружили среди плит мраморного пола [Waxel, 1803, p. 8; Ашик, 1848, с. 61]. Изготовлен он был из мраморного блока на верхней поверхности которого вырублены углубления в форме ступней для ног статуи, а на лицевой стороне вырезана посвятительная надпись: «В царствование Перисада, сына Спартока, Леострат, сын П… за своего брата… посвятил Матери (?)» (рис. 6, 4). Между 1811–1816 гг. он был отправлен в Феодосийский музей древностей, что подтверждает найденная в архиве А. Н. Оленина «Опись Феодосийского музеума, учрежденнаго в 1811 г.» [Латышев, 1889б, с. 110–111]. В настоящее время место хранения постамента

[15] Мраморный фриз и постамент с латинской надписью были переданы архиепископом Гавриилом и керченским протоиереем Д. Карличем в музей Одесского общества истории и древностей [Тункина 2002, с. 284; Музеум.., 1850, с. 402; Краткий указатель.., 1873, с. 13–14, 41, № 2, 54; Краткий указатель.., 1916, с. 84].

установить не удалось, возможно, он утрачен во время Великой Отечественной войны.

Второй постамент такой известности среди исследователей не получил, поскольку посвятительная надпись на нем не поддавалась прочтению. Единственный известный его рисунок был сделан художником-реставратором Д. М. Струковым (рис. 6, 5) [Священный образ.., 2012, с. 310; Храпунов, 2019, с. 412, рис. 1]. Керченские обыватели окружили его легендами и преданиями, согласно которым углубления в виде человеческих ног на поверхности камня оставил «некой Святой», стоявший на нем «многие годы кряду», а небольшая выемка рядом с ними трактовалась как отверстие «для оконечности посоха» [Сумароков, 1800, с. 71; Измайлов, 1805, с. 109]. «Следы святого» приписывали Св. Иоанну Предтечи или апостолу Андрею Первозванному, а наполняемая в углубления «святая вода» считалась целительной: «По временам на плиту льют освященную воду и верующие, зажегши свечи пред иконою, благовейно набирают воду для себя и тщательно хранят в домах, как врачество против глазных болезней» [Зенкевич, 1894, с. 148–149; Справочная..., 1886, с. 250] [16]. Какое-то время постамент находился внутри церкви, но со временем, как отметил архиепископ Гавриил, посетивший Керчь в 1829 и 1835 гг., он был установлен в трех саженях от западного входа в церковь [Сумароков, 1800, с. 71; Гавриил, 1844, с. 324]. В 80-е годы XIX в. в качестве его местоположения указывается каменная ограда церкви [Приходы.., 1885, с. 1334; Справочная.., 1886, с. 250]. Позднее постамент был помещен в стеклянный футляр, под которым находилась икона Св. Иоанна Предтечи с лампадой, а в начале XX в. он уже хранился в небольшой построенной для него часовенке у западного входа [Зенкевич, 1894, с. 148; Приходы..., 1885, с. 1334; Справочная.., 1886, с. 250; Санжаровец, 2006, с. 39]. В дальнейшем, после того как церковь закрыли (1938 г.), его следы теряются.

Безвозвратно были утеряны и многие другие античные древности, найденные в средневековых постройках Керчи, при этом в свое время они не получили должного описания, а место находки зачастую остается под вопросом. Поэтому составить даже относительно полный их каталог уже не представляется возможным, хотя дальнейшие изыскания в архивах оставляют надежду на некоторое его пополнение. Что касается уцелевших антиков, одни из них хранятся в лапидарии Восточно-Крымского заповедника, другие – в Эрмитаже, Феодосийском и Одесском музеях. В изначальном месте находки сохранились только два надгробия – одно безымянное, второе – сестер Наны и Демостратеи [КБН, 1965, № 285], оставленные реставраторами в южной стене церкви Иоанна Предтечи.

---

[16] Возможный вариант генезиса этой легенды реконструировал Н. И. Храпунов [Храпунов, 2019, с. 412–414].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ашик А.Б. О последних археологических раскопках в Керчи // ЖМВД. СПб., 1845. Ч. 14. С. 120–133.

Ашик А.Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса. Типография Т. Неймана и К°, 1848–1849. Ч. I. 117 с.; Ч. II. 88 с.; Ч. III. 96 с.

Бартольд В.В. Керчь // Бартольд В. В. Работы по исторической географии / подгот. к изд. О.Г. Большаковым; отв. ред. А.М. Беленицкий / перепеч. с изд. 1965 г. М.: Восточная литература РАН, 2002. С. 458–459.

Беккер П.В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 года // Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. М.: Типография Каткова и К°, 1858. Кн. 3. Изд. 2-е. Отд. 1. С. 349–382.

Белик Ю.Л. Некоторые фортификационные особенности крепости Керчь в XVII–XVIII вв. // БИ. Симферополь-Керчь, 2010а. Вып. XXIII. С. 509–520.

Белик Ю.Л. Крепости Керченского полуострова (XVII–XIX вв.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 120 с. (Керченская старина. Вып. II).

Белик Ю.Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII–XVIII вв.). Казань. Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. 236 с.

Белик Ю.Л. Итоги и перспективы исследований крепостей Керченского полуострова // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2019. С. 70–74.

Блаватский В.Д. Материалы по истории Пантикапея. План города // МИА. М.; Л., 1951. № 19: Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. I. С. 9–62.

Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея в 1952 году // КСИИМК. 1955. Вып. 58. С. 73–87.

Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея в 1953 году // КСИИМК. 1956. Вып. 63. С. 109–123.

Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.

Бларамберг М. Археологические разыскания в Керчи // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. С. 815–820.

Болтунова А.И. Неизданные надписи Боспора // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 199–207.

Бочаров С.Г. Топография города Керчи XVI–XVIII вв. // Древнее Причерноморье. Материалы международной конференции «V-е Чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского» (Одесса, 12–14 марта 2001 года). Одесса, 2003. С. 35–42.

Бочаров С.Г. Топография города Керчи XVI–XVIII веков // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4. С. 145–151.

Бочаров С.Г. Крепостные сооружения города Боспора – Воспоро в XIV–XV вв. Реконструкция // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., 2013. С. 342–348.

Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро // Причерноморье в средние века. СПб., 2015. Вып. 9. С. 127–148.

Брун Ф.К. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и средние века // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1877. Т. XXIII. С. 231–253.

Варнеке Б.В. К истолкованию керченского рельефа // ЗООИД. Одесса, 1915. Т. XXXII. С. 15–24.

Веселов В.В. Плита из Керчи с изображением грифона // КСИАУ. 1956. Вып. 6. С. 62–63.

[Вигель Ф.Ф.] Записка о Керчи // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1864. Кн. 1. Январь-Март. Отд. 2. С. 11–99.

Врангель Л.С. Крым. Paris: YMCA-Press, 1938. 159 с.

Гавриил [Розанов] Остатки христианских древностей в Крыму: Уезд Феодосийский // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I. С. 320–328.

Гейман В.[Д.] Из феодосийской старины (архивные справки) // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 96–110.

Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям, 1820. Петроград. Типография Императорского воспитательного дома, 1828. 172 с.

[Горчакова Е.С.] Воспоминания о Крыме кн. Е. Горчаковой. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1884. Ч. II. 215 с.

Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море / пер. с фр. А. Дюбрюкса // ЗООИД. Одесса, 1858. Т. IV. Отд. 1. С. 3–84.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений / сост. и отв. ред.: д.и.н. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010. Т. 1. Тексты. 726 с.; Т. 2. Иллюстрации. 310 с.

Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь. Бизнес-Информ, 2009. 328 с.

Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним В. В. Григорьева. СПб. Типография Императорской академии наук, 1871. 306 с.

Зеест И.Б., Якобсон А.Л. Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 62–69.

Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь: Скоропечатная типолитография Х. Н. Лаго и К° (бывш. Холева), 1894. 162 с.

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К истории изучения ранневизантийского Боспора (плитово-грунтовый могильник на вершине и северо-восточном склоне г. Митридат) // БИ. Симферополь, 2014. Вып. XXX. С. 482–492.

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ранневизантийского Боспора и его плитово-грунтовых могильников // БИ. Керчь, 2016. Вып. XXXII. С. 107–148.

Иванова А.П. Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. Т. XIII. С. 239–254.

Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова: в 4 ч. / Новое издание, вновь обработанное автором. М.: Типография Христоф. Клаудия, 1805. Ч. 3. 274 с.

КБН – Корпус боспорских надписей / под ред. В.В. Струве и др. М.; Л.: Наука, 1965. 950 с.

Кларк Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // АИБ. Керчь, 1999. Т. III. С. 11–38.

Кобылина М.М. Новые находки скульптуры в Пантикапее // МИА. М., 1962. № 103: Пантикапей. С. 180–189.

Кондаков Н.П. Мраморный рельеф из Пантикапеи // ЗООИД. Одесса, 1877. Т. X. С. 16–25.

Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. М.: Типография В. В. Чичирина, 1883. 145 с.

Краткий указатель музея Императорского Одесского общества истории и древностей. Изд-е 3-е, дополненное. Одесса. Городская типография Алексомати, 1873. 52 с.

Краткий указатель музея Императорского Одесского общества истории и древностей. Изд-е 6-е, дополненное. Одесса. Типография Т-ва «Братья Кульберг», 1916. 112 с.

Кучеревская Н.Л, Федосеев Н.Ф. Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2003. С. 160–164.

Латышев В.В. Неизданная рукопись Дюбрюкса. Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817–1818 годах // ЗООИД. Одесса, 1889а. Т. XV. Отд. 1. С. 116–149.

Латышев В.В. К истории археологических исследований в южной России. Из переписки А. Н. Оленина // ЗООИД. Одесса, 1889б. Т. XV. Отд. 1. С. 61–115.

Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 году // ИАК. СПб., 1902. Вып. 3. С. 21–57.

Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX столетия // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 158–176.

Лоция Азовского моря и Керчь-Еникальского пролива / составил Андрей Сухомлин. Николаев. Типография Черноморского гидрографического депо, 1854. 96 с.

Майко В.В. Археологические исследования храма Иоанна Предтечи в Керчи 1956–1957 гг. // Владимирский сборник II. Материалы международной научной конференции «III Свято-Владимирские чтения» / Отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь. Телескоп, 2020. С. 107–125.

Мак-Ферсон Д. Древности Керчи / пер. с англ. О.Н. Герардини; комм. А.Д. Тимиргазина. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. 176 с.

Марти Ю.Ю. Проблема раскопок древнего Пантикапея // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928. Т. IV. С. 306–315.

Михайлова М.Б. Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследство. М., 1976. Вып. 25. Проблемы градостроительства IV–XIX вв. С. 50–56.

Михайлова М.Б. Малые архитектурные формы и скульптура в ансамблях южно-русских городов первой половины XIX в. // Архитектурное наследство. М., 1985. Вып. 33: Город и его застройка. С. 69–77.

Михайлова М.Б. Крепость Керчь – памятник средневековой фортификации и ядро русского города периода классицизма // Архитектурное наследство. М., 2012. Вып. 56. С. 113–128.

[Михайловский-Данилевский А.И.] Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. Путешествие с императором Александром I по южной России в 1818 году / сообщение Н.К. Шильдера // Русская старина. СПб., 1897. Т. XCI. № 7. Июль-август-сентябрь. С. 69–102.

Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / пер. с фр. В.В. Орехова. Киев. Издательский дом «Стилос», 2011. 416 с.

Музеум Одесского общества истории и древностей // Новороссийский календарь на 1851 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса. Городская типография, 1850. С. 398–409.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.. Типография при

Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. 337 с.
Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. СПб., 1837. Ч. 13. № 3. С. 621–691.
Мурзакевич Н.Н. О латинской надписи, с именем воспорского царя Савромата II // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I. Отд. 2. С. 286–288.
Мыц Л.А. Крымские письма П. И. Кеппена 1829 года // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена) / Гл. ред. В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 8–21.
Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «Церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») // Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013а. Т. 2 / под ред. С.Б. Сорочана. С. 295–309.
Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Христианские памятники и топография Боспора X–XIIIвв. // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т.Ю. Яшаева. Севастополь: Телескоп, 2013б. С. 244–263.
Небожаева Н.В. Водоснабжение // Керченская старина. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. Вып. I / Ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. С. 182–192.
Немирович-Данченко В.И. На пароходе «Митридат» // Немирович-Данченко В. И. В гостях. СПб.: Типография И. Габермана, 1880. 275 с.
Объявления Керчь-Еникальского градоначальства. 1858. № 32. 10 августа. С. 125–128.
Объявления Керчь-Еникальского градоначальства. 1859. № 28. 12 июля. С. 112–116.
Открытие древностей в Керчи во вторую половину 1843 года // ЖМВД. СПб., 1844. Ч. 6. С. 317–322.
Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. XIII. С. 35–107.
Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. С.Л. Беляевой и А.Л. Бертье-Делагарда. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство; Т. 27).
Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 168 с.
Погодин М.[П.] Феодосия и Судак // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. Отд. 2. С. 301–307.
Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII – XX вв.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III. С. 300–343.
Приходы и храмы на Крымском полуострове (продолжение) // Таврические епархиальные ведомости. Симферополь, 1885. № 24. 15 декабря. С. 1331–1339.
Сазанов А.В. Топография Пантикапея в I – IV вв. н. э. // СА. 1985. № 3. С. 166–177.
Санжаровец В.Ф. Прицерковное Иоанно-Предтеченское кладбище в Керчи и памятник К. И. Месаксуди // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 17. С. 39–43.
Санжаровец В.Ф. Маршрут «G». Керчь. Ени-Кале. Экскурсия в Азию // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / пер. с фр. В.В. Орехова. Киев. Издательский дом «Стилос», 2011. С. 361–374.
Санжаровец В.Ф. Рафаил Скасси и Скассиев фонтан // Керченская старина. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. Вып. I / Ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. С. 253–282.

Санжаровец В.Ф. Скассиев фонтан и его основатель Р. А. Скасси (опыт историко-топонимического исследования) // Топонимика Крыма. Симферополь, 2019. Вып. 3. С. 200–247.

Свиньин П.П. Обозрение путешествия издателя Отечественных записок по России в 1825 году относительно археологии // Отечественные записки. СПб. 1826. Ч. 25. Кн. 71. С. 440–467.

Свиньин П.П. Керчь, Древняя Пантикапея (Из живописного путешествия по России, издателя Отечественных записок) // Отечественные записки. СПб., 1828. Ч. 34. Кн. 96. С. 3–31.

Священный образ Тавриды: православные святыни Крыма в изобразительном искусстве / сост. и текст Т. С. Шороховой. Симферополь. Н. Оріанда, 2012. 585 с.

Северная пчела. 1845. № 200. 6 сентября. С. 797–800.

Спасский Г.[И.] Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М.: Университетская типография, 1846. 151 с.

Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии Гермогена, епископа Таврического (ныне Псковского). Симферополь. Таврическая губернская типография, 1886. 271 с.

Стемпковский И.[А.] Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. СПб., 1827а. Ч. 29. Кн. 81. Январь. С. 40–72.

Стемпковский И.[А.] Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае. СПб.: Типография Карла Крайя, 1827б. 35 с.

Стемпковский И.А. Древности. Надпись, найденная в Керчи (Antiquité. Inscription ancienne découverte à Kerch) // Одесский вестник / Journal d'Odessa. Одесса, 1829. № 39. 15/27 мая. С. 153–155.

Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароковым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1800. Ч. I. 238 с.

Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб.: Императорская типография, 1805. Ч. II. 244 с.

Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора / под ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 45–98.

[Томилов Р.Н.] Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи земель 1774 года // ЗООИД. Одесса, 1868. Т. VII. Отд. 2. С. 166–198.

Тункина И.В. Первые годы деятельности Керченского музея древностей // АИБ. Керчь, 1999. Т. III. С. 39–60.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Тункина И.В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам) // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / под ред. И.С. Каменецкого, А.Н. Сорокина. М.: Гриф и К, 2010. С. 588–610.

Тункина И.В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. 240 с.

Тункина И.В. Путешествие академика Е. Е. Кёлера по Восточному Крыму в 1821 г. (по архивным материалам) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном

пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский. СПб., 2018. Ч. 2. С. 327–332.

Указатель Феодосийского музея древностей. Изд. 6-е дополн. и исправл. / сост. Л.П. Колли. Феодосия: Типография А. Е. Цвибака, 1912. 32 с.

Федосеев Н.Ф. Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-Оба // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Взаимовлияние культур. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2011. С. 377–385.

Федосеев Н.Ф. Боспорский грифон // Артикульт. 2013. №12. С. 124–125.

Федосеев Н.Ф. Боспорский грифон // Древности Боспора. М., 2015. Т. 19. С. 377–385.

Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 320 с.

Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. Античные древности церкви Иоанна Предтечи в Керчи (историографический обзор) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 124–136.

Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806) // МАИЭТ. Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 645–697.

Храпунов Н.И. Новые времена, новая святость: о переосмыслении археологических памятников Крыма в начале Российской эпохи // Миры Византии. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Симферополь, 2019. Вып. 2. С. 409–430.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Изд. 2-е, исправл. и доп. / пер., вступ. ст. и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: ДОЛЯ, 2008. 272 с.

Шевелев Е.[П.] Рец. на: Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, катами и видами. Соч. Антона Ашика. Одесса, тип. Неймана, 1848, Часть I. IX, 117 стр. и X таблиц. Часть II, 88 стр. и XII таблиц. Часть III, 96 стр. и L таблиц // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. Отд. 2. С. 725–738.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. СПб., 1914. Вып. 56. С. 1–74.

Castelnav G. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie. Statistique des provinces qui la composent. Fondation d'Odessa; ses progrès, son état actuel; détails sur son commerce. Voyage en Crimée, dans l'intérèt de l'agriculture et du commerce. Paris: Ches Rey et Gravier, 1820. T. III. 347 p.

Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tahtary and Turkey. London: Printed for T. Cadell and W. Davies, 1816. Vol. II. 524 p.

Coup d'oeil sur les colonies de la Russie méridionale, par un voyageur francais qui les a visitées en 1818 // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire... publiées par mm. J. B. Eyriés et Malte-Brun. Paris: Librairie de Gide Fils, 1819. T. 2. P. 97–157.

Dubois de Montperéux F. Voyage autour du Caucase ches les tcherkesses et les abkhases en Colchide en Géorgie en Arménie et en Crimée. Paris: Librairie de Gide, 1843. T. V. 464 p.

Famin César M. Crimée // Chopin M. L'univers histoire et description de tous les peuples. Suite et fin de la Russie et provinces Russes et Asie. Tome deuxieme contenant la fin de la Russie D'Europe, y compris la Crimée, par M. Cesar Famin; et les provinces Russes en Asie, Circassie et Géorgie, par M. Cesar Famin. Armenie, par M. Bore, orientaliste. Paris: Firmin Didot Freres, 1838. P. 1–32.

Gamba J.-F. Voyage dans la Russie méridionale. Atlas. Paris: chez C. J. Troué, Imprimeum-libraire, 1826. 60 p.

Guthrie M. A tour, performed in the years 1795–1796, through the Taurida or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the others countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London: T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition, 1802. 446 p.

Layall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia. London: Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825. Vol. 1. 528 p.

McPherson D. Antiquities of Kertch and Researches in the Crimea and Bosphorus with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea. London: Smith, Elder & Co., 1857. 102 p.

Montandon C. H. Guide du voyageur en Crimée: orné de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précédé d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée. Odessa: Imprimirie de la dille, 1834. 384 p.

Murawiew-Apostol I.M. Reise durch Taurien im jahre 1820. Berlin: Verlag von Th. Christ Fr. Enslin, 1825. 249 s.

Pallas P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig: Bey Gottfried Martini, 1801. Bd. II. 524 s.

Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce de cette mer, et des notes sur les principaux ports commerçans dédié à sa majesté l'empereur et roi. Paris: ches Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.

Waxel L. Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans á l'Empire de Russie. Dessinees d'apres les originaux en 1797 et 1798. Berlin: Ches J. Fr. Schüppel, 1803. 30 s.

REFERENCES

Ashik A.B. O poslednikh arkheologicheskikh raskopkakh v Kerchi. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del,* 1845, vol. 14, pp. 120–133.

Ashik A.B. *Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami.* Odessa: T. Neiman i K° Publ., 1848–1849, vol. 1, 117 p.; vol. 2, 88 p.; vol. 3, 96 p.

Bartol'd V.V. Kerch'. *Belenitskii A. M. (Ed.). Bartol'd V. V. Raboty po istoricheskoi geografii.* Moskva: Vostochnaia literatura RAN Pul., 2002, pp. 458–459.

Bekker P.V. Kerch' i Taman' v iiule mesiatse 1852 goda. Propilei. *Sbornik statei po klassicheskoi drevnosti, izdavaemyi P. Leont'evym.* Moskva: Katkov i K° Publ., 1858, vol. 3, Izd. 2, Otd. 1, pp. 349–382.

Belik Iu.L. Nekotorye fortifikatsionnye osobennosti kreposti Kerch' v XVII–XVIII vv. *Bosporskie issledovaniia,* 2010, vol. XXIII, pp. 509–520.

Belik Iu.L. *Kreposti Kerchenskogo poluostrova (XVII–XIX vv.).* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2015, 120 p. (Kerchenskaia starina, vol. II).

Belik Iu.L. *Osmanskie oboronitel'nye sooruzheniia na Kerchenskom poluostrove (XVII–XVIII vv.).* Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani Press, 2016, 236 p.

Belik Iu.L. Itogi i perspektivy issledovanii krepostei Kerchenskogo poluostrova. *XX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovanii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Simferopol', Kerch', 2019, pp. 70–74.

Blavatskii V.D. Materialy po istorii Pantikapeia. Plan goroda. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR,* 1951, vol. 19, pp. 9–62.

Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia v 1952 godu. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury,* 1955, vol. 58, pp. 73–87.

Blavatskii V.D. Raskopki Pantikapeia v 1953 godu. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury,* 1956, vol. 63, pp. 109–123.

Blavatskii V.D. Pantikapei. *Ocherki istorii stolitsy Bospora.* Moskva: Nauka Publ., 1964. 232 p.

Blaramberg M. Arkheologicheskie razyskaniia v Kerchi. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1850, vol. 2, pp. 815–820.

Boltunova A.I. Neizdannye nadpisi Bospora. *Numizmatika i epigrafika,* 1960, vol. 1, pp. 199–207.

Bocharov S.G. Topografiia goroda Kerchi XVI–XVIII vv. D*revnee Prichernomor'e. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii V-e chteniia pamiati professora Petra Osipovicha Karyshkovskogo* (Odessa, 12–14 marta 2001 goda). Odessa, 2003, pp. 35–42.

Bocharov S.G. Topografiia goroda Kerchi XVI–XVIII vekov. *Arkheologicheskie zapiski*. Rostov-na-Donu, 2005, vol. 4, pp. 145–151.

Bocharov S.G. Krepostnye sooruzheniia goroda Bospora – Vosporo v XIV–XV vv. Rekonstruktsiia. *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 19–22 noiabria 2013 g.).* Sankt-Peterburg, 2013, pp. 342–348.

Bocharov S.G. Fortifikatsionnye sooruzheniia genuezskogo Vosporo. *Prichernomor'e v srednie veka,* 2015, vol. 9, pp. 127–148.

Brun F.K. O raznykh nazvaniiakh Kerchi i ee okrestnostei v drevnosti i srednikh vekakh. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta,* Odessa, 1877, vol. 23, pp. 231–253.

Veselov V.V. Plita iz Kerchi s izobrazheniem grifona. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN USSR*, 1956, vol. 6, pp. 62–63.

Varneke B.V. K istolkovaniiu kerchenskogo rel'efa. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1915, vol. 32, pp. 15–24.

Vigel' F.F. Zapiska o Kerchi. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete.* Moskva, 1864, vol. 1, pp. 11–99.

Vrangel' L.S. *Krym.* Raris: YMCA Press, 1938. 159 p.

Gavriil Ostatki khristianskikh drevnostei v Krymu: Uezd Feodosiiskii. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1844, vol. 1, pp. 320–328.

Geiman V.D. Iz Feodosiiskoi stariny (Arkhivnye spravki). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii,* 1916, vol. 53, pp. 96–110.

Gerakov G.V. *Putevye zapiski po mnogim Rossiiskim guberniiam* 1820. Petrograd: Imperatorskiy Vospitatel'nyi dom Publ., 1828, 172 p.

Gorchakova E.S. *Vospominaniia o Kryme kn. E. Gorchakovoi.* Moskva: Obshchestvo rasprostraneniia poleznykh knig Publ., 1884, vol. 2, 215 p.

Diubriuks P. Opisanie razvalin i sledov drevnikh gorodov i ukreplenii nekogda sushchestvovavshikh na evropeiskom beregu Bosfora Kimmeriiskogo ot vkhoda v proliv bliz Enikal'skogo maiaka do gory Opuk vkliuchitel'no pri Chernom more. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1858, vol. 4, pp. 3–84.

Diubriuks P. *Sobranie sochinenii.* Sankt-Peterburg: Kolo Publ., 2010, vol. 1, 726 p.; vol. 2, 310 p.

Diubua de Monpere Frederik. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym: v 6 t. Parizh, 1843. T. 5, 6.* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2009, 328 p.

Zhizn' i trudy P. S. Savel'eva preimushchestvenno po vospominaniiam i perepiske s nim V. V. Grigor'eva. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1871, 306 p.

Zeest I.B., Iakobson A.L. Raskopki v Kerchi v 1963 g. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR,* 1965, vol. 104, pp. 62–69.

Zenkevich Kh.Kh. *Kerch' v proshedshem i nastoiashchem. Istoriko-arkheologicheskii i geograficheskii ocherk s prilozheniem opisaniia dostoprimechatel'nostei goroda i ego okrestnostei, khronologicheskogo ukazatelia i statisticheskikh svedenii i s risunkami.* Kerch': Kh. N. Lago i K° (byvsh. Kholeva) Publ., 1894, 162 p.

Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. K istorii izucheniia rannevizantiiskogo Bospora (plitovo-gruntovyi mogil'nik na vershine i severo-vostochnom sklone g. Mitridat). *Bosporskie issledovaniia,* 2014, vol. 30, pp. 482–492.

Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. K topografii rannevizantiiskogo Bospora i ego plitovo-gruntovykh mogil'nikov. *Bosporskie issledovaniia,* 2016, vol. 32, pp. 107–148.

Ivanova A.P. Bosporskie antropomorfnye nadgrobiia. *Sovetskaia arkheologiia*, 1950, vol. 13, pp. 239–254.

Izmailov V.V. *Puteshestvie v poludennuiu Rossiiu Vladimira Izmailova.* Moskva: Tipografiia Khristof. Klaudiia Publ., 1805. 274 p.

Struve V.V. (Ed.) *Korpus Bosporskikh nadpisei.* Moskva; Leningrad: Nauka Publ., 1965, 950 p.

Klark E.-D. Puteshestvie po Rossii, Tatarii i Turtsii. Glava XVIII. Ot Bospora Kimmeriiskogo do Kaffy. *Arkheologiia i istoriia Bospora.* Kerch', 1999, vol. 3, pp. 11–38.

Kobylina M.M. Novye nakhodki skul'ptury v Pantikapee. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR,* 1962, vol. 103, pp. 180–189.

Kondakov N.P. Mramornyi rel'ef iz Pantikapei. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1877, vol. 10, pp. 16–25.

Kondaraki V.Kh. *V pamiat' stoletiia Kryma*. Moskva: Tipografiia V. V. Chichirina Publ., 1883, 145 p.

Kratkii ukazatel' muzeia Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. Izdanie 3-e. dopolnennoe. Odessa: Gorodskaia tipografiia Aleksomati Publ., 1873. 52 p.

Kratkii ukazatel' muzeia Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. Izdanie 6-e, dopolnennoe. Odessa: Tipografiia T-va «Brat'ia Kul'berg» Publ., 1916, 112 p.

Kucherevskaia N.L, Fedoseev N.F. Lev v iskusstve drevnego Bospora Kimmeriiskogo // *IV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2003, pp. 160–164.

Latyshev V.V. Neizdannaia rukopis' Diubriuksa: Izvlechenie iz dnevnika raskopok, proizvedennykh v neskol'kikh kerchenskikh kurganakh v 1817–1818 godakh. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1889a, vol. 15, pp. 116–149.

Latyshev V.V. K istorii arkheologicheskikh issledovanii v iuzhnoi Rossii. Iz perepiski A. N. Olenina. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1889b, vol. 15, pp. 61–115.

Latyshev V.V. Grecheskie i latinskie nadpisi, naidennye v iuzhnoi Rossii v 1901 godu. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii,* 1902, vol. 3, pp. 21–57.

Lashkov F.F. K voprosu o kolichestve naseleniia Tavricheskoi gubernii v nachale XIX stoletiia. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi komissii,* 1916, 53, pp. 158–176.

Lotsiia Azovskogo moria i Kerch'-Enikal'skogo proliva. Nikolaev: Tipografiia Chernomorskogo gidrograficheskogo depo Publ., 1854, 96 p.

Maiko V.V. Arkheologicheskie issledovaniia khrama Ioanna Predtechi v Kerchi 1956–1957 gg. *Maiko V.V., Iashaeva T.Iu. (Ed.). Vladimirskii sbornik II. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi*

konferentsii «III Sviato-Vladimirskie chteniia». Sevastopol': Teleskop Publ., 2020, pp. 107–125.

Mak-Ferson D. *Drevnosti Kerchi.* Simferopol': OAO «Simferopol'skaia gorodskaia tipografiia» Publ., 2008, 176 p.

Marti Iu.Iu. Problema raskopok drevnego Pantikapeia. *Trudy sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia RANION.* Moskva, 1928, vol. 4, pp. 306–315.

Mikhailova M.B. Osnovnye etapy formirovaniia Kerchi v XVIII–XIX vv. *Arkhitekturnoe nasledstvo,* 1976, vol. 25, pp. 50–56.

Mikhailova M.B. Malye arkhitekturnye formy i skul'ptura v ansambliakh iuzhno-russkikh gorodov pervoi poloviny XIX v. *Arkhitekturnoe nasledstvo,* 1985, vol. 33, pp. 69–77.

Mikhailova M.B. Krepost' Kerch' – pamiatnik srednevekovoi fortifikatsii i iadro russkogo goroda perioda klassitsizma. *Arkhitekturnoe nasledstvo,* 2012, vol. 56, pp. 113–128.

Mikhailovskii-Danilevskii A.I. Iz vospominanii Mikhailovskogo-Danilevskogo. Puteshestvie s imperatorom Aleksandrom I po iuzhnoi Rossii v 1818 godu. *Russkaia starina,* 1897, vol. 91, № 7, pp. 69–102.

Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyi kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyi vvedeniem o raznykh sposobakh pereezda iz Odessy v Krym.* Kiev: Stilos Publ., 2011, 416 p.

Muzeum Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. *Novorossiiskii kalendar' na 1851 god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia.* Odessa: Gorodskaia tipografiia Publ., 1850, pp. 398–409.

Murav'ev-Apostol I.M. *Puteshestvie po Tavride v 1820 godu.* Sankt-Peterburg: Tipografiia pri Osobennoi kantseliarii Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1823, 337 p.

Murzakevich N.N. Poezdka v Krym v 1836 g. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia,* 1837, vol. 13, № 3, pp. 621–691.

Murzakevich N.N. O latinskoi nadpisi, s imenem vosporskago tsaria Savromata II. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1844, vol. 1, pp. 286–288.

Myc L.A. Krymskie pis'ma P. I. Keppena 1829 goda. Myc V.L. (Ed.). *«O drevnostjah Juzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskih»: Sbornik nauchnyh trudov (po materialam konferencii v chest' 210-letija so dnja rozhdenija Petra Ivanovicha Keppena).* Kiev: Stilos, 2004, pp. 8–21.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. K istoricheskoi topografii Bospora X–XII vv.: ob obstoiatel'stvakh nakhodki i mestopolozhenii tak nazyvaemoi «Tserkvi Sheveleva» («Tserkvi 1833 g.»). *Sorochan S.B. (Ed.) Narteks. Byzantine Ukrainensis.* Khar'kov, 2013a, vol. 2, pp. 295–309.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Khristianskie pamiatniki i topografiia Bospora X–XIII vv. *Iashaeva T.Iu. (Ed.) Klimentovskii sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiia: Khersones – gorod sviatogo Klimenta» (Sevastopol', 2011 g.).* Sevastopol': Teleskop Publ., 2013b, pp. 244–263.

Nebozhaeva N.V. Vodosnabzhenie. *Bykovskaia N.V., Nebozhaeva N.V., Sanzharovets V.F. (Ed.). Kerchenskaia starina.* Simferopol', 2015, vol. 1, pp. 182–192.

Nemirovich-Danchenko V.I. Na parokhode «Mitridat». Nemirovich-Danchenko V. I. *V gostiakh.* Sankt-Peterburg: Tipografiia I. Gabermana Publ., 1880, 275 p.

Ob"iavleniia Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva, 1858, vol. 32, 10 avgusta, pp. 125–128.

Ob"iavleniia Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva, 1859, vol. 28, 12 iiulia, pp. 112–116.

Otkrytie drevnostei v Kerchi vo vtoruiu polovinu 1843 goda. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del*, 1844, vol. 6, pp. 317–322.

Pallas P.S. Poezdka vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluostrova i na ostrov Taman'.

Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei, 1883, vol. 13, pp. 35–107.

Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh.* Moskva: Nauka Publ., 1999, 246 p.

Petrova E.B., Prokhorova T.A. *Krymskie puteshestviia: Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 godu».* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2011, 168 p.

Pogodin M.P. Feodosiia i Sudak. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1872, vol. 8, pp. 301–307.

Ponomarev L.Iu., Beilin D.V. Tserkov' Ioanna Predtechi v Kerchi (tret'ia chetvert' XVIII – XX vv.). *Istoriia i arkheologiia Kryma,* 2016, vol. 3, pp. 300–343.

Prikhody i khramy na Krymskom poluostrove (Prodolzhenie). *Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti.* Simferopol', vol. 24, pp. 1331–1339.

Sazanov A.V. Topografiia Pantikapeia v I – IV vv. n. e. *Sovetskaia arkheologiia,* 1985, vol. 3, pp. 166–177.

Sanzharovets V.F. Pritserkovnoe Ioanno-Predtechenskoe kladbishche v Kerchi i pamiatnik K. I. Mesaksudi. *Istoricheskoe nasledie Kryma.* Simferopol', 2006, vol. 17, pp. 39–43.

Sanzharovets V.F. Marshrut «G». Kerch'. Eni-Kale. Ekskursiia v Aziiu. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyi kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyi vvedeniem o raznykh sposobakh pereezda iz Odessy v Krym.* Kiev: Stilos Publ., 2011, pp. 361–374.

Sanzharovec V.F. Rafail Skassi i Skassiev fontan. *Bykovskaia N.V., Nebozhaeva N.V., Sanzharovets V.F. (Ed.). Kerchenskaia starina.* Simferopol', 2015, vol. 1, pp. 253–282.

Sanzharovets V.F. Skassiev fontan i ego osnovatel' R. A. Skassi (opyt istoriko-toponimicheskogo issledovaniia). *Toponimika Kryma.* Simferopol', 2019, vol. 3, pp. 200–247.

Svin'in P.P. Obozrenie puteshestviia izdatelia Otechestvennykh zapisok po Rossii, v 1825 godu, otnositel'no arkheologii. *Otechestvennye zapiski,* 1826, vol. 25. Kn. 71, pp. 440–467.

Svin'in P.P. Kerch', Drevniaia Pantikapeia (Iz zhivopisnogo puteshestviia po Rossii, izdatelia Otechestvennykh zapisok). *Otechestvennye zapiski,* 1828, vol. 34, Kn. 96, pp. 3–31.

Severnaia pchela, 1845, vol. 200, pp. 797–800.

Sviashchennyi obraz Tavridy: pravoslavnye sviatyni Kryma v izobrazitel'nom iskusstve. Simferopol': N. Orianda Publ., 2012. 585 p.

Spasskii G.I. *Bosfor Kimmeriiskii s ego drevnostiami i dostopamiatnostiami.* Moskva: Universitetskaia tipografiia Publ., 1846, 151 p.

Spravochnaia knizhka o prikhodakh i khramakh Tavricheskoi eparkhii Germogena, Episkopa Tavricheskogo, (nyne Pskovskogo). Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia tipografiia Publ., 1886, 271 p.

Stempkovskii I.A. Mysli otnositel'no izyskaniia drevnostei v Novorossiiskom krae. *Otechestvennye zapiski,* 1827a., vol. 29, кn. 81, pp. 40–72.

Stempkovskii I.A. *Mysli otnositel'no izyskaniia drevnostei v Novorossiiskom krae.* Sankt-Peterburg: Tipografiia Karla Kraiia Publ., 1827b, 35 p.

Stempkovskii I.A. Drevnosti. Nadpis', naidennaia v Kerchi (Antiquité. Inssription ancienne désouverte à Kerch). *Odesskii vestnik. Journal d'Odessa.* Odessa, 1829, vol. 39, pp. 153–155.

Sumarokov P.I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, Pavlom Sumarokovym. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vsekh tekh mest.* Moskva: Universitetskaia tipografiia, u Ridigera i Klaudiia Publ., 1800, vol. 1, 238 p.

Sumarokov P.I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu.* Sankt-Peterburg:

Imperatorskaia tipografiia Publ., 1805, vol. 2, 244 p.

Tolstikov V.P. Pantikapei – stolitsa Bospora. *Koshelenko G.A. (Ed.). Ocherki arkheologii i istorii Bospora.* Moskva: Nauka, 1992, pp. 45–98.

Tomilov R.N. Topograficheskoe opisanie dostavshimsia po mirnomu traktatu ot Ottomanskoi Porty vo vladenie Rossiiskoi imperii zemliam, 1774 goda. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1868, vol. 7, pp. 166–198.

Tunkina I.V. Pervye gody deiatel'nosti Kerchenskogo muzeia drevnostei. *Arkheologiia i istoriia Bospora.* Kerch', 1999, vol. 3, pp. 39–60.

Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX vv.).* Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 2002, 676 p.

Tunkina I.V. Arkheologo-epigraficheskie issledovaniia F. K. Marshala fon Bibershteina v Vostochnom Krymu i na Kavkaze v kontse XVIII v. (po neizdannym arkhivnym dokumentam). *Kamenetskii I.S., Sorokin A.N. (Ed.) Chelovek i drevnosti: pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009).* Moskva: Grif i K Publ., 2010, pp. 588–610.

Tunkina I.V. *Otkrytie Feodosii: Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei. 1771–1871 gg.* Kiev: Bolero Publ., 2011, 240 p.

Tunkina I.V. Puteshestvie akademika E. E. Kelera po Vostochnomu Krymu v 1821 g. (po arkhivnym materialam). *Bosporskii fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Sankt-Peterburg, 2018, vol. 2, pp. 327–332.

Ukazatel' Feodosiiskogo muzeia drevnostei. Izd. 6-e dopoln. i ispravl. Feodosiia: Tipografiia A. E. Tsvibaka Publ., 1912, 32 p.

Fedoseev N.F. Ellinskoe i varvarskoe v pogrebenii kurgana Kul'-Oba. *XII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovliianie kul'tur. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2011, pp. 377–385.

Fedoseev N.F. Bosporskii grifon. *Artikul't,* 2013, vol. 12, pp. 124–125.

Fedoseev N.F. Bosporskii grifon. *Drevnosti Bospora,* 2015, vol. 19, pp. 377–385.

Fedoseev N.F. *Greki na Bospore Kimmeriiskom: 200 let issledovanii.* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2017, 320 p.

Fedoseev N.F., Ponomarev L.Iu. Antichnye drevnosti tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi (istoriograficheskii obzor). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriia «Istoricheskie nauki»,* 2016, vol. 2 (68), № 2, pp. 124–136.

Khrapunov N.I. Krym v opisaniiakh Redzhinal'da Khebera (1806). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* 2008, vol. 14, pp. 645–697.

Khrapunov N.I. Novye vremena, novaia sviatost': o pereosmyslenii arkheologicheskikh pamiatnikov Kryma v nachale Rossiiskoi epokhi. *Miry Vizantii. ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ.* Simferopol', 2019, vol. 2, pp. 409–430.

Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka).* Simferopol': DOLIa Publ., 2008, 272 p.

Shevelev E.P. Rets. na: Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami, raspisnymi vazami, planami, katami i vidami. Soch. Antona Ashika. Odessa, tip. Neimana, 1848, Chast' I. IX, 117 str. i Kh tablits. Chast' II, 88 str. i XII tablits. Chast' III, 96 str. i L tablits. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei,* 1848, vol. 2, pp. 725–738.

Shkorpil V.V. Otchet o raskopkakh v Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1911 g. *Izvestiia*

Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii, 1914, vol. 56, pp. 1–74.

Castelnav G. *Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie. Statistique des provinces qui la composent. Fondation d'Odessa; ses progrès, son état actuel; détails sur son commerce. Voyage en Crimée, dans l'intérèt de l'agriculture et du commerce.* Paris: Ches Rey et Gravier Publ., 1820, vol. 3, 347 p.

Clarke E.D. *Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tahtary and Turkey. London:* Printed for T. Cadell and W. Davies Publ., 1816, Vol. 2, 524 p.

Coup d'oeil sur les colonies de la Russie méridionale, par un voyageur francais qui les a visitées en 1818. *Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire... publiées par mm. J. B. Eyriés et Malte-Brun.* Paris: Librairie de Gide Fils Publ., 1819, vol. 2, pp. 97–157.

Dubois de Montperéux F. *Voyage autour du Caucase ches les tcherkesses et les abkhases en Colchide en Géorgie en Arménie et en Crimée.* Paris: Librairie de Gide Publ., 1843, vol. 5, 464 p.

Famin César M. Crimée. Chopin M. *L'univers histoire et description de tous les peuples. Suite et fin de la Russie et provinces Russes et Asie.* Tome deuxieme contenant la fin de la Russie D'Europe, y compris la Crimée, par M. Cesar Famin; et les provinces Russes en Asie, Circassie et Géorgie, par M. Cesar Famin. Armenie, par M. Bore, orientaliste. Paris: Firmin Didot Freres Publ., 1838, pp. 1–32.

Gamba J.-F. *Voyage dans la Russie méridionale. Atlas.* Paris: chez C. J. Troué, Imprimeum-libraire Publ., 1826, 60 p.

Guthrie M. *A tour, performed in the years 1795–1796, through the Taurida or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the others countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy.* London: T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition Publ., 1802, 446 p.

Layall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia. London: Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh Publ., 1825, vol. 1, 528 p.

McPherson D. *Antiquities of Kertch and Researches in the Crimea and Bosphorus with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea.* London: Smith, Elder & Co. Publ., 1857, 102 p.

Montandon C. H. *Guide du voyageur en Crimée: orné de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précédé d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée.* Odessa: Imprimirie de la dille Publ., 1834, 384 p.

Murawiew-Apostol I.M. *Reise durch Taurien im jahre 1820*. Berlin: Verlag von Th. Christ Fr. Enslin Publ., 1825, 249 p.

Pallas P. *Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794.* Leipzig: Bey Gottfried Martini Publ., 1801, vol. 2, 524 p.

Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce de cette mer, et des notes sur les principaux ports commerçans dédié à sa majesté l'empereur et roi.* Paris: ches Bossange, Masson et Besson Publ., 1806, 302 p.

Waxel L. *Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans á l'Empire de Russie. Dessinees d'apres les originaux en 1797 et 1798.* Berlin: Ches J. Fr. Schüppel Publ., 1803, 30 p.

Резюме

В статье приведен краткий обзор античных каменных изделий, использованных в качестве строительного материала в фортификационных, культовых, общественных и жилых сооружениях средневековой Керчи. На эту особенность городских построек в конце XVIII – начала XIX в. обратили внимание многие путешественники, но подробного их описания не привели. К 30-м – 40-м гг. XIX в. средневековая застройка Керчи была полностью утрачена. К этому времени были опубликованы немногие античные изделия, преимущественно найденные в стенах керченской крепости и церкви Иоанна Предтечи. В дальнейшем еще несколько десятков античных изделий из мрамора и известняка были найдены во время строительных работ в фундаментах и остатках стен сооружений византийского и османского времени. Большая же их часть вновь была использована в качестве строительного материала, и такая практика продолжалась вплоть до середины XX в. В силу сложившихся обстоятельств составить даже относительно полный список античных каменных изделий из средневековых построек не представляется возможным.

Ключевые слова: Керчь, церковь Иоанна Предтечи, керченская крепость, надгробия, статуя.

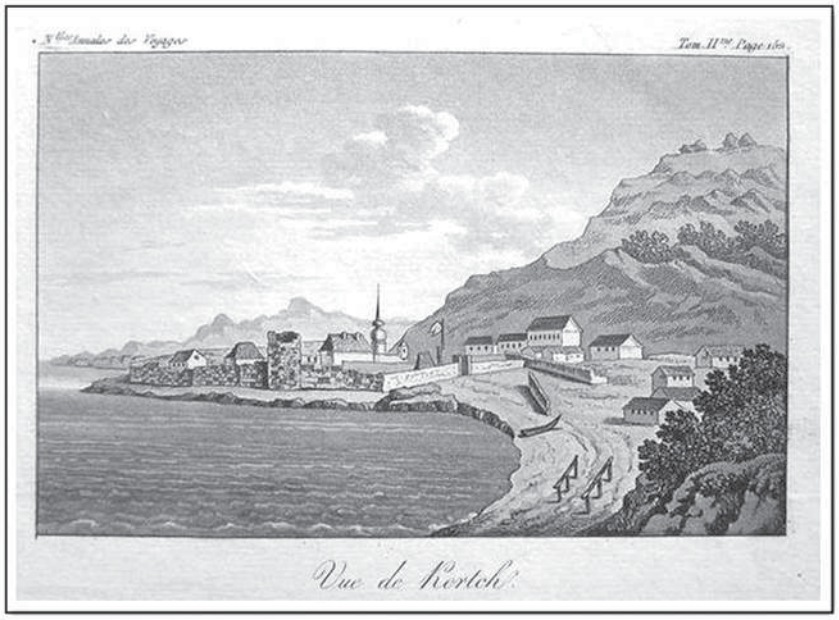
Summary

The article provides a brief overview of antique stone products used as building material in fortifications, cult, public and residential buildings of medieval Kerch. Many travelers paid attention to this feature of urban buildings in the late XVIII – early XIX centuries, but did not describe them in detail. By the thirties - forties of the XIX century, the medieval buildings of Kerch were completely lost. By this time, a few antique items were published, mostly found in the walls of the Kerch fortress and the Church of John the Baptist. Later, several dozen more antique items made of marble and limestone were found during construction work in the foundations and remains of the walls of structures of the Byzantine and Ottoman times. Most of them were again used as building materials, and this practice continued until the middle of the XX century. Due to the current circumstances, it is impossible to compile a relatively complete list of antique stone products from medieval buildings.

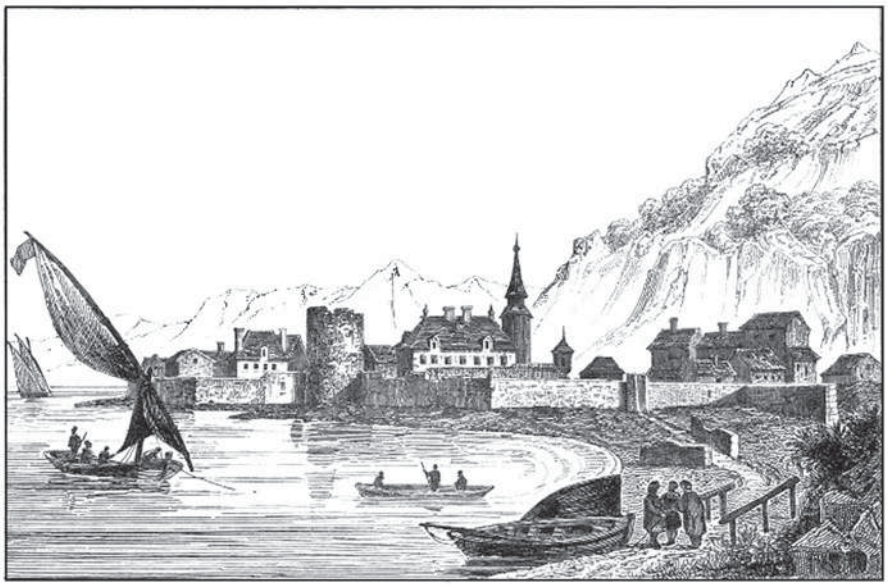
Key words: Kerch, Church of St. John the Baptist, Kerch fortress, tombstones, statue.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Пономарев Леонид Юрьевич,
научный сотрудник,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»,
г. Керчь, Республика Крым, Российская Федерация.
l_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS
Ponomarev Leonid Yurievich,
Archaeological Center of the Demetra Charitable Foundation,
Kerch, Russian Federation,
Research Associate.
l_ponomarev@mail.ru.



1



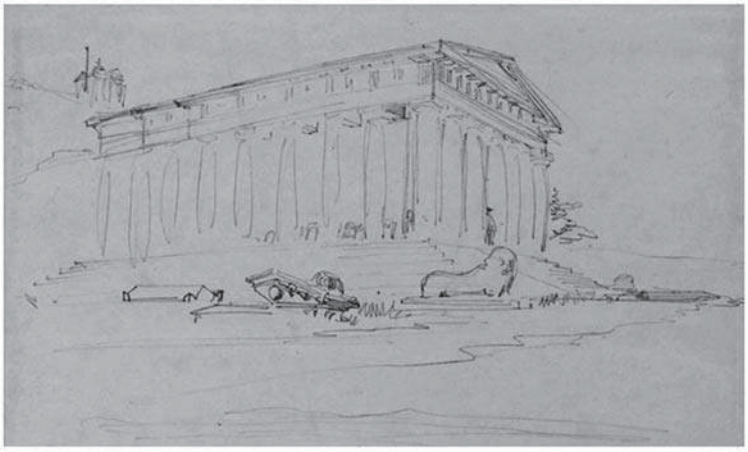
2

Рис. 1. 1 – «Вид Керчи» (автор неизвестен, Coup…, 1819, Т. 2); 2 – «Керчь, древний Пантикапей» (автор неизвестен, Famin, 1838, Т. II).

1

2

Рис. 2. 1 – плита с изображением грифона (соврем. фото); 2 – скульптуры львов перед зданием Феодосийского музея древностей (соврем. фото).



1

2

Рис. 3. 1 – Керченский музей древностей со скульптурой льва на переднем плане (фрагмент рис. У. Симпсона, 29 мая 1855 г.); 2, 3 – скульптуры львов, вывезенные из Керчи (собрание Британского музея, соврем. фото).

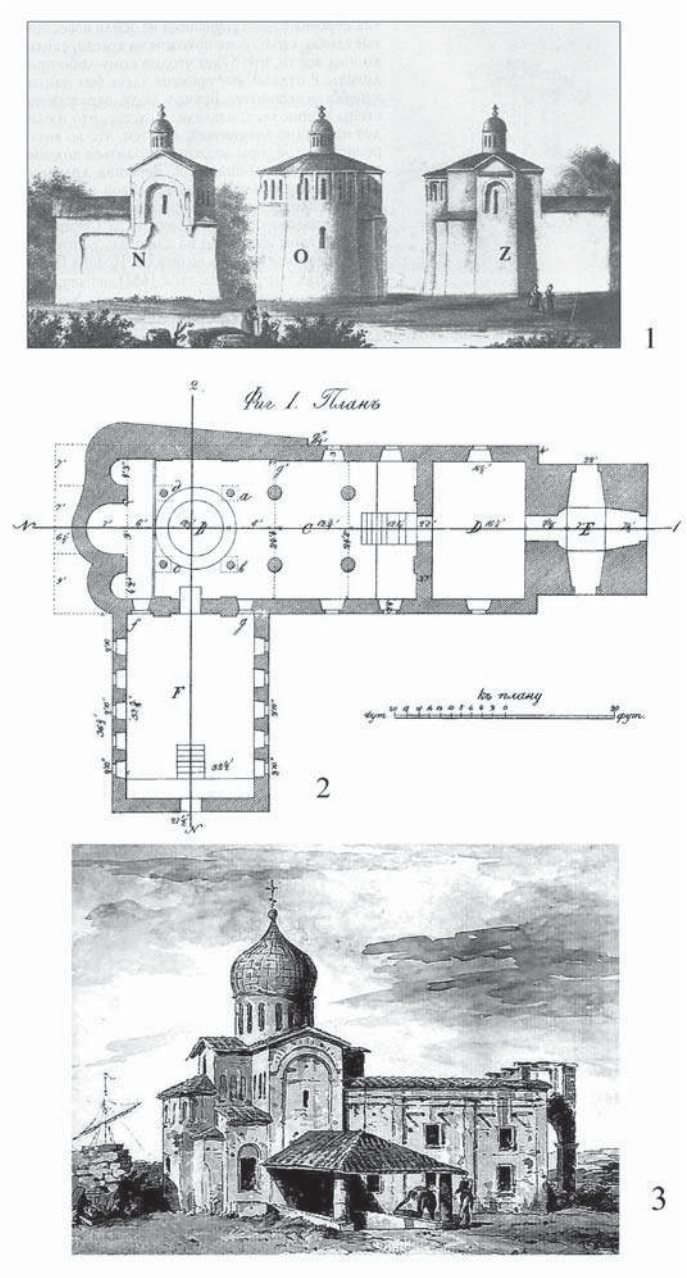
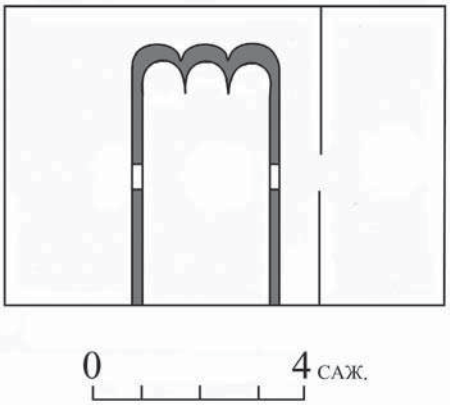


Рис. 4. 1 – церковь Иоанна Предтечи (автор неизвестен, по Мурзакевич, 1837); 2 – церковь Иоанна Предтечи. План (по Рыдзевский, 1868); 3 – церковь Иоанна Предтечи. Вид с севера (рис. И. А. Иванова, 1803 г.).

1

2



3

Рис. 5. 1 – интерьер церкви Иоанна Предтечи (акварель У. Симпсона 1867 г., выполнена по карандашному рисунку 7 июня 1855 г.); 2 – надгробие из фонтана, найденное П. С. Палласом в доме священника (по Pallas, 1801); 3 – «Церковь Шевелёва» 1833 г. Схематический план Е. П. Шевелёва (по Шевелёв, 1848).

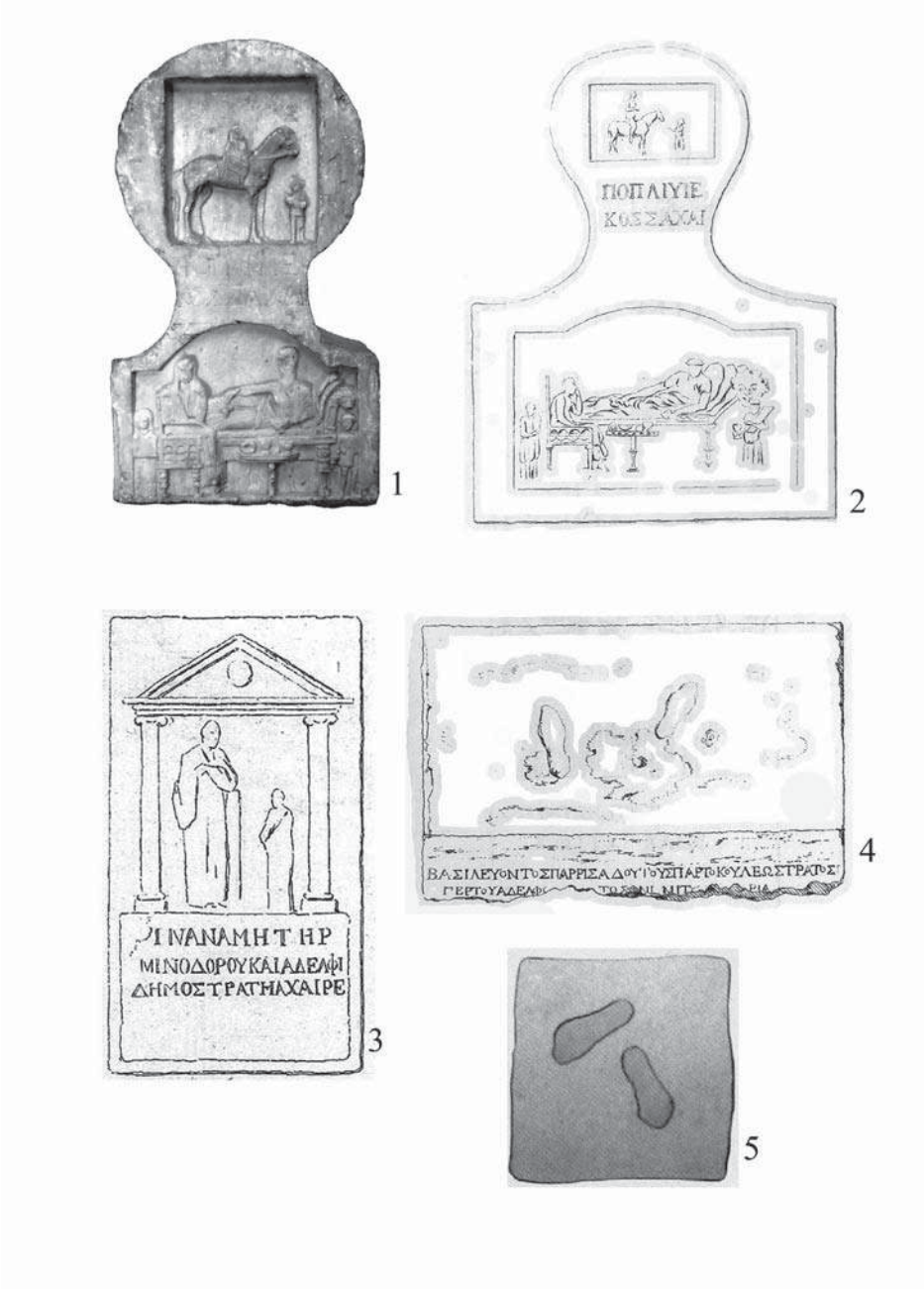


Рис. 6. Надгробия и постаменты из церкви Иоанна Предтечи. 1, 2 – надгробие Публия, сына Косса (соврем. фото и рис. по Pallas, 1801); 3 – надгробие Наны и Демостратеи (по Pallas, 1801); 4 – постамент с посвятительной надписью (по Pallas, 1801); 5 – постамент со стертой надписью (рис. Д. М. Струкова, по Священный образ.., 2012).

Рис. 7. 1 – «Колоссальный торс Эскулапа» (по Ашик, 1848, III, p. CI); 2 – торс «колоссальной мраморной статуи Эскулапа» (рис. А. Я. Фабра, Дюбрюкс, 2010, рис. 94); 3 – статуя боспорского царя Перисада (современное состояние, Эрмитаж).

Ю.А. ВИНОГРАДОВ, Е.Г. ЗАСТРОЖНОВА, М.В. МЕДВЕДЕВА
IU.A. VINOGRADOV, E.G. ZASTROZHNOVA, M.V. MEDVEDEVA

ТАМАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГАИМК И ИССЛЕДОВАНИЯ ФАНАГОРИИ [1]

TAMAN EXPEDITION OF THE GAHMK AND RESEARCHES OF PHANAGORIA

В истории советской археологии 1920–30 гг. остается немало белых пятен. В частности, мы очень мало знаем о работах Таманской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), созданной в 1930 г. Во главе ее, как известно, встал выдающийся археолог и организатор науки А.А. Миллер [о нем см. Алёкшин, 2015, с. 6–19]. Результаты систематических разведок, предпринятых тогда на Таманском полуострове, составление археологической карты района сейчас оцениваются весьма высоко [Паромов, 2020, с. 242–243], но ведь задачи экспедиции ими не ограничивались. В сферу ее деятельности были включены исследования двух крупных городищ – Гермонассы (Тмутаракань) и Фанагории (рис. 1). Раскопки первого из них были запланированы на три года таким образом, чтобы в 1931 г. провести изучение культурных напластований Средневековья, в 1932 г. сосредоточиться на исследовании римских и эллинистических слоев, а в 1933 г. – классических и архаических [Виноградов, 2009, с. 20; 2013, с. 169]. Понятно, что за три года вскрыть всю толщу многометровых напластований Гермонассы – задача абсолютно не выполнима, но таковым был задуман первый шаг в изучении памятника, который, разумеется, должен был иметь продолжение. Во всяком случае в 1931 г. раскопки Тмутаракани были проведены в полном соответствии с намеченным планом [Миллер, 1932а, с. 58–60]. Ситуация с Фанагорией оказалась намного сложней, поскольку на этом памятнике с 1927 г. экспедицией Музея изящных искусств (МИИ) проводились раскопки совместно с Российской ассоциацией научных институтов общественных наук (РАНИОН) под руководством Л.П. Харко, а позже и К.Э. Гриневича [Застрожнова, 2019, с. 160–175]. На этой почве между ГАИМК и МИИ неизбежно должны были возникнуть серьезные разногласия.

Работы Таманской экспедиции ГАИМК (1930–1931 гг.) на территории Фанагории и события, им предшествовавшие, имели свою достаточно скандальную предысторию. В 1925 и 1926 гг. коллективом по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов, созданным по инициативе аспирантов Института археологии и искусствознания РАНИОН В. Д. Блаватского,

[1] Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ «А.А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)» 20–09–00180 А.

М.М. Кобылиной и Л.П. Харко, руководителем которого стал А.С. Башкиров[2], проводились рекогносцировочные экспедиции по Таманскому полуострову, Керчи и ее окрестностям [Александрова, 2015, с. 164; Застрожнова, 2019, с. 156; Непомнящий, 2018, с. 60]. В ходе работ были определены основные перспективные направления для исследований, в том числе предполагалось возобновление археологических раскопок на территории крупнейшего античного города на Тамани – Фанагории, которая к тому времени не была закреплена за каким-либо научным учреждением. 1 июня 1927 г. директор МИИ Н.И. Романов направил письмо в Главнауку, в котором сообщил о намерении музея организовать стационарные работы в районе станции Сенной (древней Фанагории) ввиду заинтересованности в получении новых экспонатов для пополнения античных коллекций [Александрова, 2018, с. 36]. Исследования предполагалось проводить совместно с РАНИОН; МИИ при этом брал на себя организационную часть работ.

Такое намерение не могло не встревожить руководство ГАИМК, которое позиционировало свою организацию как ведущую силу в проведении археологических работ в стране. Противостояние московских и ленинградских исследователей в области проведения раскопок на Тамани обозначилось уже в 1927 г. А.С. Башкиров в своем письме к Л.П. Харко, посетовав на отсутствие финансирования со стороны РАНИОН на проведение полевого сезона 1927 г., резко выступил против монополии ГАИМК на право раскопок: «Нужно начать работу на Фанагории! Нужно доказать свою работоспособность! Нас в Питере греют вовсю! Ненавидят всеми силами! … Но за нас ратует Главнаука. Петров рвет и мечет против гегемона Питера, против недалеких зубров академиков, борьба разгорается. … Питер уже сделал прыжок[3],

---

[2] Башкиров Алексей Степанович (1885–1963) родился в селе Кукмор Мамдышского уезда Казанской губернии в семье учителя. После переезда семьи в Санкт-Петербург обучался в Археологическом институте (1910–1913) и на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета (1908–1913). В 1914 г. по рекомендации Б.В. Фармаковского и М.И. Ростовцева был направлен для продолжения обучения в Русский археологический институт в Константинополе. В 1917 г. вернулся в Петроград, но вскоре уехал в Саратов, где начал преподавание на историко-филологическом факультете университета. С 1922 г. – декан педагогического факультета Самарского университета, однако в этом же году, после знакомства с В.А. Городцовым, переехал в Москву, где был назначен на должность профессора педагогического факультета 2 МГУ по кафедре теории и истории искусств и археологии. С 1923 – действительный член РАНИОН. В 1924 проводил археологические раскопки и разведки в Юго-Западном Крыму, с 1926 – на Таманском полуострове. В 1926–1935 гг. занимал должность научного сотрудника Государственного музея Востока, с 1935 г. – научный сотрудник Всесоюзной академии архитектуры. Был арестован по доносу 8 января 1935 г., содержался в Бутырской тюрьме. В июне этого же года был приговорен к трем годам высылки в Казахстан. В 1948 г. вернулся в Москву. Вплоть до 1962 преподавал в Ярославском педагогическом институте [Непомнящий, 2018, с. 40–74].

[3] Попытки восстановить прерванные в 1917 г. работы в Ольвии, Крыму и на территории юга России РАИМК предпринимал начиная с 1923 г. Н.Я. Марр в своем докладе заведующему Главнаукой Н.Ф. Петрову подчеркивал роль РАИМК в охране памятников и в организации археологических работ на территории СССР. Под руководством А.А. Миллера в 1923–1924 гг. разрабатывался проект по отправке на Таманский полуостров сотрудников РАИМК Г. И. Боровки и А. П. Смирнова для выявления античных памятников, нуждающихся в охранных раскопках (Фанагория, Гермо-

но пока не допрыгнул, открытый лист я получил первый по линии РАНИОНа! Как выразился Петров, “начинается освобождение Москвы”, “первая ласточка” без Академии вылетела[4]…. Прочитайте это письмо в наших кругах, ознакомьте молодежь…» [Александрова, 2018, с. 38].

Однако в ходе проведения раскопок 1927 г. наметился конфликт уже между самим Л.П. Харко и А.С. Башкировым [Александрова, 2015, с. 165–168], который не смог лично присутствовать на раскопках, поручив руководство ими Л.П. Харко. Прибыв в экспедицию в самом конце работ, он требовал как можно скорее начать раскопки в районе выявленного разведочным шурфом помещения с полом из полихромной штукатурки, против чего выступил Л.П. Харко, опасаясь разрушения всего комплекса. Обострение отношений привело к тому, что в январе 1928 г. Л.П. Харко написал заявление о выходе из Коллектива по изучению древностей РАНИОН [Александрова, 2018, с. 40]. Вполне очевидно при этом, что о работах МИИ по проведению раскопок на территории Фанагории и о возникающих разногласиях были хорошо осведомлены в Ленинграде. Сотрудница МИИ и член Фанагорийской экспедиции С.В. Разумовская сообщала в письме Л.П. Харко о том, что в ходе личной встречи с Г.И. Боровкой они обсуждали создавшееся положение по изучению памятника. По ее свидетельству, Г.И. Боровка «главной ошибкой А.С. Башкирова» считал его «оторванность» от предшествующих работ на Таманском полуострове и стремление к самостоятельным исследованиям, тогда как очевидно, что на таком памятнике требуется совместная работа и «содружество нескольких человек и многих сил». С.В. Разумовская отметила также в разговоре с Г.И. Боровкой, что разрыв с А.С. Башкировым произошел в том числе и по причине его принципиального отрицания «Ленинграда и Академии» [Александрова, 2018, с. 40].

Весной 1928 г. конфликт между А.С. Башкировым и Л.П. Харко перешел на уровень противостояния МИИ и РАНИОН, после чего по инициативе Музейного отдела Главнауки была создана Комиссия по согласованию планов археологических работ на Таманском полуострове летом 1928 г. На заседании комиссии присутствовали представители Музейного отдела Главнауки (К.Э. Гриневич), РАНИОН (В.А. Городцов,

---

насса, Семибратнее городище и курганы к нему относящиеся). Помимо топографической фиксации обозначенных городищ и некрополей, планировалось проведение раскопок с целью установления границ памятников и выяснения их стратиграфии. Все работы должны были сопровождаться зарисовкой, фотофиксацией, съемкой карт, планов и чертежей. Предполагалось выполнить весь объем работ за 2–3 месяца, израсходовав при этом 200 руб. А. А. Миллер допускал, что К.Э. Гриневич может поехать на Таманский полуостров в составе рабочей группы сотрудников РАИМК. Открытый лист на данные работы получен не был, исследования не проводились [РО НА ИИМК РАН. Ф.1. Оп. 1. 1924. Д. 1. Л. 17].

[4] Крайне важно упомянуть, что всего лишь год назад, в мае 1926 г., в своем письме к Б.В. Фармаковскому, которого А.С. Башкиров считал своим учителем, он писал «что надеется на доброе к нему расположение» и не без гордости отмечал свой карьерный рост и успехи на раскопках в Старом Крыму. В этом же письме он приглашал Б.В. Фармаковского войти в состав Института археологии РАНИОН. К письму также приложено заявление М.М. Кобылиной с просьбой принять ее в состав Ольвийской экспедиции ГАИМК [Непомнящий, 2018, с. 63].

И.Н. Бороздин, А.С. Башкиров), МИИ (Н.И. Романов, Л.П. Харко) и ГАИМК (А.А. Миллер). РАНИОН и МИИ высказались о своих дальнейших планах работы, А.А. Миллер также заявил о намерении ГАИМК предпринять исследования на территории Таманского полуострова. В итоговом постановлении комиссии было решено исключить Фанагорию из археологических работ 1928 г. ввиду незначительности выделенных Главнаукой средств [Александрова, 2018, с. 41]. О роли ГАИМК в предстоящих работах в резолюции комиссии ничего определенного сказано не было.

Однако, решив подготовить основания для дальнейших исследований, в сентябре 1928 г. ГАИМК направила Г.И. Боровку в ознакомительную командировку на Тамань [Застрожнова, 2019, с. 169]. По свидетельству самого исследователя, на Тамани он пробыл три дня и два дня в Керчи. В ходе поездки Г.И. Боровкой были осмотрены античные памятники этого района и сделана серия их фотографий [Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 33], которые впоследствии демонстрировались археологом на заседании в ГАИМК во время представления отчета о поездке. В составленных им «тезисах» об организации исследования и охраны памятников древности на Таманском полуострове, датированных 16 марта 1929 г., в частности, говорилось о необходимости проведения топографических работ «в районе станции Сенной (т.е. в районе городища Фанагории) с целью подробного выяснения ландшафтного окружения городища и его связи с искусственными сооружениями в окрестностях» [РО НА ИИМК РАН. Ф.2. Оп.1. 1929 г. Д. 201. Л. 14 об.].

На заседании археологической Комиссии по делам экспедиции при Ученом совете МИИ в феврале 1929 г. новый директор музея Н.Ф. Ильин поставил вопрос о целесообразности продолжения раскопок в Фанагории. При активной поддержке научных сотрудников В.Д. Блаватского, Е.А. Столяревского, Н.И. Новосадского, А.А. Захарова экспедицию было решено продолжить, однако Л.П. Харко неоднократно критиковал дирекцию музея за задержку финансирования и перенос сроков начала работ. Когда данный вопрос обсуждался в Москве, в ГАИМК понимали сложность ситуации, но были уверены, что сумеют с ней справиться.

В 1930 г. Таманская экспедиция ГАИМК была создана, на этот сезон перед ней были поставлены задачи, носившие предварительный, разведывательный характер. 25 июля группа ленинградских сотрудников во главе с А.А. Иессеном прибыла в Тамань, А.А. Миллер присоединился к ним немного позднее. Однако еще 24 июля 1930 г. ему стало известно о приезде в Фанагорию Л. П. Харко и К. Э. Гриневича. На следующий день в письме, направленном в ГАИМК, А.А. Миллер писал: «Из этого [т.е. из приезда названных лиц] видно, что Таманская экспедиция Музея Изящных Искусств (или Vox'а) – этот факт, который следует считать для Таманской экспедиции ГАИМК – крайне вредным. Прежде всего, должен указать, что Фанагорийское городище входило в план обследовательских работ нашей экспедиции в этом году и обойтись без этого я считаю совершенно невозможным. Затем, я сейчас веду переговоры с научным Комитетом при Краевом исполкоме о тех основных положениях, которые можно будет принять за основной момент к последующему соглашению

между ГАИМК и Комитетом на совместные и длительные работы на Тамани, при условии сохранения плана и руководства за Академией. Переговоры эти пока вполне успешны, мне одному из сотрудников сегодня поручено составить смету по линии краевых средств. Я веду эти переговоры, но рискую срывом, который может произойти в случае, если обнаружится, что нет единого плана, что на Тамани работает еще какая-то экспедиция из центра. Особенно трудным мое положение может оказаться в Краснодаре, где, наверное, осведомлены об экспедиции Харко – Гриневича» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 48–48 об.].

Естественно, такие действия стали причиной беспокойства среди московских археологов, что хорошо выражено в письме К.Э. Гриневича, направленном А.А. Миллеру 26 июля 1930 г.: «Глубокоуважаемый Александр Александрович! Очень сожалею, что не имею возможности лично повидаться с Вами и обсудить создавшееся положение, когда две экспедиции находятся на Таманском полуострове. Я бы очень хотел устроить согласительное совещание для устранения ненужного параллелизма. Я до последнего момента не знал, что АИМК пошлет экспедицию, в Главнауке же на заседании Ваш представитель сообщил, что он видит экспедицию АИМК, если она будет согласованной с нашей экспедицией, которая работает здесь уже 4 год. Экспедиция МИЗИС носит исключительно разведочный характер, хотя Открытый лист я имею и на раскопки. Моей задачей является установление границ Фанагории и изучение ее культурных слоев. Кроме того, я хочу ознакомиться с сетью мелких городищ на п.о. Фонтан и в районе Бугаза. Последнее – для установления экономики. Очень хотелось бы повидаться в районе Сенной, куда я еду, и побеседовать более детально. Я хотел бы познакомиться и с Вашими задачами, так как несомненно одно, что обе экспедиции являются прелюдией для больших работ с немцами. А так как до последнего момента переговоры с немцами шли через Археолог[ическую] Секцию ВОКС, то всё это меня интересует очень близко» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 101].

Неизвестно, ответил ли А. А. Миллер на это послание, но, вероятно, он проинформировал о нем руководство ГАИМК, после чего получил от С.Н.Быковского письмо от 10 августа 1930 г. Этот крайне показательный документ хранится в Научном архиве ИИМК РАН [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп.1. 1930 г. Д.18. Л.77–79]. С.Н. Быковский в то время являлся заместителем председателя ГАИМК по науке, т.е. был человеком весьма и весьма влиятельным, деятельность которого остается почти неизученной [Застрожнова, 2019, с. 178, прим. 68]. Его письмо А.А. Миллеру не оставляет сомнения в том, что руководство ГАИМК придерживалось убеждения, что именно Академия должна возглавить все исследования на Таманском полуострове. А.А. Миллеру по существу была дана инструкция, которая во многом напоминает план подготовки к войне. Необходимо было исключить любые компромиссы с Л.П. Харко и К.Э. Гриневичем, отклонять все их попытки достижения соглашения о совместных работах. Помимо того следовало вести наблюдение за действиями москвичей, фиксировать все их

«промахи и ошибки», чтобы использовать добытую таким образом информацию в нужный момент. Наконец, среди местных научных учреждений необходимо было найти союзников для будущей борьбы.

Работы Таманской экспедиции ГАИМК в 1930 г., как было сказано выше, носили подготовительный характер. В отчете об исследованиях этого года, в частности, говорится: «Экспедицией обследовано было всего свыше 60 городищ и древних поселений, относящихся к различным эпохам, причем в некоторых из них сделаны были и разведочные разрезы для изучения культурной стратиграфии, именно в городищах Таманском, в гор. у станции Сенной, у Фанагорийской крепости» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1930 г. Д. 118. Л. 68]. Что это были за «разведочные разрезы», нам не известно, но исследования на городище у станции Сенной (т.е. на Фанагории) действительно были предприняты. С 18 по 22 августа на памятнике проводились работы по определению стратиграфии в береговой его части. Было заложено два «участка», в каждом из которых было снято по 29 штыков. Записи в полевом журнале не очень подробны, так что сложно установить, в каком именно районе берега находились эти участки, скорее всего, в районе Нижнего города. Среди находок были зафиксированы фрагменты пифосов и амфор римского периода с ребристыми стенками, столовой, рельефной и сероглиняной керамики. В дерновом слое встречались фрагменты фарфора [РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1930 г. Д. 121. Л. 117–144]. Некоторое представление о раскопках Таманской экспедиции ГАИМК в Фанагории в 1930 г. дают архивные фотографии (рис. 1–3, 5).

Краткие упоминания о раскопках, произведенных Таманской экспедицией в 1930г. в прибрежной части городища, имеются и в других архивных документах [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 164; Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 111. Л. 55], но они не содержат никакой более конкретной информации. В докладе А.А. Миллера, сделанном 21 марта 1932 г., было сказано лишь следующее: «Стратиграфический разрез на Фанагорийском городище показал, что классические слои частично залегают под водой» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 113. Л. 52].

Еще в ходе проведения работ Таманской экспедиции, в начале августа 1930 г., весьма любопытный документ[6] был направлен уполномоченному по охране памятников старины Таманского района Кубанского округа: «Осведомившись о том, что в городище у станции Сенной производятся раскопки тт. Гриневичем и Харко, и зная то обстоятельство, что в текущем году утверждена была Таманская экспедиция ГАИМК, я запросил по этому вопросу Гос. Академию Истории материальной культуры и сегодня получил по телеграфу ответ с извещением о том, что по справке в Главнауке открытые листы на право произв[одства] археологических раскопок тт.Гриневичу и Харко выданы не были. Прошу Вас не отказать выяснить формальную сторону этого дела для моего сообщения в ГАИМК, а также узнать у лиц, произво-

[6] В рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН сохранился черновик этого письма, составленный А.А. Миллером.

дящих раскопки, о мерах, которые предполагают принять для сохранности обнаруженных древних каменных кладок» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 77-77 об.].

И вскоре, 9 августа 1930 г., А.А. Миллер писал в Академию: «По полученным мною сведениям экспедиция МИЗИС закончила раскопки в городище у станции Сенной, 7-го числа А.Е. Гриневич выехал в Керчь, а т. Харко остался на месте работ еще на два дня» [там же, Л. 52]. Видимо, таким образом он сообщал, что экспедиция ГАИМК может начать там свои работы.

Одновременная работа двух экспедиций на Таманском полуострове в наши дни никого смутить не может (правда, не на одном памятнике!), но в то время, когда ГАИМК стремился возглавить все археологические исследования в СССР, этот вопрос встал весьма остро. А.А. Миллер, который вел работы своей экспедиции без особой оглядки на московских коллег, тем не менее проявлял здесь некоторую обеспокоенность и считал «параллелизм (территориальный) двух экспедиций» «вещью недопустимой». В письме С.Н. Быковскому от 28 августа 1930 г. он писал:

«В отношении выяснения вопроса о двух экспедициях на Тамани в 1930 году мне кажется, что следовало бы документально установить тот факт, что Главнауке план ГАИМК был известен. В ноябре м[есяце] (если я точно припоминаю) в Главнауке состоялось совещание по рассмотрению всех заявок на экспедиции 1930 года[7]. В это заседание были приглашены Н.Я. Марр, Ф.В. Кипарисов и я. Н.Я. Марр не смог быть, были в заседании Ф.В. Кипарисов и я, а со стороны Музея изящных искусств один представитель и Харко. Когда обсуждался вопрос об экспедиции на Тамань, то представитель МИЗИСа (кажется, директор) сказал, что для Музея не ясно, нужно ли ему вести на Тамани работы или нет, что до сих пор это все шло по инициативе Харко[8]. При этом он заявил, что никакой увязки с ГАИМК не было и что впредь этого нужно достигнуть. Ф.В. Кипарисов сказал, что ГАИМК возьмет на себя проведение систематических исследований на Таманском полуострове. Очевидно, как я понял тогда же, вопрос о Тамани был уже Ф.В. Кипарисовым подготовлен раньше, были какие-то сношения с немецкими учеными[9] и проч. В тот же день вечером в Москве в

---

[7] Некоторые подробности заседания изложены А.А. Миллером в «Отзыве о работах научного сотрудника Таманской экспедиции ГАИМК – Г.И. Боровки», датированном 30 апреля 1931 г. Отзыв был подготовлен по запросу ОГПУ в ходе следственного процесса над арестованным ранее Г.И. Боровкой и подшит в его следственное дело [Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 51–56].

[8] Как было упомянуто выше, документально подтверждено, что в 1927 г. от имени Музея было подано прошение в Главнауку о включении музея в качестве официального участника в Фанагорийскую экспедицию [ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 2. Л. 3].

[9] Имеется в виду неофициальная просьба Ф.В. Кипарисова к Г.И. Боровке о возможности договориться в Германском археологическом институте о проведении совместной экспедиции на Тамань. Из показаний Г. И. Боровки на допросе в 1930 г.: «Перед моим отъездом в Берлин в 1928 году Кипарисов сказал переговорить еще раз о возможности организации такой экспедиции, что я и сделал, сообщив об этом Шмидт-Отту и Виганду. Я упомянул, что некоторые памятники размываются морем и требуют первоочередного исследования, как Фанагория (район Сенного). В Германском археологическом обще-

Восточном институте Н.Я. Марр зашел ко мне и предложил организовать и провести Таманскую экспедицию. Помню, что я возражал против этого, но когда Н.Я. Марр сказал, что Таманская экспедиция может сыграть роль некоторого организационного начала для Академии, я согласился при некоторых оговорках в отношении личного состава и проч. Главное же мое замечание сводилось к необходимости, ставя проблемой изучение сравнительно небольшой территории, охватить всю ее историю, начиная с древнейших нам известных моментов, а не ограничивать лишь пределами т[ак] наз[ываемой]“античности”» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л.58 об. – 59].

В этом же письме были даны крайне негативные оценки методике работ А.С.Башкирова, Л.П. Харко и К.Э. Гриневича: «Пользуясь во время территориальных обследований для установления культурной стратиграфии естественными обнажениями, я нашел необходимым все же в двух городищах (Таманском и Сенном) сделать разрезы у береговых обрывов. Разрезы эти дали основного значения материал, относящийся к хорошим, не поврежденным отложениям. Наша стратиграфия для Сенного городища (вероятно, Фанагории) совсем иная, чем та, которую мы знаем по печатным и рукописным отчетам Башкирова (Гриневича) – Харко» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 55]. Далее он писал: «В отношении деятельности на Таманском полуострове Башкирова – Харко – Гриневича теперь, после осмотра их раскопов у ст. Сенной и в городище у Красной Звезды, я могу сказать следующее: очевидно, им совершенно не известно археологическое содержание термина “стратиграфия”, который они часто употребляли в своих отчетах в качестве некоторой цели их исследований. Я видел только поиск в направлении отдельных частных тем: цементированный пол, часть стены, гончарная печь[10]. Если же их раскопы в Фанагории (Сенной), будучи по существу бесполезными, в то же время являются относительно и безвредными со стороны возможных дальнейших разрушений обна-

---

стве я прочитал доклад об античной топографии Таманского полуострова. Мне ответили, что средств на 1929 г. уже нет, но в 1930 г. это возможно было бы организовать. В 1929 г. мы также не предполагали проведения исследований, а в 1930 г. по общим причинам вопрос о сотрудничестве отпал» [Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-74160. Л. 50].

[10] Л.П. Харко в 1929 г. заложил несколько разведочных участков. Он предпринял раскопки в береговой части, по направлению к Западному некрополю, в ходе которых были открыты остатки постройки площадью 9 кв. м, сложенной из плохо отесанных известняковых блоков. Южнее вдоль берега были зафиксированы три небольших помещения, располагавшиеся на «бетонированной площадке, выложенной кирпичами», внутри помещений сохранились гладкие полы из цемянки. Площадка была датирована по боспорским монетам I в. н.э. Помимо того были замечены следы богатого фанагорийского дома либо какого-то общественного здания в «700 м от бывшего хутора Семеняки», где в осыпи были выявлены фрагменты известнякового пола, ярко окрашенного красной краской, и фрагмент мраморной плиты с изображением бегущей собаки. Там же в слое строительного мусора были зафиксированы фрагменты штукатурки красного, желтого, черного, белого, лилового и голубого цветов с остатками росписи. В ходе раскопок В.Д. Блаватского в 1936 г. это здание было исследовано и определено как «дом с расписной штукатуркой» [Кузнецов, 2013. С. 24; Застрожнова, 2019. С. 218].

жения берега, то нельзя, к сожалению, этого же сказать о раскопке А.С. Башкирова в замечательном во многих отношениях городище у коммуны Красная Звезда. По возвращении в Ленинград мне, как члену Комиссии по раскопкам, предстоит сделать по этому делу доклад, считая работу Башкирова худшим видом разрушения памятника старины» [там же, Л. 56 об. – 57]. Раскоп К.Э. Гриневича и Л.П. Харко, вероятно, с этой самой целью был специально сфотографирован (рис. 4).

16 сентября 1930 г. А.А. Миллер в письме в ГАИМК опять указывал на то, что организации работ на Тамани «не соответствуют такие обстоятельства, как приемы раскопок Башкирова, методы исследований Гриневича – Харко и деятельность В.А. Городцова в Крае при поддержке Лунина, известного Академии. Я полагаю, что хорошая постановка исследовательского дела Академией будет в то же время и оценкой деятельности упомянутых лиц» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 5 об.]. Несложно понять, что к этому времени все отчетливей разворачивалось межличностное противостояние главных участников археологического изучения Таманского полуострова, но этот вопрос требует специального исследования. Сам же А.А. Миллер видел проблему еще глубже. В вышеупомянутом письме С.Н. Быковскому он прямо указывал, что суть ее прежде всего состоит в несогласованности действий ГАИМК и Главнауки и двойственности позиций последней: «…дело правильных взаимоотношений Главнауки и ГАИМК получит свое разрешение, когда в ГАИМК безоговорочно будут поступать без исключения все планы археологических исследований, все заявки на открытые листы и все отчеты. До сих пор достигнуть этого не удавалось (позиция РАНИОНА, сопротивление Городцова, Гриневича)» [11] [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 59 об.].

Позиция руководства ГАИМК в этом отношении была непреклонной и бескомпромиссной, так что в 1931 г. вмешательство Таманской экспедиции в изучение Фанагории заметно активизировалось[12]. А.А. Миллер 1 августа этого года

---

[11] Судя по всему, столкновения на этой почве происходили между К.Э. Гриневичем и А.А. Миллером еще в 1928 г. во время утверждения «Генерального плана археологических работ по РСФСР» [Гайдуков, Яновский, 2015, с. 104,107]. С 1927 г. К.Э. Гриневич работал в Москве в Главнауке, затем был избран в РАНИОН. На всех этих должностях он полностью поддерживал позицию В.А. Городцова и принимал участие в разработке его планов по централизации археологического контроля в Москве под руководством Главнауки, что абсолютно не соответствовало интересам ГАИМК. Мнение В.А. Городцова о том «насколько для русской археологии вредна Академия истории материальной культуры» и его взгляд на борьбу с «произволом» и «захватническими стремлениями» «этого пережиточного учреждения» хорошо изложен в дневниках ученого [там же, с. 351–353, 362]. В эту борьбу был активно вовлечен и К.Э.Гриневич [там же, с. 439–440]. Личностный конфликт, без сомнения, сыграл не последнюю роль и в развитии таманской ситуации.

[12] Как ни странно, несмотря на активную позицию МИИ по изучению Фанагории, никаких решительных шагов по проведению раскопок московскими учеными в то время не предпринималось: в 1931 г. финансирование на проведение раскопок выделено не было, а в 1933 и 1934 гг. музей проводил исследования в Ай-Тодоре и Хараксе [ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. Д. 49. Л. 7].

писал в Академию [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 167]: «На основании заявлений тт. Равдоникаса и Карасёва о том, что городище Фанагория подвергается сильному разрушению, вследствие чего, по их мнению, необходимо приступить к исследованию путем раскопок в 1931 году именно этого городища, по Таманской экспедиции выделена особая комиссия в составе председателя зав. Таманским музеем А.Г. Остроумова и членов научных сотрудников ГАИМК товарищей Карасёва, Манцевич и Круглова. Комиссии этой надлежит выехать на указанное городище и на месте провести следующие работы:

1). Выяснить причину и характер разрушений, происходящих в городище "Фанагория" и ухудшивших его сохранность по сравнению с прошлым 1930 годом.

2). Войти в сношения с учреждениями и отдельными лицами, производящими на городище работы, следствием которых является разрушение этого памятника старины, подлежащего охране на основании существующих декретов и положений, и выяснить возможность прекращения всех подобных работ.

3). Ознакомиться на месте с характером строительных и иных работ в районе городища, намеченных на 1931, 1932 и 1933 годы, сделав соответствующие отметки на плане.

4). Предварительно наметить границы участка городища Фанагория, подлежащего отчуждению для его сохранности и предстоящих научных исследований.

5). Осмотреть открытую в прошлом году Московской экспедицией древнюю гончарную печь и выяснить, в какой степени эта печь, не вполне доследованная, предохранена засыпкой от разрушения».

Такая комиссия была создана, ее участники осмотрели Фанагорию, и 3 августа этого года директору местного Хлопкового завода было направлено письмо, подписанное А.П. Кругловым, А.П. Манцевич и А.Н. Карасёвым [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 163, 172]: «Комиссия, выделенная из состава Таманской археологической экспедиции Государственной Академии Истории Материальной Культуры для осмотра городища у ст. Сенной (древняя "Фанагория"), обращает Ваше внимание на то, что из культурных слоев древнего городища по береговой полосе были произведены выборки камня для производства строительных работ. Из расспросов местных жителей выяснилось, что камень выбирался для построек вверенного Вам завода. Ввиду того, что вышеуказанное городище является исключительно ценным памятником для исторических исследований, а также, согласно декретов Совета Народных Комиссаров от 1918 и 1924 гг., Комиссия обращается к Вам с просьбой воспрепятствовать дальнейшему разрушению древнего памятника и содействовать его охране».

Теми же лицами был составлен акт о состоянии городища, текст которого стоит привести полностью [там же. Л. 164–165, 168–171]:

«I. Осмотр городища был произведен совместно с местным жителем Николаем Кучеренко, который по поручению археолога Л.П. Харько [так в документе – Ю.В., Е.З., М.М.] следил за сохранностью городища и знал о работах,

ранее производившихся на его территории. Был осмотрен береговой обрез городища у залива от коммуны “Береговой” до противоположного конца городища (у балки с колодцем)[13]. Так же, как в 1930 г., береговой обрез городища довольно интенсивно размывается водой. Произошли значительные обвалы культурного слоя. Примером такого размывания может служить раскоп, произведенный Таманской экспедицией ГАИМК в 1930 г. Но, помимо размывания, при осмотре обреза было обнаружено несколько выемок, из которых производилась выборка камня. Часть его была сложена в кучи на береговой полосе. Товарищ Кучеренко сообщил, что камень брался хлопкоочистительным заводом для производимых им строительных работ, между прочим, расширения пристани. Согласно заявления того же тов. Кучеренко, выемка камня заводом была прекращена после сделанного им директору завода уведомления о недопустимости вывозки камня с территории городища.

Следов новых разрушений поверхности городища, кроме одного, приводимого ниже, комиссией обнаружено не было. Большая часть поверхности городища засеяна гл[авным] образом пшеницей и подсолнухами; лишь у коммуны “Береговой” производятся земляные работы по сооружению силосной ямы для кукурузы. Размеры ямы: длина – 30 метров, ширина – 3 метра. К моменту прибытия комиссии размеры выкопанной ямы достигали 4 м длины, 3 м ширины, 2 м глубины. На указанной глубине были обнаружены кости человека, каменный жернов и фрагменты глиняных амфор и пифоса. По сообщению лица, копавшего яму (зав[едующий] молочной фермой), целого скелета не было, встречались лишь разбросанные кости. Приводимые сведения у комиссии вызывают сомнения. В обрезах ямы были видны черепки и кости. Комиссия считает необходимым для наблюдения за дальнейшим ходом работ откомандировать одного из участников экспедиции. Ввиду отсутствия председателя коммуны, приостановка работ быть не могла. Силосная яма существенного вреда городищу принести не может, так как находится на окраине его; но надзор специалиста все же необходим. Найденный жернов комиссия просила сохранить до приезда кого-либо из участников экспедиции.

II–III. Для выяснения возможности в дальнейшем охранить городище от разрушений комиссия вошла в сношения с местными организациями. Переговоры велись с опытной хлопковой станцией, хлопкоочистительным заводом и работниками коммуны “Береговая”. Земли опытной станции находятся к северу от городища, строительных работ в текущем году станция не производила, а потому комиссия лишь осведомила о местонахождении городища и ознакомила с существующими положениями об охране памятников. На хлопкоочистительном заводе переговоры велись с директором завода т. Полозовским. Из разговора выяснилось, что камень с городища завод действительно брал, но, по словам дирек-

[13] Современными исследованиями установлено, что протяженность города в период расцвета составляла 900 м и проходила между двумя глубокими лощинами на западе (в районе упоминаемой «балки с колодцем») и на востоке (в районе «коммуны «Береговой») [Кузнецов, 2013, с. 34].

тора, лишь “вымытый волной”. Кроме того, завод скупает камень на всех хуторах; таким путем точно так же древние материалы могли попадать на постройку завода. При этом директор убеждал комиссию, что вины администрации завода в этом нет. Комиссия обратилась к директору с письменной просьбой оказать содействие в деле охраны городища и отметила недопустимость выборки камня. Записка директору была написана в двух экземплярах с тем, чтобы на одном из них он наложил резолюцию об уведомлении. Директор категорически отказался это сделать, и даже такая малообязывающая пометка, как “читал”, для него оказалась неприемлемой. Им было предложено дать справку комиссии в том, что она задержалась на Сенной из-за отсутствия парохода. После переговоров комиссией была осмотрена пристань и среди камней, из которых она сложена, на поверхности были обнаружены обломки карниза с фризом лотосов и пальметок и обломок верхней части надгробия. В забутовке попадаются обломки амфор и черепицы. Директор завода обещал изъять оба вышеупомянутые камня и сохранить их до приезда кого-либо из участников экспедиции.

В коммуне “Береговой”, как было упомянуто выше, за отсутствием председателя сведений о предстоящих работах получить не удалось. Заведующий молочной фермой сообщил, что в коммуне в текущем году никакого строительства не будет, а посеянная площадь будет сокращена.

IV. Осмотрев городище, комиссия предварительно наметила следующие границы отчуждения: с южной стороны – дорога, идущая параллельно берегу, с западной – балка у хутора Кучеренко, с северной – берег залива и с восточной – коммуна “Береговая”. В указанные границы включен как нижний город, так и возвышенная часть поселения.

V. Кроме вышеперечисленных работ комиссией была осмотрена древняя печь, открытая Московской экспедицией в 1930 г. Печь после раскопок разрушениям не подвергалась, так как была засыпана землей, размытой дождями, так что в настоящее время обнажились верхние кирпичи стенок печи. Для предохранения от размывания комиссией был нанят рабочий для засыпки печи землей.

Заключение. Комиссия считает необходимым в целях охраны городища от разрушения объявление его государственным заповедником с установкой пограничных знаков и организацией постоянной его охраны. Ввиду того, что на территории городища в настоящее время не производится угрожающих его сохранности работ, раскопки его в текущем году комиссия не считает необходимыми. Одновременно с этим признается желательным исследование его в последующие годы с предварительным включением в план работ Таманской экспедиции ГАИМК».

Оба приведенных выше документа, в частности, сообщают, что экспедиция Музея Изящных Искусств, производившая разведочные обследования городища Фанагории в 1930 г., обнаружила и частично расследовала керамический обжигательный горн – письмо А.А. Миллера (пункт 5) и акт о состоянии городища (пункт V). Он оказался поразительно близким как по своему конструктивному устройству, так и в хроноло-

гическом отношении к печи, раскопанной в 1929 г. в Керчи. На заседании Античного отдела ГАИМК 18 июля 1931 г. был заслушан доклад В.Ф. Гайдукевича по поводу этих открытий и принято решение включить доследование фанагорийской печи в план работ Таманской экспедиции [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 99]. Такое решение в свете изложенного выше, в общем, вполне понятно, но оно закономерно вело к дальнейшему разжиганию конфликта.

13 сентября 1931 г. А.А. Миллер докладывал руководству академии: «Спешу сообщить, что согласно распоряжения председателя ГАИМК сегодня мною организован особый отряд для исследования гончарной печи у Фанагорийского городища, причем в его состав вошли от Керченского музея тт. Марти и Гайдукевич. На совещании с т. Марти выработано было особое соглашение на производство работ, и к исследованиям на месте будет приступлено 15–16 сентября. Производство работ поручается сотруднику экспедиции т. Подгаецкому, имеющему достаточный опыт по изучению саманных построек и глинобитных печей. Дополнительные сведения сообщу в ближайшие дни, сейчас же ограничиваюсь этим, стараясь послать письмо с т. Марти через Керчь и этим избежать задержек, обычных при почтовых отправлениях через Керчь» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 92].

Доследование фанагорийской обжигательной печи было произведено вполне успешно (рис. 6–10), его результаты вошли в публикацию В.Ф. Гайдукевича, посвященную памятникам такого рода на Боспоре, которая до сих пор не потеряла своего научного значения [Гайдукевич, 1934. С. 51–92]. Однако нетрудно догадаться, каким образом эти действия Таманской экспедиции ГАИМК были оценены в среде московских археологов.

Уже после раскопок печи городище Фанагория два раза (30 сентября и 15 октября) посещалось комиссией, состоящей из сотрудников Таманской экспедиции. В обоих случаях были составлены специальные «Заключения»; приведем их полностью. В первом говорится [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 166–167]:

«Комиссия в составе нач. Таманской эксп. ГАИМК А.А. Миллера, зав. Таманским музеем А. Г. Остроумова, зав. Керченским музеем Ю.Ю. Марти и научного сотрудника ГАИМК Г.В. Подгаецкого пришла к следующему заключению.

1. Основная часть городища, находящегося между МТФ “Береговая” (б. хут.Семеняки) и оврагом с колодцем у берега, отходящим от почтового тракта у хут.Кучеренко, разрушается от следующих причин: a) обвалов берега; b) производства силосных ям МТФ “Береговая”; c) добычи камня из древних кладок.

2. Помимо этого возможны и иные виды повреждений, как то возведение новых построек и т.п., учитывая увеличивающуюся деятельность соседней МТФ “Береговой”, а также строительство находящегося поблизости хлопкозавода и предполагаемых МТС и нефтебазы. Опасность разрушения городища от ведущегося и предполагаемого в скором времени вестись строительства в окрестностях городища подтверждается характером отказа директора хлопкозавода подписать предупреждение о недопусти-

мости выборки камня хлопкозаводом из древних кладок, составленное комиссией Таманской экспедиции ГАИМК от 3-го августа 1931 г., что отмечено в ее акте.

3. В интересах охраны городища комиссия полагает целесообразным выделить особый участок, центральный, заключенный между береговой линией, оврагом, идущим от МТФ "Береговая" (б. хут. Семеняки) к почтовому тракту Тамань – Темрюк, почтовым трактом и оврагом с колодцем (у берега), отходящим от него у хут. Кучеренко. И для этого участка, резервированного для научных исследований, воспретить поименованные и всякие работы, которые могут быть связаны с повреждением поверхности городища, за исключением поверхностной вспашки для однолетних культур».

Во втором заключении было записано [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д.777. Л. 173]:

«15 октября 1931 года комиссия в составе нач. Таманской эксп. А.А. Миллера, зав. Таманским музеем А.Г. Остроумова, научных сотрудников ГАИМК А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого, осмотрев часть городища, прилегающую к береговой линии, пришла к следующему заключению:

1) Вся часть городища, которой соответствуют видимые в береговых обнажениях культурные отложения, достигающие 10 метров мощности, сильно разрушается от следующих причин: a) обвалов берега, b) производства саманных кирпичей местными жителями из культурных отложений, c) устройства погребов, уборных и <садков> для свиней в отложениях древнего города, d) добычи камня из древних кладок, e) постепенного расширения дворов за счет снесения культурных отложений.

Помимо этого возможны и иные виды повреждений в случаях возведения новых построек, устройства погребов, оград и т.п.

Комиссия полагает, что городище, исключительное по мощности культурных отложений, отвечающих длительной истории заселения этого пункта, должно быть ограждено от подобных разрушений и тем сохранено для науки. В интересах его охраны комиссия полагает целесообразным выделить особый участок, центральный, заключенный между береговой линией, Морским переулком, улицей Лебедя и первым к востоку оврагом, и для этого участка, резервированного для научных исследований, воспретить поименованные работы местных жителей, разрушающие древнее поселение».

Приведенные «Заключения» позволяют считать, что действия Таманской экспедиции ГАИМК на городище Фанагория были нацелены не только на предотвращение его дальнейшего разрушения, что само по себе вполне понятно и абсолютно справедливо. Выделение центрального участка, «резервированного для научных исследований», скорее всего, следует считать предназначенным для проведения раскопок экспедиции А.А. Миллера и никакой другой. Напомним, что в приведенном выше акте осмотра Фанагории прямо говорится о необходимости включения этого памятника «в план работ Таманской экспедиции ГАИМК» [РО

НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 165, 171]. Об интересах археологов ГМИИ в этих документах вообще не сказано ни единого слова.

Любопытно, что А.А. Миллер в научной печати о работах на Фанагории 1931г. обмолвился лишь парой слов [Миллер, 1932б, с. 45; ср. 1932в, с. 67–68]. И это, как представляется, отнюдь не случайно. С одной стороны, можно признать, что этот год для Таманской экспедиции ГАИМК оказался очень удачным, но, с другой стороны, как мы сейчас понимаем, он положил конец не только притязаниям академии на Фанагорию, но и знаменовал собой начало крушения всего таманского проекта. Разумеется, все это произошло не сразу, и руководство ГАИМК поначалу старалось улучшить свои позиции. В январе 1932 г. А.А. Миллер на заседании Комиссии ГАИМК по раскопкам «указал на желательность объявления заповедниками Таманского и Фанагорийского городищ (в строго определенных границах)» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 88. Л. 16]. Иными словами, он надеялся, что участие ГАИМК в археологическом изучении Тамани, в том числе и Фанагорийского городища, вполне возможно. Эти надежды, однако, были, так сказать, пустыми.

Пока еще мы не знаем, каким образом действия экспедиции ГАИМК были восприняты руководством ГМИИ, но нет сомнения, что оно предприняло всевозможные действия, чтобы оспорить их в соответствующих инстанциях и не допустить повторения ситуации 1930–1931 гг. в будущем.

В академии тоже осознали неоднозначность и опасность сложившейся ситуации, – 21 марта 1932 г. состоялось заседание президиума ГАИМК, посвященное работам на Таманском полуострове. На нем было принято решение о создании специальной комиссии в составе С.Н. Быковского, А.А. Миллера, И.И. Мещанинова, Н.И.Репникова и В.И. Равдоникаса [РО НА ИИМК. Ф. 2. 1932 г. Д. 2. Л. 52 об.], которая, как представляется, должна была разрубить гордиев узел накопившихся противоречий. Из этого документа, в частности, понятно, что тогда никто не собирался отстранять А.А. Миллера от руководства Таманской экспедицией. Да и могло ли быть иначе, ведь он не занимался, так сказать, самодеятельностью, а строго следовал «инструкциям» начальства. Эта комиссия провела определенную работу. Основываясь на ее результатах, было принято решение: «В связи с проблематикой Таманской экспедиции, обсужденной и одобренной особой Комиссией, возникает потребность в ознакомлении представителя Президиума с некоторыми отдельными памятниками старины, требующими, между прочим, организации и охраны. Работа эта могла бы быть исполнена под руководством С.Н. Быковского с участием А. Миллера и двух представителей музеев Керченского и Таманского» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 113. Л. 12 об.].

Из Керченского музея предложение о продолжении сотрудничества было направлено 13 февраля 1932 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 113. Л.5]: «В связи с предполагаемой Большой Северо-Кавказской экспедицией, организуемой Археологическим Комитетом летом 1932 г., Археологический музей высказывает пожелание по примеру прошлого года принять участие в на-

учно-исследовательских работах на Таманском полуострове. Близкая связь и участие Керченского музея в небольших разведках прошлых лет, предпринятых Музеем Изящных Искусств на Фанагорийском городище, работы по доследованию гончарной печи в Фанагории прошлым летом, наличие группы работников, обладающих достаточным опытом в этом деле: быв[ший] научный сотрудник Керченского музея В.Ф. Гайдукевич, н[аучные] сот[рудники] М.И. и Л.П. Харко Керченского музея, К.Н. Никохристо (топограф и фотограф), А.Ю. Марти (инвентаризатор), археолог рабочий Димиденко – все это дает нравственное право Керченскому музею ходатайствовать перед Археологическим Комитетом о выделении особого Фанагорийского отряда для археологических работ под моим [Ю.Ю. Марти – Ю.В., Е.З., М.М.] руководством, план которых должен быть увязан с общим планом экспедиции. Желательно в этом году произвести раскопки в районе исследованного горна и ряд разведок, долженствующих подготовить работы ближайшего будущего».

Письмо было подписано директором Керченского музея Ю. Ю. Марти, научным работником Эрмитажа В.Ф. Гайдукевичем и научными сотрудниками М.И. и Л.П. Харко. Вероятно, в это время уже стало вполне очевидно, что Таманская экспедиция ГАИМК не сможет продолжить свою работу. Тогда, по всей видимости, возник проект Большой Северо-Кавказской экспедиции. Напомним, что в это время А.А. Миллер возглавлял не только Таманскую, но и Северо-Кавказскую экспедицию ГАИМК.

Однако даже в рамках Большой Северо-Кавказской экспедиции проведение работ на Тамани становилось все более проблематичным. Пытаясь спасти положение, С.Н. Быковский 7 марта 1932 г. направил письмо в Одессу М.Ф.Болтенко [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 111. Л. 1]: «Государственной Академией Материальной Культуры на текущий 1932 год предположено организовать на Таманский полуостров экспедицию, которая является продолжением работ последних лет. В порядке их производства в текущем году предположена разработка культурных слоев, относящихся к феодальной формации. Академия считает желательным участие в намеченных работах представителей Украины, причем из них 2–3 человека могли бы быть оплачены из средств Академии. Экспедиция запроектирована на время с 15/V – 15/VII. Академия просит не задерживать ответа и сообщить Ваши соображения по данному вопросу». Тогда же подобное письмо было послано в Киев П.П. Куринному, возглавлявшему Антирелигиозный музей (здание Киево-Печерской лавры) [там же, Л. 2]. На Украине, однако, к таманским делам не проявили никакого интереса.

В принципе, Таманская экспедиция перестала существовать. В заметке А.А. Миллера «О плане археологических исследований на Таманском полуострове», составленном, вероятнее всего, в начале 1932 г., о работах на Тамани по существу ничего не говорится. Речь в нем по большей мере идет о состоянии

дел на Северном Кавказе [РО НА ИИМК РАН. Ф. 24. Д. 146]. В конце апреля 1933 г. А.А. Миллер стал уполномоченным представителем ГАИМК «в работах Академии Наук по совместной проработке плана исследовательских работ в Дагестанской АССР» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1933 г. Д. 3. Л. 12]. Как представляется, о Тамани в это время лучше было не вспоминать вообще.

Амбиции руководства ГАИМК, его нежелание идти на какие-либо компромиссы стали роковыми для очень перспективного научного проекта. По сути, история Таманской экспедиции оказалась одним из витков в борьбе за власть в археологической науке в 1930-х гг. между ленинградскими и московскими археологами. Закончилась она трагично для всех сторон. Вскоре начались аресты участников разразившегося конфликта. Для высших научных структур было вполне очевидно, что здесь имело дело нарушение важнейшего для социализма принципа планирования работ. «Компетентные» органы тоже сделали из него нужные им выводы. В 1933 г. произошли аресты главных участников конфликта – К.Э. Гриневича и А.А. Миллера. Последний подвергся аресту в сентябре 1933г., осужден по политической статье и из сталинских лагерей уже не вернулся [Застрожнова, 2019, с. 185–187]. Такой ценой было оплачено глупое упрямство С.Н. Быковского и др. По злой иронии судьбы оба оппонента (К.Э. Гриневич и А.А. Миллер) в 1935 г. оказались в одном и том же печально известном месте тоталитарного режима – Карлаге[14] [Алёкшин, 2015; Дьячков, Ручинская, 2016, с. 183]. В 1935 г. в Казахстан был отправлен и А.С. Башкиров [Непомнящий, 2018, с. 73].

Проиграл свою битву за Фанагорию и Л.П. Харко. Только в 1937 г. ему удалось еще раз побывать там, далее его опыт и умения Фанагорийской археологической экспедиции, которую возглавил В.Д. Блаватский, уже не понадобились [Александрова, 2015, с. 172–174]. 16 мая 1937 г. в ГМИИ для выработки дальнейшей стратегии работ в Фанагории состоялось заседание дирекции музея. В результате дирекция постановила, что проведение экспедиций ГМИИ в Фанагории целесообразно и что этот античный памятник следует закрепить за Москвой, поскольку «бывший глава ГАИМК Ф.В. Кипарисов оказался разоблаченным врагом народа[15], ведущим двурушническую политику, официально он разрешал проведение Фанагорийской экспедиции, а не официальным, частным письмом <она> запрещалась». Таким образом претензиям ленинградских археологов на этот памятник был положен окончательный предел, но к тому времени на Керченском полуострове уже развернулись систематические работы

[14] Карагандинский исправительно-трудовой лагерь – один из крупнейших исправительно-трудовых лагерей СССР в 1930-е гг., был расположен в Карагандинской области, состоял в системе ГУЛАГ НКВД СССР.

[15] Ф.В. Кипарисов в числе многих других научных сотрудников ГАИМК, МАЭ и ИКП был арестован 27 августа 1936 г. по сфабрикованному ОГПУ делу «О террористической организации ГАИМК». Приговорен к расстрелу 19 декабря 1936 г. Реабилитирован 27 июня 1957 г. [Панкратова, 2020, с. 721].

Боспорской экспедиции ГАИМК (ИИМК АН СССР), направленные на изучение «малых» городов Боспора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова Н.В. Организация археологической работы ГМИИ в 1920–1930-х годах в переписке Л.П. Харко (по материалам отдела рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина) // РА. 2015. № 3. С. 163–175.

Александрова Н.В. Страсти по Фанагории. Археологические экспедиции 1920–1930-х годов // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 6. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3. М., 2018. С. 35–57.

Алёкшин В.А. А.А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии // Музей. Традиции. Этничность. № 2. СПб, 2015. С. 6–19.

Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК – РАИМК (ГАИМК) – ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7–36.

Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб, 2013. С. 160–190.

Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи (по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг.). ИГАИМК. 1934. Вып. 80.

Гайдуков П.Г., Яновский А.Д. (ред.). Городцов Василий Алексеевич. Дневники ученого. 1928 –1944: Из собрания Государственного исторического музея. т. 1. М., 2015.

Дьячков С.В., Ручинская О.А. Константин Эдуардович Гриневич (1891 – 1970). Страницы биографии // Древности. Вып. 14. Харьков, 2016. С. 178 –198.

Застрожнова Е.Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.). СПб, 2019.

Кузнецов В.Д. Фанагория: некоторые итоги исследований // Фанагория. Результаты археологических исследований. 2013. Т. 1. Вып. 1. М. С. 12 –41.

Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. (Краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище) // СГАИМК. № 3–4. 1932. С. 58–60.

Миллер А.А. Выставка работ экспедиций государственной Академии истории материальной культуры // СГАИМК. 1932. № 7–8. С. 43–50.

Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г [ч. 2] // Там же. С. 67–68.

Непомнящий А.А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2018. Т.4. № 4. С. 40–83.

Панкратова Е.Г. Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов (новые материалы к биографии) // ВДИ. 2020. № 3. С. 698–722.

Паромов Я.М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991) // БИ. 2020. Вып. 40. С. 239–305.

REFERENCES

Aleksandrova N.V. Organizacija arheologicheskoj raboty GMII v 1920 –1930-kh godah v perepiske L.P. Harko (po materialam otdela rukopisej GMII im. A.S. Pushkina). *Rossijskaja arheologija,* 2015, № 3. S. 163–175.

Aleksandrova N.V. Strasti po Fanagorii. Arkheologicheskiye ekspeditsii 1920 – 1930-kh godov. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy.* T. 6. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii.* Vol. 3. Moscow, 2018, pp. 35–57.

Alekshin V.A. A.A. Miller i yego vklad v razvitiye otechestvennoy arkheologii. *Muzey. Traditsii. Etnichnost'.* No. 2. SPb, 2015, pp. 6–19.

D'jachkov S.V., Ruchinskaja O.A. Kontantin Jeduardovich Grinevich (1891 – 1970). Stranicy biografii. *Drevnosti.* Vol. 14. Har'kov, 2016. S. 178 – 198.

Gaydukevich V.F. *Antichnyye keramicheskiye obzhigatel'nyye pechi (po raskopkam v Kerchi i Fanagorii v 1929 –1931 gg.). Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii Istorii Material'noy Kul'tury,* 1934, vol. 80.

Gajdukov P.G., Janovskij A.D. (eds.) *Gorodcov Vasilij Alekseevich. Dnevniki uchenogo. 1928 – 1944: Iz sobranija Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja.* Vol. 1. M., 2015.

Kuznecov V.D. Fanagoriya: nekotorye itogi issledovanij // *Fanagoriya. Rezul'taty arheologicheskih issledovanij.* 2013. T. 1. Vol. 1. M., S. 12 – 41.

Miller A.A. Tamanskaya ekspeditsiya GAIMK v 1931 g. (Kratkiy predvaritel'nyy otchet ob issledovaniyakh v Tamanskom gorodishche). *Soobscheniya Gosudarstvennoy Akademii Istorii Material'noy Kul'tury,* 1932, no. 3–4, pp. 58–60.

Miller A.A. Vystavka rabot ekspeditsiy gosudarstvennoy Akademii istorii material'noy kul'tury. *Soobscheniya Gosudarstvennoy Akademii Istorii Material'noy Kul'tury,* 1932, no. № 7–8, pp. 43–50.

Miller A.A. Tamanskaya ekspeditsiya GAIMK v 1931 g [CH. 2]. *Soobscheniya Gosudarstvennoy Akademii Istorii Material'noy Kul'tury,* 1932, no. № 7–8, pp 67–68.

Nepomnyashchiy A.A. Aleksey Bashkirov v krymovedcheskikh kommunikatsiyakh pervoy treti XX stoletiya. *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo,* 2018, t.4, pp. 40–83.

Pankratova E.G. Poslednij predsedatel' GAIMK – F.V. Kiparisov (novye materialy k biografii) // VDI. 2020. № 3. S. 698-722.

Paromov Ya.M. Istoriya arkheologicheskikh issledovaniy na Tamanskom poluostrove. Chast' 2 (1918–1991). *Bosporskie issledovaniya,* 2020, Vol. 40, pp. 239–305.

Vinogradov Yu.A. Otdel istorii antichnoy kul'tury IIMK RAN i yego predshestvenniki v RGAK – RAIMK (GAIMK) – IIMK AN SSSR – LOIA AN SSSR. *Zapiski IIMK RAN*, 2009, no. 4, pp. 7–36.

Vinogradov Yu.A. Otdel istorii antichnoy kul'tury. *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014).* SPb, 2013, pp. 160–190.

Zastrozhnova Ye.G. *Fanagoriya. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya (konets XVIII – seredina XX v.).* SPb, 2019.

Резюме

Таманская экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры во главе с А.А. Миллером была создана в 1930 г. Она была нацелена на детальное археологическое обследование Таманского полуострова. Основной результат ее деятельности – создание археологической карты этого района. Наряду с этим было запланировано проведение раскопок на двух крупных городищах – Гермонассе (Тмутаракани) и Фанагории. На втором из них исследования были осложнены, поскольку с 1927 г. там производились раскопки экспедиции Музея изящных искусств (Москва) во главе с К.Э. Гриневичем и Л.П. Харко. Несмотря на это, Таманская экспедиция провела исследования в Фанагории в 1930–1931 гг. Из-за несогласованности действий московских и ленинградских археологов возник серьезный конфликт. Его итогом стало прекращение работы Таманской экспедиции ГАИМК. С этим обстоятельством, вероятно, были связаны аресты А.А. Миллера и К.Э. Гриневича в 1933 г.

Summary

Taman expedition of the State Academy for the History of Material Culture (SAHMC), headed by A.A. Miller, was organized in 1930. The work of the expedition should have provided for a detailed study of the Taman Peninsula. The main result of the expedition's activity was that the archaeological map of the area was completed. Along with this, it was planned to carry out excavations at two large ancient cities – Hermonassa (Tmutarakan) and Phanagoria. The researches at the second site were complicated, because since 1927 the expedition of the Museum of Fine Arts (Moscow) headed by K.E. Grinevich and L.P. Harko excavated there. Despite this, the Taman expedition conducted its own excavations in Phanagoria in 1930–1931. Due to the lack of coordination between the Moscow and Leningrad archaeologists, a serious conflict arose. As a result the activity of the Taman expedition of SAHMC was terminated. These circumstances may have caused the arrests of A.A. Miller and K.E. Grinevich in 1933.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН
(С-Петербург),
(812) 764-85-71.
vincat2008@yandex.ru

Застрожнова Евгения Григорьевна, к.и.н.,
заведующая Отделом обработки фондов,
комплектования и ведомственных архивов
СПбФ АРАН (С.-Петербург),
(812) 323-67-64.
pankratova0484@yandex.ru

Медведева Мария Владимировна, к.и.н.,
старший научный сотрудник,
Институт истории материальной культуры
(Санкт-Петербург),
(812) 571-67-78.
marriyam@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg),
(812) 764-85-71.
vincat2008@yandex.ru

Zastrozhnova Evgenia Grirorievna,
PhD,
Lead of Department of Saint-Petersburg
branch of the Archive
of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg),
(812) 323-67-64.
pankratova0484@yandex.ru

Medvedeva Maria Vladimirovna,
PhD,
Senior researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St. Petersburg),
(812) 571-67-78.
marriyam@mail.ru

Рис. 1. Городище у ст. Сенной. Общий вид. Материалы Таманской экспедиции, 1930 г. Фото А.А. Гречкина. ФО НА ИИМК РАН, отп. О. 13/68.

Рис. 2. Береговые отложения городища у ст. Сенной. Материалы Таманской экспедиции, 1930 г. Фото А.А. Гречкина. ФО НА ИИМК РАН, отп. О. 14/5.

Рис. 3. Раскоп на городище у ст. Сенной. Материалы Таманской экспедиции, 1930 г. Фото А.А. Гречкина. ФО НА ИИМК РАН, отп. О.14/9.

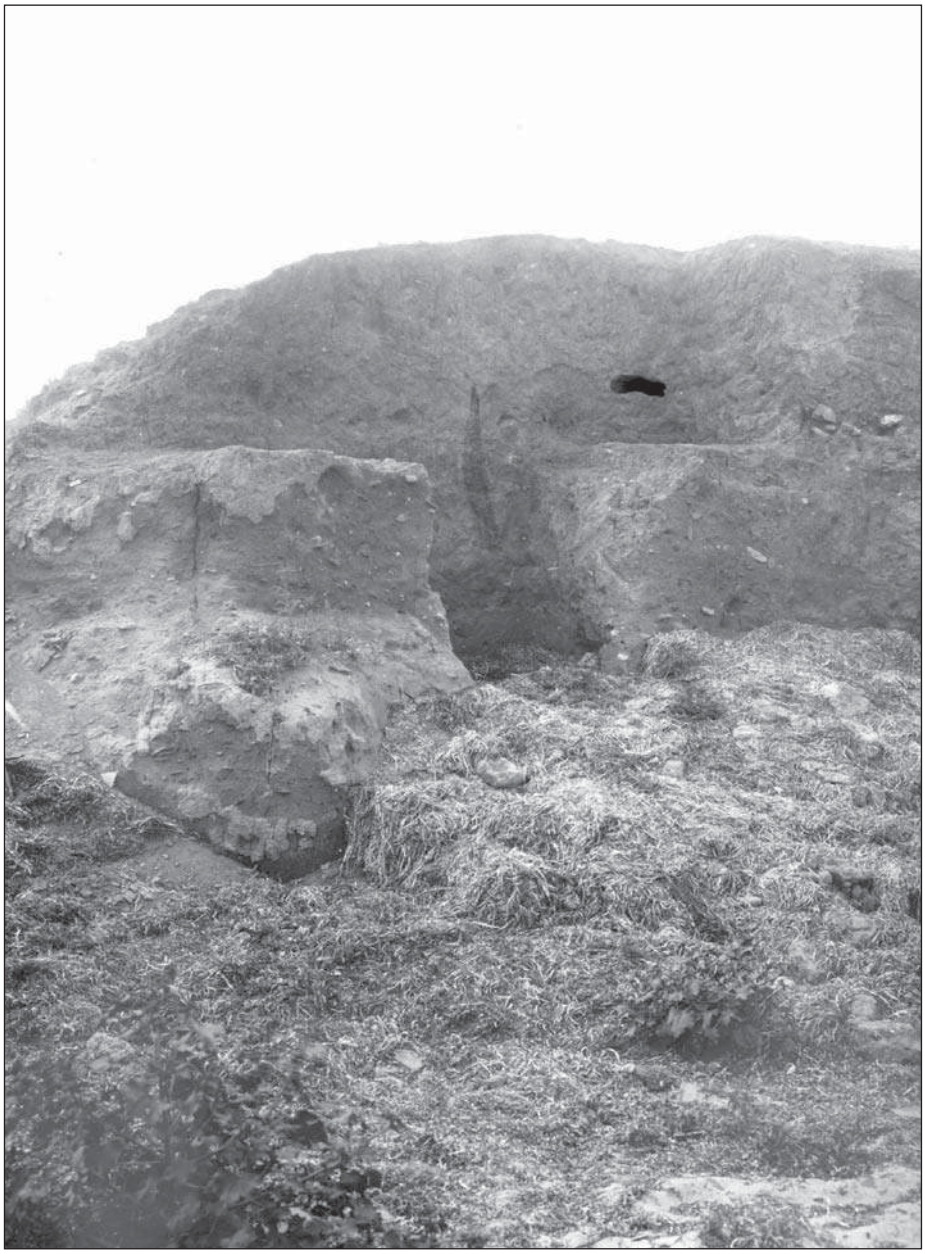


Рис. 4. Раскоп К.Э. Гриневича и Л.П. Харко на городище у ст. Сенной. Материалы Таманской экспедиции, 1930 г. Фото А.А. Гречкина. ФО НА ИИМК РАН, отп. О.14/7.

Рис. 5. Отпечаток пифоса в обнажениях культурного слоя городища у ст. Сенной. Материалы Таманской экспедиции, 1930 г. [Ср. с Александрова, 2015, с. 171, рис. 8]. Фото А.А. Гречкина. ФО НА ИИМК РАН, отп. О.14/6.

Рис. 6. Ст. Сенная, Фанагория. Начало разборки гончарной печи. Материалы Таманской экспедиции, 1931 г. Фото Г.В. Подгаецкого. ФО НА ИИМК РАН, отп. О.201/31.

Рис. 7. Ст. Сенная, Фанагория. Раскопки гончарной печи. Материалы Таманской экспедиции, 1931 г. Фото Е.Н. Бузина. ФО НА ИИМК РАН, отп. О.199/46.

Рис. 8. Ст. Сенная, Фанагория. Гончарная печь после расчистки. Материалы Таманской экспедиции, 1931 г. Фото Е.Н. Бузина. ФО НА ИИМК РАН, отп. О.199/47.

Рис. 9. Участок ВС раскопа гончарной печи после окончания раскопа. Материалы Таманской экспедиции, 1931 г. Фото Е.Н. Бузина. ФО НА ИИМК РАН, отп. О.199/77.

Рис. 10. Участники Фанагорийского отряда Таманской экспедиции, 1931 г. ФО НА ИИМК РАН, отп. О.201/52.

А.Н. ШАМРАЙ
A.N. SHAMRAI

ОТКРЫТИЕ И НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕЙ НАВИГАЦИИ У МЫСА ПАНАГИЯ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ (обзор материалов разведок 1977 – 1981 гг.)[1]

THE DISCOVERY AND THE BEGINNING OF STUDYING THE ANCIENT NAVIGATION MEMORIALS AT CAPE PANAGIA IN KERCH STRAIT (the survey of exploration materials of 1977–1981gg.)

В первой половине 70-х гг. прошлого столетия в акватории Керченского пролива проходил исследовательский этап работ по очистке дна от затонувших в разные годы военных, торговых и рыболовных судов, а также другой техники [Захарько, 1975, с. 4]. С этого же времени в проливе бурно развивалось прибрежное рыболовство и промысел моллюска рапаны, осваивались пляжи для отдыха. Участники этой деятельности – водолазы и аквалангисты часто встречали на дне не только предметы недалёкого прошлого, но и более древние вещи [Случанко, 1977, с. 4]. К тому же времени относятся и первые сведения о находках археологического значения у мыса Панагия. Здесь, к югу от основной полосы его рифа (рис. 1), была случайно найдена свинцовая рама весом около 10 кг (рис. 2.1), некогда скреплявшая рога античного деревянного якоря. Её обнаружил аквалангист В. Н. Лаврухин в 1973 –1974 гг. [КГИКЗ, Оп. 2, Ед. хр. № 739. Л. 10,11 и 62]. Несколькими годами позже этот же аквалангист, уже в статусе внештатного руководителя общественной поисковой группы Керченского историко-археологического музея (КИАМ) [Башарин, 1979, с. 4], организовал осмотры дна на двух участках акватории мыса. Первый участок был ориентировочно привязан к отметкам положения на морских картах того времени шести затонувших судов времён Великой Отечественной войны. Эти объекты находились в 1,5 км к юго-востоку от западной оконечности рифовой полосы мыса на глубинах 12 – 13 м (рис. 1). Где-то там были найдены, подняты и переданы в фонды музея «свинцовый предмет небольших размеров вытянутой формы и каменный

[1] Доклад по этой теме был прочитан автором 23.03.2018 г. на научной археологической конференции «ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ», организованной ГБУ РК «Черноморский центр подводных исследований», г. Феодосия.

якорь» [КГИКЗ, Оп. 2, Ед. хр. № 739. Л. 37 и сл.][2]. Свинцовый предмет в виде бруса (рис. 2,2) являлся утяжелителем одного из плеч штока античного деревянного якоря. Посередине он имел П-образное углубление, которое разделяло его на две не равные по объёму части. Одна часть утяжелителя имела прямоугольное сечение 0,12 х 0,07м, другая – квадратное 0,07 х 0,07 м, общий вес предмета составлял 40 кг. Каменный якорь (рис. 2,3) представлял собой вытянутый «брус» из плотного песчаника прямоугольного сечения 0,16 х 0,1 м длиной около 1,3 м и весом 52 кг. Посередине на его рёбрах имелись полуовальные углубления шириной 0,08 м для крепления якорного каната (?).

Годом позже этой же группой аквалангистов осмотрен район рифа вблизи навигационной вехи, отмечавшей в то время его западную оконечность. «В этом месте найдены и подняты два якоря – железный адмиралтейский и каменный» [КГИКЗ, Оп.2. Ед. хр. № 852. Л. 27]. В рукописном отчёте автора находок дана их фотография, на которой они лежат один на другом во внутреннем дворике Керченского музея. По фотографии можно судить, что железный якорь относился к адмиралтейскому типу русского производства XVIII – начала XIX вв., а второй – это большой каменный шток (рис. 2,4) сегментовидной формы весом до 200 кг. Аналогичные каменные штоки использовались на деревянных якорях греческих судов в ранний период колонизации Северо-Западного Причерноморья и Боспора [КГИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. № 408. Л.2 и сл.; Марченко, 1973, с. 307; 1974, с. 21; Золотарёв, 2002, с. 34; Буйских, 2001, с.36; Диатропов, 2006, с. 220 и сл., рис. 217; Шамрай, 2015, с. 253, рис. 2]. В том же отчёте руководитель первой общественной группы аквалангистов музея высказал своё видение перспектив изучения акватории мыса Панагия, как района очень опасного для древнего мореплавания [КГИКЗ, Оп. 2, Ед. хр. № 852. Л. 32].

С 1979 г. более масштабными ознакомительными разведками основного рифа мыса занималась общественная группа аквалангистов КГИКЗ под названием «Корабел», которая пришла на смену прежней. Этот коллектив ныряльщиков был подготовлен специалистами музея к тому, чтобы перейти от простой «добычи» древних вещей к их методичному поиску и первоначальному научному документированию[3]. В первый полевой сезон работы подводными пловцами осматривалось дно в центральной части рифа на удалении 1 км от вершины мыса (рис. 1). Там была открыта группа из пяти окаменелых железных якорей вилообразной формы IX – XIIвв. На дне якоря лежали рядом в 2 – 3 м друг от друга на глубине 8 м. Комплекс состоял из одного большого и четырех малых якорей. Большой якорь весом около 80 кг имел

---

[2] В первом рукописном отчёте В. Н. Лаврухина о проделанной работе [КГИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. № 739. Л. 37 и сл.] не приведены описания их формы, рисунков или фотографий. Автору статьи эти артефакты известны по коллекции древних якорей, находящихся в фондах Керченского музея.

[3] Общественная группа аквалангистов «Корабел» при Керченском музее была организована автором данной статьи. Научную подготовку группы осуществлял А. Е. Кислый, в то время заведующий сектором раскопок и реставрации музея.

длину веретена 1,75 м и размах рогов 1,24 м (рис. 3.1), он был поднят для изучения и передачи в фонды музея. Малые якоря имели меньший размер, соответственно и вес. Местоположение якорей зафиксировано по компасным пеленгам на долговременные ориентиры – триангуляционный пункт мыса Тузла и скалу Парус у мыса Панагия. В то же время вокруг этого комплекса найдены остатки окаменелых ископаемых растений и животных, это были стволы деревьев и большие кости мастодонтов [КГИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. № 740. Л. 22].

В следующем году аквалангистами этой группы разведаны несколько участков в западной части рифа общей площадью 0,15 га в пределах 2 км от берега. На них открыто 13 артефактов, относящихся к окаменелым фрагментам железных якорей, рис.3.2 [Шамрай, 2010, с. 476, рис. 8], а также к каменным и свинцовым деталям деревянных якорей Античности (рис. 3,3-6) [Шамрай, 1982, с. 61]. Среди деталей древних якорей находились все основные образцы, известные на то время в Средиземноморье [Шмид, 1982, с. 24 – 45]. Каменные детали якорей были представлены компактной группой из 4-х штоков, лежавших на глубине 8,3 м неподалёку друг от друга с западного и юго-западного основания одной из обособленных скал рифа. Вершина этой скалы находилась на глубине 1,4 – 1,9 м и была видна с поверхности моря. Три штока этой группы имели классическую сегментовидную форму, но несколько отличались друг от друга по размерам и соответственно по весу. Наибольший вес около 250 кг имели два одинаковых штока длиной 1,8 м и поперечным сечением 0,28 х 0,24 м (рис. 3,4). Третий шток длиной 1,7 м и поперечным сечением 0,3 х 0,18 м весил 180 кг. Четвёртый шток длиной 1,7 м и поперечным сечением 0,22 х 0,12 м был вытянутой прямоугольной формы, он весил 130 кг[4].

Здесь же у «Скалы каменных штоков» в 100 м от её вершины к С–С-З на глубине 9 м находился съёмный свинцовый шток в виде изогнутого вытянутого бруса весом 19,5 кг (рис. 3,6). Он залегал на западном склоне подводной гряды продольной осью с востока на запад. Примерно на таком же расстоянии от скалы к северу обнаружен фрагмент окаменелой части железного якоря – его дуговидные рога и нижняя половина веретена (рис. 3,2). В этом же районе рифа был открыт полный набор свинцовых деталей деревянного якоря греко-римского типа, в который входили шток и рама (рис. 3,5), скреплявшая его рога. Шток представлял собой два плеча в виде сужающихся по одной грани брусьев, соединённых посередине прямоугольным коробом. Внутри короба по продольной оси плеч штока проходил деревянный, хорошо сохранившийся брус из крепкой породы дерева. Шток имел длину 0,75 м, поперечное сечение плеч у короба 0,1 х 0,06 м, на концах плеч 0,05 х 0,05 м, он весил 25 кг. Рама рогов якоря была выполнена в виде вытянутого прямоугольного короба 0,37 х 0,09 х 0,05 м и весила 4,5 кг. Внутри она разделялась на три отверстия прямоугольной

---

[4] «Взвешивание» штоков проведено по вычислениям их объёмов, умноженным на удельный вес диорита (2,8 г/см^3), из которого они изготовлены.

формы двумя тонкими перемычками полукруглого сечения. Два крайних отверстия имели размер 0,1 х 0,06 м, а третье – центральное 0,08 х 0,06 м. Размерные и весовые характеристики свинцовых деталей указывали на небольшие размеры и вес самого якоря, которому они когда-то принадлежали. Общий вес такого деревянного якоря, очевидно, не превышал 50 кг. На расстоянии 50 – 60 м к югу от местоположения штока и рамы найден якорный камень в виде вытянутого бруса длиной 1,12 м и поперечным сечением 0,13 х 0,085 м (рис. 3,3). Предмет был изготовлен из крепкой породы кавказского песчаника, он весил 31 кг. На его рёбрах и одной из граней посередине имелись полуовальные углубления для обвязки якорного каната. Деталям якорей сопутствовали 11 профилированных фрагментов транспортной тары – в основном горловин амфор, которые представляли производственные центры Ионии и Понта эпохи Античности с V в. до н.э. по IV в. н.э. (рис. 3,7-13). На многих фрагментах стенок амфор сохранились остатки смолянистого вещества, которое при нагреве издавало запах дёгтя или канифоли. Эти признаки послужили основанием для предположения о содержимом амфор. В них, по-видимому, перевозились смолы для ухода за рангоутом, такелажем и деревянными корпусами судов.

Количество и видовое разнообразие вновь открытого археологического материала послужило основанием для организации в следующем 1981 году подводного отряда при археологической экспедиции КИАМ. Научным руководителем экспедиции являлся А. Е. Кислый, в то время заведующий отделом раскопок и реставрации музея. Аквалангистами отряда проведены археологические разведки в полосе основного рифа мыса Панагия на серии участков дна общей площадью около 1 га (рис.1,2). Основной целью разведок было выяснение общей картины распространения археологического материала по рифу [КГИКЗ, Оп. 2, Ед. хр. № 767, л. 23]. Каждый из обследованных участков дал новые материалы, наиболее представительная часть которых (23 экз.) была поднята и передана в фонды региональных музеев. В якорных находках этого сезона преобладали окаменелые формы железных якорей грекоримского и византийского времени. Среди находок керамики отмечено увеличение её видового и хозяйственного разнообразия. Одиночные профилированные фрагменты транспортной тары представляли производственные центры Лесбоса, Хиоса, Гераклеи и др. Особенно много было обнаружено обособленных групп (открытых комплексов) строительной керамики IV в. до н.э. – I в. н. э. из южных берегов Понта – Синопы и Гераклеи. К находкам средневекового времени относилось несколько железных якорей Т-образного и Y-образного вида. Всего в полевой сезон 1981 года у мыса Панагия открыто 45 ед. предметного инвентаря, представленного якорями и бытовым снаряжением древних судов, а также, по-видимому, образцами перевозимых на них строительных материалов. Из общего числа находок на каменные детали якорей приходилось 3%, на железные якоря – 11%, фрагменты амфор – 24%, фрагменты различных видов черепицы – 62%.

Подводные разведки в 1981 г. были начаты с обследования месторасположения 4-х больших каменных штоков, открытых в западной части рифа в предыдущем се-

зоне. На площади дна, где находился комплекс, произведены обмерные работы по созданию схематического плана их взаимного расположения на дне [КГИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. № 767. Л. 28, рис. 128]. Осуществлена более надёжная привязка вершины скалы, вокруг которой залегали штоки, к триангуляционным береговым пунктам с помощью секстана. Один из штоков комплекса весом около 250 кг (рис. 3,5) был поднят и передан в фонды музея Тамани. Помимо предметов судового снаряжения античного времени, неподалёку от скалы зафиксированы следы аварий парусных судов и пароходов нового времени. На дне встречались их металлические палубные конструкции (шлюпбалка), балластные кирпичи, развалы блоков угля.

В центральной части рифа у одной из подводных скал был обнаружен открытый комплекс строительной керамики, состоявший из множества фрагментов плоских черепиц (рис. 4,4), среди которых находились калиптеры желобочной формы (рис. 4,6), и антефикс (рис. 4,7). Здесь же найден и небольшой фрагмент лутерия из глины, аналогичной по составу и обжигу глине черепиц. Вся керамика комплекса, по-видимому, произведена в одном центре – Гераклее Понтийской в IV – III вв. до н.э. Большая часть комплекса находилась на глубинах 6 – 6,5 м внутри кругового скального массива. Высокая вершина этого массива с глубиной 2 м хорошо просматривалась с поверхности моря. В 30 м от вершины к северу на глубине 8,5 м был обнаружен якорный камень в виде «плахи» (рис. 4,10), вокруг него на материковом грунте также находились фрагменты черепицы. Якорный камень представлял собой вытянутую плиту, близкую по форме прямоугольнику длиной 1,1 м, шириной 0,25 м и толщиной 0,07м. Предмет весом около 45 кг изготовлен из крепкой породы песчаника. Посередине плиты на её рёбрах и гранях имелись полуовальные углубления шириной 0,06 м.

Среди пустотелых окаменелых форм железных якорей античного времени, открытых в центральной части рифа, были большой и малый якоря с прямыми рогами, посаженными к веретену под углом в 45° (рис. 4,1-2) [Шамрай, 2011, с. 431 и сл., рис.1,2]. Якоря отличались не только размерами, но и конструктивными особенностями отдельных деталей. Веретено большого якоря имело длину 3,1 м, а рога – 0,9м каждый. Общий размах последних составлял 1,2 м. Оба рога якоря были в сечении прямоугольными. Размер их сечения уменьшался от веретена к концам. У мышки рога имели сечение 0,08 х 0,04 м, на их концах – 0,06 х 0,04 м. Концы рогов заканчивались небольшими лапами, имевшими в плане вид кайла. На верхнем конце веретена якоря сохранился рым большого диаметра для крепления якорного каната, а несколько ниже находилось отверстие для закрепления вставного, скорее всего, деревянного штока. Выступающая книзу пятка якоря имела кольцо (рым) небольшого диаметра, за который крепился страховочный конец с буем. Малый якорь (рис. 4,2) имел длину веретена 1,2 м, а рогов – 0,55 м, их общий размах составлял 0,6 м. Веретено и рога якоря в сечении прямоугольны. Веретено книзу несколько расширялось, его сечение на месте соединения с рогами 0,1 х 0,03 м, а у отверстия железного штока – 0,05 х 0,03 м. Рога якоря также были толще у веретена 0,05 х 0,03м и утончались к лапам, которые имели вид кайла. Малый якорь оснащался железным

штоком прямоугольного сечения 0,04 х 0,03 м, от него сохранилась небольшая часть.

Обломки окаменелостей небольшого железного якоря более позднего времени, возможно, периода Римской империи (рис. 4,5), были обнаружены на восточной окраине центральной части рифа. Остатки якоря залегали у основания каменной гряды на глубине 9,4 м, веретеном на северо-восток. Форма этого якоря имела оригинальный вид [Шамрай, 2010, с. 477, рис. 10], в конструкции его рогов прослеживались морфологические черты, получившие широкое распространение в более позднее время. Часть рогов якоря, примыкающая к веретену, была отогнута назад (вниз), другая часть – выпрямлена под прямым углом к веретену до изгиба на лапу. Изгиб конца рога переходил в большую плоскую лапу трапециевидной в плане формы. Рога и веретено этого якоря имели круглое сечение одинакового диаметра 0,06 м. Общий размах рогов якоря – 1 м. Длина веретена – 1,1 м, сверху на нём имелся большой рым, несколько ниже – отверстие для вставного, очевидно, деревянного штока, а в средней части – округлое утолщение, вероятно, место кузнечного соединения двух частей якоря. После мышки (места соединения веретена с рогами) веретено переходило в высокую пятку округлого сечения. Вокруг этого артефакта на удалении 5 – 10м найдено более 10 обломков плоских черепиц, судя по составу глины, синопского происхождения [КГИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. № 767. Л. 28, рис. 125,127 и сл.]. На одном из фрагментов черепицы сохранилось клеймо с именем фабриканта ΦΙΛΟΚΑΛΟU, которое датируется, скорее всего, концом I в. до н.э.[5] В это же время, по-видимому, использовался и якорь.

Несколько южнее якоря комбинированного вида на глубине 8,6 м находились окаменелые обломки небольшого вилообразного якоря византийско-генуэзской эпохи (рис. 4,9). Длина сохранившейся части его круглого в сечении веретена – 1,08 м. Размах прямоугольных в сечении рогов, опущенных под небольшим углом вниз, – 0,9 м. Лапы и рым якоря не сохранились. Якорь аналогичной формы, но несколько больших размеров (рис. 4,8) обнаружен на глубине 8 м в центральной части рифа к югу от места расположения комплекса больших каменных штоков. Якорь имел веретено круглого сечения длиной 1,45 м, рога прямоугольного сечения длиной 0,65м. Последние были посажены к веретену под углом 120°, их размах – 1,35 м. Рым на веретене якоря отсутствовал, но отверстие, где он должен был находиться, хорошо прослеживалось. Непосредственно под ним располагалось большее отверстие для вставного деревянного штока.

Вдоль южной стороны центральной и западной части рифа в различных местах найдены одиночные фрагменты амфор (рис. 4,11-13), целый экземпляр синопской черепицы (рис. 4,3) и гераклейская амфора второй половины IV в. до н. э. (рис. 4,14).

Представленные в данной работе археологические материалы убедительно свидетельствуют о том, что археологические признаки древнего мореплавания в аквато-

[5] Определение центра клеймения черепицы и его датировка проведены Н. Ф. Федосеевым.

рии мыса Панагия были впервые открыты общественными группами аквалангистов Керченского музея в конце 70-х гг. прошлого века, а в 1981 году экспедицией того же музея предварительно разведан весь основной рифовый пояс этого мыса. Рифовый пояс и прилегающие к ней территории дна с юга оказались насыщенными остатками древних якорей античного и средневекового времени. Повсеместно рядом с якорями и их деталями из различных материалов присутствовало некоторое число фрагментов транспортной или строительной керамики того же времени. Хронологический контекст выявленного материала, количественные показатели его распространения, плотность в определённых местах, а также видовое и весовое разнообразие позволяют утверждать, что в полосе основного рифа мыса Панагия в античное и средневековое время существовала обширная якорная стоянка[6]. Древние суда в основном малого водоизмещения бросали якоря по всему рифу, остановки больших и средних судов тяготели к его западной оконечности. Природа возникновения этого навигационного памятника древнего мореплавания у входа в Боспор Киммерийский, его развитие во времени и пространственная структура до настоящего времени мало изучены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Башарин С. Море раскрывает тайны // Керченский рабочий. Газета: 19 ноября 1977 г. № 230 (14910) – Керчь. С. 4; (продолжение) – 22 ноября 1977 г. № 231 (14911) – Керчь. С. 4.

Буйских С.Б. Исследования святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) //ANAXAPSIS. Севастополь, 2001. С. 34 – 43.

Диатропов П.Д. Каменные штоки якорей // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. / МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 2. – Симферополь, 2006. С. 203 – 220.

Захарько В. Когда видимость – ноль// Известия. Газета 16 мая 1975 г. – М. С. 4.

Золотарёв М.И. О сакральной функции каменных якорных штоков с о. Березань // Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов к 70-летию С.Д. Крыжитского. Киев, 2002. С. 33 – 37.

Кислый А.Е., Шамрай А.Н. Отчёт о раскопках пос. Каменка в 1981 г., Маяк – 1981 г., о подводных разведках у м.. Тузла и Панагия – 1981 г. Часть I. С. 18 – 26. Часть II. С. 26 – 31. Архив КГИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. № 767 (рукопись – 31с. с ил.).

Лаврухин В.Н. Рабочий журнал поисковой группы подводных работ КИАМ за 1977 г. – Архив КГИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. № 739 (рукопись – 45с. с ил.).

Лаврухин В.Н. Отчёт о работе подводной экспедиции Керченского историко-археологическо-

[6] Материалы статьи не согласуются с утверждением известного специалиста по древней географии и истории археологических исследований Азиатского Боспора Я.М. Паромова о том, что якорная стоянка у мыса Панагия была открыта и впервые исследована экспедицией Краснодарского музея под руководством А.В. Кондрашова в начале 90-х гг. прошлого столетия (Паромов, 2010, С. 96).

го музея им. А.С. Пушкина, 1978 г. Архив КГИКЗ, Оп. 2, Ед. хр. № 852 (рукопись – 34с. с ил.).

Марченко И. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1971 г. Архив КГИКЗ. Оп. № 2. Ед. хр. № 408 (рукопись).

Марченко И.Д. Раскопки Пантикапея // АО 1972. М., 1973. С. 307.

Марченко И.Д. Город Пантикапей. «Таврия». Симферополь, 1974. 84с.

Паромов Я.М. Уровень моря у берегов Таманского полуострова в античное и средневековое время // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства таманского терминала СУГ и нефтепродуктов / Материалы археологической научной конференции пос. Волна, апрель 2016 г. Краснодар, 2016. С. 91 – 102.

Случанко Б. Крымские аквалангисты // Водный транспорт. Газета за 23 июня 1977 г., № 75 (6865) – М. С. 4.

Шамрай А.Н. Отчёт о работе подводно-поисковой группы «Корабел» при КГИКЗ за 1979 г. Архив КГИКЗ. Оп. 2. Ед. хр. № 740 (рукопись – 23с. с ил.).

Шамрай А.Н. Поднято со дна Керченского пролива // Спортсмен-подводник: Сборник. Вып.67 / Сост. С 73 В. А. Суетин. – М., 1982. С. 53 – 61.

Шамрай А.Н. Античные и средневековые якоря Т-образного типа из Керченского пролива (каталог находок) // БИ. Вып. XXIV. Симферополь-Керчь, 2010. С. 469 – 496.

Шамрай А.Н. Ещё один средиземноморский тип античного железного якоря на Боспоре // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Взаимодействие культур: материалы международной конференции/ Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2011. С. 428 – 433.

Шамрай А.Н. Подводный археологический комплекс античной навигации VI в. до н.э. у мыса Тузла // Материалы III международной научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». Симферополь, 2015. С. 252 – 256.

Schmidt G. Der Schiffsanker im Wandel der Zeiten. VEB Hinstorff Verlag Rostok. 1982. 80 s.

REFERENCES

Basharin S. More raskryvaet tayny // *Kerchensky rabochyi. Gazeta.* November, 13, 1977. №230(14910) – Kerch, p. 4; (prodolzhenie) November, 22,1977. № 231(14911) – Kerch, p. 4.

Buiskikh S.B. Issledovanie svyatilishcha Akhila na Beykushskom mysu (predvaritelniye itogi) // *ANAXAPSIS. Sevastopol'*, 2001. p. 34 – 43.

Diatropov P.D. Kamenniye shtoki yakorey // *Drevneyshyi temenos Ol'vii pontiyskoy.* / MAIET. Supplementum. Vyp. 2 – Simpheropol, 2006. p. 203 – 220.

Zakhar'ko V. Kogda vidimost'- nol' // *Izvestia. Gazeta.* 16 maya 1975 g. – M., p. 4.

Zolotaryov M.I. O sakral'noy funkcii kamennykh yakornykh shtokov s o. Berezan'// *Severnoye priceronomor'ye v Antichnoye vremya. Sbornik nauchnikh trudov k 70-letiyu S. D. Kryzhytskogo.* Kiev, 2002. p. 33 – 37.

Kisly A.E., Shamray A.N. Otchyot o raskopkakh pos. Kamenka v 1981 g., Mayak – 1981 g. i o podvodnykh razvedkakh u m.m. Tuzla i Panagia – 1981 g. Chast' I. L. 18-26; Chast' II. L.26-31. *Arkhiv Kerchenskogo Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika,* Op. 2, Ed. khr. № 767.

Lavrukhinv.N. 1977 Rabochy zhurnal poiskovoy gruppy podvodnykh rabot KIAM za 1977 g.

Arkhiv Kerchenskogo Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika, Op. 2, Ed. khr. № 739 (rukopis' – 34 s. s il.)

Lavrukhin V.N. Otchyot o rabote podvodnoy expedicii Kerchenskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeyaim. A.S. Pushkina 1978 g. *Arkhiv Kerchenskogo Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika,* Op. 2, Ed. khr. № 852 (rukopis' – 34 s. s. il.).

Marchenko I.D. Otchyot o raskopkakh Pantikapeya v 1971 g. (Rukopis'). *Arkhiv Kerchenskogo Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika,* Op. 2, Ed. khr. № 408.

Marchenko I.D. Raskopki Pantikapeya // AO 1972. M., 1973. p. 307.

Marchenko I.D. *Gorod Pantikapey.* "Tavriya". Simpheropol', 1974. 84 p.

ParomovYa.M. Uroven' moray u beregov Tamanskogo poluostrova v antichnoye i srednevekovoy vremya // Okhrana i sokhraneniye arkheologicheskogo nasledia Tamani pri realizacii stroitel'stva tamanskogo terminala SUG i nefteproduktov / *Materialy arkheologiskoy nauchnoy konferencii pos. Volna, aprel' 2016 g.* Krasnodar, 2016, p. 91 – 102.

Sluchanko B. Krymskiye akvalangisty // *Vodniy transport. Gazeta.* 23 iyunya 1977 g., № 75(6865) – M. p. 4.

Shamray A.N. Otchyot o rabote podvodno-poiskovoy gruppy "Korabel" pri KIAM za 1979g. *Arkhiv Kerchenskogo Gosudarstvennogo istoriko-kul'turnogo zapovednika,* Op. 2, Ed. khr. № 740 (rukopis' – 23 s. s il.).

Shamray A.N. Podnyato so dna Kerchenskogo proliva // *Sportsmen-podvodnik: Sbornik.* Vyp. 67/ Sost. S73 V.A. Suetin. – M., 1982, p. 53 – 61.

Shamray A.N. Antichniye I srednevekoviye yakorya T-obraznogo tipa iz Kerchenskogo proliva (catalog nakhodok) / *BI, Vyp. XXIV.* Simpheropol-Kerch, 2010, p. 469 – 496.

Shamray A.N. Eshchyo odin sredizemnomorskiy tip antichnogo zheleznogo yakorya na Bospore. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoy konferencii. XII Bosporskiye chteniya. Bospor kimeriyskii i varvarskii mir v period antichnosti I srednevekov' ia. Vzaimovliynie kul'tur.* Kerch, 2011. p. 428 – 433.

Shamray A.N. Podvodniy arkeologicheskiy complex antichnoy navigacii VI v. do n.e. u mysa Tuzla // *Materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii "Voyenno-istoricheskogo chteniya".* Simpheropol, 2015. p. 252 – 256.

Shmidt G. Der Shifsanker im Wandel der Citen.VEB. Hinshtorf Ferlag Rostok.1982. 80s.

Резюме

Статья вводит в научный оборот малоизвестные результаты гидроархеологических разведок в Керченском проливе, выполненные первыми внештатными группами аквалангистов при Керченском историко-археологическом музее в конце 70 – начале 80 гг. прошлого столетия. Подводные разведки курировались и направлялись ведущими специалистами музея. Сотрудничество между музейными работниками и подводными пловцами зародилось и развивалось на фоне экономического освоения Керченского пролива. Его итогом стало открытие в акватории мыса Панагия первых археологических атрибутов древнего мореплавания – утяжеляющих деталей различных форм из камня и свинца к деревянным якорям Античности, а также древних железных якорей, окаменевших в результате окисления железа в морской среде. Вместе с тем получены первые представления об их видовом разнообразии и размерах, общих границах распространения вдоль рифового пояса мыса. Якорные материалы на-

ходились на дне вместе с обломками транспортной и строительной керамики античного и средневекового времени, что позволило судить об основных видах товара, перевозимого на древних судах. Полученные результаты были использованы в дальнейшем изучении памятников древней навигации Керченского пролива.

Ключевые слова: Керченский пролив, мыс Панагия, древнее мореплавание и навигация, античные и средневековые якорные стоянки, деревянные и железные якоря, каменные и свинцовые штоки, транспортная тара и строительная керамика.

Summary

The article introduces into the science circulation not widely known results of the hydro-archaeological explorations in Kerch Strait. They were held by the first free-lance groups of divers at Kerch Historical and Archaeological Museum in the end of 70's and the beginning of 80's of the previous century. The underwater explorations were supervised and guided by the leading specialists of the museum. The collaboration across the museum staff and the divers generated and developed against the eco-nomical exploration of Kerch Strait. The result of that was the discovery of the first archaeological attributes of the ancient seafaring, i.e. weighting parts of different shapes, made of stone and lead, designed for the ancient wooden anchors, as well as, some ancient iron anchors fossilized as the result of the iron corrosion in the marine environment. The first concepts of their types and size diversity, general distribution limits along the reef belt of the cape, were received alongside. The materials of the anchors, which lay at the sea bottom next to the wreckage of transport and building stoneware of the ancient and medieval times, let us know about basic types of goods aboard ancient vessels. The obtained results were used in the subsequent study of the ancient navigation memorial sin Kerch Strait.

Key words: Kerch Strait, Panagia Cape, ancient seafaring and navigation, the berths of the antique and medieval anchors, wooden and iron anchors, stone and lead stocks, shipping containers and building stoneware.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Шамрай Александр Николаевич,
научный сотрудник,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»,
Крым, г.Керчь, ул. Крупской, д. 50.
kusto10@yndex.ru

Alexandr N. Shamrai,
Junior Researcher,
Non-Profitable Fondation "Demetra",
Krupskoy st., 50, Kerch, Republican Crimea.
kusto10@yndex.ru

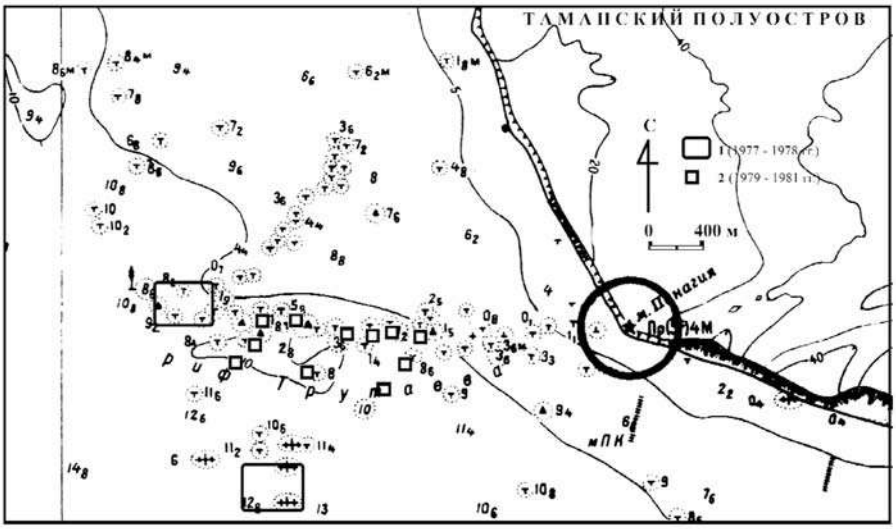


Рис. 1 Карта участков подводных археологических разведок рифа м. Панагия в 1977 – 1981 гг. (1 – по Лаврухину В. Н; 2 – по Кислому А. Е., Шамраю А. Н.).

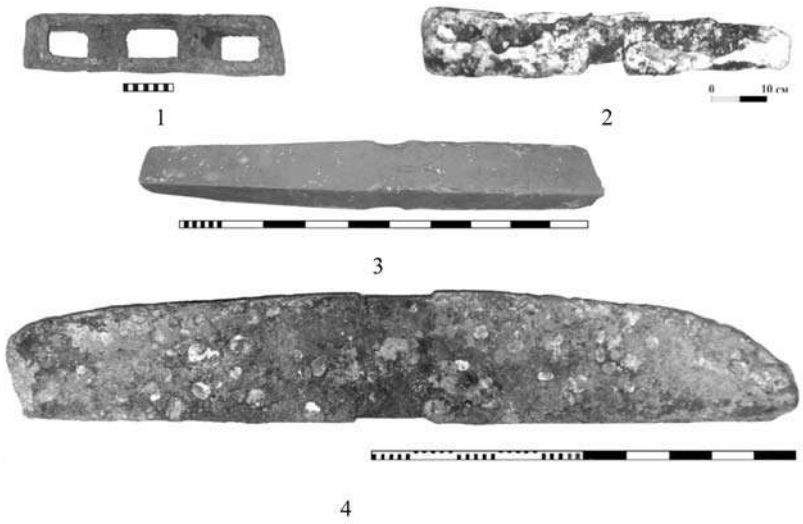


Рис. 2 Свинцовые и каменные детали античных деревянных якорей, найденные у мыса Панагия в 1974 – 1978 гг. (фото автора).

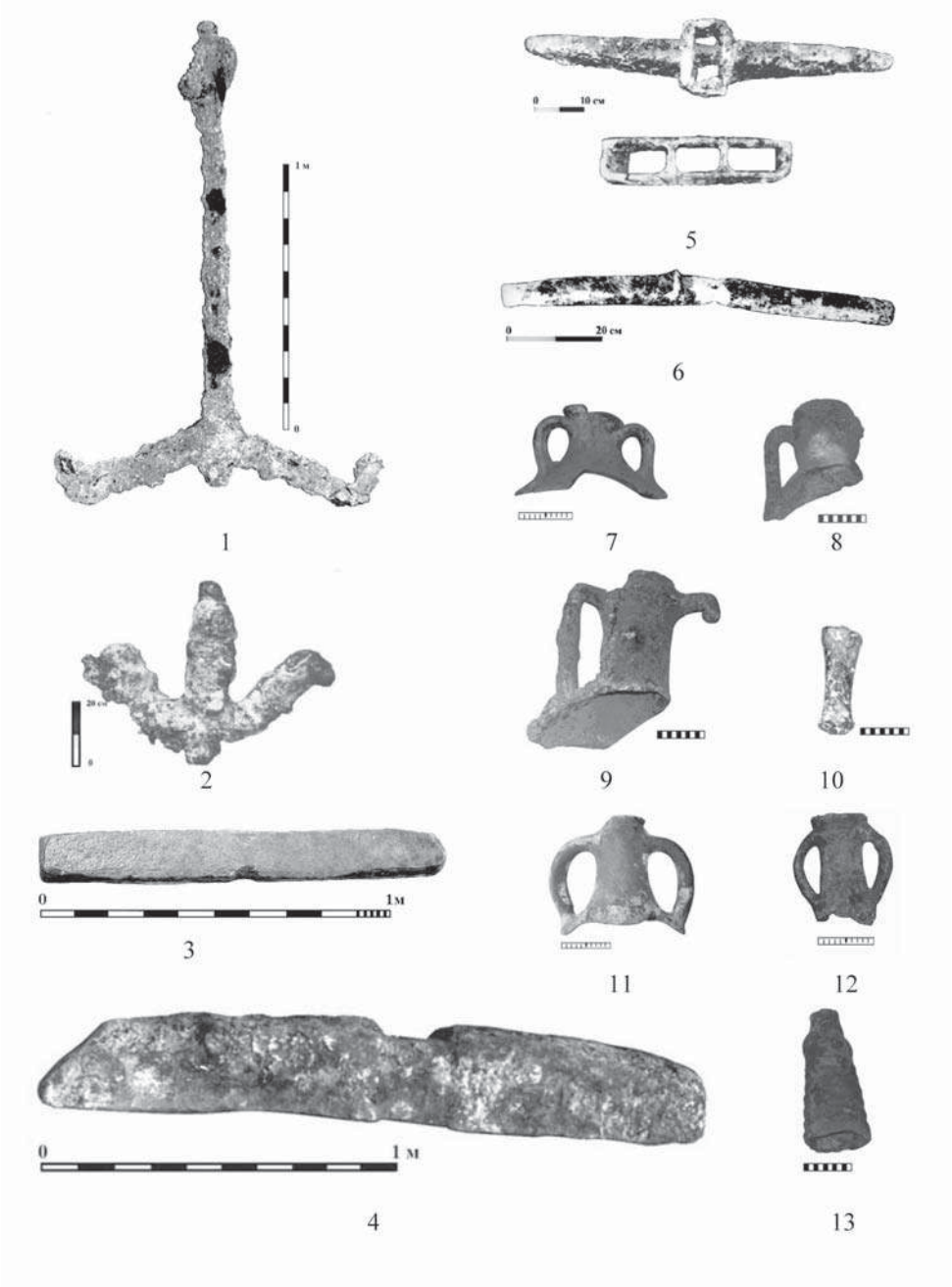


Рис. 3 Основные виды артефактов, найденные у мыса Панагия в 1979 – 1980 гг. (фото автора).

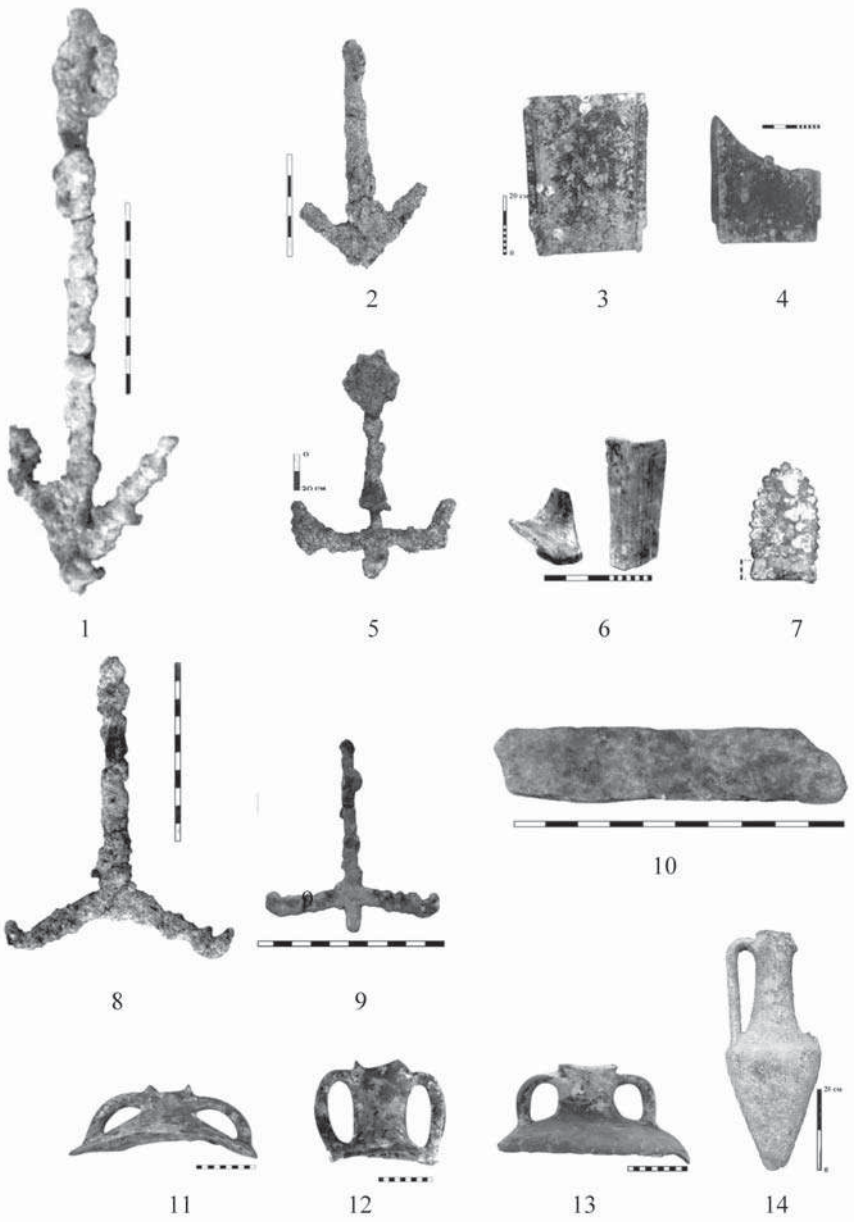


Рис. 4 Основные виды артефактов, найденные у мыса Панагия в 1981 г. (фото В. Павленко).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИБ — Археология и история Боспора. Симферополь-Керчь.
АО — Археологические открытия. Москва.
БИ — Боспорские исследования. Симферополь-Керчь.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГБУ РК — Государственное бюджетное учреждение Республики Крым. Феодосия.
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. Санкт-Петербург.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИИИК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КГИКЗ — Керченский государственный историко-культурный заповедник.
КИАМ — Керченский историко-археологический музей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва.
КСИАУ — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАКК — Материалы к археологической карте Крыма.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва – Ленинград.

МИЗИС — Государственный музей изящных искусств.
МИИ — Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление.
РА — Российская археология. М.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры.
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
РО НА ИИМК РАН — Рукописное отделение Научного архива Института истории материальной культуры РАН.
СА — Советская археология. Москва.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
УФСБ по СПб и ЛО — Управление Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
ФО НА ИИМК РАН — Фотографическое отделение Научного архива Института истории материальной культуры РАН.
REB — Revue des Études Byzantines.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Лазаренко В.Г.
Символические изображения
на торевтике и глиптике античного Северного
Причерноморья, связываемые с образом Ахилла …….....……. 3

Вахонеев В.В.
Оборонительные сооружения боспорского города Акра…….....…. 42

Виноградов Ю.А.
Расписной саркофаг 1900 г. из Керчи …….....…… 65

Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Смекалов С.Л.
Образы животных из коллекции находок на городище
Белинское и некрополе городища Белинское…….....…… 89

Казанский М.М.
Гунны на Боспоре Киммерийском …….....…… 108

Алексеенко Н.А.
Сфрагистический аспект в византийском искусстве……..... 132

Сейдалиева Д.Э.
Производство глазурованной посуды ……..... 150

ПУБЛИКАЦИИ

Кашаев С.В.
Комплексы со стеклянными
сосудами из раскопок некрополя Артющенко-2 ……..... 206

Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Бутовский А.Ю.
Яма № 162 в восточной части
городища Белинское (раскопки 2019 – 2020 гг.) ……... 224

ИСТОРИЯ НАУКИ

Пономарев Л.Ю.
Античные древности
в контексте изучения средневековых
памятников Керчи (предварительный обзор)…….....… 234

Виноградов Ю.А., Застрожнова Е.Г., Медведева М.В.
Таманская экспедиция ГАИМК
и исследования Фанагории ……..... 271

Шамрай А.Н.
Открытие и начало изучения памятников
древней навигации у мыса Панагия в Керченском
проливе (обзор материалов разведок 1977 – 1981 гг.) …….....…… 302

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…….....……..... 315

CONTENTS

ARTICLES

Lazarenko V.G.
A symbolic image on the toreutics and
glyptics ancient Northern Black Sea region,
connect with the image of Achilles ……..... 3

Vakhoneev V. V.
Defenses of the bosporan city of Akra 42

Vinogradov Iu.
A. Painted sarcophagus of 1900 from Kerch …….....…… 65

Zubarev V.G., Yartsev S.V, Smekalov S.L.
Images of animals from the collection of finds
on tne hillfort Belinskoe and
the necropolis of the hillfort Belinskoe……..... 89

Kazanski M. M.
Huns on Cimmerian Bosporus …….....… 108

Alekseienko N.A.
Sigillographic aspect of Byzatine Art……..... 132

Seidalieva D.E.
Production of the dishes at the
Solkhat settlement and its surroundings
during the Golden Horde period (based
on research materials from Stary Krym
archeological expedition of the State Hermitage)…….....…… 150

PUBLICATION

Kashaev S.V.
Necropolis Artjuschenko-2. Results of the excavations 2003 – 2019 ……..... 206

Zubarev V.G., Yartsev S.V, Butovski A.Iu.
Pit №162 in tne eastern part of the
hillfort Belinskoe (excavations 2019 – 2020)……....… 224

HYSTORY

Ponomarev L.Iu.
Antique antiquities in the contest of studying
medieval monuments of Kerch (preliminary review) …… 234

Vinogradov Iu.A., Zastrozhnova E.G., Medvedeva M.V.
Taman expedition of the
GAHMK and researches of Phanagoria..... 271

Shamrai A.N.
The Discovery and the beginning of studying
the ancient navigation memorials at Cape Panagia
in Kerch Strait. (the survey of exploration materials of 1977 – 1981)…….....… 302

LIST OF ABBREVIATIONS……..... 315

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XLII

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год
Сайт журнала: http://bospor-issled.cfuv.ru

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ) по специальности 07.00.00 – исторические науки и археология

Перевод на английский *Н.М. Красина*
Корректор *Г.Н. Хлебникова*
Компьютерная верстка *Г.В. Воробьева*

Подписано в печать 05.04.2021 г.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 26.
Тираж 300 экз. Заказ 162.
Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.